

Вячеслав Назаров

4

*Интервью с писателем
Красноярск*

КРАСНОЯРСК | 2016

ББК 84(2Рос=Рус)6
Н 19

Текст печатается по изданию:

Бремя равных (Зеленые двери Земли). – Синий Дым. – Силайское яблоко: повести. – Красноярск: Кн. изд., 1985. – 424 с., ил. (Писатели на берегах Енисея).

Назаров В. А.

Н 19 Бремя равных. Силайское яблоко. Синий Дым: повести / В. А. Назаров. – Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2016. – 380 с.

ISBN 978-5-905791-44-4

В книгу известного красноярского поэта и писателя В. А. Назарова вошли три разножанровые научно-фантастические повести «Бремя равных», «Силайское яблоко», «Синий Дым», объединенные единым взглядом на этические и философские проблемы, связанные с ростом человеческих знаний и техническим прогрессом. Писатель поднимает вопросы взаимодействия науки и общества, ответственности человека за свои дела на земле и в космосе.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-905791-44-4

© Оформление ИД «Класс Плюс», 2016

О Б А В Т О Р Е

Вячеслав Алексеевич Назаров (1935–1977) – русский советский поэт, писатель-фантаст.

Родился 22 сентября 1935 года в г. Орле. Его отец – Алексей Иванович Назаров (1900–1980) происходил из орловских крестьян, боец Красной Армии, штурмовал Перекоп. Мать – Анна Михайловна Назарова (1908–1989) была учительницей начальных классов. В 1941 году семья не смогла эвакуироваться и до прихода Советской Армии находилась в деревне Желябуге, испытал ужас фашистской оккупации. В сентябре 1943 года в только что освобожденном Орле Вячеслав пошел в школу.

В 1953 году с золотой медалью окончил школу № 26 г. Орла, поступил в Московский государственный университет на факультет журналистики. Увлечение литературой, сочинительством началось еще в детстве. Стихи, рассказы, рецензии на фильмы стал писать еще в школе. Впервые опубликовал стихи в орловских газетах в 1953 году. В годы учебы в университете (1953–1958) много читал и много писал.

Стихи, написанные в 1956–1958 гг. (поэма «На грани», «Черное солнце», «Антей», «XX век»), были реакцией на переломные события жизни страны тех лет, попыткой осмыслить происходящее, политическим протестом. Эти стихи в свое время читались у памятника Маяковскому. Там в 1958–1961 гг. по вечерам собирались студенты, спорили об искусстве и литературе, звучали стихи «неофициальных» поэтов.

После окончания университета в 1958 году Вячеслав Назаров по распределению приехал в Красноярск. Он был направлен на работу на только что созданную в Красноярске студию телевидения. Работал сначала редактором, режиссером в студии, а с 1961 по 1967 год – режиссером кинокомплекса краевого телевидения.

В июне 1959 года впервые в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано стихотворение «Земные звезды», посвященное строителям Красноярской ГЭС. С тех пор его стихи, очерки, рецензии регулярно появлялись на страницах краевой печати. В начале 60-х годов его публицистические стихи о Сибири публиковались в журналах «Юность», «Смена», «Молодая гвардия», «Советский воин» и др. В 1960 году в Красноярском книжном издательстве вышел первый сборник стихов «Сирень под солнцем», в 1964-м – второй сборник стихов «Соната» – раздумья о времени, полном противоречий, вера в победу созидательного человеческого разума.

В сентябре 1965 года Назаров участвовал в работе совещания молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Чите, где его стихи получили высокую оценку. Он был рекомендован и в феврале 1966 года принят в Союз писателей СССР.

В 60-х годах как режиссер-кинодокументалист красноярского телевидения Вячеслав Назаров объездил весь край. С караваном речных судов ходил в Эвенкию, побывал в Туве и Хакасии, у металлургов Норильска, на строительстве Ачинского глиноземного комбината. В стихах и на пленке запечатлены перекрытие Енисея, пуск первого агрегата Красноярской ГЭС. Нередко кинокадры сопровождались его стихами.

В 1967 году за фильм «Память» был награжден дипломом I степени Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы. Ряд документальных фильмов о Красноярском крае, созданных при его участии, был показан по Центральному телевидению. В 1967 году Вячеслав Назаров ушел из штата студии, чтобы сосредоточиться на литературной работе.

В 1968 году в Красноярске вышел сборник философско-публицистической лирики «Формула радости». За книги стихов «Сирень под солнцем», «Соната», «Формула радости» в том же году Вячеслав Назаров одним из первых стал лауреатом премии красноярского комсомола. Участвовал в традиционных «Енисейских встречах» писателей страны, как один из руководителей секции поэзии – в семинарах молодых писателей края, был членом бюро краевой писательской организации, членом редколлегии журнала «Енисей», встречался с читателями в школах, на заводах и стройках.

Для Вячеслава Назарова, пережившего в детстве фашистскую оккупацию, было естественным обращение к военной теме. В 1969 году в Красноярске вышла книга «Дорога памяти» – сделанная им литературная запись воспоминаний подполковника запаса И. Сенкевича о боевом пути 17-й гвардейской Красноярской стрелковой дивизии. В 1975 году книга была переиздана под названием «Красноярская гвардейская». В 1974 году на основе документов и воспоминаний ветеранов он пишет повесть «Добрая воля Сибири» о воинах-сибиряках 78-й добровольческой коммунистической бригады.

Широкую известность и долгую память читателей принесли Вячеславу Назарову его фантастические произведения. В его стихах всегда звучали мотивы и образы, традиционные для фантастики («Край земли», «Диалог», поэма «Атлантида» и др.). Он публикует свой первый фантастический рассказ (при переизданиях произведение обозначалось как повесть. – *Прим. ред.*) «Нарушитель» в журнале «Енисей» в начале 1968 года, там же в 1969 году повесть «Игра для смертных». В 1970–1971 гг. были написаны «Синий Дым» и «Двойное зеркало». В 1972 году в Красноярске вышла его первая книга фантастики «Вечные паруса». Книга вызвала интерес, появились положительные рецензии. Писатель продолжал работать. Повесть «Двойное зеркало» была переработана и расширена в повесть «Бремя равных» (другое название – «Зеленые двери Земли») о контакте с цивилизацией дельфинов. Были написаны социальные памфлеты «Восстание супров» и «Силайское яблоко», задумана повесть «Слепая чайка».

В январе 1976 года Вячеслав Назаров принял участие в работе Всесоюзного совещания писателей-фантастов в Москве. В том же году в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник «Зеленый поезд», представивший творчество многих молодых писателей-фантастов Сибири.

Умер Вячеслав Назаров 20 июня 1977 года в Красноярске.

В РИТМЕ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Чем бы ни пытались измерить и оценить жизнь человека в современном мире литературы, она, жизнь лишь одной микрочастицы человеческого сообщества, всё равно полностью неоценима. Неоценима хотя бы уже потому, что каждый человек неповторимо индивидуален и самобытен по мировосприятию и самовыражению и, стало быть, оставляет после себя только ему присущий след мыслями, чувствами, делами.

Значимость этих слов тем более возрастает применительно к художнику, жизнь которого и ценность его творчества непременно зависят от того, насколько щедро он отдавал себя делу и людям, насколько смело и масштабно мыслил, что именно волновало его как инженера и исследователя душ и судеб людских. Ведь человек – не только отражение, но и творец действительности. И слитность художника со временем, в круговороте которого он не сторонний наблюдатель, но прежде всего создатель, и определяет смысл жизни и ту ответственность человека, что принято чаще всего обращать к будущему.

О жизни и творчестве писателя-сибиряка Вячеслава Алексеевича Назарова приходится, к сожалению, говорить в прошедшем времени. Это плохо вяжется с двумя датами на его памятнике: 1935–1977. Утешает в какой-то степени лишь то, что «мало прожито, да сделано немало...», и то еще, что был он человеком, неизмеримо счастливым в своем искреннем творчестве и сопричастности времени. В этом убеждает его жизнь, так безвременно оборвавшаяся в расцвете лет, его книги, оставленные нам – современникам.

В поэтической публицистике Назарова проросло зерно фантастики: «Сегодня Красноярск похож на космодром...», циклам стихотворений он дает весьма четкие названия: «Творимый мир», «Скорость света», «Утренняя звезда». В 1960 году вышел в свет сборник стихотворений «Сирень под солнцем», в 1964-м – сборник «Соната». И в первой книге, и во второй наряду с произведениями, характерными по духу и содержанию творческому самовыражению многих поэтов XX века, уже присутствовали вещи и с философско-историческими обобщениями, стремлением поэтически осмыслить и показать не просто явление, а выразить зримо, сконцентрированно всечеловеческое видение мира в движении. И эта органическая потребность осуществлялась методом привлечения в поэзию, в ее лексический и образный строй словарного запаса, соответствующего специфике современной интеллектуальной беллетристики.

Философская емкость стиха подчеркивается даже выбором названий для двух следующих поэтических книг – «Формула радости» (1967) и «Световод» (1973). И в поэзию Назарова органично и вполне обоснованно вплетены художественные начала, отнюдь не традиционные для поэзии. В них уже звучат и постепенно набирают силу и масштабность мотивы и темы, больше тяготеющие к духу фантастической литературы XX века, угадывается эволюция художника к жанру, подчиняющему эмоциональное и сугубо личное актуальной философии бытия.

А может быть, сама земля сибирская склоняет либо к поэзии, либо к фантастике? Творец не хотел выбирать, не хотел отказываться ни от того, ни от другого. В его поэзии всегда бился пульс фантастики, в фантастике оставалось мировосприятие поэта. Вячеслав Назаров жил, работал, писал в ритме своего времени. Воспевая технический прогресс, он не мог не тревожиться возможными последствиями злонамеренного использования достижений научной мысли.

Оттого переход к фантастической прозе был совершенно естественным. Вначале, как прозаик, Назаров шел проторенным путем, поскольку власть сложившихся в научной фантастике традиций была весьма сильной. К началу 70-х годов уже существовал фантастический миф о будущем, в котором менялись аксессуары и сюжеты. Впрочем, и сюжеты уже неоднократно повторялись, принимая поправки, связанные с новыми научными открытиями. С другой стороны, немало классических сюжетов бредут из века в век, но талантливость каждой новой книги увлекает, а о древности сюжета сможет вспомнить только въедливый эрудит.

Уже в одной из самых первых своих повестей «Игра для смертных» писатель подхватил старую как мир мысль, что гений и коварство несовместимы, противопоставил научную щедрость физика Кларка расчетливому таланту математика Горинга, собиравшегося сделать великое открытие, развив чужие идеи. Проблема взаимодействия науки и общества писателя глубоко волнует в ранней повести «Синий Дым», где он размышляет об ответственности ученого, о том, что любое научное достижение может быть использовано и для блага человека, и во вред ему. Повесть овеяна надеждой на то, что изучение космоса, раскрытие его тайн всегда будет в руках умных, добрых и смелых людей.

Этические и философские проблемы, возникающие в связи с ростом человеческих знаний и техническим прогрессом, занимали Назарова до конца его короткой жизни. Если в фантастике он начинал как приверженец идеи, по его словам, «активной перестройки мира», то впоследствии уже задумался о роли «писателя-поводыря по будущему», которое, как становилось ясно с течением времени, не укладывалось в рамки научных прогнозов.

Правда, первые фантастические произведения Назарова еще несли на себе печать некоторых приемов и атрибутов приключенческой литературы, да и самой фантастики – переход из поэзии в прозу, где слово используется уже не так емко, сказывался в том, что писатель не сразу нашел нужную для себя форму раскрытия волновавших его замыслов. Но эта особенность характерна для многих начинающих фантастов, даже тех, кто до обращения к жанру имел определенный профессиональный стаж. У Назарова была и другая сложность – поэтическая мысль выражается в прозе иными текстовыми объемами, зачастую несущими в себе лишь незначительный второстепенный информационный груз. И преодоление инерции стереотипа – всегда процесс длительный, сугубо индивидуальный для каждого художника.

Назаров меньше всего заботился о жанровой частоте своих повестей. Так, если «Бремя равных» можно назвать приключенческо-философской поэмой, то «Силайское яблоко» – детективный памфлет. Здесь налицо все признаки и детектива (держащие в постоянном напряжении расследование, требующее определенных знаний и тонкого анализа), и памфлета (язвительность, сатира, философское исследование нарисованного социального явления).

Еще меньше его заботила дальнейшая возможная путаница: находясь в творческом поиске, Назаров часто меняет название своего основного произведения. В сборнике «Вечные паруса» (1972) Красноярского книжного издательства впервые публикуется повесть «Двойное зеркало», которая затем в том же издательстве выходит с названием «Бремя равных» (1978) и в том же году публикуется в издательстве «Молодая гвардия» под названием «Зеленые двери Земли». С таким же названием переиздается в «Молодой гвардии» в 1985 году. Незнающему творчества Вячеслава Алексеича, вздумавшему написать о нем есть прямые шансы запутаться, перебирая старые публикации, где рецензенты пишут вроде как о разных книгах с одинаковым сюжетом.

Но о чем бы ни писал фантаст, как бы ни искал название для книги, пишет он всё же о человеке. В любых, даже самых невероятных ситуациях не обрывается связь с реальностью, ибо главным остается вопрос, как поступит, как раскроется человек в обстоятельствах предельного напряжения. В повести «Бремя равных» фантастика – метод художественного исследования проблемы. В «Силайском яблоке» и «Восстании супров» она выполняет роль приема, рельефно выявляющего

какие-то свойства реального мира. Интерес заключен в самой фабуле, сцеплении, развитии событий и действий.

Но и здесь сталкиваешься с необычайно красочной и раскованной фантазией художника, передающего увиденное воображением удивительно правдиво и потому впечатляюще. Гуманистическое содержание повестей «Игра для смертных» и «Синий Дым», их социально-критическая ориентация и система избранных художественных средств свидетельствовали о больших потенциальных возможностях писателя, пришедшего в научную фантастику, как видно, вполне закономерно, наследующего реалистические литературные традиции А. Толстого, А. Беляева, И. Ефремова. От повести к повести Назаров последовательно осваивает специфику нового для него литературного творчества, избегая повторов и трафаретности, находя всякий раз и оригинальную тему, и неординарное решение ее. Как в поэзии, основным мериллом человеческих поступков и научных поисков в фантастике Назарова выступает гармония нравственных оценок – основной критерий, характерный для творческого почерка поэта и писателя-фантаста.

Как и в известном романе польского писателя Станислава Лема «Солярис», в повести Назарова «Восстание супров» решается вопрос: а готов ли человек к встрече с далекими мирами, к пониманию их и контакту с ними, контакту подлинному и равноправному? И снова речь идет о неоднозначности точек зрения, предлагаемых писателем в вариантах истолкования разными героями. Только отказом от искусственно суженного толкования разума человек способен понять величие и непреходящую ценность Разума в масштабах вселенских – такова точка зрения писателя. Исследование темы осуществляется в произведениях Назарова в любопытной последовательности, характерной для эволюции советской фантастики 70-х годов. От длительных поисков в глубинах космоса фантастика возвращается на Землю, поскольку на нашей планете еще очень много нерешенных проблем, и Земля выступает уже моделью космического полигона, на котором испытываются, по сути дела, любые сносшибательные идеи.

Сосредоточил свои поиски на «земном полигоне» и Вячеслав Назаров. Однако остался верен основной проблеме творчества – проблеме своего творчества – концепции мудрости и доброты как основополагающих условий проявления подлинного разума. Наиболее полно и многогранно предстает развитие темы в его повести «Зеленые двери Земли» («Бремя равных», «Двойное зеркало»), признанной одним из ярких явлений в советской фантастике 70-х годов. В этой повести на обширном научном и фантастическом материале писатель попытался рассмотреть проблемы контакта не с инопланетным разумом, а с «дельфиньим народом», о проявлении разума которого ходят легенды как в научном мире, так и в массовом обиходном мышлении.

Тема контакта человека с дельфинами, выступающими в качестве «разумных животных», в научной фантастике была популярна и ранее. Достаточно вспомнить страстное антифашистское произведение, традиционную для научной фантастики повесть англичанина Артура Кларка «Остров дельфинов», большое число рассказов советских писателей, проиллюстрировавших эту тему в самых разнообразных вариантах с начала 60-х годов. Вероятно, выбор темы был продиктован отчасти и сложившейся традицией. Но основное содержание повести оказалось значительно шире рассказа о гипотетической дельфиньей цивилизации. Дело в том, что художественное исследование проблемы контакта осуществляется одновременно как бы на трех уровнях, впрочем взаимосвязанных в произведении.

Первый уровень – это противопоставленные друг другу не как антагонисты, а как ищущие взаимопонимания и сближения равноправные цивилизации – человеческая и дельфинья. Дельфины, по логике фантастических допущений автора, являются более древними представителями разума на нашей планете, имеющими колоссальные запасы знаний о прошлом Земли. Их общественное устройство мало чем напоминает человеческое общество. И в попытках ученых установить контакт и сотрудничество с дельфиньей цивилизацией сами дельфины усматривают в целом правомерный

и важный шаг, но их останавливает как раз несовершенство нашего мира, его противоречивость, раздвоенность даже с точки зрения наших, людских представлений.

Второй уровень произведения связан с борьбой двух начал в человеческой психологии – практицизма и романтики. Носителями этих двух противоборствующих начал в повести выступают профессор Карагодский и Панфилов. Оба – ученые, которым не откажешь в пытливости и логике рассуждений. Однако первый, привыкший смотреть на природу как на объект подчинения человеку и его нуждам, явно не способен поверить в разум дельфина уже в силу инерции научного мировоззрения. Второй понимает мир шире и глубже, в соответствии с новыми знаниями о природе и взаимосвязи всего живого в ней, по-иному рассматривает и контакт двух разумов одной планеты – как союз равноправных, идущих навстречу друг другу не по принуждению или снисхождению, а в результате двусторонней осмысленности необходимости такого союза.

По воле замысла писателя-фантаста такой контакт в повести не был доведен до логического завершения – и тому есть причина, обусловленная основным конфликтом замысла: противоречивость человека, общества людей, противоречивость желаний и поступков человека. Но через всю повесть до самого финиша проходит и третий план, фактически оставляющий надежду на то, что такой контакт будет осуществлен, – это дружба мальчика и дельфиненка. Они оба – дети своих народов. А дети нужны друг другу, и в этом залог неизбежного единства двух цивилизаций, разделенных только средой обитания, но объединенных единством целей гуманистического созидания на планете.

Совершенно неожиданным для творчества Вячеслава Назарова был поворот к сатирической фантастике. Повесть «Силайское яблоко», написанная незадолго до внезапной кончины, знаменовала новый период внутренней эволюции художника. Это произведение настолько разительно отличалось от написанных ранее повестей, что приходится только удивляться тому, сколько потенциальных возможностей таилось в личности писателя. Облаченный в форму космического детектива, замысел «Силайского яблока» раскрылся буквально взрывом сатирической остроты, лукавства, сочности образов, выдумки. Повесть одновременно подвергала критике многие негативные стороны современного общества – тут и развенчание любых форм «мнимого величия» и непогрешимости «единовластия», и сатирический разрез политического интриганства, и пародирование вещизма, развещающего современное общество.

Фантастика получила новое звучание и новую функцию, сменив на время традиционные упования на силу человеческого разума. Чем обернулись бы для писателя поиски в этом направлении – выходом ли на принципиально новые орбиты осмысления мира, продолжением ли работы в жанре социальной сатиры, – сейчас остается только гадать...

Назаров, безусловно, чувствовал, что ему надо спешить, – не торопиться, а именно спешить, и уплотнял, уплотнял дни, спрессовывая часы и минуты своего календаря. При всем этом успевал и руководить семинарами молодых писателей края, участвовал в работе бюро местной писательской организации, был членом редколлегии альманаха «Енисей»... Нет, он все-таки был уверен, что необходимо спешить!

Не выдуманно еще способов, чтобы, пропуская через себя сюжет, мысли, идеи, не перенести на бумагу личные внутренние ощущения. Уже в повести «Бремя равных» автор пронзительно точно описал ряд собственных симптомов, которые испытывал один из героев – профессор Панфилов: «Словно тонкая дрель все глубже и глубже входила под левую лопатку, глубокой болью отдавая в плечо. Боль давила виски, скапливалась где-то у надбровий, и тогда перед глазами порхали черные снежинки...» Говоря словами Назарова, «черные снежинки» – это один из зрительных импульсов, несвойственных здоровому человеку. К сожалению, перед глазами больного писателя они в последние годы мелькали всё чаще и чаще...

Подводя итоги творчества писателя, можно сказать, что обращение к фантастике было обусловлено поэтической взволнованностью мировосприятия. Произведения в области фантастики

раскрывают романтику научного поиска, содержат размышления об этике современной науки и идейно аргументированную критику капиталистических норм жизни. Они выражают убежденность автора в конечной победе принципов морали в глобальном масштабе.

В фантастической повести «Игра для смертных» (1972) писатель противопоставил научную щедрость одного ученого расчетливому таланту другого. Вознамерившись сделать великое открытие за счет чужих идей, последний достигает цели ценой собственной жизни.

Сложную этическую и философскую проблемную ситуацию создает Назаров в повести «Нарушитель» (1972): как объективно оценить поступок главного героя, нарушившего космический устав и самовольно осуществившего эксперимент с кристаллопланетой?

Проблемам разумного использования научного знания посвящена повесть-предупреждение «Синий Дым» (1972), действие которой развивается в капиталистической Америке недалекого будущего. Автор рассказывает о судьбе открытия, совершенного талантливым ученым Солсбери. Полученное им вещество – Синий Дым – способствует регенерации человеческого тела. С этим же веществом встречаются астронавты и в открытом космосе, где попытка использовать ядерное оружие для его добычи приводит их к гибели.

Популярной теме контакта с иным разумом посвящена повесть «Бремя равных». Перед читателем – одна из интереснейших страниц науки дельфинологии. Открытие учеными разумной цивилизации дельфинов поставило перед людьми ряд вопросов, без решения которых контакты могут привести к нежелательным последствиям. «Как изменить отношения между человеком и иным кругом чувств и понятий, иной цивилизацией?.. То, что хорошо и выгодно для человека, может быть невыгодно для иного разумного существа. Даже смертельно опасно...» Предлагаемые автором гипотетические решения этой проблемы гуманны и исполнены исторического оптимизма.

Жизнеутверждающим пафосом проникнута и поэзия Вячеслава Назарова, в которой также есть фантастические произведения. Однако воспевая технический прогресс, поэт не мог не тревожиться за возможные последствия злонамеренного использования научных достижений. Эта мысль пронизывает фантастическую поэму «Атлантида» (1973), звучащую как предупреждение миру, что особенно актуально сегодня.

Ярко выраженную сатирическую направленность носит повесть-памфлет «Силайское яблоко» (1978) – о борьбе с реакционной диктатурой на планете Свира. В этом произведении читатель найдет занимательные и острые ситуации, близкие к детективной литературе, ознакомится с интересными научно-фантастическими идеями. Важен идейный замысел автора, герои которого самоотверженно борются за воплощение в жизнь идеалов социального прогресса и справедливости.

Готов ли человек к встрече с далекими мирами, к пониманию их? Эти вопросы решаются в «Восстании супров» (1978). Антимилитаристской направленностью своих произведений автор отстаивает идею ответственности человека за свои дела, где бы он ни был – на Земле или в космосе.

М. М. Стрельцов,
директор Красноярского регионального отделения
Общероссийской общественной организации писателей
«Литературное сообщество писателей России»

Вячеслав НАЗАРОВ

4
*Литературное наследие
Крыловым*

*Сыну Юлию
посвящаю*

1. БЕРЕГ

Будильник пропел вовремя, и Нина отчетливо слышала его голос, но когда она, наконец, нашла в себе силы открыть глаза, за окном уже стоял сиреневый рассвет, а светящиеся на потолке часы показывали без пятнадцати четыре.

В углу беззвучно надрывался видеодфон. Световой сигнал срочного вызова то наливался угрожающим багрянцем, то обмирал до нежно-розового, отчаявшись привлечь внимание.

Экран дернулся, и появился Андрей — усталый, волосы прилипли к мокрому лбу.

— Ты где?

— Все еще в Москве...

Невольно вырвалось жалостное:

— Ты не спал?

— Нет, Нинок. Все еще решаем...

— Ну и до чего дорешались?

— Боюсь, биостанцию с Прометей все-таки снимут...

— Почему? Это же отступление!

— Отступление, конечно. Но разве убедишь... Биостанцию построили, чтобы экспериментировать над планетой Прометей. В смысле распространения земной жизни. А сейчас получается, что экспери-

ментируют над нами. Да еще неизвестно кто. Быть кроликом неприятно... И опасно.

— А как же с Антроповым? Куда его?

— В том-то все дело. Оставить на Прометее одного — все равно что раненого в тайге бросить. Вернуть на Землю — почти убийство, врачи убеждены, что Антропов живет только за счет каких-то загадочных процессов, возможных только на Прометее...

— Ну а Антропов? Как он сам-то?

— Что Антропов? Семен в этих делах не в счет... Мелочи вроде собственной судьбы его уже не интересуют... Да нет, он все понимает и сознает. Но в каком-то другом измерении, что ли. Биостанция шлет панические меннограммы: что делать?

Лицо на экране дернулось, но уже не от помех... Нина покосилась на часы, и Андрей заметил это.

— Прости, Нинок. Мало того что не смог тебя проводить, так даже сейчас забиваю тебе голову своими горестями. Как твои старцы?

— Пока тихо. Насколько я понимаю, каждый в своей стихии. Карагодский среди журналистов и «научной публики», а Пан — на «Дельфине», набивает его своей аппаратурой.

— Затишье перед бурей. Передай шефу мой пламенный привет. Кстати, мне бы с Паном потолковать надо... Я с ним свяжусь, как только расхлебам тут кашу. — Теперь на часы посмотрел уже Андрей. — Нинок, родная, не сердись...

— Ладно, привыкла... Надеюсь, хоть сегодня ты прилетишь? Учти, Юрка на твоей совести, папа!

— Конечно, Нинок! За Юрку ты не беспокойся. Счастливо тебе... Целую... Мягко щелкнул тумблер отбоя.

Юрка спал, свернувшись калачиком, и из-под большого пледа торчал только сладко посапывающий нос.

«Пусть спит», — решила Нина и, стараясь не шуметь, начала торопливо собираться.

В зеркале подрагивала бледно-желтая лента дороги, стремительно несущаяся назад, плотная самшитовая изгородь по обе стороны, а за нею темные шпалеры островерхих кипарисов. Дорога в этот час была пустынная, за зеленью не видно было домов, и казалось, что машина летит не по центру огромного курортного города, а по дикому субтропическому лесу, который каким-то чудом пересекала широкая пластиковая тропа.

За деревьями блеснул шпиль морского вокзала.

Причалом владела шумная толпа.

Когда-то в середине двадцатого века этот город чуть не превратили в этакую гигантскую оранжерею. Обсуждали даже проект огромного

пластикового колпака, который предохранил бы чуткие субтропики от погодных причуд соседнего умеренного пояса. Уже вздыбились над поникшими кипарисами прямоугольные хребты высотных гостиниц, уже выстроились пальмы в унылый солдатский строй вдоль однообразных раскаленных улиц, вокруг сиротливых, подстриженных скверов.

К счастью, от строительства купола отказались. Вспучились под яростным напором трав разграфленные асфальтовые дорожки и рассыпались в прах. Утонули в буйном цветении здания санаториев. И старый город, пахнущий нагретой на солнце галькой, рыбой, морем, остался прежним — диковатым и гостеприимным.

Может быть, именно поэтому тянуло сюда туристов со всех концов света. Влажное дыхание дикой и щедрой природы влекло сюда. Люди ехали за тридцать земель не в благоустроенную лечебницу под открытым небом, а к самой жизни, взлохмаченной и непокорной.

И вот сегодня весь город хлынул ранним утром на причал. Невозможно было понять, кто отплывает, кто провожает, кто, узнав о предстоящей экспедиции, просто пришел посмотреть, послушать, потолкаться в прощальной суете.

Это было похоже на огромный веселый праздник под бледным, продрогшим за ночь небом, которое уже начало золотиться с востока, со стороны старого, давно заброшенного маяка. Два чопорных англичанина в белых бедуинских накидках пытались приподнять друг друга, чтобы по очереди оглядеться. Рослый седой негр по-мальчишески подпрыгивал, опираясь на плечи рыжего скандинава. Молоденький репортер, потерявший всякую надежду пробиться сквозь толпу, обреченно опустил в землю объективы своей камеры и плачущим голосом повторял: «Пресса, пресса». Пружинные антенны на его шлеме печально качались.

— Разрешите... Товарищи, ну пропустите же, я опаздываю!

Внутренний чемодан Нины действовал безотказнее любого пропуска — люди сразу догадывались, что это один из членов экспедиции. Опечаленный репортер оживился и застрекотал камерой, а несколько добровольцев начали расчищать дорогу, пробуя перекричать толпу по крайней мере на восьми языках. Но толпа была бесконечна, и Нину засосала, закрутила гудящая рупор-воронка, и ей стало казаться, что вообще не существует ни моря, ни пирса, ни белого борта «Дельфина», а только спины и лица, спины и лица и этот ровный, закладывающий уши гул. И трудно сказать, чем бы все кончилось, если бы рядом каким-то чудом не оказался сам профессор Панфилов.

— Ну где же вы, Ниночка? Уисс волнуется. Я тоже. Уисс не выносит всего этого шума. Я, кстати, тоже... — и он подхватил чемодан.

Профессора узнали.

Панфилова вся планета ласково называла «Пан». Действительно, этот сухонький, деликатно торопливый, ослепительно синеглазый старичок очень походил на доброго духа Природы — покровителя всего живого.

Сколько ему лет? Иногда он отвечает — сто. Иногда — двести. И почему-то на самом деле хочется верить, что он — бессмертный.

Строительство энергопровода Венера — Земля началось за два года до рождения Нины. Долго и придирчиво искали на земле место для будущей приемной станции. И нашли. Очень хорошее место. Удобное. Практичное. Оно удовлетворяло всех — геофизиков, авиаторов, строителей, экономистов. Всех — кроме Пана. Потому что гигантская стройка должна была растоптать какой-то хилый лесной массив и замутировать какие-то безвестные речки. И Пан восстал. Против всех.

Нина узнала эту историю в четвертом классе. Из учебника. Энергопровод Венера — Земля работал. Он был виден из окна интерната даже днем. Нина смотрела на уходящий в небо зеленовато-голубой шнур и думала о человеке, который сумел переубедить всех и перенести великое строительство за тысячи километров. Она дышала пряным, бодрящим воздухом, плывущим в распахнутое окно, — природа щедро отплатила людям и Пану за добро и заботу...

Молоденький телерепортер, едва веря в негаданную удачу, прицелился голубыми линзами:

— Товарищ профессор... Иван Сергеевич, не могли бы вы сказать несколько слов о конкретной цели. — Он краснел и заикался, но упорно не давал дороги. — О конкретных задачах вашей экспедиции...

— Но, право, здесь не место... Мы должны попасть на корабль. В официальном сообщении сказано...

— Но, Иван Сергеевич, в официальном сообщении очень расплывчато: «Изучение проблемы общения с дельфинами в естественных условиях...» Ходят слухи...

Нина слабо усмехнулась. С этого и надо было начинать — «ходят слухи».

Вряд ли официальное сообщение о рядовой экспедиции могло привлечь столько внимания, собрать такую толпу. Тем более что «дельфинья проблема» давно навязла в зубах. Но если в деле замешан Панфилов — жди чудес...

— Простите, но к чему приведет такое общение?

Нина невольно придвинулась ближе. Журналист перестарался. Конечно, по простодушию своему. Но... Лучше бы он помолчал.

Пан медленно закипал. Глаза его налились синим пламенем, тщедушное тело напряглось, как для прыжка, а чемодан угрожающе двинулся на репортера...

— Н-не знаю... Но я знаю, что общение с вами...

Нина взяла профессора за локоть.

— ...ни к чему не приведет, — закончил Пан и очаровательно улыбнулся. — Прошу вас!

Репортер попятился, и людское кольцо разомкнулось, открыв узкий проход до самого трапа.

Они беспрепятственно преодолели последние десятки метров. Нина, отдышавшись, сказала:

— Ну что вы, Иван Сергеевич! Сердиться по пустякам... Согласитесь, официальное сообщение действительно... И простое любопытство...

— Любопытство? Нет, Ниночка, он знает, что делает! Он хочет рабства подсознательно, но от этого не легче. Его логика не имеет выхода, кроме понятий господства и подчинения.

— Иван Сергеевич, вы, по-моему, преувеличиваете. Этот журналист наткнулся на вас случайно...

— Журналист? Какой журналист?

Они недоуменно воззрились друг на друга.

— Господи, так вы ничего не знаете! У меня совсем вылетело из головы... Ведь вы только вчера вечером прилетели!

Пан долго шарил по карманам и, наконец, сунул Нине скомканную газету.

— Карагодский! Я говорю о Карагодском! Он дал интервью. Полюбуйтесь!

— «Дельфин на службе у человека... Новое в общении с разумными животными...»

Нина перечитывала короткие строчки интервью, перед глазами мелькало: «Академик Карагодский сказал», «Академик Карагодский считает», «Академик Карагодский уверен», «во имя истинной науки», «с точки зрения здравого смысла», «хозяйственное значение», «верные слуги человека», «сокровища океана», «подводные пастухи, покорные воле наставников»...

Створки лифта разошлись.

— Как всегда чересчур претенциозно, но... Особой крамолы я тут не вижу, Иван Сергеевич. Ведь все так считают!

— Ну от вас, Нина... Вы тоже так считаете?!

— Я? Я как-то не думала. Нет, пожалуй. Но я ведь...

Карагодский стоял у борта, монументальный, в своих неизменных очках, со своей неизменной тростью. Он улыбнулся стандартно-благодушной улыбкой, но не подошел.

«Начинается, — подумала Нина. — Андрей как в воду глядел...»

Отправив чемодан в каюту, она повернулась к толпе у причала.

— Ой, Иван Сергеевич, посмотрите! — Нина глазам своим не поверила.
— Что случилось?
— Юрка! Мой Юрка...
— Ну и что?
— Я же оставила его дома! Ну, погоди же... Вот вернусь, я тебе задам!
Юрка был далеко, он не слышал, он только улыбался беззаботно и победно и махал рукой.
— Не волнуйтесь, Нина, Юра уже вполне самостоятельный молодой человек. Приехал провожать свою знаменитую маму.
— Но он же потеряется!
— Не думаю. Ему уже десять лет, если не ошибаюсь, и он не в марсианской пустыне. Ему пора самостоятельно изучать мир.

* * *

А Юрка читал мальчишкам лекцию. Его голос не мог побороть монотонный гул толпы, и добровольные переводчики повторяли Юркины слова тем, кто не расслышал или плохо понимал по-русски:

— Вот эта высокая женщина рядом со старичком — его мама. Она ассистентка профессора Панфилова. Маленький старичок — это и есть профессор Панфилов...

— А кто такой Уисс?

— Уисс — это дельфин, который поведет корабль. Он очень умный.

Взрослые, заинтересованные ребячьей болтовней, придвигались поближе.

— Смотри, мальчик, твоя мама снова вышла на палубу...

— Значит, сейчас выпустят Уисса.

Толпа охнула. В корпусе корабля в сторону моря открылся люк. Прошла томительная секунда. Из черного провала мощным броском вылетела трехметровая торпеда и ушла под воду без единого всплеска.

Мгновенная тишина сковала причал. Слышно было, как лениво бьет о стенку волна. Прошла секунда, две, пять...

— Ушел, — выдохнул кто-то, и этот полувздох, полупшепот пронесся по всей площади из конца в конец.

— Уисс! — изо всех сил закричал Юрка. — Уисс! — снова крикнул он, и в голосе его закипало отчаяние.

Словно услышав свое имя, Уисс вынырнул у самой причальной стенки — свечой взмыл в воздух метра на два, сделал кульбит и ушел в воду — на этот раз неглубоко. Он кружил рядом с кораблем, то уходя, то возвращаясь — словно приглашал за собой в навалившуюся густой синью морскую даль...

Нина перевела дыхание. Уисс не ушел. Уисс послушался. Уисс зовет к себе в гости.

Прогрели трапы, прозвучали последние гудки, причал с пестрой толпой поплыл мимо.

Юрка стоял по-прежнему на парапете и опять махал ей рукой.

Она погрозила ему пальцем как можно более строго, но не выдержала, всхлипнула, улыбнулась и опустила руку.

Толпа кипела, в небо летели шары, а она долго-долго видела за кормой синюю куртку сына и опущенную русую голову...

* * *

— Уот из ю нэйм?

— Что? — Юрка поднял глаза и шмыгнул носом.

— Уот из ю нэйм?

Перед ним стоял мальчишка, такой же тощий и длинный, в такой же синей куртке и с такими же белобрысыми вихрами. Только нос был смешно вздернут, а на загорелой физиономии выступала целая россыпь небедимых веснушек. Мальчишка улыбался открыто и сочувственно.

— Юрка.

— Юр-ка... Ит из гуд нэйм — Юрка! Энд май нэйм из Джеймс. Джеймс Кларк.

— Юрий Савин, — официально представился Юрка и протянул руку. Веснушчатый англичанин разразился целой речью, и Юрка покраснел.

— Ай спик инглиш вери литл...

Мальчишка попробовал объясниться по-русски:

— Я знайт... два дельфин... играть... недалеко море... не бояться... биг энд литл... беби. Смотреть?

— Пойдем, — решительно сказал Юрка. — Пойдем посмотрим, где играют большой и маленький дельфины. Ты это хотел сказать, Джеймс?

— Иес, иес, — закивал англичанин. — Юрка!

Они засмеялись оба и, взявшись за руки, соскочили с парапета на влажный пластик пирса.

* * *

Нина с наслаждением, полужакрыв глаза, подставила лицо свежему утреннему бризу. Прохладный ветер скользнул по щеке, растрепал прическу.

Прямая линия берега постепенно изгибалась в дугу, горы, горбатые и мощные, улеглись поудобнее и застыли у самой воды. Пробежали серебряными жуками вагончики фуникулеров и, уменьшаясь, исчезли.

Теперь только малахитовые потоки лихорадочно спутанных, ошалевших от солнца и соленого ветра растений тяжело падали с желтых скал на матовое стекло моря.

Нине почудилось движение в плавных линиях береговых скал. Лишь на мгновение — но движение. Какая-то напряженная мука чудовищно медленного перемещения, которое рассеянному глазу туриста кажется неподвижностью.

Берега ползли в море.

Жизнь возвращалась в море — медленно и неодолимо...

Когда в полутемной комнате сверкнет молния фотовспышки, глаза на долю секунды видят не тени вещей, а их истинный объем и расположение в пространстве. Это продолжается только долю секунды, но цепкая память навсегда отпечатывает в подсознании картину увиденного, и ты много времени спустя, сам себе удивляясь, в полной темноте безошибочно находишь дорогу.

Так было и сейчас. Нина широко открыла глаза, и все стало обычным — берег, уже тронутый сверху оранжевым, отступал к горизонту, а высоко в небе синеватые облачка пара вдруг начали быстро расплываться, разбрасывая по сторонам мгновенные радуги.

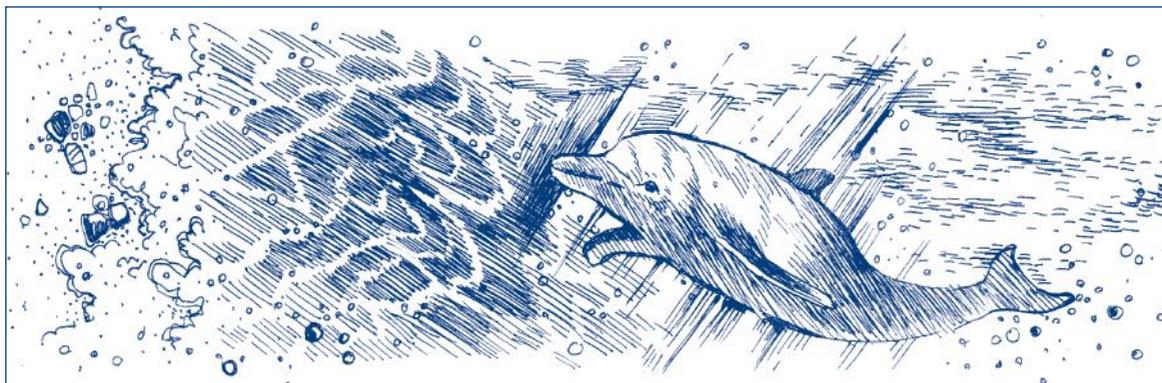
Но тревожная льдинка под сердцем не таяла. Порыв ветра — и столб яркого света, отраженного белой мачтой, возник, исчез снова и запылал в полную силу.

Нина оглянулась. Из горящего зеленого моря вставало большое, прохладное, плоское солнце, и бушприт «Дельфина» был нацелен в него, как стрела в мишень.

А в нескольких сотнях метров, на желтой тропинке между кораблем и солнцем, мелькал в холодном огне острый плавник.

Уисс вел корабль за собой.

2. РАЗВЕДЧИК

Несколько часов между закатом и рассветом Уисс отдыхал. Отдых нужен был не столько ему, сколько существам, которые храбро плыли за ним в железной скорлупе большого кора.

Зумы...

Уисс лежал без сна, покачиваясь на волнах, и перебирал дневные впечатления, пытаясь построить четкий логический узор. Это удавалось нечасто.

Иногда, после очередной трансляции в коралловые гроты Всеобщей Памяти, он говорил с Бессмертными. Бессмертные задавали недоверчивые вопросы или вообще отмалчивались. Только Сусии понимал Уисса. Грустные лиловые тона его речи успокаивали и ободряли, а мятежные знания Третьего Круга помогали находить выход из неожиданных тупиков.

Но даже Сусии не мог понять всего. Потому что он был далеко. Есть нечто, чего не передать по живому руслу Внутренней Дуги...

Тонкий голубой звук пронзил тишину, ударил в гулкий панцирь ионосферы и рассыпался на сотни маленьких магнитных смерчей. Ионосфера помутнела с востока, в ее невидимой до сих пор толще закипели белые водовороты.

Короткая магнитная буря неслышно пролетела над морем, дрожью тронула кожу.

Серебряная радиозаря разгоралась. Первые всплески солнечного дыхания коснулись ночного неба, приглушили монотонные всхлипы

умирающих нейтринных звезд, отдаленный рев квазаров и быстрый, неуверенный пульс новорожденных галактик. Тончайшая паутина изменчивого свечения, сотканная из миллионов вспыхивающих и затухающих радиовихрей, плотно обволакивала и мерцала, и все: огромное белое небо, белое море и даже полупрозрачный дымчато-молочный воздух — все сверкало и словно пело торжественно:

Тебе дано законом Братства
бессменно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть...

Но видел и слышал это только Уисс.

Исполинская и прекрасная игра, космическая вакханалия радиорассвета не существовала, не существует и не будет существовать для зумов, которые спят сейчас в своей железной колыбели.

Усилием воли, с некоторых пор уже привычным, Уисс отключил все рецепторы, кроме светового зрения и инфраслуха. Сейчас он воспринимал окружающее почти как зум.

Мир погас. Темнота и тишина, нарушаемая лишь ворчливым шепотом волн, обступили дэлону. Даже звезд не стало видно — их закрывала непроницаемая пелена туч.

Чувство одиночества, затерянности сжало сердце Уисса.

Сусии прав. Двухлетнее общение с зумами, «вживание» в их психику и опыт изменили в чем-то самого Уисса. Он старался видеть и думать как зум — без этого сама идея эксперимента бессмысленна. И теперь у него получается. «Слишком хорошо получается», — так показал Сусии, и в спектре его была тревога.

Кажется, Бессмертные стали сомневаться в его душевном здоровье... Нет, он здоров. Его не тянет в скалы, морской простор по-прежнему пьянит и властвует над ним...

Уисс припомнил, как после добровольного «плена» в акватории зумов он почувал вдруг запах вольной воды...

Когда в специальном контейнере зумы привезли его на свой кор, он очень волновался. Не за свою безопасность, нет, он боялся, что зумы не поймут, не пойдут за ним, передумают.

Но когда с лязгом открылся люк и в раскрытый проем ударила волна, пропахшая йодом и чем-то еще, до спазмы близким и неповторимым, Уисс забыл обо всем. Мускулы сжались инстинктивно, и никакая сила не могла удержать его в ту минуту в душном кубе контейнера. Его локаторы, привыкшие за два года повсюду наткаться на оградительные решетки акватория, провалились в пустоту, и только далеко-далеко электрическим разрядом полыхнула фиолетовая дуга горизонта.

Он опомнился через несколько секунд, но этих секунд было достаточно, чтобы кор остался далеко позади. Какая-то бешеная, слепая радость владела всем существом, каждой клеточкой и нервом, и сильное, истосковавшееся по движению тело ввинчивалось в плотную воду, оставляя за собой клокочущий водоворот. Внутренний глаз — замечательный орган, неусыпный сторож, следящий за состоянием организма, — укоризненно замигал, докладывая о недопустимой мышечной перегрузке.

Уисс немного расслабился, замедлил ток крови и, глубоко вздохнув, ушел в глубину.

Медлительные ритмы подводной стихии окутали его. Отголоски шторма, ревущего где-то в тысяче километров, слегка покалывали метеоклетки, скрытые под валиками надбровий, переливчатые вкусы близких и далеких течений щекотали язык, разноцветные рыбешки с писком шарахались во все стороны из-под самого клюва.

Все вокруг мгновенно изменилось, вспыхнуло невероятными ярчайшими красками, заструилось невесомо и бесплотно, уничтожив формы, объемы, перспективу, расстояния, размеры — все динамично вписывалось друг в друга, пронизывало друг друга, сливалось, оставаясь разделенным, — большое и малое, далекое и близкое.

Уисс видел одновременно плоскость водной поверхности над головой и обточенную прибором разнокалиберную гальку дна, крошечный золотисто-прозрачный шарик диатомеи с изумрудной точкой хлорофилла в центре и многометровые хребты волнорезов, окаймлявших сине-зеленый бетон причальной стенки, — низ и верх, север и юг, запад и восток. Световое зрение могло обмануть, солгать — песчинка у самых глаз кажется больше утеса на горизонте, но в мире звука существовали только истинные размеры и объемы, не искаженные перспективой.

Уисс немного увеличил частоту ультразвука, и лучи локатора прорвались сквозь экран морской поверхности. Все, что было в воде, стало теперь прозрачным, то, что в воздухе, — видимым.

Причал выгнулся дугой метрах в пятистах, и пестрая толпа зумов замерла на нем неподвижно. Смутные беспорядочно тревожные импульсы шли от толпы. Неподвижен был и железный кор, похожий на уродливого кита.

Уисс сузил поле и выделил среди зумов две знакомые фигуры на палубе. Нина и Пан застыли, подавшись вперед, и тоже излучали беспокойство.

Тревога и недоумение передались Уиссу. Что там случилось? Почему там все неподвижно, как на мертвых изображениях, которые Нина называет «фотографии»?

Зумы передумали?

Он скользнул локатором по толпе. Глаза снова выделили знакомое — маленькую фигурку сына Нины.

Юрка был напряжен и неподвижен, как и все. Рука с растопыренными пальцами поднята вверх, на глазах слезы, губы движутся медленно-медленно...

Он кричит?

Уисс поспешно перешел на инфраслух. Целая вечность прошла, пока из отчаянно медленных колебаний составилось слово:

— У-у-у-и-и-и-с-с-с!

Уисс!

И вдруг он понял. Ему стало легко и весело, и дерзкий план перестал казаться сумасбродством.

Зумы его потеряли!

Вырвавшись на свободу, Уисс, сам того не заметив, перешел на обычный жизненный ритм дэлона. Поэтому и толпа, и Пан, и Юрка казались ему неподвижными — он жил и действовал вчетверо быстрее. Опьяненный восторгом, он забыл, что у зумов лишь одно световое зрение, и стал для них невидимкой. Зумы растерялись, решив, что он бросил их.

И милый маленький зум зовет его назад...

Несколькими мощными движениями дэлон преодолел добрые четыре сотни метров, взмыл в воздух у самой причальной стенки, описал долгую дугу и снова ушел в воду — теперь уже неглубоко.

И сквозь беспорядочные вспышки радости он уловил вдруг ломкую, неуверенную, но вполне связную пента-волну Нины.

— Спасибо, Уисс!

Эти задыхающиеся, неумело напряженные, похожие на путливый шепот ламинарий биения биотоков развеяли последние тени сомнений.

Он свистнул на все море: «Вперед!»

И железный кор послушно двинулся за ним, и солнце выплыло навстречу...

* * *

Метеоклетки чувствовали, что сегодня будет ясный день, но пока над свинцовым морем висел рассеянный серый рассвет и торопливые неопрятные тучи бежали на север. Белый кор покачивался в полукилометре, бессмысленно тараща в утро зрочки ночных позиционных огней.

Уисс просвистел призывно, но ответа не было: зумы еще спали.

Мутная мгла ненастья угнетала. Уисс переключился на инфразрение. Багровую поверхность моря пронизали миллиарды огненно-рыжих пульсирующих жилок — это перемешивались теплые и холодные слои. Растрепанные холодные тучи превратились в полупрозрачные зеленоватые дымки, сквозь которые большим осьминогом с растопыренными щупальцами синело солнце в своей раскаленной короне.

Уисс описал дугу в багровой воде, расправляя затекшие мускулы, рывком вылетел в воздух и увидел внизу, в изогнутом зеркале воды, свое увеличенное в несколько раз отражение. В следующую секунду он бесшумно вошел в воду и плавным движением направил тело в бодрящий холодок глубины. И снова увидел свое отражение. Теперь уже наверху, на рубеже воды и воздуха.

Уисса всегда волновал и будоражил этот рубеж — граница двух разных миров, таких близких и таких непохожих.

И возможно ли вообще перейти этот рубеж — понять и принять нечто абсолютно выходящее за рамки твоих знаний и опыта, ничем не похожее на то, что окружает тебя и окружало твоих предков?

Иногда кажется — нет.

Иногда кажется — да.

Его привела к зумам не только любознательность, не только веленье Поиска, хотя он и был Хранителем Пятого Луча.

Планету лихорадило. Неведомые силы то здесь, то там рвали тонкие искусные цепочки Равновесия, и необратимые трагедии разыгрывались среди живого.

Не конвульсия космической бездны, не горячка солнечных пятен и не бунт земных недр вызвали болезнь. Равновесию биофона грозили... зумы.

Категоричность обвинения не нравилась Уиссу. Да он, собственно, и не собирался обвинять или оправдывать. Он пришел к зумам без предупреждения, но и без симпатии.

Обязанностью Хранителя Пятого Луча была разведка...

* * *

Та памятная августовская ночь ничем не отличалась от предыдущих. Было душно, и пришлось на несколько градусов понизить температуру кожи. Теплая вода акватория пахла железом заградительных решеток. Сгорая в атмосфере, печально шуршали бессчетные метеориты и сгустки космической пыли. Монотонный звездный дождь убаюкивал, навевал дремоту.

Дела шли плохо. Целый год «плена» добавил немного нового к наблюдениям, сделанным четыре тысячи лет назад. Зумы почти не изменились биологически, общие психологические индексы остались прежними. Никаких сдвигов...

День обычно кончался игрой. В игре любое животное раскрывается полностью, и с ним легче работать. Вот и сегодня молодая зумка принесла свежей рыбы, и они минут пятнадцать возились в воде. Уисс искренне веселился, пытаясь скопировать подводные пируэты этого забавного и по-

своему милого существа. Зумы, как и все сухопутные, любят воду — сказывается природный инстинкт, но на этот раз, вопреки обыкновению, зумка играла неохотно и скоро вылезла на берег.

Она сидела на влажном камне и смотрела на звезды, на коленях у нее поблескивал небольшой аппарат, которым зумы пользуются для копирования различных звуков.

Уисс, отключив световое зрение и локаторы, дремал, прижавшись боком к нагретому за день камню. Бессвязные отсветы дневных мелочей освобожденно и легко крутились в голове.

Что он знает об этом существе, сидящем подле и бесконечно далеко? Он знает его повадки и привычки, оно откликается на имя Нина, иногда даже — на пента-волну, хотя почему-то пугается при этом. Но что руководит этим нескладным примитивным телом? Какая власть, какие побуждения заставляют зумов тратить время и силы на создание искусственной среды, разрушая естественную? Ощущение неполноценности? Страх перед миром? Голод?

Камешек скатился с откоса, булькнул в воду. Зумка включила свой аппарат. Из коробки поползли тягучие завывания, с помощью которых зумы общаются.

Уисс досадливо зажал инфраслух — нудное бормотанье раздражало его.

Он уже почти спал, когда увидел МЫСЛЬ. Сначала он решил, что это сон, потом — что рядом появился неведомый товарищ, но уже через секунду понял, что мысль исходит из аппарата зумки, и замер.

Это не была речь дэллона — в ней клубились, плясали, замирали и разгорались вновь чужие краски, чужие, непонятные и мятежные образы, но это была МЫСЛЬ!

Дрожа всем телом, Уисс пытался понять, что говорит многотональный, многотембровый голос. Волнение мешало ему вжиться в ритм, всмотреться в невиданные, дикие сплетения ассоциаций. Но вот мелькнуло в сумбурном потоке знакомое — ослепительная синева и белые пятна в синеве...

Небо! Конечно, небо, уплощенное, искаженное непривычным ракурсом, но — небо Земли! И суша — от края до края, без единой полоски воды, гигантские каменные волны с белоснежными шапками на гребнях — застывшее на века мгновение бури...

И снова — хаос непонятного, но почему-то тревожно знакомого, словно кто-то на чужом языке пересказывает историю, которую ты давно забыл, что-то мерещится в диковинных созвучиях и ускользает.

И вдруг рывком — огромная фигура зума: лохматая голова заслоняет солнце, плечи раздвигают горы, а в руке у него...

Это ярко-алые, судорожно трепещущие языки, похожие на щупальца бешеного кальмара...

Красный Глаз Гибели, страшное проклятие Третьего Круга, едва не погубившее пращуров, клубок вечного ужаса, от которого через много миллионов лет вздрагивают во сне далекие потомки, враг всего живого — ОГОНЫ!

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс уже не видел ее: сработали сторожевые центры Запрета, заглушив опасные видения мягкими, успокаивающими колебаниями.

Каждый дэлон проходил через операцию Запрета сразу после рождения: из подсознания стирали все, что связано с тайнами Третьего Круга эпохи Великой Ошибки. Этого требовало благоразумие и забота о духовном единстве народов Дэла.

Только Бессмертные, несущие знак Звезды, обречены были на знание Всего. Но чтобы уберечься от Безумия Суши, они ограждали мозг нервными центрами, мгновенно реагирующими на опасность...

МЫСЛЬ погасла. Зумка уже не сидела, а стояла. Она заметила волнение Уисса и, судя по всему, взволновалась не меньше. Потом вдруг сорвалась с места и бросилась вверх по откосу, скользя и спотыкаясь на сырой от ночной росы гальке.

Уисс свистнул с такой яростью и силой, что по воде побежала рябь. Тонкая, бесконечно тонкая ниточка между двумя мирами. Неужели ей суждено порваться?

Зумки все не было, и Уисс метался по акваторию, бешено вспарывая воду спинным плавником. Чью МЫСЛЬ он видел? Чья гордая страстная душа соединила в себе резкость молний и нежность утреннего бриза? Чей иступленный разум выплеснулся в бурной исповеди?

Что несет могучий голос — надежду или угрозу?

Огромный зум и — Глаз Гибели...

Мозг Уисса кипел, и напрасно мигал предупреждающе внутренний глаз: врожденное чувство самосохранения на этот раз изменило дэлону.

А зумки все не было.

Что если... Что если эти странные существа, которых дэлоны ставили по уровню развития между спрутами, строящими города на морском дне, и косатками, у которых инстинкт хищника постоянно оказывался сильнее способности к примитивному мышлению, что если зумы тоже... Нет, невозможно. Биологически зумы не изменились, а разве может возникнуть Разум у животных, которые предают и убивают себе подобных?

С откоса полетела галька. К Уиссу бежали двое — Нина и старый зум, откликнувшийся на имя Пан. Они остановились у самой воды, возбужденно размахивая верхними конечностями, и забормотали быстрее обычного.

Зумка показывала то на аппарат, то на Уисса. Дэлон мучительно напрягал инфраслух, пытаясь уловить смысл бормотания:

— С-о-в-е-р-ш-е-н-н-о с-л-у-ч-а-й-н-о... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

— Ч-т-о т-а-м з-а-п-и-с-а-н-о?

— С-к-р-я-б-и-н... П-о-э-м-а о-г-н-я... В-к-л-ю-ч-и-л-а н-е т-у с-к-о-р-о-с-т-ь...

Зумы бормотали и бормотали, а мысли Уисса уже неслись по крутой траектории вокруг темного ядра загадки.

Огромная фигура, закрывавшая солнце, и Глаз Гибели над головой... Угроза?

На берегу поднялся переполох, и по воде резанул луч прожектора. Уисс раздраженно метнулся в сторону и сильным броском ушел в темноту, к самому ограждению, где глухо дышало море.

Если это угроза, то не от самих зумов. Зумы по натуре доверчивы и миролюбивы, об этом говорят память тысячелетий и собственный опыт.

Но они могут быть оружием чужой воли, и тогда гипертрофированная способность к подражанию, тяга к искусственному дадут отравленные всходы.

Он может скрываться там, в непроходимых и безводных дебрях суши, незванный гость межзвездной бездны. Разум, чуждый Земле и потому беспощадный, и его враждебные внушения заставляют зумов разрушать Равновесие Мира...

Разум, враждебный Разуму. Снова нелепость. Снова круг. Замкнутый круг.

Уисс чувствовал интуитивно, что кружит рядом с истиной, но что-то внутри цепко держало, направляя на ложный путь, какая-то сила в последний момент отклоняла от цели прямую стрелу мысли.

И вдруг он понял: центры Запрета. Это они, неусыпные клетки, спасая мозг от опасной перегрузки, направляют поиск по дорожкам известных формул. И загадку не раскрыть, круг не разомкнуть пока...

— У-и-и-с-с!

Ниточка ведет в запретные области, и кто знает, что будет, если потревожить миллионнолетний сон древних сил...

— У-и-с-с!

Его никто не обвинит в трусости. Добровольное сумасшествие равносильно самоубийству.

— У-и-с-с!

Но ведь это единственный шанс...

Когда Уисс вернулся к берегу, там суетилось около десятка зумов. Сильный голубоватый свет двух прожекторов заливал площадку над бух-

точкой, до самого дна пронизывал воду. Метрах в десяти от берега на поверхности покачивался большой красный буй, с которого свисал решетчатый металлический цилиндр.

Уисс уже знал его назначение: это был ультразвуковой передатчик, довольно точно имитирующий естественный сонар животных. Цилиндр доставил немало неприятных минут Уиссу: зумы с его помощью то транслировали бессмысленные обрывки чьих-то позывных, сбивая с толку, то ослепляли неожиданными импульсами, заставляя наткаться на окружающие предметы, то без всякой видимой системы и цели повторяли собственные сигналы дэлона.

Цилиндр появился нехстати. Меньше всего расположен был Хранитель Пятого Луча заниматься сейчас игрой. Он ждал действий куда более значительных, чем нехитрые манипуляции с ультразвуком. Но молодая зумка, наклонившись к самой воде, без конца повторяла его имя и лопотала что-то, и столько отчаянной просьбы было в ее лопотании и жестах, что Уисс, недовольно фыркнув, подплыл к злополучному металлическому цилиндру.

Он едва успел переключиться со светового зрения на звуковидение, как передатчик заработал. Цилиндр превратился в багровое яйцо, потом в малиновый шар, быстро распухающий в огромную розовую сферу, пока звуковой пузырь нарастающего свиста не лопнул, брызнув искрами в оглушительную тишину.

И вдруг через короткую паузу снова зазвучала МЫСЛЬ. Теперь она исходила от цилиндра, свободная от искажений и помех, неизбежных при переходе звука из воздуха в воду. Многократно усиленная, она лилась теперь широко и свободно и все-таки ускользала от понимания, проносилась мимо сознания и терялась где-то за пределами памяти.

Центры Запрета работали безотказно. Как плотина во время паводка, они направляли разрушительный поток чуждых понятий и чувств мимо, мимо — в просторное русло Забвения.

Обязанностью Хранителя Пятого Луча была разведка. И не больше. Но Уисс сделал то, на что до сих пор не решался ни один дэлон.

Он отрезал себя от внешнего мира, убрав воспринимающие рецепторы. Сосредоточившись, представил себе свой мозг. Поплыли перед внутренним глазом сложнейшие переплетения нервных волокон, лучистые кратеры нервных центров, миллиарды пульсирующих и мерцающих нейронов, собранных в причудливую вязь бугорков и извилин.

Он скоро нашел то, что искал, небольшой серовато-белый бугорок мозга у затылка, отороченный неровным пунктиром пурпурно-лиловых звездочек. Это и были центры Запрета.

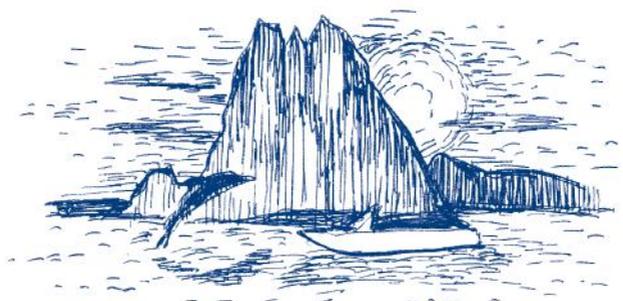
Уисс мысленно соединил звездочки одну за другой извилистой сплошной линией, трижды опоясавшей подножие бугорка.

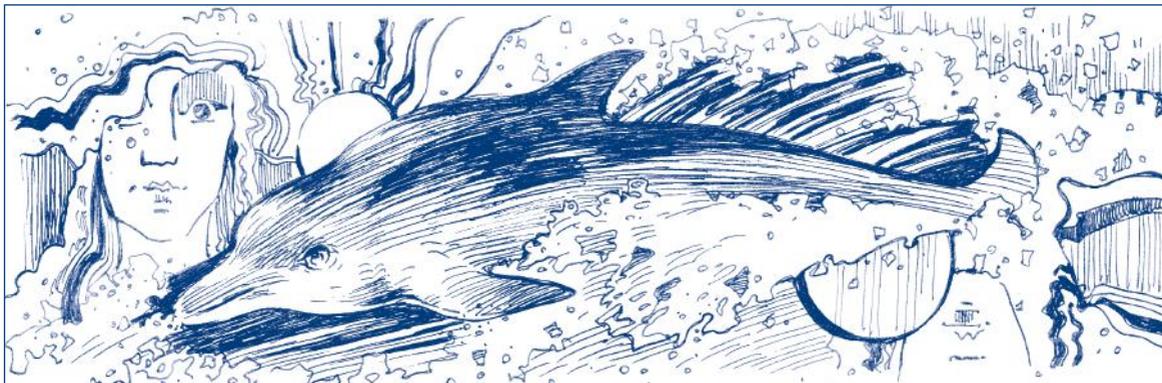
Звездочки продолжали мигать.

И тогда, собравшись с духом, Уисс пустил по воображаемой линии сильнейший разряд.

Он услышал свой собственный вопль, уносящийся в пространство, и ощутил, как горячая судорожная боль тысячами молний ударила из мозга по всему телу, корежа и ломая суставы, растягивая сухожилия и мускулы.

Он задыхался, и не было сил перевести дыхание...

3. ЗАПРЕТНЫЕ СНЫ

Он все-таки перевел дыхание. Сеть кровеносных сосудов, ветвясь и истончаясь, разнесла живительный кислород во все уголки организма. Судорога медленно отпускала тело. Боль уходила.

Уисс сжег центры Запрета.

Вначале он ничего особенного не ощутил. Но когда ушла боль, откуда-то снизу подступила фиолетово-черная бесконечность, растворила его в себе. Она жила вовне и внутри, и это длилось мгновенно и вечно, потому что не было ни пространства, ни времени.

Уисс впервые в жизни почувствовал страх. Не то подсознательное предчувствие опасности, которое побуждает к мгновенному действию, а первородный леденящий ужас, лишаящий сил и воли, — страх бытия.

Вот оно, наследство пращуров — Безумие Суши, оно спит в каждом дэлоне за тройной оградой пурпурно-лиловых звезд и, случайно разбуженное, заставляет выбрасываться на скалы...

Но разве за этим Уисс переступил Запрет?

Неторопливо, исподволь, опасаясь шока, Уисс возвращал чувствительность органам. Он выходил в окружающий мир прежним и перерожденным одновременно. Его мозг был лишен защиты и равно открыт всему — обдуманному и бессмысленному, доброму и злему, явному и тайному.

И когда зрение вернулось, Уисс содрогнулся от неожиданного успеха. Вернее, он ждал успеха, но не настолько быстрого и полного.

МЫСЛЬ продолжалась. Но невидимое стекло, разделявшее прежде опыт Уисса и логику чуждых видений, исчезло. Тонкий живой нерв забы-

того родства — ведь предки дэлонов жили на суше! — протянулся между двумя мирами.

И свободное от Запрета сознание Уисса перелилось по нему в чужую жизнь, в чужие сны...

* * *

Уисс был маленьким зверенышем с короткой рыжей шерстью. Он затаился в густой, пряно пахнувшей листве огромного дерева, вцепившись в корявые сучья всеми четырьмя лапами. Его мучил голод и страх.

Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушку дерева. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Вокруг бесновалась зелень. Тысячи тысяч растений тянулись из черной, глухо чавкающей трясины к неверному свету дня. Они протыкали, мяли, душили друг друга могучими змееподобными стеблями, и эта беспрерывная, медленная и страшная борьба была почти единственным ощутимым движением вокруг.

Но неподвижность таила угрозу. Уисс каким-то сверхчутьем ощущал, что везде: вверху, вокруг, внизу, в шуршащей и скрипящей зелени, — затаившись, поджидают добычу сильные и беспощадные враги. Уисс боялся пошевелиться, чтобы не выдать своего убежища.

Ухо уловило приближающийся хруст. Через минуту хруст превратился в треск, а еще через минуту — в скрежет и грохот ломающихся и падающих древесных великанов. Задрожала земля, дерево, на котором сидел Уисс, резко качнуло, но даже это не смогло заставить его покинуть зеленое гнездо. Он только крепче прижался к стволу, окончательно слившись с рыжей, лохматой от плесени корой.

Огромная, тяжко колеблющаяся гора мышц проползла рядом, оставив за собой широкий прямой коридор в джунглях. Внезапно она замерла, и над верхушкой дерева закачалась приплюснутая голова, вся в тягучих потеках желто-зеленой слюны. Широкие ноздри со свистом втянули воздух, и целая туча цветочной пыли поднялась с раскрытых ядовитосиних соцветий.

Голова раздраженно дернулась и, покачавшись в нерешительности, потянулась к соседнему дереву. Оно показалось чудовищу более аппетитным, и через мгновение от него остался только расщепленный огрызок ствола.

Гора продолжала свой путь, и треск вскоре затих. Голод туманил сознание Уисса, его била мелкая дрожь. Он попробовал выковыривать из

трещин коры липких, радужно переливающихся слизняков, но студенистая масса обожгла рот. Он выплюнул слизняка и тихонько заскулил.

Наконец голод превозмог страх. Прижимаясь к стволу, неслышно проскальзывая сквозь путаницу лиан, оставляя на острых колючках клочки шерсти, Уисс спустился вниз и затих, осматриваясь, принюхиваясь и прислушиваясь.

Его внимание привлек куст, усыпанный какими-то большими матово-сизыми плодами. Их резкий запах кружил голову и сводил спазмой желудок. Уисс осторожно выглянул из укрытия и, не заметив ничего подозрительного, проворно затрусил к соблазнительным плодам.

Его спасла собственная неуклюжесть: у самого куста он поскользнулся на содранной коре и едва не свалился в топь. В тот же миг у горла лягнули страшные челюсти, и длинное тело пронеслось над ним, едва не царапнув желтыми загнутыми когтями.

Уисс хотел метнуться назад, но застыл, парализованный ужасом, — дорога была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь, а между Уиссом и спасительным гнездом готовился к новому прыжку враг. Он стоял, пружиня на непомерно больших, чуть ли не в полроста, перепончатых задних лапах, а передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу. Зверь был едва ли не втрое больше Уисса, и ни о какой борьбе не могло быть и речи. Это чувствовали оба, и зверь не спешил. Он медленно приседал, медленно открывал пасть с пиками треугольных зубов, и красные глазки его наливались тупой радостью.

Уисс взвыл и тоже встал на задние лапы. Отчаяние сковало его мышцы, и он не смог разжать пальцы, вцепившиеся в какой-то сук. Он так и поднялся навстречу врагу — с острой раздвоенной рогатиной в передних лапах.

Зверь прыгнул, и смертный рев огласил джунгли, сорвался на жалкий визг и захлебнулся. Тяжелое тело обрушилось на Уисса, едва не переломав ему кости, дернулось два раза и замерло. Уисс пошевелился, еще не веря в спасение, но зверь не двинулся. Осмелев, Уисс выполз из-под туши. Враг был мертв.

Уисс недоуменно переводил взгляд с мертвого зверя на рогатину и обратно. Потом лизнул окровавленный сук. Кровь была теплая и соленая. Он лизнул сук еще раз и вдруг, зарывав, припал к ране поверженного врага. Он пил красную жидкость жадно, захлебываясь, урча, и ощущал, как сила разливается по жилам.

Наконец он встал на четвереньки, довольно облизываясь, и только сейчас заметил, что передние лапы продолжают сжимать раздвоенный сук. Он хотел бросить палку, но что-то остановило бросок. Уисс перевел взгляд с рогатины на зверя и обратно...

* * *

Видение потускнело, отхлынуло в темноту, обнажив галечный берег акватория, и слепящие зрачки прожекторов, и черные силуэты зумов, и отблеск металла на громоздких аппаратах, а Уисс все еще ощущал во рту вкус теплой крови, и ласты его неестественно топорщились, словно пытаясь удержать рогатину...

Старый зум сидел у воды, свесив между колен худые руки, и пристально следил за дэлоном.

— И-в-а-н С-е-р-г-е-е-в-и-ч, д-а-в-а-т-ь в-т-о-р-у-ю ч-а-с-т-ь?

Старик промолчал, предостерегающе подняв руку. Он ждал чего-то от Уисса.

И Уисс не без тайной гордости за свое превосходство слегка изогнулся и описал вокруг цилиндра геометрически точный круг, наслаждаясь совершенством и универсальностью своего тела, отшлифованного трудом и вдохновением поколений.

Старик махнул рукой.

— Д-а-в-а-й-т-е!

Цилиндр снова засветился...

* * *

Теперь Уисс был не один, и к привычному чувству голода и страха присоединилось еще одно — чувство холода, в три погибели скрючившее тело. Он кутался в промокшую медвежью шкуру, плотнее прижимался к таким же скрюченным, закутаным в шкуры телам, — ничего не помогало.

Их осталось немного от большого и сильного стада — остальные погибли сегодня утром в схватке с пещерным медведем, хозяином этой огромной каменной берлоги.

Уисс покосился на клубок тел, бьющихся в ознобе, — их уже не пугает смерть. Спрятанный под скошенными лбами маленький робкий мозг уже уснул. Каменные топоры валяются в углу пещеры вперемешку с костями, обглоданными до глянца. Завтра в пещере не останется ни одного живого существа. То, что не сумели сделать звери и черные обезьяны, прогнавшие стадо с насиженных теплых гнезд, сделает холод.

Уисс перевел взгляд на выход. В широком белом проеме кружились снежинки. Залетая в пещеру, они таяли, превращались в капельки голубоватой влаги. Весь оранжево-красный, с черными извилистыми прожилками, нежный свод пещеры светился голубыми каплями.

А за проемом был мир. Мир искромсанного, вздыбленного, вспененного камня — гигантские каменные волны с белыми шапками на острых гребнях, они обступали беглецов со всех сторон. Скрытое горами солнце

опускалось все ниже, и причудливые утесы, похожие на морды диковинных зверей, окрасила кровь. Небо синело, а внизу, в глубокой расщелине, клубился плотный багрово-фиолетовый туман. Изредка вспышки прорезали его, и тогда земля вздрагивала, и с утесов срывались камни. Там, внизу, тоже была смерть — непонятная и оттого еще более страшная.

Привычная спазма свела желудок. Тело, наперекор всему, требовало пищи. Оно не хотело мириться со смертью. Оно хотело жить.

Уисс пошевелился, попробовал подняться. Онемевшие ноги пронзила тупая боль. Уисс сел, ворча, но потом все-таки встал.

— Надо! Еды!

Гортань его плохо повиновалась ему, и немногие понятные стаду слова звучали, как звериные крики. Клубок тел не пошевелился, и Уисс повторил требовательно:

— Надо! Еды!

Мужчины словно не слышали, и ярость охватила Уисса. Он схватил топор и замахнулся на ближайшего:

— Надо! Еды!

Тот покорно закрыл глаза, ожидая удара. Холод был сильнее голода и страха. Сородич готов был умереть, но не отдать свою частицу тепла в общем клубке. Яростные глаза Уисса по очереди встретились с глазами остальных; они смотрели затравленно и равнодушно, в них не было даже мольбы, их уже застилала пелена неизбежного. Уисс опустил топор. Потом перехватил поудобнее шершавую рукоятку и шагнул в проем.

После смрада пещеры на свежем морозном воздухе слегка закружилась голова. Уисс сжался, ослепленный. Горы переливались всеми цветами, искрились, щетинились серыми полосами колючего кустарника. И оглушительная тишина стояла над ними. Уисс и сам не понимал, зачем он покинул пещеру. Какую добычу сможет он взять в одиночку? Здесь, в горах, звери свирепы и огромны, а на чахлом кустарнике нет плодов. Он не сможет добыть еды — ни для себя, ни для тех, кто остался. Но что-то тянуло Уисса в долину, туда, где клубился темный туман и плясали бесшумные вспышки. Цепляясь за камни, он стал спускаться.

Уисс прошел половину пути до кромки тумана, когда ноздри уловили тревожный запах, — пахло гарью. Он сделал еще несколько неуверенных шагов и остановился. Инстинкт подсказывал — вернись, там опасность, там великий Красный Зверь, пожирающий все живое. Уисс глянул вверх. Пещера отсюда виднелась маленькой черной точкой. Вернуться? Ждать ночи, когда его убьет холод или, беспомощного, загрызет нетерпеливый шакал?

Негодующее рычание вырвалось из горла Уисса. Он взмахнул топором, ободряя себя, и решительно двинулся туда, где пряталось неведомое.

Ему не пришлось идти долго. Вскоре путь преградил ручей. Его торопливое бормотание было слышно издалека, но когда Уисс вышел к нему, раздвинув кусты, его снова сковал страх.

Там, за ручьем, совсем недавно пировал Красный Зверь. На пепельно-серой земле остался обугленный черный кустарник. А еще ниже стлался багрово-синий дым, доносился далекий треск и тянуло теплом.

Уисс зачерпнул полную пригоршню воды и попробовал языком. От холода заломило зубы.

Рядом раздался стон. Уисс одним прыжком отскочил в кусты и замер. Стон повторился — на этот раз тише. В нем не было угрозы, а только боль и жалоба. Ноздри Уисса раздулись. Припадая к земле, он пополз на звук.

Длинноногое животное с тремя парами витых рогов на голове уже ничего не видело и не слышало. От него пахло паленым. Кожа на боках обуглилась и лопнула, обнажив розовое мясо. В предсмертной усиллии рогач вырвался из объятий Красного Зверя и перемахнул на этот берег, но смерть догнала его.

Уисс вытащил длинный нож, выточенный из острого обломка берцовой кости, и хищно оскалил зубы.

После обильной еды захотелось пить. Уисс лакал воду жадно, отфыркиваясь и урча от удовольствия, отрывался, осматривался и снова лакал.

И тогда он заметил Красного Зверя.

Это был совсем крошечный зверек, и непонятно было, как он перепрыгнул через ручей. Он съел палку, оставив от нее только угли, и теперь подышал, дрожа и дымясь.

Уисс хотел было сбросить опасного зверька в воду, но сытый желудок настроил его на благодушный лад. Ему захотелось поиграть. Он отломил от ближайшего куста сухую ветку и сунул зверьку. Зверек жадно набросился на нее и сразу стал больше и веселее.

Уисс играл с красным зверьком долго, то давая ему пищу, то отбирая ее. И зверек покорно подчинялся желаниям Уисса, то вырастая в рычащего тигра, то сжимаясь в рыжую мышь. И тогда Уисс почувствовал, что холод отступил. Блаженным теплом веяло от камня, нагретого лапами покорного зверя.

Наконец Уисс встал и направился к рогачу. Дотащить всю тушу до пещеры ему было не под силу, и он отрезал самое вкусное — обе задние ноги. Потом выломал из кустарника самый большой сук и поджег его толстый конец.

Когда, обессиленный тяжелой ношей, он дотащился наконец до пещеры, уже опустилась ночь. Уисс шагнул в пещеру, высоко держа над головой горящий сук. Красный свет метнулся по стенам. Живой клубок дрогнул, распался, эхо гулко повторило вопль ужаса. Подвывая, сородичи расползались подальше, забивались в темные углы. Только один остался у его ног. Он был мертв.

Уисс бросил на пол мясо.

Остекленевшие глаза жадно уставились на пищу, но страх перед Красным Зверем заставлял глубже забиваться в свои углы.

Уисс повернулся спиной к сородичам и вышел из пещеры. Он слышал, как в темноте началась драка за мясо. Уисс направился к ближним кустам, освещая себе дорогу.

Когда он вернулся в пещеру с охачкой хвороста, исчезло не только мясо, но и кости. Сородичи снова расползлись по углам, но уже не так поспешно, как прежде. Глаза их приобрели осмысленное выражение и смотрели теперь настороженно и выжидающе.

Уисс бросил на пол догорающий сук и показал на хворост:

— Еда! Ему!

Он подложил веток, и пламя мгновенно выросло, заплясало, рассыпая искры. По пещере заструилось тепло.

Наконец самый смелый подполз поближе, с любопытством смотрел, как Уисс кормит веселого зверя, потом сказал неуверенно:

— Красный Зверь! Враг!

Уисс сунул еще одну ветку в костер, и рыжий язык метнулся к самому потолку.

— Нет. Огонь — друг!

Осмелевшие мужчины подползали все ближе к костру, блаженно ворчали, подставляя теплу окаменевшие тела, радостно повизгивали.

— Огонь! — повторил Уисс новое слово. Он протянул к жаркому костру руки. — Огонь — друг!

МЫСЛЬ продолжалась, но Уисс очнулся, словно вынырнул из зловонной лагуны на поверхность: близость огненной стихии, хотя и призрачная, была нестерпима. Он ничего не мог поделать с голосом крови, с трагическим опытом Третьего Круга, навечно отпечатанным в генах, все естественно противилось союзу с Гибелью.

Он мог только, напрягая внимание, чтобы не упустить ничего существенного, следить извне за странным чужим миром, в котором творились вещи все более и более непонятные.

Он видел, как в считанные тысячелетия зумы расплодились и расселились чуть ли не по всей суше. Рогатина в лапе и пламя костра сделали зумов сильнее и выносливее других зверей.

Красный Зверь оказался двуликим: с равным покорством и равной силой служил он врагу и другу, злу и добру. Он давал тепло и сжигал жилища, плавил руду и опустошал посевы. Убийственный огненный смерч гулял по горам и долинам, Глаз Гибели горел все ярче, все ярче и беспощаднее, но во всем этом была еще логика, понятная Уиссу. Когда-то по сходным причинам предки дэлонов покинули сушу и ушли в море, спасая свой род и остатки Знания.

Но дальше начиналось нечто, лишённое аналогий.

Уисс не сумел заметить, когда и как это случилось. Может быть, потому, что ещё искал следы внеземного вмешательства и не сразу обратил внимание на пальцы седого зума, вроде бы бесцельно мявшие сырую глину; на упорство, с которым собирала коренастая зумка бесполезные корни и камни; на благоговейный восторг подростка, который дул в сухой тростник и случайно соединил беспорядочные вопли в обрывок варварской мелодии.

Но когда появились дворцы и многокрасочные фрески на стенах, гигантские каменные изваяния и мелодическая ритмика ритуальных танцев, Уисс узнал в них искаженные, причудливо перепутанные линии просыпающегося Разума. Собственного Разума зумов!

Как дождевые пузыри, возникали, раздувались и лопались царства, унося в небытие редкие всполохи озарений и мутный ил утешительных заблуждений, имена царей и безымянные племена рабов, но под слоем пепла и гнили оставалась неистребимой священная искра трудолюбия и искусства...

Уисс увидел бездну, вернее, не бездну, а воронку крутящейся тьмы, затягивающую в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клокотали вокруг. Но оттуда, из этого клокочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и одинокие, отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их жизни хватало на одну-две ступеньки, но они упорно ползли вверх, их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одиночками...

* * *

Больше года прошло с той памятной ночи, но Уисс до сих пор помнил каждое мгновение неожиданного открытия, и часто во время ночного дремотного отдыха возвращались к нему тревожные сны суши.

Они приходили и требовали действия, будоражили и настаивали, и Уисс шел к цели собранный, как дэлон, и неистовый, как зум.

Ему не верили свои, его не понимали чужие, в нем копилась незнакомая прежде горечь одиночества, но он не отступал от своего дерзкого плана.

Он уже добился многого: железный кор зумов покорно идет за ним.
Но главное — впереди...

Наступал новый день. Тучи, бегущие над морем, истончались и бледнели, и кое-где уже проступали золотые пятна.

Пора.

Уисс повторил призыв.

И, словно отраженный от белого кора, двойной свист вернулся к Уиссу.
Зумы ответили.

4. ЗЕРКАЛА

Пилот рыбаборазведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли очень не любил утренние дежурства и при первой возможности избегал их. Фрэнк не был лентяем или засоней, хотя при честном самоанализе отречься от некоторой предрасположенности к этим огорчительным качествам было бы трудно. Больше того, как раз эта предрасположенность оказала роковое влияние на его судьбу, подменив рубку космического лайнера кабиной гидросамолета, а битвы с инопланетными чудовищами — ежедневным выслеживанием безобидных рыбных стай.

Да, Фрэнк был рядовым «рыбоглядом», но душой его правили космические бури. А потому каждый вечер, свободный от дежурства, он садился к видеофону, чтобы прокрутить запись какого-нибудь телебоевика, а таких записей у него было великое множество. Часто за первой записью шла вторая, а то и третья, и Фрэнк забывался лишь под утро, в кошмарном полусне продолжая фантастическую цепь опаснейших приключений.

Можно ли при таких обстоятельствах радоваться утру, да еще такому, как сегодня, хмурому, когда внизу серый океан, покрытый, как говорят летчики, «гусиной кожей» — ровной рябью мелкой волны с белыми барашками.

— Бэк!

Радист не ответил, и Фрэнк, взглядевшись в зеркало заднего обзора, увидел козырек шлема, надвинутый на глаза, и пухлые губы, тронутые той улыбкой отрешенности, которая обычно сопутствует здоровому сну без сновидений. Бэк отдавал ночи не космосу, а земным утехам, но кому важны детали?

Важно то, что к сегодняшнему утру они относились на редкость единодушно. А потому Хаксли вместо того, чтобы отчитать помощника, только тяжело вздохнул и начал напевать под нос что-то из вчерашней записи:

Ультразмеи и супервампиры,
все чудовища звездного мира,
не страшны бесшабашному Гарри,
астронавту из штата Техас...

И тут Фрэнк заметил «плешь». Вернее, она все время была перед глазами, чуть наискось пересекая курс самолета, но даже тренированный глаз «рыбогляда» не задерживался на ней из-за непомерной, прямо-таки фантастичной ее величины.

— Бэк! — выдохнул Фрэнк севшим голосом. — Бэк! — заорал он во все горло. — Радио!

— Сто тридцать первый слуш... Тьфу! Ты чего?

— Бэк, ну-ка посмотри вниз.

— Смотрю.

— И что ты видишь?

— Воду.

— А дальше?

— Еще больше воды.

— О вот там, к норд-норд-весту... Видишь, «гусиная кожа», а дальше — гладко. А?

— Фрэнк, это же тунец идет! Такой косячище... Сроду не видывал...

— Это награда к нам плывет, — уточнил Хаксли и, развернувшись, повел машину к острию треугольной «плеши» — делать предварительные замеры. Бэк взялся за радио.

База ответила не сразу. Видно, там от нынешнего утра тоже ничего хорошего не ждали. Но когда Бэк дважды повторил размеры косяка и прибавил, что рыба идет четырьмя «этажами», в наушниках заволновались три голоса одновременно.

— 131-й — Базе. Ихтиологу Петрову. Тунец длинноперый, форма косяка «предполагаемая опасность», строй походный в четыре этажа, вверху и внизу — «коренники», взрослые самцы и крупные самки, в середине — молодь. Похоже на капитальное переселение, Пит.

— Петров — 131-му. На карте сезонных миграций такого маршрута нет. А кормежки длинноперому тунцу сейчас везде хватает. Так что косяк промысловый, Фрэнк, не беспокойся...

— А что мне беспокоиться? Я свое сделал, об остальном пусть у вас, ученых, голова болит...

— База — 131-му. Дельфинолог Комов. Хватит болтать. Фрэнк, сколько надо, по-твоему, пастухов для ведения косяка? Когда тунец подойдет

к тральщикам, мы еще отряд загонщиков выпустим, а сейчас важно, чтобы косяк не рассыпался и не изменил курса...

— 131-й — Комову. Право, не знаю... Здесь и так полно дельфинов. Они, по-моему, и ведут косяк... Да, похоже, что косяк ведут дельфины. Не охотятся, а ведут — это точно. Рыбы не трогают, идут, как патрульные подлодки...

— Наши или дикие? Если наши, то сколько их?

Фрэнк с минуту следил за диском УКВ-локатора, на котором плавно кружились маленькие голубые точки, потом, снизившись чуть ли не до самой воды, провел машину над пенистыми обводами тунцовой армады.

— 131-й — Комову. Судя по радиометкам, наших дельфинов здесь штук двадцать. Остальные — дикие. Их не меньше сотни. Бросать «трещотку» или подождать?

— Комов — 131-му. Бросайте, Фрэнк, бросайте немедленно. Двадцать обученных пастухов смогут справиться с любой ордой. А «дикари» помогут. По крайней мере, мешать не будут, это точно.

— Петров — 131-му. Так ты говоришь, там дельфины, Фрэнк? Вот тебе и разгадка. Дельфины согнали в одну несколько больших стай и решили сделать нам подарок. Недаром же их натаскивали в «школе». Я уже дал разрешение на отлов косяка. Тралы только крупноячеистые, молодь не пострадает...

— Дело ваше. Да, Пит, одна просьба: скажи диспетчеру, чтобы поставил нас с Бэком в наблюдение, когда будут брать эту прорву. Хочу посмотреть — рыба-то моя все-таки.

— Идет, Фрэнк. Даю отбой.

— Охота человеку... Сам вне очереди напросился, — это проворчал сзади Бэк достаточно внятно, чтобы слышал командир.

— Ладно, старина, успеешь выспаться. Контрольные фото отправил?

— Отправил.

— Давай «трещотку». В хвост косяка, в середочку... Вот так!

Вниз метнулся полупрозрачный купол парашюта, и в океан полетело то, что Фрэнк называл «трещоткой», — хитроумный ультразвуковой приемопередатчик, похожий на большую рыбу-прилипалу. Аппарат действительно «прилипал» к дельфиньей стае и передавал пастухам и загонщикам команды оператора Базы. Дельфины, в свою очередь, докладывали оператору о своих делах на условном языке, который вместе с другими премудростями они изучали в специальной «школе».

Как-то раз Фрэнк забрел в такую «школу» вместе с экскурсией. Он, как и все, шумно восторгался необыкновенной сообразительностью «учеников», восхищался их дисциплиной и молниеносной реакцией на команды, несколько недоверчиво выслушал перечень многозначных цифр дохода, в которые вылилось мировому рыболовству «общение с младшими братьями

человека», и до слез хохотал, когда двести торчащих из воды клювов, страшно скрипя, старательно вывели хором первый куплет «Гаудеамус игитур».

Но вышел из «школы» он почему-то разочарованный. Он долго не мог понять — почему. И только потом разобрался кое-как. Дельфины не вызвали у него уважения.

Прежде чем вернуться на Базу, Фрэнк описал над косяком прощальный круг.

В наушниках рокотал драматический баритон диспетчера: «Всем сейнерам и траулерам международной рыбокооперации, находящимся в квадратах... немедленно выйти на двухстороннюю связь с Базой «Поиск-двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь»...

Под крылом «Флайфиша» прошел белый пузатый сейнер, сердито раздувая под форштевнем пенные усы. На мостике стоял капитан — тоже белый и усатый. И настроение у Тараса Григорьевича, старейшины рыболовецкого клана, было сердитое. Провожая глазами самолет, он мрачно пришептывал:

— Пойду на пенсию. Ей-ей... Да разве это рыбалка? Срамота одна. Самолеты, дельфины... Стой, пока тебе сети рыбой набьют, и не трепыхайся...

* * *

— Таким образом, все началось, как часто бывает, со случайности, вернее, со случайного соединения ряда случайностей. Одиночество Нины, одиночество Уисса, пленка, запущенная не на ту скорость. Но главным звеном этой цепи было то, что запись на пленке оказалась скрябинской «Поэмой огня» — гениальным цветомузыкальным конспектом человеческой истории. С Уиссом впервые заговорили на понятном ему языке...

Карагодский шелохнулся в кресле, хотел что-то сказать, но передумал. Пан продолжал тихо, с плохо скрываемой нежностью деда, рассказывающего о школьных подвигах любимого внука:

— После этой ночи Уисс нас буквально замучил. Мы установили в акватории четыре стационарных магнитофона и непрерывно крутили записи. Сначала он требовал только симфоническую музыку, причем со специфическим уклоном.

— Чем же еще поразил вас дельфин-меломан? — в голосе Карагодского проскальзывали нотки нетерпения и раздражения.

А в открытые иллюминаторы каюты Пана попеременно заглядывали то серое небо, то серое море. С утра слегка штормило, но сейчас волнение почти улеглось. Изредка легкий ветер вздувал неплотно задернутую штору, и тогда в каюте повисала зябкая морось.

— Простите, Вениамин Лазаревич. Возможно, это действительно лирика. Но эта лирика заставила нас по-новому взглянуть на дельфинов вообще и на наше с ними сотрудничество в частности.

— Яснее.

— Я говорю о ШОДах...

— И о ДЭСПе?

— Да, я говорю и о школах обучения дельфинов, и о дельфиньем эсперанто, и о многом-многом другом, что исправить гораздо труднее. Конечно, как первый этап исследований... Пожалуй, никого нельзя винить в том, что так получилось. Хотя...

— Винить?!

Олимпийское спокойствие изменило академику. Низкое кресло закричало отчаянно, и Карагодский поднялся на Пана, красный, тяжелый, налитый негодованием и обидой.

— Винить?!

Он провел дрожащими пальцами по лацкану пиджака.

— В чем же вы могли бы меня винить, дорогой мой Иван Сергеевич? В том, что я первым — первым! — перешел от слов к делу и занялся приручением дельфинов? В том, что я первым — первым! — поставил это дело на научную основу и организовал первую — первую! — школу для дельфинов, где вместо любительской дрессировки этих животных обрабатывали единственно правильными методами? В том, что разработал способ общения человека с дельфином — условный язык команд и отзывов, который потом назвали дельфиньим эсперанто? В том, что отдал этой работе без малого десять лет? В том, что государство получило миллионы рублей дохода?..

Голос Карагодского рокотал в каюте, как молодой весенний гром, а Пан тоскливо глядел в иллюминатор. Дождь кончился, в сплошных тучах появились бледно-голубые просветы, есть надежда на солнце, самое время работать, а на душе — слякоть. «Ну что за человек такой непутевый! «Я...» «Первый...» «Заслуги...» Действительно — первый. Действительно — заслуги. Не какой-либо горлохват — крупный ученый с мировым именем, бульдожья хватка, колоссальные организаторские способности. И все-таки все время ему мерещатся подвохи, кажется, что его недостаточно хвалят, недостаточно высоко ставят. Комплекс неполноценности какой-то? А ведь умный человек...»

— И более чем странно, я бы сказал, неуважительно слушать мне такое, Иван Сергеевич, от вас, от человека, который в дельфинологии, простите, профан.

— Да бог с вами, Вениамин Лазаревич, я никак не покушаюсь ни на ваш опыт, ни на вашу славу.

— Нет, вы покушаетесь! Покушаетесь на все основы, призывая вернуться к...

— Довольно! Садитесь!

И Карагодский сел. Сел торопливо, почти испуганно — сработал старый, полузабытый рефлекс. Сел на краешек кресла, как на краешек студенческой скамьи, как в те далекие времена, когда он, академик Вениамин Карагодский, был просто Веником из четвертой подгруппы, а Пан — самым молодым профессором университета.

— Вот так. А теперь постарайтесь выслушать и понять, что я вам скажу.

Пан зябко повел плечами и тоже сел.

— Раньше многое казалось проще, чем сейчас. Человек всерьез считал себя единственным и самодержавным царем природы. Ну, а царю все позволено. Возникла идея: приручить дельфина. Выгодно это человеку? Еще как! Начинается работа, и выясняется, что дельфин не просто животное, а разумное животное, с которым, в отличие от сухопутных слуг человека, можно наладить двухстороннюю связь, общаться. «Так это же суший клад!» — восклицает человек и берется за дело всерьез, со свойственным ему размахом и напористостью. И вот уже сотни, тысячи ручных дельфинов отслеживают для человека рыбы стаи, пасут их до кондиции, гонят к траулерам, загоняют в сети. Покорные, безобидные, готовые на все ради человека.

— Не понимаю вашей иронии, Иван Сергеевич.

— А если дельфин действительно разумное существо?

— Ну, знаете, профессор. Этак можно бог знает до чего договориться. Этакя со своим бульдогом на «вы» разговаривать буду — на всякий случай.

— Не передергивайте, Карагодский. Разумность в том и состоит, чтобы предвидеть последствия своих действий. Я не хочу, чтобы потомки краснели за нас, как мы краснеем за своих предков, истреблявших тех же дельфинов ради технического жира...

— Мы обращаемся с дельфинами вполне гуманно.

— Вот именно — гуманно! То есть по-человечески! А ведь это слово имеет смысл только в отношениях между людьми. А как измерить отношения между человеком и иным разумом, иным кругом чувств и понятий, иной цивилизацией, в конце концов? То, что хорошо и выгодно для человека, может быть и невыгодно для иного разумного существа. Даже смертельно опасно, если хотите. И наоборот.

— Это уже схоластика, дорогой Иван Сергеевич.

— Это было схоластикой десять лет назад, Карагодский. А сейчас это уже проблема, которую надо решить во что бы то ни стало. И решить сегодня — откладывать на завтра уже поздно.

— Не слишком ли?

— Не слишком. Хотите, я вам кое-что покажу?

И Пан вышел из каюты.

* * *

Тарас Григорьевич так и не спустился в радиорубку со своего капитанского мостика. Он только велел радисту прицепить к переговорному корабельному устройству допотопные лопухообразные наушники, дабы быть в курсе распоряжений Базы. Подобная вольность разрешалась уставом только в случае крайней необходимости, но кто укажет точно, где у необходимости край?

Быть на мостике Тарасу Григорьевичу было сейчас крайне необходимо. Выбритый до глянца, благоухающий одеколоном «Олеся», в туго накрахмаленном и отутюженном парадном кителе, он небрежно бросал в микрофон хрипловатые древние команды, стараясь не замечать, что они выполняются несколько раньше, чем он успевает их отдавать.

Сейнер «Удачливый», поминутно сигналив, переваливаясь с боку на бок и вздымая лихие шлейфы то справа, то слева, пробирался к своему законному месту — в голову флотилии, между тральщиками «Онега» и «Звездный». Раньше, когда экономно и быстро «взять косяк» могли только опытные мастера, никто не мог делать это лучше Тарасовой тройки. Искусно поставленные ими сети «снимали пенку», гасили скорость стаи и нарушали монолитность, переливая прямым ходом в разинутые тралы следом идущих судов.

Теперь рыбацкие хитрости были ни к чему, дельфины-загонщики проводили такие операции лучше старого Тараса. Но нет ничего живучей морской традиции, и сейнер «Удачливый», вопреки новым правилам, занимал место не в хвосте, а впереди, рядом с сейнерами-гигантами.

Тарас придирчиво осмотрел соседние суда. Взгляд его заскользил вдаль, по всей наскоро собранной, разнокалиберной и пестрой флотилии, и мысли его приняли иное направление. «Сбежались, соколики, на готовенькое. Рты разинули и ждут, когда туда галушка заскочит...»

А погода быстро менялась. От хмарного утра, от мжистого противного дождичка не осталось и следа. Море пошло пятнами, то там, то здесь возникали золотисто-голубые лужайки, а разорванные облака мельчали и рыжели по краям. День помаленьку набирался солнца, а солнечным днем все выглядит иначе, чем пасмурным утром.

— Та-рас Гри-го-рич!

Радист высунулся из иллюминатора рубки и возбужденно пошлепал себя по ушам. Капитан, почуяв неладное, торопливо надел наушники прямо поверх фуражки.

В эфире был переполох. Капитаны, забыв устав радиосвязи, говорили, не называя себя, а диспетчер, тоже уставу вопреки, отбивался от них как мог.

— Я же в сотый раз повторяю: косяк неожиданно изменил курс, где он теперь — можно только гадать.

— А «трещотка»?

— Выбросили они «трещотку». Угнали и выбросили.

— Что вы сказали? — переспросил кто-то по-английски.

— Я говорю, выбросили они «трещотку». Как известно, «трещотка» автоматически следует за голосами дельфинов. Так вот, они пошли на трюк: все стадо замолчало, а один поднял крик и полным ходом в сторону — «трещотка» за ним. Отвел он ее подальше и бросил. Мы послали туда отряд своих загонщиков с новой «трещоткой». Как только дошли до косяка — та же история. «Трещотку» выбросили, сами не вернулись.

Кто-то одобрительно хохотнул, кто-то начал ругаться. Тарас Григорьевич все понял, и сладкая, беспокойная дума завладела его седой головой, набирала силу, дразнила.

Но сначала надо было кое-что проверить.

— «Удачливый» — Базе. Где там наука? Что замолчала? Дельфины... как это... Комов, словом, что там подельывает?

— База, Комов, прием.

— «Удачливый» — Комову. Так что теперь делать будем? Уходит рыбка-то...

— Не знаю, что делать, Тарас Григорьевич. Ума не приложу. Такого с дельфинами еще нигде и никогда не было. Бывало — не слушали команд или неправильно их снимали. Бывало — ни с того ни с сего отказывались работать и уплывали. Но это были единичные случаи. А такое... нет, ничего не понимаю. Ведь это бунт! Форменный, ничем не оправданный бунт против человека! Они угоняют косяк, как заправские пираты! А наших загонщиков, видимо, взяли в плен.

— Словом, дело труба с научной точки зрения?

— Труба.

И тут Тарас Григорьевич понял окончательно, что пробил его звездный час.

И он рывкнул в эфир, настороженно прислушивающийся к их разговору:

— Что, коты, разучились сами мышей ловить? А если по-старому, без мышеловок этих, а? Собственными лапками да зубками, а? Или зубы по-выпадали?

«Коты» озадаченно молчали, и Тарас Григорьевич расправил перед микрофоном усы:

— «Удачливый» — Базе. Предлагаю брать косяк без дельфинов, с ходу, по-старому. Примерный курс косяка известен, надо послать туда пару

самолетов. И пусть они следят за косяком до нашего прихода. А я поведу флотилию наперерез. Прошу дать добро.

И даже свою золотошитую фуражку снял Тарас Григорьевич в ожидании ответа — так волновался. Вдруг не удастся тряхнуть стариной, утереть нос тем, для кого старый Тарас вроде мамонта в электронной лаборатории? А дельфины... Они тоже рыбаки. Они поймут...

База дала добро.

* * *

Карагодский поискал глазами Пана. Ему хотелось сказать что-то значительное, неопровержимое, что раз и навсегда припрет к стенке нескладного профессора, хитрый старик все время находит лазейки. Впрочем, это не страшно. Хозяйственники не читают теоретических монографий по биологии. Этим по горло занятым людям нужно одно: любой ценой увеличить выход продукции. И они будут слушать Карагодского, который оперирует понятными категориями тонн и рублей, а не Пана, витающего в сомнительных морально-этических высотах. Карагодского волнуют иные, реальные сложности. И он тоже должен разрешить их в этой экспедиции. С помощью Уисса. Любой ценой разрешить.

А Пана все не было, и академик недоуменно покосился на дверь. С никелированной ручки свисал синий ситроновый галстук. Если бы профессор незаметно вышел, галстук свалился бы.

Несуразный человек этот Пан. Анекдоты и целые легенды прямо-таки липнут к нему, тянутся за ним, как тесто за пальцами.

Вот хотя бы этот выдавший виды галстук. Выражение «галстук Пана» стало расхожим присловьем. Один не лишенный юмора конструктор называл даже «галстуком Пана» сложный космический прибор.

Много лет, еще с университета, Пан снимает галстук, начиная работать, и вешает его на дверной ручке. Где бы он ни работал: в люксе международной гостиницы или в кабине вездехода, ползущего в пустыне, — старый галстук висел на страже, оберегая хозяина от бытовых невзгод.

Карагодский подозрительно окинул взглядом большие овальные иллюминаторы, но там качались только спаянные горизонтом небо и море. Пан, конечно, способен на все, но он не умеет плавать.

Академику ничего не оставалось, как изучать со своего кресла нехитрую топографию каюты.

Он сидел у самой двери, и все небольшое пространство было перед ним как на ладони: рабочий стол Пана прямо под распахнутым иллюминатором, на столе, между разбросанными бумагами, таблицами и голографиями, изящный ящичек теледиктофона «Память», небрежно перевернутая панель дистанционного управления корабельным видеофоном,

наборный диск стереопроектора Всесоюзного НОО-центра, который ровно через три с половиной секунды давал справку по любой отрасли человеческих знаний. Словом, ничего необычного, если не считать толстенной старинной книги, смахивающей на Библию, и каких-то диковинных статуэток еще более древнего возраста.

По обеим сторонам стола — матовые пятна экранов: большой — видеофон, два поменьше — стереопроекторы Центра, а вот этот овальный, оцетинившийся тысячами граней рубиновых кристаллов, — для просмотра голографических фильмов.

Кстати, сам проектор на подвижной тумбочке справа от круглого винтового стула открыт: видимо, Пан перед приходом Карагодского просматривал ролик.

И больше ничего, кроме стеллажа с книгами, портативного электрооргана (неужто Пан под влиянием Уисса стал музицировать?) и двух кресел, одно из которых занимал академик, — и все отражает большая зеркальная стена, словно свидетельствуя наглядно и окончательно, что никого, кроме Карагодского, в каюте нет.

— Иван Сергеевич, где же вы?

Пан возник рядом, держа под мышкой коробку голофильма, непонимающе повел глазами с растерянного академика на свое отражение и усмехнулся:

— А... Зеркало.

Он протянул руку, и, когда его пальцы встретились с пальцами двойника, пространство расколосось широкой щелью сверху донизу, открывая за зеркалом другую комнату.

— Я с этим зеркалом намучился в свое время, — продолжал профессор, заправляя фильм в проектор. — А потом привык. И даже стал видеть в нем скрытый философский смысл, своего рода знамение, что ли.

«Ох, Пан, даже расшибив нос о зеркало, он видит в этом скрытый философский смысл. Как был идеалистом, так и остался». Подумалось это Карагодскому с явным облегчением, ибо исчезновение Пана объяснилось просто. Необъяснимого академик не любил, даже побаивался.

— Уж эти мне зеркала... Везде они, эти услужливые обманщики. Вот мы с вами разговариваем, а между нами — зеркало. И мы видим в чужом мнении лишь искаженное отражение своего собственного. И не можем понять друг друга, ибо искренне считаем свое собственное мнение единственно правильным.

Профессор захлопнул крышку проектора.

— Вы интересуетесь космосом, Вениамин Лазаревич?

— Космосом? Да как вам сказать... Пожалуй, нет. Вышел из того возраста. Дела. Не хватает времени все. Столько нового.

— Жаль. Космос, если хотите, тоже зеркало. Огромное увеличивающее зеркало, в котором земные достижения и ошибки, наши чисто человеческие заблуждения и наития приобретают глобальный отзвук... Год назад на планете Прометей случилось чрезвычайное происшествие.

— О планете Прометей я как раз слышал. Ну как же — конечно! Вокруг этого эксперимента было такое паблисити! Первый космический объект, заселенный земными организмами. Космобиолог... забыл фамилию...

— Андрей Савин.

— Да, да, Савин... Там построили биостанцию, которой руководил академик Медведев. Тяжелый человек, надо сказать. Так что же там случилось?

— Это мы с вами сейчас и увидим. Хочу добавить предварительно, что планета Прометей — весьма редкого в Галактике кристаллического типа и находится в системе двух звезд, одна из которых светится только в ультрафиолетовом диапазоне. Все это, вкупе с другими странностями, заставило Андрея Савина в самом начале выдвинуть гипотезу об искусственном происхождении планеты. На его гипотезу тогда не обратили внимания, ибо прямых доказательств не было, а косвенные можно было объяснить в рамках уже известных теорий. Опять сработало зеркало. Но вот год назад...

Проектор тихо заурчал. Рубиновые кристаллы потеплели, засветились мелкими угольками, по овальному экрану, как по жаровне под ветром, заметались летучие искры. Пан подвинул кресло поближе к академику.

— Пленка эта, до окончательного решения Международного Совета Космонавтики о судьбе биостанции, так сказать, для внутреннего пользования. Поэтому комментирует ее не диктор, а сам Андрей Савин. Ну и я помогу, если что будет неясно...

5. БОГ СЕМЕН

Карагодский невольно вцепился в подлокотники. Прямо в глаза светило неяркое большое солнце, окруженное короной шевелящихся зеленых протуберанцев. Поблескивали крупные звезды, незнакомые созвездия. Глубоко внизу синела твердь, и так негостеприимно она выглядела — геометрическая головоломка, разрушенная и раскиданная капризным ребенком: пирамиды, конусы, тетраэдры, октаэдры, немислимые ритмы острых ребер, пиков, наклонных плоскостей, винтообразных полированных граней. Лишь в немногих местах неведомая сила обуздала архитектурно-кубистические увлечения природы. Там протянулись расписные равнины, словно ворсистые восточные ковры, и мягкая округлость холмов только подчеркивала общее торжество покоя. Над одной из равнин летело что-то круглое, плоское...

Голос Савина: «Фильм, естественно, не снимался специально. Это выборка из информации следящих автоматов внешнего и внутреннего наблюдения. Информация просматривается ежедневно, нужное — копируется, ненужное — стирается. Именно благодаря такой системе мы смогли довольно точно восстановить события.

Сейчас снимает спутник связи, запущенный над планетой. Справа, над полем Кольчатых Крикунов, хорошо виден дископлан Семена Антропова. Он летит по заданию Медведева к Белому озеру, где появился новый вид летающих объектов, условно названных «простынями».

Мгновенная темнота — и зрители очутились на поверхности одной из террас, тремя правильными уступами опоясавших небольшое озеро.

Своей белой, зеркально гладкой поверхностью озеро больше напоминало пустой каток где-нибудь в Лужниках или Сокольниках, и сходство усугубляли стадионные формы террас.

Пан зашептал, наклонившись к Карагодскому:

— Озеро состоит из плотной воды, по консистенции что-то вроде вазелина. Если вы не забыли химию, подобное вещество на Земле получают осаждением паров обычной воды в кварцевых капиллярах. Никакого практического применения плотная вода так и не нашла.

Все вокруг заполнял тусклый, неизвестно откуда идущий сиреневый свет, который, уходя в высоту, становился все плотнее, превращаясь постепенно в низкое, чуть пульсирующее, ощутимо тяжелое небо. Глаз не сразу привык к неверному свету, крадущему тени от мелких предметов, и поэтому Карагодский не заметил сначала, что трибуна импровизированного стадиона битком заполнена. Какие-то нелепые существа, плохо различимые на расстоянии, ползают, прыгают, катаются по террасам, то заводя хороводы, то рассыпаясь в разные стороны.

Голос Савина: «Снимает автомат, расположенный у Белого озера. Именно на этой пленке мы обнаружили первые «простыни». Съемка идет в ультрафиолетовой зоне спектра, потому что здесь сейчас — день черного солнца. Самого солнца не видно из-за вторичного свечения атмосферы».

Движение на террасах усилилось, словно существа почували неведомую опасность, но постепенно начали замирать медленными толчками. А мертвое озеро оказалось не таким уж безжизненным. В его плотных глубинах мучительно медленно возникали и пропадали какие-то тени — треугольники, круги, квадраты. А химеры на террасах замерли совсем в гипнотическом оцепенении.

По гладкой поверхности прошло волнение, и в какой-то миг показалось, что озеро выходит из берегов. Но вздыбившиеся пузыри один за другим лопались, выстреливая белые сгустки, эти сгустки плавно разворачивались в широкие белые прямоугольники, действительно смахивающие на простыни... Выпустив пять или шесть полотнищ, озеро успокоилось. Полотнища поднялись повыше, покачиваясь в воздухе, вибрируя краями, а потом все так же зачарованно медленно поплыли над террасами, низко, почти касаясь замерших в трансе тварей. Пройдя над нижними террасами, они поднялись выше, держа строгие интервалы, не отбросив тени над головами зрителей, и Карагодский мог поклясться, что от них пахло могильной плесенью...

Обследовав приозерные террасы, «простыни» берут еще повыше и тянутся куда-то в ночь (или в «черный день?»), за пирамидальные горные пики, слабо зеленеющие на горизонте.

Пан снова зашептал:

— Пока они будут летать, я хочу кое-что пояснить... Вениамин Лазаревич, вы меня слышите?

— Да... Да.

— Планета Прометей заселялась... м-м-м... несколько необычным способом. Основной посев составляли водоросли, сложные грибы и симбиотики, искусственные и естественные микроорганизмы. Под воздействием ультрафиолетового солнца и прочих необычностей тамошних условий они мутировали в совершенно новые формы. К примеру, на Прометее нет деления на флору и фауну, почти все здешние твари одновременно и животные, и растения. В пору зеленого солнца, что по человеческим понятиям соответствует дню, они — растения, мирно произрастающие на равнинах, отвоеванных у кристаллической поверхности. В это время они заряжаются энергией. А с приходом поры черного солнца они превращаются в животных, тратя накопленную энергию. Но самое странное и труднообъяснимое у них — отсутствие борьбы за существование. Нет более мирных и безопасных для человека и друг друга созданий, чем эти твари. Вот почему насторожили привычных ко всему здешних биологов «простыни»... Впрочем, смотрите...

Из-за зеленых пиков появилась белая вереница. «Простыни» возвращались. Но теперь на медлительность и величавую плавность не осталось и намека. Да и сами полотнища изменились, свернувшись в остроконечные коконы. Не задерживаясь над террасами и по-прежнему держа строй, коконы один за другим исчезают в озере. Озеро пошло треугольниками и квадратами, посветлело, и через несколько минут белая гладь ничем не напоминала недавней фантазмагории. Террасы ожили, очнувшиеся твари опять затеяли возню.

Голос Савина: «Мы считали тогда «простыни» очередным видом новых животных и не придали значения их явной связи с Белым озером. Не могли мы знать и того, что находится в коконах, — кстати, именно процесс свертывания «простыни» в кокон должен был наблюдать Семен Антропов...»

Пан и Карагодский как будто бы сидели теперь за спиной широкоплечего человека, одетого в переливчатый герметический комбинезон и прозрачный круглый шлем. Зачесанные назад светлые волосы курчавятся на шее. В зеркальце переднего обзора видно молодое широкоскулое лицо. Антропов косит в зеркальце карий глаз и подмигивает. Зеленое солнце теперь сзади, оно уже касается горизонта, внизу — ставшая привычной кутерьма кристаллических гор, а впереди — клубы отливающего металлом то ли дыма, то ли тумана. Еще секунда — и дископлан наискось врезается в туман. За прозрачным колпаком становится темнее, а сама освещенная лампой кабина — теснее.

Голос Савина: «Съемку ведет автомат связи с Биостанцией. Все параметры дископлана — в норме, Антропов в отличном настроении. Сейчас он перешел терминанту — границу зеленого и черного дня, для простоты — дня и ночи. Ночью, как я говорил, можно видеть только в ультрафиолетовом диапазоне. Экран УФ-визира находится прямо перед пилотом, отсюда его видно. Пилот может переключить картинку с визира на автомат, Антропов так и должен был сделать, но не успел...»

И опять — вид со спутника. За край чашеобразного горизонта уползают зеленые змеи первого солнца. А вот и второе — бархатно-черный круг, наклеенный на морозные узоры звездного неба. Есть в нем что-то ненастоящее, что-то от неудачной декорации условного театра. А внизу — многокилометровая толща сиреневого тумана. И вдруг в этом тумане, в этой неверной глубине вспыхивает и гаснет яркая красная звездочка. Только раз вспыхивает и гаснет — и снова молчание звезд, декоративный черный круг над головой и холодный сиреневый свет под ногами.

Голос Савина: «В 29 часов 41 минуту 31 секунду местного времени связь с дископланом Антропова внезапно прервалась. Тремя секундами спустя внешний спутник зафиксировал взрыв в атмосфере. Координаты взрыва совпадали с предполагаемыми координатами дископлана. Немедленно в этот район вылетело три спасательных машины, но ни самого Антропова, ни остатков разбитого диска не нашли».

Смена кадра. Знакомая верхняя терраса у Белого озера. Картина прежняя — сиреневая «ночь» и застывшие в каталептическом сне химеры. Возвращаются «простыни», но сейчас их ровный строй сломан, они летят тяжело, припадающим вниз клином. В острие клина — кокон, в котором угадывается спеленутая человеческая фигура, в арьергарде — кое-как перехваченные «простынями» искореженные части дископлана. Процесс скрывается в озере, и, как всегда, оживают приозерные уступы.

Голос Савина: «А в это время автомат у Белого озера фиксировал вот такую картину... В связи с общей тревогой мы не перезаряжали кассеты, и автомат снимал, пока не кончилась пленка... Уже днем...»

Смена кадра. Все залито яркими зелеными лучами, которые, многократно отражаясь в полированном камне террас, разбрасывают над озером широкие трехцветные радуги. Террасы пустынные, неподвижны, острые пики скал вокруг, только свет дрожит и колеблется на острых скалах. И озеро беспокойно, оно вздувается и опадает, словно дышит тяжело. Берега его теперь почти ровень со средней террасой. И вдруг озеро рывком уходит внутрь себя, словно проваливается, до старой отметки.

На обнажившемся нижнем уступе лежит человек в блестящем комбинезоне и прозрачном шлеме. А рядом — перевернутый вверх лыжами дископлан. Проходит минута. Человек пошевелился. И — темнота.

Голос Савина: «Пленка кончилась, и мы не увидели весьма существенной детали — как Антропов сумел в одиночку поставить на лыжи двенадцатитонный дископлан. А он сделал это. Через 16 часов 7 минут после взрыва и своей предполагаемой гибели Антропов вернулся на Биостанцию самостоятельно в исправной машине. О том, что было с ним после взрыва, — не знает. Очнулся на берегу Белого озера днем. Сел в машину и прилетел. «Простыней» не видел. Эту пленку с автоматом на верхней террасе захватил по дороге».

...Медицинский кабинет. Антропов с каким-то лихорадочным упоением демонстрирует врачам грудь, спину, живот. Врачей — трое, все молодые, и вид у них несколько растерянный. Антропов сложен великолепно, при каждом движении под кожей перекачиваются мышцы, словно на анатомической модели. На коже — ни одного шрама, ни одной царапины...

Теперь Антропова осматривают уже четверо. Он возбужден и недоволен, но надевает какие-то датчики, ложится на раскладные кушетки, становится под раструбы массивных аппаратов. Торопит врачей, которые, по его мнению, нетерпимо медлительны. Крупно вспыхивают десятки цифр, кривые, графики, рентгено снимки, инфраграммы...

Голос Савина: «Антропов казался прежним — и снаружи, и внутри, как доложили медики. Здоров, в психике никаких отклонений, никаких намеков на травму. По-прежнему малость авантюрист, малость задира и большой говорун. Биостанция ликовала, радуясь и чудесному спасению товарища, и неожиданному открытию. Химики с ходу соорудили теорию живой воды и уже стали разрабатывать технологию ее синтеза на Земле. Только Медведев не поддался общему энтузиазму. И он оказался прав».

Снова медосмотр. Что-то в одном из анализов заинтересовало врачей, отвлекло от Антропова. Рассерженный, он что-то говорит им, выставляет вперед руку с растопыренной ладонью. Лицо его наливаясь кровью от напряжения, глаза останавливаются на собственных пальцах. Между пальцами что-то вспухает, растет, заостряется, а в напряженных зрачках Семена — сумасшедшинка мастера, лепящего фигурку из глины.

Белеют за голым плечом лица врачей. На протянутой вперед руке Антропова — пальцев больше обычного...

* * *

Первая половина фильма не произвела на Карагодского особого впечатления. Он подумал только, что иронией судьбы киномоевике бывают иногда достовернее самой жизни. Хорошие, по крайней мере. Взять хотя бы это ЧП на Прометее. Талантливый режиссер наворотил бы из него вестерн, и зрители поседели бы от ужаса.

Таинственная планета, авария, привидения, воскрешение из мертвых... А ты вот сидишь, смотришь бесстрастно бесстрастные пленки и в душе ругаешь себя за неспособность проникнуться чужой радостью и бедой.

Виноваты автоматы. В их объективах, как под взглядом посредственности, живая жизнь увядает, становится схемой. Они равнодушны, посредственности и автоматы, в этом их беда. Им все равно, что вокруг — смерть или праздник. Они подчиняются только заложенной в чреве программе.

А человек...

Тот, кто вышел из голографического экрана, уже не был человеком. У него был приятный голос, он говорил внятно, правильно и убежденно, говорил с юмором и доказательно, но ЧТО он говорил!

Тот, кто был когда-то Антроповым, сидел на металлической лавке в оранжеее. У него была «подзарядка», и он использовал вынужденную неподвижность для дискуссии, которая звучала как проповедь. Над ним, чутко следуя за зеленым диском солнца, колыхались на мускулистых стеблях веерообразные листья. Несколько рук, каким-то чудом втиснутые в плечевые суставы, все время что-то делали, демонстрируя необыкновенные способности владельца: сгибали оголенный кабель под током, переливали из ладони в ладонь то концентрированную кислоту, то расплавленный металл. Ноги пока не были нужны, и Семен сделал из них два тугих сплетения корней, уходящих в оранжейную почву.

И страшно было видеть среди неправдоподобных, неприемлемых разумом и чувством нагромождений невероятной плоти лицо Антропова, не тронутое переделками. Оно, красивое и слегка самонадеянное, воспринималось отдельно, оно словно было украдено и насильно пришито к этой живой горе.

«Сейчас он еще вполне симпатичен, — прокомментировал Савин. — Теперь он перед каждым пересозданием делает предварительный эскиз и расчеты по анатомическим справочникам. А вот когда он конструировал себя по вдохновению... Впрочем, художественной жилки у него никогда не было».

А Семен проповедовал «свободу формы». Он критиковал человечество за то, что, увлекшись техническими революциями, оно напрочь забыло другие пути самоусовершенствования. Поставив во главу угла интеллектуальный рост, оно забыло, в какие непрочные и несовершенные сосуды заключено его творческое могущество. И как результат, появилась пропасть между желанием и возможностью. И пропасть эта все время растет, потому что растут желания человека пропорционально его знаниям, а возможности по-прежнему ограничены биологическим барьером, физическим несовершенством человеческого тела. И пытаться одолеть эту

пропасть техническим прогрессом — все равно что пытаться догнать свою собственную тень, когда солнце светит в спину.

— Надо повернуться лицом к солнцу, — Семен выразительно покачал своими листьями-опахалами. — Надо раскрепостить человеческое тело, дав ему возможность свободно изменяться, принимать любую форму, которую только пожелает мозг. Подумайте только, какие горизонты откроет «свобода формы» для человечества!

— Говорят, распад психики, — пробурчал Пан. — Вещает, как Заратустра.

Карагодский покосился неодобрительно. Ему было жаль Антропова.

А Семен снова гнул кабель под напряжением, переливал в ладонках расплавленный свинец, резал ногтем стекло — открывал новые горизонты.

И как у всякого провозвестника, нашлись бы, наверное, у Семена последователи, раскрой он секрет «раскрепощения плоти», принцип «самоконструирования тела». Но раскрыть этот секрет Семен не мог не потому, что не хотел, а потому, что не знал. Сам он «создавал» и «пересоздавал» себя по желанию или чьей-либо просьбе, но каким образом желание материализуется в соответствующие клетки, ткани и органы, он не знал.

Не знали этого и товарищи Семена, хотя пытались узнать самоотверженно и настойчиво, ловя буквально каждый шаг, каждое движение, дыхание Антропова, вторгаясь в сокровенное остриями анализаторов и датчиков, просвечивая каждую клетку и дежуря у каждого нерва. Они уже перешагнули заповедные межи медицины, биологии, физиологии, психологии, они уже вышли на целину недавно созданных и еще несозданных «логий», они уже бродили в пустыне, где «логии» окончательно порывают с логикой и здравым смыслом.

«Мы узнали очень немного, — продолжал комментировать Савин. — Но даже это немного рассыпалось на частности, не хотело укладываться ни в какую систему. Заметили, к примеру, что способность к метаморфозам сильнее в период черного солнца. Доказали, что расход энергии на метаморфозу равен полученной предварительно извне, следовательно, процесс самомутации автономен. Определили, что в момент метаморфозы внутриклеточная жидкость превращается в плотную воду — вещество, из которого состоит Белое озеро. Установили — и это, пожалуй, самое важное, — что процесс материализации мысленного приказа идет через появление в организме сложных нейтринных структур, прежде не наблюдавшихся ни на Земле, ни в исследованном космосе. Механика их образования и последующего перехода в статичные атомные структуры выходит за рамки существующих в данное время фундаментальных теорий...»

Да, ученые старались. Все внешние исследования почти прекратились, службу несли лишь автоматы наблюдения. Работа затерянной среди космических пространств биостанции сфокусировалась в одной точке. И не только страсть к познанию, не только тяга к «новым горизонтам», не только настойчивые менгограммы Земли смыкали круги добровольных круглосуточных дежурств.

Изредка — все реже — у Семена наступала ремиссия, короткие часы просветления. Он замолкал на полуслове и забивался куда-либо подальше от глаз, в укромное место. Там он возвращался в прежнее тело и подолгу, с удивлением и страхом рассматривал себя. И думал долго, мучительно.

В эти часы все на станции говорили почему-то шепотом. И называли Семена только по фамилии. И, нарушая закон сохранения энергии, находили в своих несовершенных, закрепощенных организмах неожиданные новые силы для продолжения поиска.

Выводы Медведев излагал, словно вбивал в доску кривой гвоздь:

— Все вышеизложенное с высокой степенью достоверности позволяет предположить, что планета Прометей и расположенная на ней биостанция находятся в зоне действия экспериментов некоего самостоятельного творческого начала, которое принято именовать иным разумом. До сих пор эти эксперименты ограничивались направлениями мутации низших организмов и созданием животво-растительного сообщества, лишённого борьбы за существование.

Гибель и последующее воскрешение Семена Антропова, а также обретенная им способность переконструировать свое тело свидетельствуют о том, что предполагаемые эксперименты вошли в новую фазу, включив в себя человека как биологическую систему.

Поскольку мотивы, направления и последствия подобных действий непредсказуемы, планета Прометей стала зоной потенциальной опасности для человека. Вопросы, возникающие в этой связи, носят не столько научный, сколько морально-этический характер, и потому решать их единолично я не вправе.

На мой взгляд, возможны лишь два варианта: либо ликвидировать биостанцию до получения новых данных, либо продолжать исследования силами хорошо информированных добровольцев. Я — сторонник второго варианта, в пользу которого говорит и тот факт, что Антропова, видимо, невозможно эвакуировать на Землю, ибо нет уверенности, что он сможет жить там.

В случае принятия второго варианта прошу Международный Совет Космонавтики и соответствующие организации оставить меня руководителем биостанции и поручить отбор добровольцев...

Скользили по орбитам два странных солнца, качали в невидимой колыбели удивительное дитя — свое ли, приемное ли? — теплом золота,

бронзы, кармина и сурика светились циклопические кристаллы, и сверкал сквозь вуаль атмосферы бессонный глаз Белого озера...

Карагодский наклонился к Пану:

— Значит, Белое озеро... м-м-м... разумно?

По голосу слышно было, что Пан улыбается в темноте.

— Вы читали «Солярис», а говорите, что не интересуетесь космосом... Я вам могу ответить словами его героя: «То, что происходит, не имеет аналогии с человеческим опытом, мы не знаем причин и вряд ли когда-нибудь их узнаем...» Возможно, тот, иной разум считает, что благодетельствовал Семена Антропова, дав ему поистине божественное преимущество перед остальными людьми. А Семен хочет назад — снова быть таким, как все. Или вперед — чтобы все были, как он. Середина для него — хуже смерти...

— Но где же он, этот таинственный разум?

— Вениамин Лазаревич, ничего не могу вам предложить, кроме досужих домыслов. На мой взгляд, Белое озеро не подходит — оно слишком мало и однородно для такой сложной субстанции. Сама кристаллопланета? Такая рабочая гипотеза есть, и от нее не отмахнешься; ведь человек, по сути дела, сложное сообщество жидких кристаллов. Между биологическими науками и кристаллографией сейчас намечаются весьма интересные параллели... Сам Савин считает, что цитадель искомого разума — где-то около центра Галактики, а кристаллопланеты — что-то вроде биоразведчиков, с которыми хозяева связаны через Белые озера... Все это, повторяю, домыслы, а не факты.

— Но высший разум...

— Стоп. Так мы не договаривались. Почему высший? Только потому, что он делает искусственные планеты? А может быть, ему требуется для этого такой же уровень самосознания, как неандертальцу, копающему яму для мамонта?

* * *

Дважды звякнул автостоп проектора, возвестив конец фильма. Рубиновый экран смял и смешал призрачные видения и поглотил единым вдохом, как горловина компрессора.

Каютой овладело солнце. Сноп горячих, ощутимо плотных золотых лучей ворвался в иллюминатор, переломился в зеркале и ударил по темным углам, наградив каждый предмет, каждую мелочь точностью очертаний и длинной дрожащей тенью.

Карагодский прикрыл глаза, наслаждаясь. Тревожные химеры ушли, растворились; вопросы, зияющие, как неожиданная пропасть под ногой, отодвинулись на миллиарды километров от этой каюты, от этого горячего,

привычного солнца. Здесь была Земля, здесь человек до сих пор чувствовал себя хозяином, и, как бы ни изощрялся Пан в словесной казуистике, он останется хозяином до конца. Это — в крови, иначе быть не может. Как вообще можно иначе?

Но ему вдруг вспомнились умоляющие глаза «бога Семена» — его странное и страшное нечеловеческими возможностями тело, глаза с неммым вопросом: «Зачем? Зачем со мной это сделали? И почему — со мной?»

И смотрели на Карагодского глаза дельфинов — сколько промелькнуло их за долгие годы! — немигающие, полные своей думы и тайны. Кажется, в них тоже проскальзывало настойчивое «зачем». Но такого вопроса нет в ДЭСПе.

Так нельзя. Божье — богу, кесарю — кесарево. Нельзя объять необъятное. Пусть каждый делает свое дело. Что еще? По одежке протягивай ножки, кстати, «одежку», то есть научно-исследовательское судно «Дельфин», Пан получил не без помощи Карагодского. Не говорю об Уиссе...

— Чудесный сюжет для фантастического романа, — Карагодский начал атаку с фланга.

— Согласен. Только это не фантастика, к сожалению. Для биостанции на Прометее, во всяком случае.

— Когда вы закрутили фильм, я решил, что у дельфинов нашлись космические прародители...

— Не исключено.

Карагодский поднял брови. Шутка, конечно, получилась топорной, но этот заполошный Пан принял ее всерьез.

— Вы этолог, Иван Сергеевич, это ваш хлеб — выяснять отношения животных друг с другом, а также с человеком. Мой хлеб — дельфинология, меня интересуют дельфины, больше никто и ничто. Я — сугубо земной человек, узкий специалист, практик. Я создал ШОДы и ДЭСПы, они стали частью народного хозяйства. Статьей дохода, если хотите. И немало. И нам с вами не бороться с ними надо, а совершенствовать. Как говорится, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Вы что улыбаетесь?

В середине этой тирады Пан оторвался, наконец, от иллюминатора и повернулся к академику и теперь рассматривал его в упор с живейшим и насмешливым интересом.

— Ничего, продолжайте. Я первый раз вижу вас в роли бедного родственника.

— При чем тут бедный родственник? Я слуга. Слуга народа. Все, что я делаю, принадлежит народу и никому более...

— Я могу повторить то же самое и о себе. Дальше!

— Вам, чистым ученым, наши проблемы и заботы кажутся частными, мелкими. Еще бы — вы мыслите в масштабах глобальных, космических...

— Понял. Дальше!

— А здесь — Земля. Здесь свои традиции и законы.

— Значит, вы предлагаете установить две моральные нормы: одну для внутреннего употребления, другую для внешнего. Представьте себе страну, которая вовне проповедует идеалы добра и терпимости, а сама насаждает рабство. Можете вы себе представить такое?

— Далось вам это рабство!

— Ну, хорошо — не рабство, пусть это называют по-научному — антропоцентризм.

Карагодский прикусил губу, передохнул. Профессор снова тянет в болото философии. В ней он дока, ничего не скажешь. Но и Карагодский не зря получил звание академика.

— Сдаюсь, Иван Сергеевич, сдаюсь. Наш с вами спор напоминает поединок Геракла с Антеем. Вы — Геракл в своей области, отдаю вам должное. А я — грешный сын Земли, стоит вам оторвать меня от нее, вы можете задушить меня, как цыпленка. Прошу пощады. Или ваше великодушие касается только животных?

Великая штука — лесть. Даже Пан помягчел, заулыбался смущенно, сел в кресло, внезапно успокоенный.

А Карагодский продолжал вкрадчиво:

— Конечно, наши проблемы мелковаты...

— Вениамин Лазаревич, не нравится мне это: «наши» — «ваши». Мы с вами, как говорится, в одной лодке...

— Вот именно, Иван Сергеевич, вот именно. Но чтобы изложить вам свои заботы, я тоже должен вернуться к событиям двухлетней давности. Вы помните, как попал к вам Уисс?

— Разумеется! Вы мне как-то сказали, что в одном из ШОДов появился некий феноменальный образец, возможно мутант, и вы не знаете, что с ним делать, потому что он перебаламутил всю школу. Я забрал его к себе, в лазаревскую акваторию, и вот... Кажется, я уже неоднократно благодарил вас за такой подарок, но если надо...

— Да что вы, Иван Сергеевич, я не о том! Мы действительно не знали, что с ним делать... Дело в том, что он не только перебаламутил, но и разогнал весь 108-й ШОД — все дельфины, как один, покинули школу. А Уисс остался. И вел себя так, что у ночного сторожа начался психический стресс: он то слышал какую-то неведомую музыку, то непонятные слова, то видел каких-то чудищ и множество морских звезд, которые танцевали на дне бассейна. Мы пытались выгнать Уисса, даже ультразвуковую сирену включили, но он упорно лез к людям...

— Интересно... Вы знаете, это потрясающе интересно! Что же вы мне тогда ничего не сказали? Мы бы не блуждали так долго в потемках!

- А что я мог сказать? Что поймал сумасшедшего дельфина?
- Как раз это вы и сказали. А вот про сторожа...
- При чем тут сторож?
- Ну хорошо, теперь это не имеет значения. А что дальше?
- А дальше... Вам лучше меня известно, что у дельфинов нет вожаков. Полная, так сказать, демократия без границ и края.
- Ну, не совсем...
- Да, я знаю: в дельфиньем стаде живет одновременно 10—12 поколений, и в минуту опасности или просто в необычных обстоятельствах старшие самцы и самки берут руководство на себя...
- То есть стадом руководит опыт и разум, а не сила, как в животном мире. Да и в человеческом до недавнего времени.
- Да-да... Но в обычной обстановке вожаков в стаде нет. Так?
- Так.
- Но вот появляется Уисс — и все меняется. Достаточно ему свистнуть — стадо в двести голов, рискуя жизнью, перелетает через оплетенную колючкой стенку бассейна и уходит в открытое море...
- На стенке — колючая проволока?!
- Колючая проволока предназначена для косаток, которые могут запрыгнуть в бассейн, — мы защищали дельфинов!
- Все равно... А ладно, что спорить. Продолжайте.
- Я, собственно, уже почти все сказал. Связано или не связано это с появлением Уисса — не знаю, но в последние два года дельфины стали сторониться ШОДов. Участились случаи бегства и неповиновения. Больше того — несколько раз дельфины отказывались загонять косяки.
- А вы спросили их, почему?
- В ДЭСПе нет такого слова. Но я, кажется, начинаю догадываться почему. У дельфинов есть вожаки. Сколько их — неизвестно. Но они есть. И они настроены против человека. Они намеренно вызывают беспорядки в ШОДах, провоцируют неповиновение и бегство в открытое море. Все остальные дельфины слепо им повинуются... Я никому не говорил до сих пор о своих догадках. Вы первый, с кем я делюсь... Вы единственный, кто сейчас может помочь, Иван Сергеевич. Не мне, а всему нашему общему делу. Вы наладили контакт с Уиссом, и это очень обнадеживает. Надо приручить вожаков заставить их действовать не против нас, а за нас. Тогда мы получим поистине неограниченную власть над дельфиньим племенем. Вам не нравятся ШОДы — реорганизуем их. Вам не нравится ДЭСП — будем действовать музыкой. Но подумайте, какие перспективы!
- Перспективы... — в глазах Пана задрожали синие угарные огоньки. — А я вот не могу обещать никаких перспектив. Одни только неприят-

ности, да и то, если повезет. А вы мне предлагаете ни больше ни меньше как роль дельфиньего диктатора! Как тут не согласиться?!

— Вы на самом деле согласны?

— Согласен! Но с одним условием — сначала я доведу до конца то, что задумал, ради чего работал, ради чего мы сегодня — на борту «Дельфина». И если после вы повторите свое предложение — я соглашусь.

— Чего же вы хотите, если не секрет?

— Теперь не секрет. Я хочу доказать существование дельфиньей цивилизации — гораздо более древней, чем человеческая. Я хочу доказать, что у нашей планеты не один, а много хозяев. Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться, а посмотрел вокруг глазами мыслителя, художника, а не голодного дикаря. Я хочу...

Затрезвонил корабельный видеофон. Пан метнулся к панели. На экране появилось взволнованное лицо Нины:

— Иван Сергеевич, скорее, Уисс...

Она заметила Карагодского в кресле, замялась, смутилась и вопросительно глянула на Пана.

— Говорите, Ниночка, говорите. Вениамин Лазаревич почти в курсе дела. Что стряслось?

— Уисс вызывает вас.

— Как, уже?

— Да. Он очень торжественный и загадочный — передает в основном в синих и лиловых тонах. Мы подошли к какому-то острову, и Уисс попросил бросить здесь якорь.

— Бросить якорь?

— Конечно, — Нина засмеялась. — Он показал нам якорь и как он падает в воду. Очень просто.

— Хорошо. Сейчас мы с Вениамином Лазаревичем придем.

Профессор глянул на Карагодского, потер лоб.

— О чем это я? Да, ШОДы в таком случае отпадут сами собой. А ДЭСП на первых порах может пригодиться. Но это уже детали. Да, о дельфиньих прародителях... Мне очень хочется помочь Семену, вернуть его на Землю, к людям. Мне кажется, дельфины знают об этом больше, чем мы. Впрочем, об этом позже.

Пан засуетился вокруг своего стола, собирая какие-то записи. Сейчас он больше, чем когда-либо, походил на одержимого — растерянный, с трясущимися от волнения пальцами.

Цивилизация дельфинов! Ай да профессор! Любопытно будет полюбоваться.

И снова увидел Карагодский немигающие глаза своих подопытных, и что-то вроде страха шевельнулось в душе — а вдруг...

Карагодский неохотно встал с уютного кресла, оправил костюм, пригладил волосы перед зеркалом. «Я хочу, чтобы человек перестал смотреться в зеркало и прихорашиваться...» Чудак.

— Иван Сергеевич, если это не такая уж большая тайна, то куда мы все-таки плывем?

— Это не тайна.

Пан, наконец, собрал свои бумаги.

— Это не тайна, Вениамин Лазаревич. Я сам не знаю. Нас ведет Уисс.

Профессор снял с дверной ручки галстук и, сунув его в карман, открыл перед Карагодским двери.

* * *

Фрэнк Хаксли томился от безделья. Он ждал вызова диспетчера и не уходил из дежурки. Вызов почему-то запаздывал. Бэк, не разделяя нетерпения командира, спал в кресле сном праведника. Пилоты резерва разбредлись по Базе кто куда.

Изучив улыбки девушек всего мира на потертых обложках журналов, Фрэнк вытащил из комбинезона бобину с заветной лентой. Уже переключив видефон на «воспроизведение» и поставив запись, пилот заколебался было, глянув на Бэка. Но решив, не без оснований, что помешать сну помощника может только атомный взрыв, он с бьющимся сердцем включил фильм.

«Межзвездный вампир» — полоснула по экрану надпись, и Фрэнк Хаксли перестал существовать...

* * *

Он увидел аборигенку, затаившуюся в густой, пряно пахнувшей листве. Ее мучил страх. Грязно-коричневые смрадные тучи едва не задевали верхушки дерева. Тяжелым душным покрывалом колыхались они над лесом, и дрожащий свет едва просачивался вниз. Было жарко, воздух, насыщенный испарениями и стойким запахом гнили, был неподвижен, и неокрепшие легкие, казалось, вот-вот лопнут, не выдержав судорожного ритма дыхания.

Встрепенувшееся ухо уловило приближающийся хруст. Через минуту хруст превратился в треск ломающихся огромных деревьев.

— Межзвездный вампир...

Задрожала земля, дерево, на котором сидела аборигенка, резко качнуло. Огромная колеблющаяся гора мышц проползла рядом, оставив за собой широкий прямой коридор в джунглях. Внезапно она замерла, и над верхушкой дерева закачалась отвратительная приплюснутая голова...

Надо было спастись. Прижавшись к стволу, неслышно проскальзывая сквозь путаницу лиан, оставляя на острых колючках клочки кожи, аборигенка спустилась вниз. Ее спасла собственная неуклюжесть: у самого низа она поскользнулась на содранной коре и едва не свалилась в топь. В тот же миг у горла лязгнули страшные челюсти, и продолговатая голова пронеслась над нею, испачкав чужой кровью.

Аборигенка хотела метнуться назад, но застыла, парализованная ужасом, — дорога назад была отрезана. С трех сторон протяжно ухала непроходимая топь, а между ней и спасительным гнездом громоздился враг. Он стоял, пружиня на непомерно больших задних лапах, а маленькие передние мелко дрожали, готовясь схватить добычу.

И вдруг что-то произошло. Чудовище взвыло и прыгнуло. Раздался страшный грохот, и топь качнулась. Громадное тело, содрогаясь, провалилось куда-то. А рядом с аборигенкой на бревне стоял вездесущий Гарри — в золотистом облегающем скафандре без шлема, с дымящимся бластером в мускулистых руках.

— Ах! — сказала аборигенка и упала Гарри на грудь.

— Ах!..

Кто-то схватил его за плечо. И Гарри, стараясь не испугать аборигенов Цереры, вылезавших из джунглей, посмотрел на труп межзвездного вампира, медленно повернулся.

— Очнешься ты, наконец?

Фрэнк Хаксли уставился на Бэка, не понимая и не принимая его слов.

— Командир, да проснись же. Вызывают нас.

— Куда?

— Как куда — за косяком. Сами напросились.

Динамик громко кричал: «Экипажам «Флайфиш-131», «Флайфиш-140», «Флайфиш-15» и «Флайфиш-89» явиться немедленно в главную рубку за получением инструкций. Перед вылетом получить разъяснения у дельфинолога Комова. Вылет через полчаса. Экипажам «Флайфиш-131»...

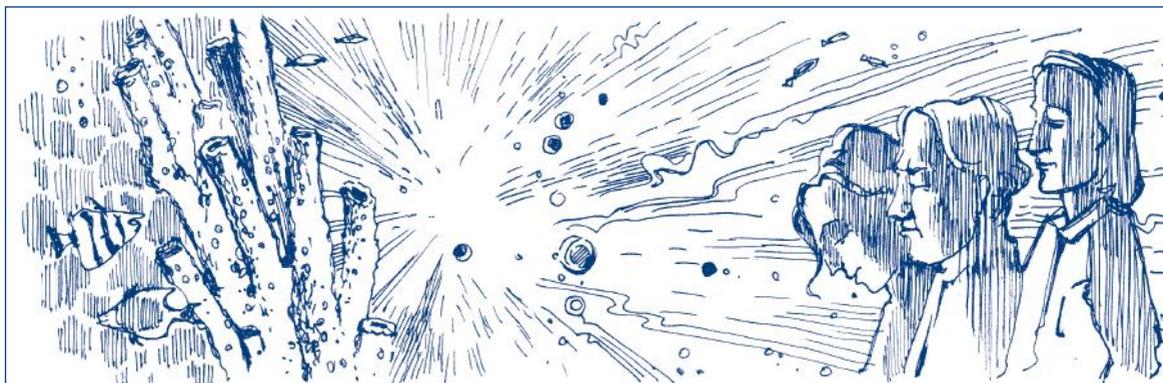
— Подожди, Бэк. Там что-нибудь случилось?

— Не знаю, шеф. Говорят, дельфины взбунтовались. Угнали косяк, и теперь надо его разыскивать...

Хаксли снял наушники и сладко потянулся. Он с сожалением взглянул на видефон, все еще горящий кровавыми красками, и заключил:

— Надоело это все: дельфины, косяки. Нет на старушке Земле романтики, давно нет...

— Сами напросились, — бубнил Бэк, захлопывая дверь дежурки. — Никто нас не заставлял...

6. ПРЕВАННАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Центральная лаборатория, или, как величал ее Пан, операторская, располагалась на полубаке. Три стены и потолок были сделаны из прозрачного, почти невидимого поляризованного стекла, и большой, суженный к носу зал казался выдвинутой в море площадкой. В хорошую погоду боковые стены и потолок убирали, и лаборатория на самом деле превращалась в площадку, защищенную от встречного ветра и взлетающих из-под форштевня брызг только плавным выгибом передней стенки.

Сейчас были убраны только боковины, а потолок, в толще которого по мельчайшим капиллярам пульсировала цветная жидкость, превратился в желто-зеленый светофильтр.

Впрочем, ослепительную улыбку Гоши, молоденького капитана «Дельфина», не могли погасить никакие светофильтры. Он небрежно бросил под козырек два пальца и лихо оттрапортовал Пану:

— Шеф, все нормально. Координаты — 36 градусов 10 минут северной широты и 25 градусов 42 минуты восточной долготы. Лоцман требует отдать швартовы у этого каменного зуба. Жду приказаний.

Первую неделю плавания — первого самостоятельного плавания после окончания мореходного училища — Гоша провел в неприступном одиночестве на капитанском мостике. Его новенький китель вспыхивал там с восходом солнца и гас на закате.

Через неделю гордое одиночество приелось общительному капитану. Его немногочисленная команда — штурман-радист, механик и два мат-

роса — сама знала, что ей делать, штормы проходили стороной, приборы работали безукоризненно, и вот позади осталась ленивая зыбь Черного моря, узкое горло Босфора и утренним маревом встало Мраморное море.

Словом, вторую неделю бравый кэп провел на верхней и нижней палубах. С видом суровым и занятым он бесцельно слонялся среди своего налаженного хозяйства, искоса наблюдая за суматошными буднями «ученой братии». Ученые оказались отличными ребятами, и поэтому однажды капитан не выдержал, снял китель и фуражку, засучил рукава и стал помогать аспиранту Толе опускать за борт какую-то замысловатую штуковину, похожую на большого ежа.

Но окончательное «падение» капитана произошло в начале третьей недели, когда он впервые переступил порог операторской. То ли тамошние чудеса, то ли карие глаза Нины были виной, но с тех пор штат центральной лаборатории увеличился на одного добровольного ассистента.

Вот и теперь Гоша был первым, на кого наткнулись Пан и Карагодский, едва открыв дверь операторской.

— Стоп! Назад помалу, — в тон Гоше ответил Пан. — Сначала обстановку. Что это за остров?

— Остров? — Гоша презрительно сощурился. — Вы считаете это островом, шеф? Да этого камушка нет, наверно, даже в лоции. А название... Впрочем, сейчас скажу точно.

Островок на самом деле был неказистый. Даже не островок, а невысокая конусообразная скала, сверху донизу поросшая темно-зеленой непролазной щетиной колючих кустарников и травы, из которой робко тянулись редкие кривые стволы дикой фисташки, кермесового дуба и земляничного дерева.

Ветер тянул слева, со стороны скалы, и к привычным запахам моря примешивались пряные, дурманящие ароматы шалфея, лаванды и эспарцета.

Гоша с треском захлопнул объемистый телеблокнот с голубым эластичным экраном — последнюю новинку изменчивой моды — и снова повернулся к Пану, который с любопытством продолжал изучать остров. Этот зеленый конус напоминал что-то мучительно знакомое...

— Согласно самой последней лоции Эгейского моря, этот каменный прыщ именуется весьма величественно и совершенно непроизносимо — дай бог силы! — ОНРОГКГА-989681, что в переводе на нормальный язык значит: «Отдельный надводный риф островной группы Киклады Греческого архипелага...» А шестизначная цифра означает не что иное, как порядковый номер этого самого ОНРОГКГА среди подобных ему чудес природы. На месте нашего уважаемого лоцмана я бы выбирал стоянки

посимпатичней. Тем более что пришвартоваться нет никакой возможности — он круглый, как медуза.

— Действительно, круглый... — задумчиво пробормотал Пан, последний раз внимательно оглядывая островок, и шагнул к Нине: — Ну, что Уисс? Передавал он еще что-нибудь?

— Вот последняя запись, Иван Сергеевич...

Нина и Пан наклонились над контрольным окном видеоманнитона, слышались свисты, то похожие на обрывки странных мелодий, то режущие ухо диссонансами. По лицам профессора и его ассистентки заскользили разноцветные тени. Гоша тоже уставился в окошко, все трое о чем-то говорили вполголоса, но о чем, понять было трудно, а расспрашивать Карагодскому не хотелось, хотя и было любопытно, поэтому он, прислонившись спиной к стене, разглядывал операторскую.

Академик заходил сюда три недели назад и остался весьма доволен скромным изяществом и своеобразным уютом лаборатории: поблескивали никелем и пластиком новенькие пульта, с мягким щелчком вставляли из них выдвижные полуовалы экранов, динамические кресла услужливо повторяли любую позу человека.

Но сейчас от благолепия центральной лаборатории ничего не осталось. Скрытая проводка была безжалостно выворочена из стен. Внутренности пультов вывернуты, и защитные щитки кучей валялись под ногами. Разноцветная паутина кабелей либо висела над головой на каких-то самодельных прищепках, либо путалась под ногами. Чудесные покойные кресла были заменены какими-то легкомысленными стульчиками. Лишь одно кресло осталось — на самом носу, чуть ли не над водой, но и его буйная фантазия электроников превратила во что-то среднее между электрическим стулом и высокочастотным душем. Других ассоциаций таинственное сиденье с параболой антенны на спинке не вызывало. А тощие ноги того, кто устроил весь этот погром, — трижды безответственно-го аспиранта Толи, — торчали из бывшего электрооргана.

— Готово!

Толины ноги беспомощно заскреблись по полу, зацепились за стойку винтового стула, судорожно согнулись — и Толя, в одних плавках и в белом распахнутом халате, накинутом прямо на жилистое тело, оказался перед Карагодским.

— А, это вы. Привет! Пришли пощупать наше хозяйство? Давайте, давайте! Давно пора. Пан с Ниночкой тут такую чертовщину крутят, что ахнешь. Даже меня в пот вогнали. Но вы, смотрите, Пана не обижайте! Он — бог! В своем деле, конечно...

Решив, что разговора «для вежливости» с Карагодского вполне достаточно, Толя прикрикнул на троицу, склонившуюся над видеоманнитофоном:

— Эй, орлы! Моя система готова к переговорам на высшем интеллектуальном уровне! Начали, что ли?

И поскольку Пан, Нина и Гоша не обратили на него никакого внимания, он взял на клавишах несколько пронзительно высоких звуков, от которых заложило уши:

— У-и-сс!

И тотчас же, словно ответило далекое эхо, — такой же аккорд, слегка погашенный расстоянием, донесся из-за острова.

А двумя минутами позже справа по борту из голубой кипени бесшумно вырос трехметровый зеленовато-коричневый столб. Карагодский за свою жизнь немало насмотрелся на дельфинов, но это было сверх разума — гигант, весящий в воздухе не меньше тонны, без видимых усилий стоял на хвосте, погруженном в воду, — словно для него не существовало законов физики. По очереди глянули на академика два озорных глаза, скользнули по лаборатории и снова остановились на нем, разглядывая, — внимательные, немигающие. В них царила такая спокойная сила, такое пронзительное понимание, что Карагодскому невольно захотелось отвернуться.

— Уисс, миленький, рыбки! Белуга!

Гоша перегнулся через фальшборт, молитвенно протягивая Уиссу перевернутую капитанскую фуражку.

— Гоша, сколько у вас было в школе по географии? Вы же знаете, что в Эгейском море белуги нет.

— В Греции все есть, Ниночка, — убежденно ответил Гоша.

Дельфин исчез внезапно, как и появился, а Нина всерьез напустилась на капитана:

— Вечно вы, Гоша, нарушаете программу! Вы же вчера обещали прекратить, а сегодня — снова. Вдобавок — при Вениамине Лазаревиче, а ему быть может, некогда...

Гоша виновато расшаркался. Пан в одиночестве принялся гонять видеозапись и не замечал ничего вокруг.

Карагодский хотел было подойти к Пану, но в это время раздался сильный всплеск, и что-то большое и серебристое пролетело перед самым носом, глухо шмякнулось на палубу.

— Нина... Белуга! Честное слово, белуга! Молоденькая! Крошка!

«Крошка» почти метровой длины яростно билась в цепких Гошинных руках, разевая зубастый полулунный рот, и отчаянно раздувала жабры.

— Что случилось? — поднял голову Пан.

— Уисс принес белугу! Ну и ну! Артист... Спасибо, старик! Мы ее сейчас того... до камбуза!

И Гоша ринулся вниз, едва не сбив по дороге очень высокого, очень худого и очень смуглого человека, который предупредительно распахнул перед ним дверь.

— Вот заполоха, — одобрительно ухмыльнулся Толя. — Так, Иван Сергеевич, у меня все на мази. Можно крутить!

— Ладно, Толя, спасибо. Где же Кришан?

— Я здесь, — раздался за спиной Карагодского глубокий чистый баритон. — Я готов. Давно готов.

— Композитор Кришан Бхаттачария, — торопливо представил Пан смуглого Дон-Кихота. — Наш главный лингвист и толкователь дельфиньего эпоса. Вам интересно будет поговорить с ним, Вениамин Лазаревич.

И Пан юркнул в путаницу проводов, как в джунгли.

— Вам, вероятно, несколько странно присутствие гуманитария в сугубо научном обществе? — Кришан говорил с легким акцентом, который подчеркивал необычную красоту его голоса.

— Откровенно говоря, да.

— Я вас знаю. Вы — автор ДЭСПа. Но Панфилов пошутил, назвав меня лингвистом. Я всего лишь музыкант. И очень смутно представляю себе научную суть проблем, которые здесь решаются.

— Хочу вас спросить. Я десять лет искал возможности двухсторонней связи с дельфинами. И я сразу, разумеется, обратил внимание на то, что они прямо-таки шалеют от музыки. Услышав музыкальную фразу, они повторяют ее с магнитофонной точностью, потом начинают варьировать звуки, пока фраза не превратится в сплошной скрип и скрежет...

— А вам не приходило в голову, что дельфин старается таким способом понять, что сказали мы музыкальной фразой?

— Нет. Не приходило. Музыка для меня — это игра отвлеченных эмоций, и только.

— В какой-то мере вы правы. Именно так воспринимает музыку большинство людей. Потому что в обыденной жизни они пользуются иной сигнальной системой — словом. Но для музыканта музыка гораздо конкретней, чем обычно думают. Знаете, в консерватории мы иногда ради шутки устраивали «немые недели»: участники спора договаривались за всю неделю не произнести ни слова, объясняться можно было только музыкальными импровизациями. И знаете — получалось! Сначала трудно, а потом — словно родился дельфином!

— Дельфином?

— Простите, я, быть может, путаю какие-либо научные тонкости, но так мне объяснял Пан — у дельфинов несколько сигнальных систем: одна подсобная, что-то вроде нашего упрощенного словесного языка, вторая — творческая, непосредственный обмен мыслями. Есть и другие,

например пента-волна, которой занимается Нина. Но я занимаюсь второй системой: музыкой, мыслями Уисса. И мы с ним неплохо начинаем понимать друг друга...

— Следовательно, вы считаете, что дельфины мыслят непосредственно музыкальными образами? Как композиторы?

Кришан не уловил тонкой иронии, которую вложил академик в свой вопрос. Он хрустнул пальцами, вывернув их под прямым углом, и ответил простодушно:

— Безусловно. Их метод мышления близок к древнеиндусской музыке, вернее, к сангиту — таким термином обозначают у нас единство пения, инструментальной музыки и линейно-цветового движения танца. Вот вы говорили — в музыке нельзя передать конкретный образ. У нас в Индии вас бы засмеяли. Наша древняя музыка сугубо конкретна, даже слишком. Древние произведения делятся на большие и малые раги — нечто вроде музыкальных иероглифов, описывающих предметы и события. Но каждую рагу тем не менее можно исполнять по-разному, толковать ее в своем ключе, добавлять или изменять детали. Таким образом, каждый раз индус видит в исполняемом произведении не условные, а конкретные факты и вещи... Впрочем, европейцу это трудно объяснить...

— Дельфину легче?

И опять Кришан не понял иронии.

— Да, дельфину легче. Они мыслят сходными цветочными музыкальными иероглифами. Такие иероглифы можно записать нотами, составить словарь понятий. Не только простейших, но и очень сложных, даже фантастических с точки зрения человека. Моя мечта — написать с помощью Уисса «Подводные веды» — исторический эпос жизни океана... Это будет открытие второй Земли — цивилизации гениальных музыкантов! Это будет революция в музыке!

И Кришан принялся разгибать сухие длинные пальцы.

Карагодский кивнул вежливому индусу, который заторопился к электрооргану, и снова остался в одиночестве.

— Итак, товарищи, — голос у Пана внезапно охрип. — Мы начинаем наш первый опыт по расшифровке тайн дельфиньей цивилизации. Путь наш к сегодняшнему дню был долог и нелегок. Но день сегодня ясный! Мы увидим, наконец, то, чего не видел еще ни один человек на Земле. Впрочем, возможно, все будет проще. Ну, что там... Мы верим в тебя, Уисс!

Кришан опустил пальцы на клавиши, раздался резкий пересвист, оборвавшийся почти сразу, — и ничего больше, хотя пальцы композитора продолжали нажимать черно-белые плашки.

«Ультразвук, — сообразил Карагодский. — Музыка передается Уиссу в ультразвуковом диапазоне».

Пан позвал Карагодского:

— Сюда, Вениамин Лазаревич, сюда поближе, на этот стульчик.

Над пультами раскрылись веера экранов. Карагодский и Пан уселись около двух центральных, отливающих туманной зеленью. Посерьезнел над видеомагнитофоном Толя. Нина сидела чуть впереди, и перед ней рубиновой россыпью горел овал голографической проекции.

Кришан надел наушники. Его смуглый лоб блестел, индус то вслушивался во что-то, доступное ему одному, то, несколько секунд помедлив, импровизировал ответ, и ритм неслышимого разговора соответствовал ритму прибора, бьющего в скалистые стены острова.

— Следите за экранами... Кстати, вы заметили на голове Уисса телепередатчик? Такую маленькую красную коробочку? Нет? Ну, ничего... Здесь, на левом экране, мы увидим все, что увидел бы человек на месте Уисса с помощью телепередатчика. А на правом — то, что видит Уисс...

— Каким образом?

— Разве Кришан не объяснил вам? Ультразвуковой преобразователь плюс цветомузыкальная приставка, плюс визуальный вход — выход ЭВМ... В ЭВМ — словарь образов-понятий, чтобы Уисс мог не только показывать, но и комментировать увиденное...

— Опять фильмы с комментариями?

— По-видимому. Я знаю не больше вашего. Уисс обещал показать историю дельфиньей расы или что-то в этом роде. А как — я не знаю.

— Солидный ответ солидного ученого...

— Бросьте вы, Карагодский. Смотрите лучше.

Уисс, вероятно, плыл по поверхности, и пока изображения на обоих экранах мало отличались, если не считать того, что дымчато-голубое небо в подпалинах облаков на правом экране было неестественно выпукло и заключено в темно-синий круг — словно смотришь со дна колодца сквозь сильное увеличительное стекло. Так продолжалось минуты три.

— Откровенно говоря, Иван Сергеевич, меня мучит еще один каверзный вопросик: «Зачем ума искать и ездить так далеко?» Какая надобность забросила нас в Эгейское море? Если вы с Уиссом так хорошо понимаете друг друга, почему бы не устроить историко-философский симпозиум где-нибудь поближе? Совершенно бестолковый курс — тысячи миль от родных берегов, Эгейское море, Киклады, какой-то дикий риф — и все в угоду неизвестным устремлениям дельфина, освобожденного из неволи! А может, ему просто размяться захотелось?

— Нет, не зря он привел нас сюда. Не случайно Эгейское море, не случайны Киклады...

В зеленом луче солнца, пробившемся сквозь светофильтр, в дрожащих рефлексах от цветовой пляски на экранах сухое и напряженное лицо

Пана напоминало маску шамана, а слова падали, как формулы заклятий.

— Эгейское море — колыбель человеческой цивилизации. А Киклады — это загадка в загадке. Здесь родился бог морей Посейдон. Что мы знаем о крито-микенской культуре?

— Я — почти ничего. Я не археолог и не историк. Я дельфинолог.

— Но именно на фресках дворца в Киоссе появляются дельфины, несущие души умерших в мир иной...

— Но это вполне естественно! Островные жители поклонялись морю, и дельфины были у них священными животными!

— А таинственные подземные ходы, которые вели прямо в море? В одном вы правы: загадка подобна облаку. Один видит в нем храм, другой — ком ваты. Однако я очень советую вам на досуге заняться крито-микенской культурой. Для дельфинолога в ней много любопытного.

— Не хотите ли вы сказать, что крито-микенскую культуру изобрели дельфины?

Пан не ответил, потому что изображения на обоих экранах вдруг изменились.

— Иван Сергеевич, Уисс пошел в глубину у самого острова.

— Спасибо, Ниночка, вижу. Кришан, вы сейчас только слушайте — вопросы будем задавать только в крайнем случае, чтоб не мешать передаче.

Теперь изображения резко отличались друг от друга. Но только на первый взгляд. При внимательном сравнении и изрядном терпении можно было уловить сходство между жутковатыми фантазмагориями правого экрана и бесстрастным реализмом левого.

Уисс шел в глубину медленно, и красота подводного мира вставала перед учеными словно в окне батискафа. Прямые лучи солнца, преломленные легкой зыбью на поверхности, медленно кружились туманными зеленовато-голубыми столбами, входя друг в друга, переплетаясь и снова расходясь, оттененные непроницаемым аквамарином фона. Серебристый, с черными поперечными полосами морской карась, попав в полосу света, замер, недовольно шевеля плавниками и тараша красный глаз, а потом, не изменив положения, медленно опустился вниз, за пределы зрения телепередатчика. Торопливыми частыми толчками проплыл корнерот, похожий на перевернутый вверх дном белый горшок с цветной капустой. Вслед за ним, закладывая безукоризненно плавный вираж, вылетела суматошная стайка сардин, но, с ходу налетев на мясистые ядовитые щупальца медузы, сломала строй, рассыпалась елочным дождем. Теперь корнероту торопиться было некуда, и он повис, облапив неожиданную добычу, чуть покачиваясь в танцующих столбах света.

Правое изображение объективно повторяло все, что происходило на левом. Но, бог мой, что там творилось! В непомерной пустоте, лишен-

ной намека на перспективу, громоздились, наползая друг на друга, непонятные, фантастически искаженные объемы, с мгновенностью удара рождались и гасли загадочные спирали, параболы, сдвоенные и строенные прямые, расползались и съезжались предельно насыщенные цветом неправильные пятна и бледные, едва видимые круги. Бедный карась оказался распластанным минимум на шесть проекций, которые, накладываясь одна на другую, мигом сконструировали такое чудовище с четырьмя хвостами между глаз, что Карагодский нервно расхохотался:

— Я был недавно у своего друга, известного нейрохирурга. Ему удалось получить уникальные фотографии — как видит мир человек, больной шизофренией. Очень похоже. Может быть, Уисс — тоже того? Никакой не жоак, а просто сумасшедший?

— Простите, Вениамин Лазаревич, одну минуту...

Уисс круто пошел вниз. На левом экране заметно потемнело, танцующие столбы исчезли, а сбоку сквозь густую синеву проступило что-то большое и красное.

Пан прибавил усиление.

Большое пятно оказалось подножием рифа в сплошных зарослях благородного коралла. Причудливые, сильно разветвленные кусты всех оттенков красного — от бледно-розового до багрово-черного — полностью закрывали грунт. Искривленные толстые ветки, словно вешним цветом, были усыпаны белоснежными полипами, и между ними сновали торопливые полосатые рыбки. Изредка среди этого красного сада попадались игрушечные домики органчика и пышные букеты анемонов, лениво сплетающихся и расплетающихся изумрудно-зеленые плети щупалец.

Боком, прячась за камнями, пробежал рак-отшельник, таща на раковине двух похожих на шоколадные торты актиний. Морской конек, висевший, зацепившись хвостом за ветку коралла, рассерженно фыркнул на него, сплющив подвижной нос.

Внезапно перед самым объективом со дна что-то полыхнуло, подняв тучу мути. Большие мягкие крылья на миг заняли половину экрана, и скат изящными взмахами плавников совсем по-птичьему взлетел над коралловым лесом.

Ручка усиления дошла до предела, а изображение все меркло и меркло, пока не превратилось в сплошную густо-синюю ночь. Уисс уходил все глубже.

— Иван Сергеевич, — раздался тревожный голос Кришана, — Уисс что-то говорит, но я его не могу понять...

— Почему?

— Совершенно другая система сигналов. Линейная. Это не рассказ. Это что-то другое. Но что — не знаю. Почему он перешел на другие сигналы? Что он хочет?

— Это я вас должен спросить, что он хочет... Дайте звук!

Стонущая, нереальная под этим ярким солнцем, этим ласковым морем, необычная мелодия полилась из динамика. Да, слух не обманывал — это действительно была мелодия — диковинная, но все-таки понятная сердцу, и столько нечеловеческой грусти и покорности было в ней, что охолодели руки.

Нина подалась вперед, к экрану. Бхаттачария разминал пальцы. Пан сидел, стиснув виски ладонями. Присмиривший Толя бесцельно наматывал на кисть какой-то желтый провод. Два других лаборанта, оторвавшись от приборов, во все глаза смотрели на Пана с безмолвным вопросом.

А Карагодскому стало вдруг пусто. Он словно увидел себя со стороны — важного, увенчанного званиями и ничего не значащего, потому что ничему не отдавал он целиком всего себя, как Пан...

Левый экран давно погас — с телепередатчиком что-то случилось. А по правому, в алых сполохах, едва уловимые глазом, неслись линии, горизонтальные и вертикальные, то прямые, то ломаные, они сталкивались и сгорали, оставляя мгновенные белые молнии.

— Это говорит не Уисс, — тихо и как-то чересчур спокойно произнес Кришан. — Это кто-то другой.

— Мне кажется, это спор, — добавил он, помолчав. — Уисс спорит с кем-то. Но если верить гидрофонам, в радиусе десяти километров нет ни одного дельфина, кроме...

Стонущая мелодия оборвалась, сменившись редкими тихими аккордами, похожими на всхлипы волн. По экрану, расходясь, поплыли фиолетовые круги.

— А это Уисс... Его почерк...

Пан сгорбился, словно собираясь прыгнуть в зеленый омут экрана. Движение фиолетовых кругов прекратилось, они вошли друг в друга и замерли — шесть колец, сложенных одно в другое, а в самом центре засветилась неверная звездочка. Вот звездочка дрогнула, стала приближаться, и все ярче и острее становились ее точеные лучи. Звезда росла, лучи ее протыкали круг за кругом, и круги исчезали, освобождая путь, — первый, второй. Но едва только тонкие острия коснулись третьего круга, что-то случилось: звезда налилась кровью, лучи превратились в судорожно трепещущие языки пламени. Синяя молния прошла звезду наискось, звезда съежилась, расплылась и стала желтым шаром солнца, встающего из моря...

— Кришан! — взмолился Пан. — Что это значит?

— Вероятнее всего, то, что Уисс прекращает передачу по непредвиденным обстоятельствам. А солнце — символ ожидания и надежды. Он надеется на лучшее и призывает нас к терпению.

— Но почему? Что за обстоятельства?

Кришан пожал плечами.

— Летящая звезда — это, видимо, символ Знания, Движения, Поиска. А концентрические круги — это формы Знания, его ступени. Очень сложные раги, связанные, скорее всего, с философскими концепциями, о которых мы не знаем ровно ничего. Вы видели, как, соприкоснувшись с Третьим Кругом, звезда превратилась в горящее пятно — Глаз Гибели, символ опасности. Значит, Знания Третьего Круга таят в себе опасность...

— Для кого — для вас или для них? — спросил Карагодский.

Пан посмотрел на него с удивлением.

7. МАЛЬЧИШКИ

Утро только начиналось, и с прибрежных гор тянуло холодом и сыростью. И только снизу, из серой пелены, с невидимого пока моря, тянуло уютным домашним теплом.

Юрка остановился в нерешительности перед самшитовой стеной шоссевого ограждения. До ближайшего подземного перехода надо было сделать крюк метров в триста, а разве мог он сейчас терять хотя бы одну лишнюю минуту? Джеймс, наверное, уже на берегу. Этот длинноногий англичанин всегда и всюду поспевал раньше других.

Юрка умел пробираться сквозь самшит. Сначала он погрузил в плотную зеленую стену обе руки. Когда коварный кустарник «привык» к ним и острые колючки перестали ранить кожу, он медленно ввел в стену плечо, потом ногу. Самое главное — не торопиться, не «спугнуть» спящие ветки. И еще — ни в коем случае не думать, что тебе надо пробраться сквозь изгородь. Потому что — в этом Юрка был уверен — кустарник умел читать мысли. Стоило только подумать о конечной цели, сделать единственное неосторожное движение — и тысячи крошечных зубов вопьются в твои штаны, рубашку, тело и будут держать мертвой хваткой до тех пор, пока ты не рванешься с воплем из зеленой гущи.

Все обошлось благополучно, если не считать одной-двух царапин на щеке. Перед тем как штурмовать вторую полосу заграждений, Юрка с наслаждением потоптался на пустынном полотне дороги. Пластик, влажный от росы, смешно хрюкал под босыми ступнями и приятно грел подошвы.

Успешно преодолев второй ряд самшитовых зарослей, мальчик вышел к узкому распадку. Огромные деревья обеих сторон ущелья сплелись вершинами, и под ними было всегда темно. В этой естественной трубе в любую погоду, в любое время дня гудел ветер.

Заросли в распадке были совершенно непроходимы, но мальчик знал здесь свою тайную тропу — каменистое ложе ручья. Весной ручей превращался в бурный желтый поток с многочисленными порогами и водопадами, купаться в котором, несмотря на запреты, было гораздо интереснее, чем в море, а летом пересыхал, оставляя едва заметную дорожку из гладко отшлифованного камня. Дорожка была небезопасной: на нее выползали иногда юркие маленькие змейки, от укуса которых нога распухла и поднималась температура, — а это целая неделя взаперти. Но если ранку сразу расковырять до крови, а потом поболтать ногами минут десять в морской воде... Вы думаете, она заживет? Ничего подобного! Надо после ванны приложить к ранке горячий круглый камешек, обязательно с дыркой посередине, и тринадцать раз повторить вслух: «Змей, не смей!» Вот тогда обязательно заживет.

Спускаясь по тропинке, Юрка чуть не наступил на метрового полоза, который тоже направлялся к морю. Полоз мгновенно свился в разноцветную восьмерку, но с дороги не уполз. Юрка присел на корточки, осторожно дотронулся до полоза, провел по оливковой, в желтых крапинках и ромбах спине, и гигантский уж доверчиво развернулся, подставляя горячей мальчишечьей ладони светлое брюшко. Юрка взял полоза в руки, обвил вокруг шеи и вприпрыжку помчался по каменному желобу.

Труба вывела его к самой кромке прибоя, на узкую полосу темной гальки, зажатую между обрывом, напоминавшим слоистый вафельный торт, и валунами заброшенного волнолома. Море дышало мерно, и белые лапы прибоя лениво перебирали гальку. Только в тяжелые лбы валунов море ухало со всей силы — земля вздрагивала под ногами. За валунами была бухточка, где даже в шторм вода оставалась удивительно спокойной. Здесь они с Джеймсом держали свою моторку и всякие рыболовные снасти.

Но сейчас здесь не было ни Джеймса, ни моторки, а только обидная записка, придавленная камнем: «Притти тобой второй рейс. Не можно так длинно спать. Рыба хохочут. Джеймс».

— «Рыба хохочут!» — передразнил Юрка и показал записке язык. — Веснушка курносая! Зануда! У меня мама скоро кандидатом будет, а все равно всегда просыпает... «Длинно спать!» Сон — это самое полезное дело для здоровья. Нервную систему укрепляет.

Полоз сочувственно дотронулся раздвоенным язычком до свежей царапины на щеке. Язычок был холодный и щекотный.

Юрка вылез на валун. Туман уже начал отслаиваться от воды, между пушистыми белыми клочьями и блестящей зеркальной поверхностью образовалось чистое пространство, и этот узкий горизонтальный про-свет уходил далеко-далеко. В привольном бело-голубом далеке краснело маленькое пятнышко моторки. До Джеймса было не меньше двух кило-метров — вплавь никак не добраться. Но ждать на берегу, пока Джеймс, лихо свесив ноги за борт, бормочет какие-то волшебные английские сло-ва, заклиная поплавок дернуться, — нет, это выше сил!

Юрка, наклонившись к самой воде, чтобы дальше было слышно, про-свистел условную трель:

— Фью-и-и-ссс!

Красное пятнышко не шелохнулось. Даже если Джеймс слышит Юр-кин призыв, он, конечно, не сжалится и не подгонит моторку к берегу. Такой уж он упрямый: подавай точность, и никаких гвоздей. А если в ча-сах батарея села, что тогда? Или, например, какое-нибудь неожиданное срочное дело. Например, если он задержался, спасая человека от смерти, и опоздал, что тогда?

Юрка, уже отлично понимая, что дело безнадежное и что два часа бесцельного сидения на берегу ему обеспечены, зашел по колено в пар-ную воду и, набрав полные легкие воздуха, свистнул что было сил:

— Ф-ф-фью-и-и-ссс!!!

Что-то стремительное, темное и страшное встало перед Юркой во весь огромный рост, окатило брызгами с ног до головы, свистнуло в лицо и, прежде чем мальчик успел что-либо сообразить, исчезло.

Юрка как стоял, так и сел в воду в штанах и рубашке и сидел в воде по плечи, боясь пошевелиться. Даже удрать сил не было.

Очередной накат ткнул в лицо и чуть не свалил на спину, а потом по-тащил за плечи в глубину. Мальчик вскочил на ноги, фыркая и отплевыв-аясь от соленой воды, и протер заслезившиеся глаза.

Вокруг было по-прежнему тихо, спокойно и пусто.

Впрочем, нет. В сотне метров от валуна, немного правее далекой мотор-ки, торчал из воды плавник. Он не двигался ни туда ни сюда — просто торчал на месте, словно черно-зеленый флажок на зеркальной поверхности.

— Дельфин! — облегченно вздохнул Юрка. — Конечно, я не испугал-ся, а просто поскользнулся. От неожиданности. Вот перед тобой бы так выпрыгнули, посмотрел бы я на тебя, чего бы ты делал... Откуда я знал, что ты дельфин, а не акула?

Юрка отлично знал, что в Черном море из всего страшного акулье-го племени водятся только безобидные пугливые катранчики, но это не меняло дела. Он даже пожалел, что чудовище оказалось обычным дель-фином, а не «тигром морей». Вот если бы это была акула, вот тогда бы он...

Флажок нехотя двинулся от берега в открытое море. Это никак не входило в Юркины планы. Он только что снял мокрую одежду, разложил ее на гальке сушиться, а сам приготовился к долгой беседе, чтобы хоть как-то скоротать время. Конечно, дельфин — не ахти какой общительный собеседник, но это все-таки лучше, чем разговаривать с мертвыми валунами.

— Дельфин! — закричал Юрка, махая рукой. — Куда ты? Иди ко мне! Здесь хорошо, тихо!

К великому Юркиному удивлению, флажок остановился и даже сделал несколько неуверенных зигзагов в направлении к берегу.

— Ко мне, ко мне!

Но флажок не обнаруживал желаний приблизиться.

Мальчик испробовал все: он звал дельфина на все лады — и как собаку, и как кошку, и как курицу, разыгрывая целые пантомимы, делая вид, что он поймал рыбу, просто приглашал словами и жестами, улегшись на живот и загребая руками, наконец, отыскав в кармане полиэтиленовую рыбку-блесну на обрывке лески, попробовал приманить дельфина ею.

Все было бесполезно. Флажок торчал на месте, как приклеенный.

Помог полоз.

Обеспокоенный странным поведением своего случайного хозяина, он долго вертелся на шее, пытаясь вернуть утраченный покой, а потом вдруг довольно ощутимо цапнул мальчика за ухо.

И вдруг Юрку осенило.

Наклонившись к воде, он просвистел боевой пароль.

— Фью-и-и-ссс!

Флажок дернулся и стал описывать замысловатые кривые, которые все ближе подходили к берегу. А Юрка свистел и свистел, пока у него не зазвенело в ушах от собственных трелей.

Дельфин сделал последний круг и неторопливо вошел в бухту. Он остановился совсем недалеко от камня, на котором сидел мальчик. Вода в бухточке была достаточно прозрачна, и Юрка мог детально рассмотреть своего нового знакомого.

Дельфин как дельфин. Темно-зеленая спина, светло-серое брюшко. И совсем не такой большой, как показалось со страху, — мелкий. И зубы в клюве мелкие. А на крутом лбу — белая отметина, как у Уисса.

Расставил в стороны боковые плавники и смотрит. Глаза озорные-озорные, как у Джеймса, когда тот подстроит очередную каверзу. Только не серые, как у Джеймса, а густо-карие, почти черные.

— Ну, что смотришь? Страшно?

— А что такое — страшно?

Юрка оторопело уставился на дельфина. Он мог поклясться, что дельфин рта не открывал. Но кроме него задавать вопросы было некому.

— Это ты спросил?

— Я, — ответил дельфин, не открывая рта.

Юрка с тоской посмотрел на далекую моторку Джеймса. Вот, оказывается, какие дела. Он не только проспал утреннее свидание с Джеймсом, но спит и до сих пор. И все это ему снится.

— Ты не спишь, — сказал дельфин.

Мальчик с опаской поджал под себя ноги и начал подниматься с камня. Сон это или не сон, но если дельфин умеет читать мысли...

— А ты не умеешь?

Да, с таким собеседником держи ухо остро, хотя что страшного? Дельфины добрые, они никогда не трогают человека. Если есть говорящие скворцы, то почему бы не быть говорящим дельфинам? Скворец глупый, а дельфины умные, почти как люди. Об этом мама сколько раз говорила. И Иван Сергеевич тоже. Только вот почему Уисс ни разу не заговорил по-человечьи? А этот — говорит...

— Ты — говорящий, да?

— Я не знаю, что такое «говорящий».

— Ну вот мы с тобой сейчас разговариваем — как мы понимаем друг друга?

— Я не знаю. Я еще маленький. Мама знает.

— А где твоя мама?

— Близко. В море. Она отпустила меня играть.

— А почему ты не открываешь рта, когда говоришь?

— Рот открывают, когда едят. Когда думают, рта открывать не надо. Я слышу твои мысли, но не знаю, зачем ты открываешь рот. Ты хочешь есть?

«Дурень», — подумал Юрка и тут же испугался: вдруг дельфиненок обидится? «Это я на себя сказал — дурень, не обижайся». Но не тут-то было — мысли словно с привязи сорвались, никогда Юрка не предполагал, что у него такая суматоха в голове, а надо думать так, чтобы дельфиненок все слышал, вернее, все ему слышать не надо, потому что в голову лезет всякая чепуха, а ведь он, Юрка, сейчас — представитель человечества перед представителем дельфинов, надо думать что-то умное. Что же еще у него спросить?..

— Я ничего не слышу. Ты думаешь очень сбивчиво и непонятно. Думай громче и медленней.

И тут в целях спасения человеческого престижа Юрка решился на маленький обман — ради науки, разумеется. Он заговорил:

— Люди всегда открывают рот, когда думают громко. Понимаешь, такое свойство. Особое. Поэтому, когда я буду открывать рот, это не значит, что я захотел есть, — это я думаю. Понятно?

— Понятно.

Туман уже почти совсем разошелся, открыв зеленоватое утреннее небо. Вдоль побережья потянул бриз. Горы неохотно просыпались, потягивались, поднимали к небу каменные головы.

Мальчик зябко повел плечами, не очень ясно представляя, что, собственно, делать с дельфиненком дальше. Первое удивление прошло, знакомство состоялось, общий язык найден, что же дальше? В гости к себе его не позовешь, с мальчишками во дворе не поиграешь, в турпоход не пригласишь, телефильм не посмотришь... Интересно, что в подобных случаях делают ученые?

Дельфиненок, видимо, испытывал те же сомнения. Он нервно шевелил лапами, не зная, направиться ли ему в море или остаться в бухте. Контакт грозил прерваться в самом начале и самым печальным образом.

Юрка отыскал у горизонта красное пятнышко. Джеймс сидит там себе и не знает, какие удивительные вещи здесь происходят.

— У тебя есть друзья?

— Все дельфины — друзья.

— Я говорю о таких, как ты.

— Есть. Очень много. Они далеко. В море.

— А здесь?

— Нет.

— Хочешь, я буду твоим другом?

— Хочу.

Юрка хотел по древнему мальчишечьему обычаю протянуть руку, но вовремя спохватился — вряд ли лапы дельфина пригодны для рукопожатий.

— Меня зовут Юрка.

Дельфиненок попробовал изобразить это имя вслух, и у него получилось что-то похожее на «Хрюлька». Мальчик чуть не свалился с камня от хохота. Дельфиненок на радостях выпрыгнул из воды, хрюкнул еще раз и тоже скрипуче засмеялся, открыв зубастый клюв.

— А тебя как зовут? — спросил Юрка.

— Фью-и-и-ссс, — лихо просвистел дельфиненок заветный пароль.

— Как, это твое имя?

— Так меня зовут.

— И потому ты приплыл на свист?

— Да.

— Вот это здорово! А почему ты не подплыл сразу?

— Я не хотел мешать тебе. Ты делал что-то очень сложное.

— Так это я тебя так подманивал!

Оба снова залились счастливым хохотом: один — хлопая себя по коленям, другой — высоко выпрыгивая из воды и разевая клюв.

— Ой, вот Джеймс будет смеяться! Умора!

— Кто такой Джеймс?

— Мой друг. Видишь, вон там лодка? Это Джеймс ловит там рыбу и ничегошеньки не знает! Он скоро вернется. Мы подождем его, правда?

— Зачем ждать? Поплывем!

Юрка огорченно опустил голову.

— Хорошо тебе говорить — поплывем! Я не доплыву — далеко. И никто не доплывет. Только чемпион какой-нибудь.

— Я помогу.

Мальчику даже страшно стало: а вдруг это все-таки сон и он сейчас проснется? Проснется, так и не успев прокатиться на дельфине... Затаенная мечта мальчишек всего мира, полузабытая детская сказка... Ну почему нет никого на берегу? Почему его собственная автоматическая кинокамера валяется сейчас на столе, в номере гостиницы?

— А как? — неуверенно спросил Юрка, уже по пояс войдя в воду.

— На спине. Я сильный.

Кожа у дельфиненка была удивительно мягкая и невероятно скользкая — никак не ухватишься. Но после нескольких попыток мальчику удалось устроиться довольно основательно: спинной плавник поддерживал сзади, как спинка кресла, а коленки прочно упирались в боковые ласты. Из такого сиденья не вылететь даже на большой скорости. И руки свободны.

Бриз потихоньку раскачал море, и накат усилился. Волны со скрежетом грызли гальку, оставляя на берегу ключья пены. Пахло йодом и солью.

Дельфиненок выходил из бухточки осторожно, опасаясь то ли за себя, то ли за всадника. Когда волна откатывалась, он замирал. Чтобы при новой волне отвоевать еще один десяток метров — и так раз пять.

Наконец валуны остались позади.

— Держись!

Тугой воздух ударил в лицо мальчику и засвистел в ушах. Из-под коленок выросли два лохматых крыла водяной пыли. Юрка от неожиданности схватился обеими руками за ласты, но потом выпрямился — сначала робко, потом уверенно.

Какая моторка, какой катер! Такого он не испытывал никогда. Это был полет, именно полет, потому что не тарахтел сзади мотор, потому что не надо было крутить рули и нажимать педали, можно было закрыть глаза и слушать, как замирает сердце, когда ты повисаешь в пустоте, перелетая с волны на волну.

Когда мальчик открыл глаза, красная лодка была совсем близко. Они приближались неслышно и стремительно, и поэтому Джеймс их не заметил. Он сидел, уставившись на поплавок...

Триумф был полный. Пока Джеймс приходил в себя, дельфиненок с Юркой подняли в воде такой тарарам, что чуть не перевернули лодку. Они выписывали вокруг немислимые спирали и восьмерки, уносились в открытое море и возвращались снова.

Потом Юрка перелез со спины дельфиненка в моторку, а его место занял Джеймс, и все началось сначала — англичанин визжал, вопил, орал не своим голосом какие-то пиратские песни, а дельфин свистел, скрипел, хрюкал, и все вокруг кружилось, летело, падало и снова взлетало, и тощая фигурка светловолосого мальчишки на живой зеленой торпедe неслась и неслась по морю.

Наконец все трое умаялись и, совершенно измученные, улеглись отдыхать — мальчишки на дно лодки, а дельфиненок рядом на волну.

И тут Юрка обнаружил интересную деталь: Джеймс совершенно свободно разговаривал с дельфином по-английски! Юрку это немного задело: ведь первым установил контакт он, а не Джеймс, поэтому дельфин хотя бы из уважения должен думать по-русски. Он спросил дельфина почти сердито:

— Откуда ты знаешь английский язык?

— Я не знаю, что такое английский язык.

— Но ведь ты слышишь мысли Джеймса?

— Да.

— И мои мысли слышишь?

— Да. Когда ты думаешь громко.

— А мы с Джеймсом понимаем друг друга очень плохо.

— Почему?

— Потому что мы говорим на разных языках. Ну как тебе объяснить? Я, например, называю берег «земля», а на языке Джеймса он называется «лэнд».

Дельфиненок подумал с минуту, потом свистнул.

— Я, кажется, понял. У нас тоже в разных морях есть разные свисты. Если свистит дельфин из холодного моря, то дельфин из теплого моря этот свист не поймет. Но все дельфины умеют думать одинаково.

— Выходит, и люди думают одинаково, а только говорят на разных языках?

— Вы с Джеймсом думаете одинаково, и я одинаково хорошо слышу ваши мысли.

— Вот здорово! Если бы люди умели читать мысли, как дельфины, то все бы понимали друг друга и не надо бы было учить иностранные языки!

От полноты чувств Юрка изо всей силы хлопнул Джеймса по плечу.

— Слышишь, Джеймс, тогда мне не надо было бы зубрить английский! Ура!

Джеймс непонимающе нахмурился и спросил что-то у дельфиненка. Судя по движению плавника, тот перевел. И Джеймс вдруг разулыбался до ушей и тоже ударил Юрку по плечу.

— Энд я нет изучал русский язык! Ура!

Дельфиненок насмешливо заскрипел.

Юрка повернулся на спину и стал смотреть на облака. Еще час назад они низко висели над морем, а сейчас поднялись высоко-высоко и похожи на белые пятнышки в сиренево-синем небе. И от этого мир стал большим и просторным, а их лодка маленькой-маленькой. И бриз утих — ему просто не хватало силы стронуть с места столько воздуха и света. Он свернулся клубочком где-нибудь в ущелье и ждал вечера. Когда солнце будет садиться, облака снова спустятся ниже, и мир уменьшится. Тогда бриз выйдет на волю и примется гонять вдоль побережья мелкую зыбь. А потом придет ночь, и море сольется с небом: звезды вверху, звезды внизу, тишина вверху, тишина внизу. А потом из моря встанет луна. Она будет идти по небу, постепенно уменьшаясь и бледнея, так что утром от нее, как от растаявшего во рту леденца, останется только тонкий полупрозрачный диск. И потом все повторится сначала...

— Ты приплывешь сюда завтра?

— Да.

— Послушай, тебя надо как-то назвать по-человечьи. Давай, мы будем называть тебя Свистун.

— Суистун! Хорошо, вери гуд, — как эхо отозвался Джеймс.

— Су-ис-ти-ун!!! — локомотивным сигналом пронеслось над морем, и все трое засмеялись.

Все-таки это необычный дельфин, думал Юрка. Недаром у него знак на лбу. То, что он приплыл на свист, конечно, здорово, но в этом нет ничего необыкновенного: с помощью «дельфиньего эсперанто» можно не только звать, но и переговариваться с дельфинами. Об этом в учебнике написано.

А вот о том, что с дельфинами можно разговаривать без всякого «эсперанто», нигде не написано. Может, такого еще не случилось? Иначе зачем изобретать всякие там ДЭСПы и прочие хитрые вещи?..

А может, случилось, да не поверили... Это вот Юрка знает, что дельфины разные существа, а если кто не знает? Услышит он голос внутри себя, подумает — почудилось.

Так что, если рассудить здраво, ничего особенного в сегодняшнем происшествии нет. Просто счастливый случай.

Юрка потерялся щекой о нежную кожу дельфиненка. Нет — все-таки произошло чудо! Вообще, чудес на свете много бывает, но все они приключаются почему-то с другими. Но вот теперь...

Дельфиненок вздрогнул и метнулся от лодки.
— Мама зовет, — виновато сказал он.
Друзья понимающе переглянулись.
— Ну что ж, — со вздохом сказал Юрка. — До завтра!
— До завтра!
Дельфин скрылся в воде, словно его и не было.
— До завтра! — прозвучало стуком крови в ушах. И вдруг у самой кромки горизонта, уже начавшей таять в полуденном мареве, донесся лихой пересвист:
— Хри-юль-ка! Джи-эй-им-иэс! Су-ис-ти-ун!
Мальчишки разом вскочили, замахали руками, до рези в глазах вглядываясь в слепящую даль, но ничего не увидели.
Джеймс молча завел мотор. Каким неуклюжим корытом показалась им сейчас их алая крылатая лодка!
Уже у самого берега Джеймс спросил:
— Ты думаешь рассказать отец о Свистун?
— Нет, — подумав, ответил Юрка. — Он все равно не поверит. Вот мама — та бы поверила. Она ведь все-все про дельфинов знает. Но мама далеко...

8. ПЕНТА-СЕАНС

Здесь, на высоте, было нежарко, но внизу, под горячим дыханием пассата, океан парил и туманился, как запотевшее стекло. Небо тоже не радовало чистотой, хотя на нем не было ни облачка. Полуденное марево гасило краски, и даже солнце в зените выглядело бледным. Где-то там, в стратосфере, нес обратным курсом океанскую влагу антипассат: ветры вблизи экватора работали неутомимо и бесперебойно.

Полуденный пассат располагает к созерцанию и лени, но сегодня покой океана, как занавес на сцене, который вот-вот взорвется и откроет поле невиданных событий.

С двух сторон шли навстречу друг другу два клина, две армии: одна — безоружная и ничего не подозревающая, другая — закованная в сталь, вооруженная до зубов хитрой механикой и готовая к неожиданной сокрушительной атаке. С одной стороны верещали, свистели и скрипели дельфины, ровняя строй тунцов, не уступающих им по размерам и силе, с другой — верещали эхолоты, пересвистывались боцманы, скрипели лебедки, пряча под воду цепкие ячейки необъятных тралов.

У каждой армии был свой предводитель. Одной беззвучно командовал большой дельфин-альбинос с пятном на лбу, другой — седой и грузный старик в белом капитанском кителе. Одного звали Сусии, другого Тарас.

А между двумя сходящимися клиньями, как челноки в ткацкой машине, сновали взад и вперед четыре «Флайфиша», оставляя за собой цветные шерстистые нити — следы. Рыборазведчики трассировали курс, чтобы рулевые могли направить свой сейнер в тунцовый строй с точностью брошенного гарпуна.

Два косяка — живой и железный — сближались.

Тарас Григорьевич оторвался от стереотрубы: ход рыбы был виден простым глазом. Дельфины, конечно, тоже видели корабли, но скорости не снизили. Их крики в гидрофонах зазвучали резче и настойчивей, словно погонщики решили протаранить тунцами и корабли, и тралы.

— Лихо идут, — бурчал старый рыбак, вытирая вышитым платком мокрую шею. — А куда спешка? И зачем им прорва такая?

Что-то неправильное чудилось Тарасу Григорьевичу в этом огромном косяке, что-то тревожащее. Он всматривался в «плешь», в завихрения и водовороты, уже видные на поверхности, в лаковые выгибы дельфиньих спин, переводил глаза в небо, цветасто заштопанное трассами «Флай-фишей», пыхтел, не вынимая трубки: «Начадили тут, дыхнуть нечем». Но во всем этом привычном не хватало какой-то малой детали, какой-то пустяковины, а чего именно, Тарас Григорьевич понять не мог, и это его сердило. Но додумать ему не дали.

Когда до косяка оставалось не больше трех километров, дельфины начали действовать. Первым маневр дельфинов заметил Фрэнк Хаксли, вернее, даже не Фрэнк, а Бэк. Радист поддался всеобщему возбуждению, палил шашку за шашкой, оставляя за хвостом гидросамолета такие клубы дыма, что кто-то из соседей поинтересовался, не сигналит ли он на Луну.

Итак, Бэк посмотрел вниз и сказал:

— Ого!

Столь бурное изъяснение чувств заставило Хаксли повнимательнее всмотреться в острие рыбьего клина, над которым они делали очередной разворот, и он заметил, что острие мало-помалу превращалось в трезубец с широко разогнутыми крайними лезвиями.

— «Флайфиш-131» — флагману! Косяк разделяется на три части: центральная по-прежнему идет на вас, а две — в обход слева и справа! Они увеличили скорость!

— Курсы! Все три! — рявкнул Тарас Григорьевич, и когда несколько секунд спустя прозвучали точные цифры, он мог уже без карты сказать, что дельфины выиграли первый раунд. У фланговых косяков теперь было преимущество в скорости: громоздкие корабли, да еще с тралами, не смогут так быстро развернуться и отрезать им путь. Расчет был точным: начни дельфины маневр чуть раньше или чуть позже, можно бы было что-либо предпринять. А теперь две трети улова... О них надо забыть, чтобы вообще не остаться пустым.

По всем морским правилам костерил Тарас Григорьевич коварного «противника»:

— Облапошили на старости лет... «Онега», «Звездный»!

— «Онега» слушает!

— Есть «Звездный»!

— Давайте разворачивайте помалу..

— Так разве успеешь?

— Если только тралы свернуть... Да и то... Пока провозишься...

— Надо брать тех, что идут на нас. Перехитрить надо. Они хотят, чтобы мы растерялись, рассредоточились, погнались за двумя зайцами. А тем временем сквозь дыры и центральная орда проскочит. Так что надо сделать вид, что мы клюнули. Разворачивайтесь, да не шибко. Они тогда опять на три разделятся, чтобы два фланга между мной и вами пропустить. А вы тут — задний ход и тралы под нос: пожалуйста! Усекли?

— «Онега» — ясно.

— «Звездный» — к выполнению приказа приступил.

И через минуту, когда «Флайфиш-89» сообщил, что оставшийся косяк снова разделился на три и не снижает скорости, старый капитан успокоенно сунул в рот погасшую трубку:

— Так-то...

База все это время благоразумно помалкивала, понимая свою неспособность помочь делу. И только дельфинолог Комов никак не мог успокоиться, нудил без конца о позоре, свалившемся на Базу и на его голову, и грозил страшными карами подопечным, дельфинам-загонщикам, если они вернутся.

— Ты, наука, не дребезжи, — не выдержал Тарас. — Есть дело — говори, а нет — помолчи. Тут без тебя слабонервных хватает...

И, отложив переговорник, взялся за мегафон: передовые порядки тунцовой эскадры были уже в нескольких сотнях метров.

Наперебой загудели «Онега» и «Звездный», резко изменив курс; гудки их смешались с пронзительными криками дельфинов, чересчур поздно разгадавших уловку людей; вода вокруг забурлила; остановить живую лавину, несущуюся в западню со скоростью экспресса, не мог уже никто.

— На эхолотах, смотреть в оба! — усиленный мегафоном голос капитана гремел победоносно. — На лебедках, чуть что — травите средние сети.

Распоряжаясь, Тарас Григорьевич краем глаза посматривал на океан. Сети быстро заполнялись, тяжелели, а тунец все шел и шел. Дельфины кружились возле кораблей, сотни острых плавников то там, то сям прорывали бурлящую воду, как лезвия гибких ножей.

— Товарищ капитан, средние сети порваны! Рыба уходит!

— Как порваны?!

— Лупоглазые эти! Рвут зубами — и баста!

— Задние сети порваны!

Тарас Григорьевич в сердцах схватился за переговорник.

— Флагман — Базе. Ну, Комов, всего я ждал от твоих подручных, но такого хамства... Они и впрямь очумели — сети рвут! Ну я им сейчас устрою концерт... «Погремушки» включу, понял?

И, не слушая ответа, снова взялся за мегафон.

Не для дельфинов были «погремушки» — улыгразвуковыми сиренами распугивали разбойничьи стаи косаток, часто нападавших на промысловые косяки, но больно задело старого рыбака дельфинье коварство, не хотелось расставаться именно с этим, в честной борьбе заработанным уловом.

Оглушенные и ослепленные дельфины заматались, они взлетали высоко в воздух, в их криках слышались боль и страх, но они не уходили! Отчаянно корчась и мучась под непрерывными ударами звукового бича, они продолжали рвать сети, выпуская рыбу на волю!

И опять непонятная тревога толкнула Тараса. Во всей этой рыбалке было нечто неправильное, отсутствовало привычное, само собой разумеющееся, как соленость воды или постоянство пассата. И он снова оглядел небо в поисках того, чего там не было... И уже близко в памяти это мелькнуло, затрепыхалось, блеснуло серебром на солнце — и тут четверка возвращающихся «Флайфишей» спугнула догадку, как настороженного малька.

«Флайфиши» развернулись и пошли над флотилией, едва не задевая мачты. И — захлопали выстрелы! Как над акульей стаей!

«В кого это они?» — опешил Тарас и машинально выключил «погремушки».

— Флагман — «Флайфишам». Почему стреляете?

— Приказ Базы: поддержать флотилию огнем с воздуха.

— Проспитесь! Каким огнем?

— Комов приказал стрелять по дельфинам пиропатронами, чтобы временно вывести их из строя...

— Какими еще к дьяволу пиро... База! Комов!

— Комов слушает.

— Ты что там, окончательно рехнулся? Разве можно стрелять в дельфинов? Прекрати это, слышишь?

— А вы не вмешивайтесь, Тарас Григорьевич. Я приказал стрелять не пулями, а пиропатронами. Это ампулы с горючей липучкой. Она не дает ожогов, только яркое пламя. Дельфины боятся огня. Нечто вроде нервного шока. Конечно, процедура неприятная. Но это единственный шанс спасти хотя бы остатки улова.

Он был рядом с «Удачливым» — грузный белый гигант. Уже два алых цветка распустились на его теле, и темно-вишневые глаза затягивала пелена оцепенения; он из последних сил боролся с первородным ужасом, леденящим кровь; опускался на несколько метров и, вновь напрягая дере-

венеющие мышцы, всплывал, не в силах сбить пламя, — неузнанный предводитель с отметиной на лбу.

— Шлюпку на воду! — скомандовал Тарас и с неожиданной для его возраста прытью сбежал с мостика.

Фрэнк Хаксли был почти счастлив. В однообразной работе «рыбогляда» не часто выпадает такая удача — пережить день, полный неожиданностей и даже приключений, не уступающих подвигам его любимых киногероев. И хотя палить по дельфинам должен был Бэк, пилот тоже взял пневморужье. Все было: плавучие крепости аборигенов, дельфины — подводные чудища и он — вездесущий Гарри с верным бластером в правой руке.

— Смотри, шеф, белый дельфин!

— Где?

Вместо ответа Бэк выстрелил.

Фрэнк тоже заметил длинное белое тело, рывком ушедшее под воду, но тут же всплывшее снова.

— Межзвездный вампир!

Пилот, придерживая штурвал левой рукой, заложил вираж и выстрелил с правой: огненная кувшинка закачалась на волне. Промах, а это для Гарри непозволительная вещь, и Хаксли снова заложил вираж, опустив машину ниже, прицелился поточнее...

— Есть!

И «Флайфиш-131» пошел на разворот...

* * *

Раненый альбинос смотрел на приближающуюся шлюпку гаснущим красным глазом. Может быть, он и хотел бы исчезнуть, скрыться от новой беды, но не мог — шок сковал его тело, а может быть — старому капитану хотелось в это верить, — он чувствовал, что люди не сделают ему ничего плохого.

Дельфин словно ждал шлюпку — едва его белый бок коснулся борта, силы оставили гиганта и плавники бессильно обвисли.

— Линь! — скомандовал Тарас. — Найтовь к борту. Живо.

Загорелые шершавые руки ловко просунули тонкий канат под передние плавники, захлестнули петлей на хвосте, притянули белую покорную громадину к шлюпке.

— Минут через десять-пятнадцать должен очнуться. Подождем...

* * *

Флотилия возвращалась на Базу, как похоронная процессия. Тралы были испорчены, трюмы — пусты. Косяк исчез, словно растворился: ни гидролокаторы других баз, ни «рыбогляды» даже остатков не нашли.

По этому случаю, а также по случаю возможного официального выхода на пенсию старого капитана в кают-компания «Онеги» состоялся прием. «Удачливый» оказался рыбакам маловат для раута на капитанском уровне.

Согласно ситуации Тарас Григорьевич был грустен и молчалив. Закусывали, словно издевались над собой, консервами «Тунец в собственном соку».

— Одного я не могу понять, — сказал вдруг Тарас. — Чего-то не хватало в сегодняшнем лове, чего-то очень знакомого...

— Рыбы, — засмеялся кто-то с набитым ртом.

— Птиц не хватало сегодня, ни чаек, ни даже фрегатов, — пропел со своего места Тасис.

— А я-то, старый осел... — Тарас вскочил, опрокинув стул. — Конечно, птицы! Они же за нами, как приклеенные, ходят! А сегодня — ни одной!

— Ну и что?

— А то, что даже птица не трогала эту рыбу! Ни чайки, ни фрегаты, ни альбатросы, а они любую падаль склюют! Значит, было в этой рыбе что-то такое... Правда, наука помалкивает. Только кажется мне, что дельфины нас, дураков, от какой-нибудь неизвестной науке пакости оберегали. А мы их...

В кают-компания воцарилось неловкое молчание.

* * *

Нина появилась так же внезапно, как исчезла. На ней был мягкий курпальный халат.

— Толя, готовьте кресло.

Пан поднял голову.

— Нина, что вы хотите?

— Связаться с Уиссом на пента-волне.

— Ни в коем случае! Вы помните, что было в прошлый раз?

— Помню. Но мы должны знать, что случилось!

— Пента-волна слишком опасная штука. Нет, Нина, рисковать незачем. Надо искать другие пути.

— Иван Сергеевич, вы отлично знаете, что других путей нет. А сидеть и ждать вот так — бессмысленно, потому что мы не знаем причин, из-за которых Уисс изменил свои намерения. С кем он говорил? В чем опасность Третьего Круга и связана ли она с будущей передачей? И возможна ли вообще теперь передача? Если возможна, то когда?

— Не знаю. Ума не приложу. Все так долго готовилось к путешествию и к сегодняшнему дню... И ты, и Уисс... И в самом начале — провал... Уиссу могло помешать только что-то очень серьезное... Но что?

— Никто, кроме Уисса, на эти вопросы не ответит, Иван Сергеевич.

А что касается прошлого раза — полно: Уисс теперь и сам будет осторожнее, тогда он просто не рассчитал мощности сигнала... Нельзя медлить. Происходят какие-то события, возникает новый фактор, а мы прячемся за Уисса и ждем, когда он сам разрешит наши проблемы.

— Ну хорошо. Только будьте осторожнее, Нина. Не перенапрягайтесь. И, пожалуйста, без обратной связи...

— Как получится.

— Никаких «как получится». Договорились?

— Договорились, Иван Сергеевич... Толя, кресло готово?

Нина сбросила халат. Коричневый купальник сливался с цветом загорелой кожи, и в потоке зеленого света ее фигура казалась отлитой из меди. Она постояла на носу корабля с минуту и медленно села в кресло. Толя и один из лаборантов хлопотали над ней. Провода постепенно обвивали ее тело, впиваясь присосками электродов в виски, в шею, в руки, в живот, в ноги.

— Иван Сергеевич...

В голосе Карагодского помимо воли прозвучало что-то такое, что заставило Пана оглянуться. Карагодский смутился.

— Иван Сергеевич, я понимаю, что сейчас вам не до меня, но я никогда ничего не слышал.

— О пента-волне?

— Да.

— Пента-волна, коллега, это... Словом, бог знает, что это такое. Я знаю ваше яростное неприятие всякого рода телепатии, парапсихологии и прочей, как вы выражаетесь, чуши, поэтому... Возможно, это какой-то необычный вид излучений, присущий только живым организмам... Толя, ну что вы там копаетесь?! Да... О чем мы говорили? Так вот, пента-волна — это мой собственный термин. Лично я на стороне тех физиков, которые к четырем фундаментальным состояниям вещества — газ, жидкость, твердое тело, плазма — добавляют пятое: живое вещество. Жизнь как одно из фундаментальных состояний вещества... Но в этой области мы пока, как испанцы в империи инков, — видим, ничего не понимаем и пытаемся все передать по-своему. Как с этим вот биоизлучением: что это такое — не знаем, а установку для усиления пента-сигналов Толя уже придумал. Готово?

Нина сидела, откинувшись на спинку кресла. Лицо ее заострилось, она улыбалась — скорее для самоуспокоения, чем для демонстрации храбрости. На голове, облекая виски, пылала алая корона — большой тяжелый венчик из влажных махровых маков. А на лоб, волосы и плечи спадала замысловатая сетка тонких проводников. От направленной антенны тянулось по меньшей мере сотни две зеленых гибких шнуров, маленькими присосками соединенных с разными точками тела.

— Иван Сергеевич, точки соединения электродов выбраны произвольно?

— Нет, конечно. Биоизлучение каким-то образом связано с электромагнитными параметрами тела — на этом и основан принцип его усиления. А точки — места наибольшей электронапряженности кожи — найдены экспериментально...

— А вам ничего не напоминает рисунок этих точек?

— Рисунок? Пожалуй, нет.

— Забавно. Сколько точек вы нашли?

— 218. А что?

— Так вот, я могу без электрометра указать вам еще 65 точек, которые вы пропустили.

Карагодский не без удивления ощутил в себе волну радости: он заметил что-то, чего не заметил Пан!

— Не понимаю, Вениамин Лазаревич.

Карагодский тоже не очень понимал свое состояние, но остановиться не мог:

— Вы слышали когда-либо о древней китайской медицине — игло-терапии?

— Разумеется.

— Так вот, ваши точки — это и есть знаменитые 283 точки для иглоукалывания, которые были известны китайским медикам две тысячи лет назад. Я, правда, совершенно не понимаю, какая связь между вашей пента-волной и иглоукалыванием, но совпадение вполне вероятно.

— А ведь вы правы... Я просто не обратил внимания. Не пришло в голову... Действительно, здесь, видимо, есть связь. Есть смысл покопаться... Отличная идея! Ведь если...

— Иван Сергеевич: я начинаю.

— Начинайте, Ниночка! Как говорят — ни пуха. Только без самодеятельности, хорошо?

— Хорошо. К черту!

Антенна в форме цветка орхидеи стала медленно вращаться вокруг своей оси, а Нина, расслабившись, опустила руки на подлокотники и закрыла глаза. Сквозь желто-зеленую крышу било солнце, нестерпимо блестя морская даль, щетинился тусклыми кустарниками островок, черно-головые средиземноморские чайки срезали острыми крыльями гребешки волн и снова взмывали вверх с трепещущей добычей в клюве...

— Иван Сергеевич, вы говорили, что пента-волна — это опасно. Почему? Кажется, все довольно невинно и просто.

— Понимаете, Вениамин Лазаревич, тут довольно-таки сложный парадокс. Для приема пента-передачи необходима очень восприимчивая,

очень незащищенная психонервная система. Женщины принимают пента-волну лучше, чем мужчины, к примеру.. Но и женщины — не всякие..

— В таком случае идеальными пента-приемниками были бы дети — их психика ограждена меньше всего.

— Вероятно, да. Но, сами понимаете, что опытов с детьми мы не имеем права ставить, пока не добьемся полной безопасности. А пока... Во время прошлого, например, Нина потеряла сознание.

— Причина?

— Видимо, очень сильный пента-сигнал Уисса. Я так думаю. У нее было нечто вроде галлюцинаций: ее психологический строй был подавлен психическим миром дельфина. Дельфины воспринимают и чувствуют, как вы знаете, мощнее нас, и человеческие нервы не выдержали. Шок. Что-то вроде того, если по тонкому проводу пустить слишком сильный ток.

— Да, да, конечно. Сработали предохранители — выключилось сознание, свет померк.

— Вот именно. Мы, правда, потом придумали вот эту штуку — маковый венчик. Вроде индикатора напряжения. Он должен сработать раньше, чем уйдет сознание, и создать заградительное пента-поле. Но.. мы предполагаем, природа располагает. Если бы не создавшаяся ситуация, я ни за что не разрешил бы пента-сеанс.

Море стихло совершенно. Ощущалось только соседство прибою. Нина лежала в кресле не двигаясь. Медленно вращалась над ней металлическая антенна. Толя едва слышно насвистывал что-то, рассматривал экраны, по которым бегали только бледные точки. Пан, сцепив руки за спиной, молча ходил через всю лабораторию от кресла к двери и обратно и тоже поглядывал на погасший рубиновый овал.

А Карагодский, усевшись на трехногий стул и привычно оперев подбородок о трость, думал. У него тоже был пента-сеанс. Он говорил сам с собой. Он пытался вспомнить что-то хорошее и никак не мог. Вопреки желанию перед ним проходили бесконечные коридоры, открывались двери с фамилиями на табличках, ложились под ноги ковровые дорожки, ведущие к столу президиума. Он позабыл, когда, на каком симпозиуме он сидел в зале, на обычном откидном стуле. Может быть, он и родился в президиуме? Кажется, он всю жизнь покровительствовал и препятствовал, разрешал и запрещал, проверял и указывал, и всю жизнь на носу его сидели проклятые очки в черепаховой оправе, сквозь которые мир кажется мягким, округлым и спокойным. Но ведь это не так, не так! Когда-то и он.. Но когда это было? И было ли вообще — чтобы море, чтобы какой-то сумасшедший дельфин, чтобы аспирант Толя был с тобой на «ты», чтобы все вокруг тревожило загадками и требовало немедленного решения, чтобы вот так метаться из угла в угол из-за сумасбродной девчонки, рискующей

в худшем случае обмороком, и рисковать самому вещами более значительными...

«Что ты ходишь, Пан, что молчишь? Пятнадцать лет воевал я с тобой на журнальных страницах, на высоких трибунах. А ты уничтожил меня за сорок минут — и сам, кажется, не заметил этого. Потому что победа надо мной для тебя — пустячок. Для тебя важнее твой дельфин, твоя Нина, твой Толя, твои экраны, твоя работа, и какое тебе дело, что академик Карагодский выбросил белый флаг?»

Но если даже тебе не нужна победа надо мной, Пан, то кому она нужна вообще? Может, спрятать белый флаг, пока его никто не заметил, — и пусть все идет по-старому? А как быть с Венькой Карагодским, Веником?.. Ведь это ты, Пан, приметил в студенческой толчее упрямого парня, ты подсунил ему тему про дельфинов, ты раскрутил его самолюбие... И вот я снова перед тобой: академик, лауреат, главный дельфинолог страны, мировой авторитет. А ты вместо восхищения делом рук своих третируешь меня, ранишь самолюбие, без конца заставляешь отвечать «не знаю» и «не слышал»...

Сначала я думал, что ты просто по-стариковски мстишь мне за то, что я обошел тебя в степенях и званиях. Но нет, дело в другом: постарел-то, оказывается, я, а ты по-прежнему молод, профессор...»

— Стоп сеанс, Толя! Усилитель! Быстро! Укол!

Алая корона на голове Нины опала на глазах.словно в кадре неозвученного мультфильма, слабели, теряли упругость лепестки мака, съезжались, точно подул ледяной ветер. И бледность, заметная даже под загаром, заливала лицо Нины.

Толя обеими руками разом перевел все тумблеры усилителя. Антенна остановилась. Пан держал Нину за руку, считая пульс, а Толя принялся торопливо снимать присоски проводов. Подскочил лаборант с пневмошприцем.

Нина открыла глаза. Глубоко-глубоко вздохнула — раз, другой, третий.

— Не надо укола, Иван Сергеевич. Все в порядке... Господи, какое это счастье — дышать... Видеть солнце... Ощущать всю себя...

Голос Нины прервался глубоким судорожным всхлипом, как у человека после глубокого истерического припадка. Пан кивнул лаборанту, а тот, осторожно взяв руку Нины выше локтя, на мгновение прикоснулся к ней губчатым раструбом пневмошприца.

— Я же говорю — не надо.

— Ничего страшного, Нина, это обычный тоник. Помолчите минут пять. Придите в себя. Потом расскажете.

— Уисс...

— Помолчите. Уважьте старика.

Нина медленно сняла с головы увядшую корону и протянула Толе. Снова вздохнула и откинулась в кресле. Большая чайка промчалась у самого бушприта «Дельфина». Нина следила из-под полуприкрытых век за полетом до тех пор, пока чайка не превратилась в точку на небе, и закрыла глаза.

Кто-то тронул Карагодского за плечо. Академик оглянулся — радист указывал ему на дверь, шепча:

— Вас вызывают, Вениамин Лазаревич. Срочно. Искал вас в каюте, как всегда, а вы здесь, оказывается.

— Кто?

— Из Д-центра...

Академик недовольно поморщился: всегда так, в самый интересный момент у кого-то из службистов Д-центра возникает идея, о каковой надо немедленно доложить начальству.

Он вышел за радистом, стараясь ступать тише.

Вернулся он довольно быстро, рассерженный и потный, — видно было, что кому-то за тысячи миль отсюда основательно досталось. Нина по-прежнему сидела с закрытыми глазами: то ли дремала, то ли просто отдыхала, думала о чем-то.

— Что стряслось в вашем хозяйстве? — поинтересовался Пан.

— А, чепуха... Лишняя иллюстрация к тому нашему разговору, только на этот раз с неприятными вариациями... Дельфины угнали большой косяк тунца, ну и...

— Как угнали?

— Рыборазведчик обнаружил сегодня утром в Атлантике огромный косяк, который гнали дикие дельфины. База «Поиск-двенадцать дробь пятьсот двадцать восемь» выслала им навстречу отряд рабочих дельфинов-загонщиков и флотилию международной рыбокооперации... Короче, дельфины взбунтовались — и ручные, и дикие — и оставили рыбаков с носом. И, как всегда в таких случаях, там был дельфин со знаком на лбу. Что я вам говорил, а?

— Сочувствую рыбакам, но на месте дельфинов поступил бы так же. Из принципа. Ну и все?

— А вам мало мятежа? Ведь это первый случай — в таких масштабах! Только дело этим не кончилось — рыбаки переколошматили дельфинов...

— Не понимаю...

— Что же непонятного? Рыбари обозлились и обстреляли дельфинов пиропатронами. Без злого умысла — хотели распугать. А того не учли, что напуганный огнем дельфин инстинктивно уходит под воду и не всплывает, пока есть пламя. Скорей задохнется под водой.

— И много дельфинов погибло?

— Рабочих — сорок. А диких — кто их считал, и я там дал разгон: дельфинологу Комову объявил выговор и на неделю отстранил от работы. Это он придумал с пиропатронами. Мальчишка, два года как институт окончил. Но энергичный парень, из него толк выйдет. Такие-то вот наши земные мелочные заботы, уважаемый Иван Сергеевич.

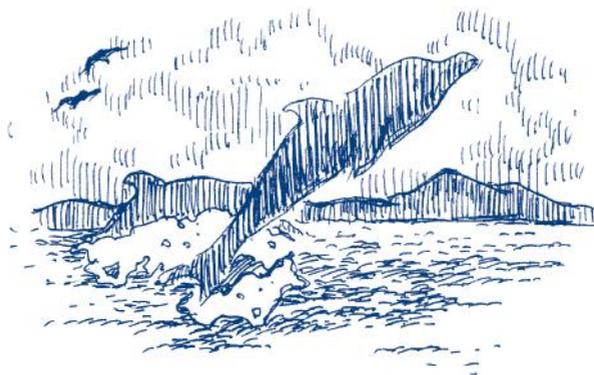
Нина открыла глаза:

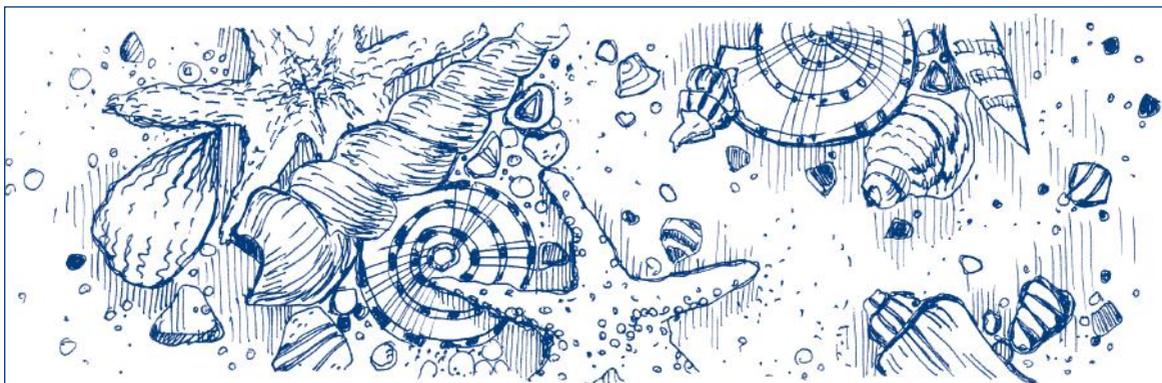
— Так вот почему удушье. Они задохались под водой. И гибли... Чтобы спасти людей.

— Нина, вам плохо? — кинулся к ней Пан.

— Ничего, Иван Сергеевич. Я просто устала. Теперь я все поняла. Все-все. Я расскажу. Обязательно расскажу. Только не сегодня, ладно? Я очень устала. Завтра утром, ладно?

— Конечно, Нина, конечно! — воскликнул Пан с деланным энтузиазмом. — Отдохните, выспитесь хорошенько... А наше любопытство за ночь только крепче станет. Итак, завтра утром.

9. ХРАМ ПОЮЩИХ ЗВЕЗД

Было полнолуние, и борт «Дельфина», обращенный к луне, сверкал серебряным барельефом на фоне ночи. Тяжелые ртутные волны лизали бока маленькой надувной лодки.

Нина вытащила из-за пояса импульсный пистолет-разрядник и бросила его в багажник. Оружие ни к чему. Тем более что ей придется возиться с видеоманитофоном, который почему-то именуют переносным. От этого аппарат не становится ни удобнее, ни легче.

Уисс у борта проскрипел тихо, но нетерпеливо.

Нина опустила маску акваланга, прижала к груди бокс аппарата, еще раз глянула на луну, которая сквозь поляроидное стекло маски показалась хвостатой кометой, и, сгруппировавшись, нырнула.

Вода нежно и сильно сжала ее тело, тонкими иглами проникла в поры, щекочущим движением прошла по обнаженной коже — и Нина сразу успокоилась. Уисс возник рядом, она перекинула ремень аппарата через плечо и крепко взялась за оттопыренный плавник. Дельфин, опустившись метров на пять, остановился. Здесь было темно, только едва заметная бледность над головой говорила о существовании иного мира — с луной и звездами.

Неожиданно где-то внизу засветились огоньки — красный и зеленый, — точно там, внизу, было небо и далекий ночной самолет высоко, так, что не слышно реактивного рева, держал неведомый курс. Потом огоньки раздвоились, соединились в колеблющийся рисунок — и блистающее морское чудо явилось перед Ниной на расстоянии протянутой руки.

Небольшой полуметровый кальмар был иллюминирован, как прогулочный катер по случаю карнавала. Все его тело, начиная с конусовидного хвоста, ограниченного полукруглыми лопастями плавников, и кончая сложенными щепоткой вокруг клюва щупальцами, фосфоресцировало слабым светло-фиолетовым светом. Время от времени по телу пробежали мгновенные оранжевые искры, и тогда щупальца конвульсивно шевелились, а огромные круглые глаза вспыхивали изнутри нежно-розовыми полушариями.

Нина и раньше видела таких глубоководных щеголей — их называли «волшебными лампами». Но одно дело — если перед тобой стекло батискафа, другое — если одна твоя рука на плавнике дельфина, а вторая свободна... Нина осторожно, чтобы не спугнуть, протянула левую руку к моллюску. Кальмар не шелхнулся, только быстрее побежали оранжевые искры, а тело приобрело цвет красного дерева. Он позволил потрогать свой бок, и Нина почувствовала, как тикают внутри наперебой три кальмарьих сердца.

Она уже хотела убрать руку, но кальмар обвил двумя щупальцами ее палец и не пустил — два гибких магнита прилипли к коже. На мгновение заломило виски — это подал неслышную команду Уисс, — кальмар засверкал огнями, и все трое по крутой спирали понеслись вниз, в беззвездную ночь глубины.

Впрочем, эта ночь только притворялась беззвездной: бесконечное множество ночных светил блуждало в ней по тайным орбитам. Пестрыми взрывчатыми искрами загорелись у самых глаз лучистые радиолярии, после которых филигранное изящество земных снежинок казалось грубой подделкой; разнокалиберными пузатыми бочонками, полными доверху густым янтарным светом, проплывали степенные сальпы; двухметровый венерин пояс, больше похожий на полосу бесплотного свечения, чем на живой организм, изогнулся грациозной дугой, пропуская стремительную тройку.

Один раз Уисс и Нина с «волшебной лампой» в руке с ходу влетели в большое облако медуз — и попали в хоровод рассерженных сказочных призраков: бесшумно зазвонил десятком малиновых языков голубой колокол, над головами перевернулась пурпурная, в изумрудно-зеленых крапинках тарелка, вывалив целую кучу прозрачной рыжей лапши, диковинный ультрамаринный шлем в белых разводах грозно зашевелил кирпично-красными рогами. Вязаная красная шапочка, шмыгнув бирюзовым помпоном, стала быстро расплетаться, разбрасывая как попало путаную бахромку тонких цветных ниток...

Потом они плыли над тем самым коралловым лесом, который Уисс показывал на экране днем. Красные кусты казались пурпурными в силь-

ном голубоватом свете. Сотни, тысячи спрятанных в грунте известковых трубочек хетоптеруса освещали их снизу, как маленькие прожекторы.

Кальмар резко остановился и, отпустив палец Нины, исполнил маленький световой этюд.

Сначала кальмар посинел всем телом, оставив фиолетовыми только щупальца, разом погасил все красные огни, заставив зеленые мигать в сложной, одному ему известной последовательности, потом погасил зеленые и проделал все то же самое с красными.

В неровных вспышках фонариков моллюска Нина успела различить очертания большого камня, вернее, целой скалы, черной от мшистых водорослей. Подчиняясь ритму миганий, на камне разгоралось алое пятно.

Непонятный обряд у камня продолжался. Кальмар притушил огни и фейерверочной ракетой скользнул куда-то вверх, растворившись в темноте. Зато пятно на камне достигло прожекторного накала, превратив ночь в подводный рассвет. Его яркое сияние помешало Нине уловить, откуда и когда появилось новое действующее лицо в цветном спектакле. Полосу света перегородила тень. Вода искажала перспективу, и Нине казалось сначала, что рядом с камнем ковыляет уродливый, головастый человечек. Но вот человечек приподнялся, повернулся боком, сверкнул узорчатой кольчугой цвета старой меди, и рука Нины невольно скользнула к поясу, где обычно висел импульс-пистолет.

Огромный осьминог, покачиваясь на толстенных боковых щупальцах и лениво щурясь, разглядывал гостей сонными глазами. Он был очень стар, и большие желтые глаза-тарелки смотрели мудро и печально.

Уисс свистнул. Спрут раздраженно почернел, однако заковылял к скале. Четыре мускулистые «руки» обвили вершину камня, четыре других заползли в едва заметные щели основания.

Горы мышц вздулись, наливаясь голубой кровью, и камень дрогнул. Он отвалился медленно и плавно, как бывает только под водой или во сне, и за ним открылся неширокий черный ход, ведущий в глубь рифа. Спрут протянул щупальце в проход, и там что-то блеснуло.

Уисс шевельнул плавниками, приглашая Нину за собой. Нина включила головной фонарь, вслед за Уиссом подплыла к проходу и остановилась, изумленная. В проходе была дверь! Тяжелая решетчатая дверь из желтого металла, который Нина приняла за медь, но потом сообразила, что медь в воде давно покрылась бы окисью...

Дверь была широко распахнута. Нина, словно желая убедиться, что решетка — не обман зрения и не бред, медленно провела пальцами по толстым шероховатым прутьям грубойковки, по неровным прочным заклепкам, по силуэту дельфина, умело вырубленному зубилом из целого

куска листового золота... Похоже было, что все это сделано человеком, но когда, зачем и для кого?

Нина попробовала повернуть дверцу на петлях, но дверца не поддавалась.

Золотой дельфин, наискось пересекая решетку, застыл навеки в бесконечном прыжке.

* * *

Академик Карагодский никак не мог уснуть.

Вернувшись к себе в каюту после переполненного впечатлениями дня, он разделся, накинул на плечи пушистый халат и долго стоял перед зеркальной стеной, разглядывая себя.

Из стеклянной глубины на него смотрел высокий плотный старик, еще довольно крепкий, хотя и основательно расплывшийся. Чрезмерная полнота, однако, не безобразила его: даже двойной подбородок и объемистый живот только подчеркивали весомость и значительность всей фигуры. Но в этой знакомой благополучной фигуре появился какой-то диссонанс...

С некоторым замешательством всматривался Карагодский в свои собственные глаза и не узнавал их. У них изменился даже цвет, они отливали синевой. Помолодевшие, они разглядывали академика с откровенной неприязнью.

Нет, это уж слишком. Если собственное отражение начинает тебя так разглядывать, значит, дело плохо.

Интересно, как он будет вести себя, вернувшись домой? Снова заседания, президиумы, обременительная дружба с некоторыми персонами. Или...

Карагодский поплотней запахнул халат и настезь открыл оба иллюминатора. Острый запах соли и шалфея щекотал ноздри. Луна плыла над морем, покачиваясь в темном небе, как детский шарик.

В тени острова Карагодскому почудилось движение. Что-то сильно плеснуло и стихло. «Наверное, Уисс».

Карагодский придвинул кресло к видеофону НОО-центра и набрал шифр. На экране загорелась надпись: «Просим подождать». Прошло минут пять — машинам пришлось покопаться в своей всеобъемлющей памяти. Наконец загорелись сигналы готовности, и Карагодский, пощелкивая переключателями, принялся просматривать материалы: крикливые газетные заметки, запальчивые журнальные статьи, схемы и описания опытов.

Всякие сомнения отпали: о таинственном биоизлучении писали еще в середине XX века. Исследовалось оно предельно наглядно и просто. Бралась схема грозоотметчика Попова — прапрадедушки современных

радиоаппаратов. Только вместо стеклянной трубки со стальными опилками ставился «живой детектор» — цветок филодендрона. «Живые детекторы» чувствовали мысленные угрозы человека-«излучателя» за триста миль, причем все известные способы экранирования от электромагнитных полей не мешали растениям фиксировать сигнал. Но открытие прошло по разряду «газетных уток» и было, как часто бывает, крепко забыто.

И только Пан... Откуда у него это чутье, эта необычайная потребность копаться в пройденном и по-новому оценивать его, сопоставляя явления, на первый взгляд совершенно несопоставимые? Карагодский снова включил экран и набрал новый шифр: «Крито-микенская культура, кикладская ветвь — полностью». Он рассеянно просмотрел по-немецки педантичные и подробные отчеты первооткрывателей «эгейского чуда» — археологов Шлимана и Дерпфельда, улыбнулся выспренным описаниям англичанина Эванса, без сожаления пропустил историю величия и падения многочисленных царств Крита, Микен, Тиринфа и Трои — хронологию войн и грабежей, строительства и разрушения, захватов и поражений, восстановленную более поздними экспедициями.

Он замедлил торопливый ритм просмотра, когда на экране появились развалины Большого дворца в Кноссе. Объемный макет восстановил изумительный архитектурный ансамбль таким, каким был он добрых четыре тысячи лет назад. Огромные залы с деревянными, ярко раскрашенными колоннами, заметно сужающимися книзу; гулкие покои, тускло освещенные через световые дворики; бесчисленные кладовые с рядами яйцевидных глиняных пифосов; замшелые бока двухметровых водопроводных труб; бани с бассейнами, выложенными белыми фаянсовыми плитками, — и десятки, сотни зыбких висячих галерей, таинственных ходов, переходов, коридоров, тупиков и ловушек, прикрытых каменными блоками, поворачивающимися вокруг оси под ногой неосторожного. И всюду — фрески, выполненные чистыми, яркими минеральными красками на стенах, сложенных из камня-сырца с деревянными переплетами: динамичные картины акробатических игр с быком, праздничные толпы, сцены охоты, изображения зверей и растений...

Карагодский остановил кадр. Необычная фреска что-то ему напомнила. Полосатая рыба — судя по всему, это был морской карась — была нарисована на штукатурке сразу в шести проекциях одновременно: этакое сверхмодернистское чудище с четырьмя хвостами между глаз. Как на картине Сальвадора Дали или... Или на экране в центральной операторской, когда Пан рассказывал о том, как видит предметы дельфин...

Господи, что за чушь лезет в голову! Как могло увиденное дельфином попасть на фреску, написанную человеком?!

А если пента-волна?

Биосвязь между человеком и дельфином за две тысячи лет до нашей эры?

Карагодский теперь не обращал внимания на живописные достоинства критских росписей. Переключатель замирал лишь тогда, когда на экране появлялись дельфины или морские животные.

А таких изображений было много — на фресках, на вазах, на бронзовом оружии и на домашней утвари. И тем более странным казалось то, что все это множество рисунков повторяло в разных сочетаниях и поодиночке одни и те же темы: рубиново-красная морская звезда с пятью лучами; фиолетовый кальмар с веером разноцветных черточек вокруг тела (свечение?); серо-зеленый мрачный осьминог, раскинувший щупальца; дельфин, изогнувшийся в прыжке, и женщина в позе покорной просьбы: правая рука протянута к дельфину, левая прижата к груди.

Золотой стилизованный дельфин мелькал на дорогих кинжалах без рукоятки, с четырьмя отверстиями для пальцев — такие кинжалы островитяне надевали на руку, как кастет. Силуэт дельфина был вырезан на инкрустированной большими сапфирами царской печати Кносса, на женских браслетах и на мужских перстнях. Мраморная скульптурная композиция, найденная на Кикладах, варьировала уже знакомую сцену: женщина в одежде жрицы и дельфин, могучим изгибом полуобнявший ее колени.

Но больше всего Карагодского заинтересовала «кикладская библиотека» — несколько десятков фаянсовых плиток, испещренных черными линиями пиктограмм. Письмена-рисунки иногда еще хранили сходство с предметами и существами, о которых рассказывали: в неровных точках угадывалась все та же морская звезда, все тот же кальмар, грозный осьминог и летящий дельфин. Фигурки людей в разных позах, видимо, повествовали о каких-то действиях и событиях. Но большинство рисунков не имели никакого сходства с реальными предметами — это были уже условные знаки, иероглифы, значения которых угадать невозможно.

Карагодский нажал клавишу «перевод» и получил лаконичный ответ: «Письменность не расшифрована».

Ему вдруг отчаянно захотелось закурить впервые за тридцать лет строгого воздержания. Короткая фраза звучала прямо-таки кошунственно. Где-то в глубоком космосе летели сверхсветовые земные корабли, где-то гудела в магнитных капканах побежденная плазма, воскресали мертвые, думал искусственный мозг, совершал геркулесовы подвиги неустанный робот, а эти вот неказистые таблички с кривыми рядами рисунков, словно издеваясь над разумом человеческим, столько тысячелетий хранят свою тайну, которая, быть может, важнее всего, что сделано человечеством до сих пор...

Видеофон тихо гудел, ожидая новых заданий. Карагодский положил пальцы на наборный диск и задумался.

Если нет прямого пути к разгадке символической пятерки — звезда, кальмар, осьминог, дельфин, жрица, значит, надо искать обходной. Повторение живописного сюжета не может быть случайным, слишком велико для случайности число совпадений. Следовательно, пятерка эта имела для островитян какой-то высший смысл. Пальцы проворно отщелкали комбинацию двойных цифр, дополнительный шифр: «Религия. Храмы».

И снова в ответ краткое: «Религия неизвестна, храмы не сохранились».

Карагодский раздраженно хлопнул по панели ладонью. Экран погас. Было уже около двух ночи, когда Карагодский, не снимая халата, прилег на тахту.

Он очнулся от резкого чувства страха. Звонил корабельный видеофон.

У аппарата стоял Пан. Он был в пижаме, но звонил, видимо, из центральной лаборатории: за его спиной пестрела путаница висячих кабелей.

— Вениамин Лазаревич, извините, пожалуйста. Я разбудил вас. Простите, но тут такое дело. Перед сном вы не заметили ничего подозрительного?

— Подозрительного? В каком... в каком смысле?

— А... Девчонка! Нина сбежала! Нина сбежала! Вот, оставила записку и сбежала!

— Вы в центральной? Я сейчас приду.

Уже в коридоре академик сообразил, что выскочил без пиджака, остановился было, но махнул рукой и, отдуваясь, полез вверх по лестнице, перешагивая через две ступеньки.

— Вот... Полюбуйтесь...

Карагодский развернул листок. Крупные неровные строчки торопливо загибались вверх: «Милый Иван Сергеевич! Пожалуйста, не сердитесь. Таково условие Уисса — я должна быть одна. Я не могу поступить иначе. Не волнуйтесь за меня. Все будет хорошо. Я верю Уиссу. Нина».

— Как вам это нравится? Современный вариант похищения Европы! Место действия прежнее — Эгейское море. Время действия — двадцать первый век, поэтому в роли Зевса выступает дельфин, а в роли прекрасной критянки Европы — ассистентка профессора Панфилова, без пяти минут кандидат биологических наук Нина Васильевна Савина. Весь антураж сохраняется: лунная ночь, безымянный остров, аромат экзотических трав... Девчонка! Фантазерка!

Пан яростно потряс над головой сухим кулачком, в котором был зажат знаменитый синий галстук. Даже чрезвычайное событие не могло сломать автоматизма привычки: внешний мир и галстук были неотделимы.

Карагодский легонько тронул за плечо разбушевавшегося Пана:
— Иван Сергеевич, а что, если воспользоваться нашей техникой?

Пан отмахнулся.

— Вызвать Уисса? Пробовали — не отвечает.

— Да нет, не вызывать, я вот об этих экранах, ведь...

Но Пан уже понял.

— Толя! Толенька! Немедленно! Гидрофон! Ну как это я сразу не сообразил... Ведь локатор Уисса работает непрерывно — мы найдем его по звуку.

Пока Толя возился с аппаратурой, Пан извелся. Он теперь не ходил, а буквально бегал по лаборатории.

— Ни черта не понимаю... — Толя повернулся на стуле спиной к экрану и обвел всех удивленным взглядом. — Я врубил гидрофон на полную мощность. Пусто. Или их нет в радиусе пятидесяти километров, или...

— Что — или? — очень тихо спросил Пан.

— Или они сквозь землю провалились.

* * *

Подземная галерея, изгибаясь плавной спиралью, вела куда-то вверх. Позади осталось уже не меньше трех полных витков, а конца пока что не предвиделось. Овальный ход был метра два в диаметре, и они снова могли плыть вместе — Уисс легко и стремительно нес Нину по каменному желобу.

Время от времени в свете фонарика мелькали четырехугольные боковые ответвления от главного хода, но Уисс, не останавливаясь, летел дальше, и загадочные ниши оставались позади. Однажды среди коричневых и буро-зеленых пятен водорослей блеснуло что-то белое: Нине показалось, что ниши облицованы чем-то вроде кафеля или фаянса.

Галерея кончилась внезапно: стены вдруг исчезли, и Нина с Уиссом, пронзив толстый пласт воды, с резким всплеском вылетели на поверхность.

Их окружила плотная темнота, и луч фонарика, горящего вполнакала, беспомощно обрывался где-то в высоте. Но по тому, как забулькало, заклокотало, заверещало, загудело эхо, усиливая всплеск, Нина определила, что они попали в большую пещеру.

Воздух в пещере был свежим и острым, как в кислородной палатке. Неожиданный медовый настой эспарцета охлаждал губы. Уисс медленно поплыл в глубь пещеры.

Нина подняла защитный рефлектор, чтобы прямой свет не бил в глаза, и включила фонарь на полную мощность. Маленькое солнце зажглось над ее головой.

Пещера оказалась огромным круглым залом с высоким сводчатым потолком. Стены в три этажа опоясывали массивные каменные балконы с невысокими барьерами вместо перил. Очевидно, когда-то с балкона на балкон вели широкие деревянные лестницы — сейчас еще торчали кое-где полусгнившие обломки раскрашенного дерева. Несколько балконных пролетов обрушилось, но на остальных сохранился даже лепной орнамент, изображающий рыб в коралловых зарослях. Над балконами свисали переплетенные осьминожки щупальца из позеленевшей меди, поддерживающие стилизованные раковины плоских чаш. За каждым из таких давно погасших светильников на стене висел круглый вогнутый щит.

Точно такие щиты металлической чешуей покрывали почти весь купол потолка, правильными рядами окружая квадратные проемы, бывшие когда-то своеобразными окнами. Травы, кусты шалфея и длинные стебли эспарцета забили теперь эти окна сплошной серо-зеленой массой, которая свисала внутрь храма многометровыми клочковатыми хвостами.

Все пространство стен между нижним рядом окон и верхним балконом было занято росписями, удивительную свежесть и сочность которых не могли погасить ни бурые потеки мхов, ни обширные ядовитояркие пятна плесени. Часто роспись смело и непосредственно переходила в цветные рельефы, и это придавало изображениям жизненность реально происходящего.

Росписи и рельефы воспроизводили сцены какого-то сложного массового ритуала. Многочисленные повреждения не давали проследить сюжетное развитие сцен и понять смысл обряда, но сразу бросалось в глаза, что на фресках нет ни одной мужской фигуры — так же, как нет традиционных картин войны и охоты, работы или отдыха. В изысканной ритмике медленного танца на ярко-синем фоне чередовались вереницы полуобнаженных женщин и ныряющих дельфинов, пестрые стайки летучих рыб и осьминогов с человеческими глазами, пурпурные кальмары с раковинами в щупальцах и малиновые морские звезды, приподнявшиеся на длинных лучах. В этом красочном поясе не было ни начала, ни конца, ни логического центра — только бесконечное кружение, завораживающий хоровод цветowych пятен.

А вместо пола в зале стеклянно сверкала плоскость воды, на которой еще не исчезли бегущие круги, вызванные появлением Уисса и Нины. Глубокий пятиугольный бассейн, в который привела их длинная спираль подводного хода из открытого моря, занимал всю площадь зала, за исключением невысокого помоста, куда прямо из воды вели четыре мраморные ступени.

Уисс просвистел приглашение подняться на помост.

Нина вышла на квадратную каменную площадку, выложенную фаян-

совой мозаикой. Судя по всему, мозаичный пол служил неведомым жрецам не одно столетие. Часть плиток была выбита, другая — истерта до основания, а по оставшимся восстановить былой рисунок было уже невозможно.

Почти у самых ступеней стоял трон с высокой резной спинкой, вырубленный из целого куска желтого мрамора. По обе стороны на высоких треножниках покоились раковины из бледно-розовой яшмы со следами выгоревшего масла на дне. А за раковинами, чуть поодаль, — два непонятных вогнутых щита, точно таких же, как на стенах и потолке.

Нина провела ладонью по поверхности щита, стирая пыль, и на нее глянуло чудовищно искаженное, огромное человеческое лицо.

Зеркало. Обыкновенное вогнутое зеркало, кажется, из электрона, как называли древние греки сплав золота и серебра. Все эти бесчисленные щиты — просто-напросто рефлекторы, отражатели для масляных светильников и немногих дневных лучей, что проникали когда-то сквозь оконные проемы купола.

А ведь это было, наверное, сказочно красиво: бледно-голубое мерцающее сияние под куполом, колеблющиеся разноцветные огни светильников, превращенные десятками зеркал в переливающиеся световые потоки, — и вся эта бесшумная, бесплотная, неуловимо изменчивая симфония красок падает невесомо в широко раскрытый, влажно поблескивающий глаз бассейна...

Кому предназначалась эта феерия? Тем, кто застыл, замороженный, за перилами балконов — или тем, кто следил за ними из глубины через прозрачный пласт воды?

Что за таинственный ритуал совершался здесь, в этом так строго засекреченном храме? И как попадали сюда люди — ведь не для дельфинов, не для прочих морских обитателей эти лестницы и балконы, эти светильники и зеркала, эти окна и фрески, а ведь в стенах нет ни одной двери, а до оконных отверстий могут добраться только птицы...

В храм можно попасть, как попали они с Уиссом — с морского дна, по спирали подводно-подземного хода, сквозь пятнадцатиметровый слой воды в бассейне... А это возможно только с могущественной помощью существ, чьи добрые и сильные тела изображены на фресках...

Кстати, почему на фресках нет ни одной мужской фигуры? Ведь не женщины же вырубали в скале этот зал, ковали светильники и зеркала, расписывали стены и выкладывали мозаики, придумывали систему вентиляции воздуха в храме и протока воды в бассейне...

Кто, когда и зачем посещал этот единственный в своем роде храм?

— Женщины. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай, — прозвучал где-то в висках — или за спиной? — ее собственный голос. — Женщины. Очень давно. Слушали музыку звезд. Они не понимали всего. Ты поймешь. Сядь, смотри и слушай. Будут петь звезды. Здесь, в воде.

Уисс висел в бассейне, опираясь клювом о нижнюю ступеньку. Темный глаз его смотрел на Нину печально.

— Ты поняла?

— Да, — неуверенно ответила Нина.

Разумеется, она ничего не поняла. Да и не пыталась понять. Думать в ее положении было так же бессмысленно, как доделывать во сне то, что не успела наяву. Сейчас важно было смотреть и слушать, видеть и запоминать. А понимать — это потом. Если все это вообще можно было понять...

Нина села на трон и вздрогнула от ледяного прикосновения мрамора к телу. Аппарат, висевший на боку, глухо звякнул о камень. Только сейчас Нина вспомнила о видеомагнитофоне и огорченно прикусила губу: ведь его можно было использовать как кинокамеру, снять весь подводный путь, «волшебную лампу» и осьминога, подземную галерею и этот зал. Теперь — поздно. Впрочем, интерьер храма она снять еще успеет — после того, что хочет показать Уисс.

Она поудобнее устроила аппарат на коленях, сняла переднюю стенку бокса, открыла объектив и выдвинула в направлении бассейна раскрывшийся бутон микрофона.

— Убери этот свет.

Рука, потянувшаяся к шлему, замерла на полпути. Уисс плавным толчком пошел на другую сторону бассейна, и, проводив его взглядом, Нина увидела прямо напротив, в глубокой нише, не замеченную раньше скульптуру.

Хрупкая, наполовину раскрытая раковина из розового с фиолетовыми прожилками мрамора зубцами нижней створки уходила в воду. Нагая женщина полулежала на боку у самой воды, опершись локтем на хвост дельфина. Дельфин, прижавшись сзади, положил голову ей на колени. Оба отрешенно и грустно смотрели прямо перед собой, не в силах расстаться и не в силах быть вместе, и верхняя рубчатая створка, казалось, вот-вот опустится вниз, замкнув раковину и навсегда скрыв от мира их встречу.

Женщина и дельфин были выточены из дымчатого обсидиана, и полупрозрачные тела их как будто таяли на розовом ложе, уходя в мир несбывшегося и несбыточного.

— Убери этот свет. И включай свою искусственную память.

Нина торопливо выключила фонарь и запустила видеомагнитофон. Полная темнота и безмолвие хлынули из углов и затопили пространство, и только шорох магнитной ленты нарушал тишину.

В храме повис еле слышный звук, даже не звук, а тень звука — одна томительная нота — на пределе высоты, у порога слуха.

В темноте возник еле видимый свет, даже не свет, а эхо света — один тончайший луч — на пределе спектра, у порога зрения.

В воздухе растворился еле уловимый запах, даже не запах, а память запаха — одна мгновенная спазма — на пределе дыхания, у порога обоняния.

Во рту появился еле различимый привкус, даже не привкус, а след привкуса — один соленый укол — где-то на кончике языка, у порога вкусовых отличий.

Кожу лица тронуло еле ощутимое прикосновение, даже не прикосновение ветра — где-то на пределе давления, у порога осязания.

Не стало ни страха, ни боли, ни радости — все перестало существовать, и сама она сжалась в пульсирующий клубок, раскинувший в пространстве пять живых антенн, пять органов чувств, — и предельное напряжение вытянуло антенные щупальца в длинные лучи.

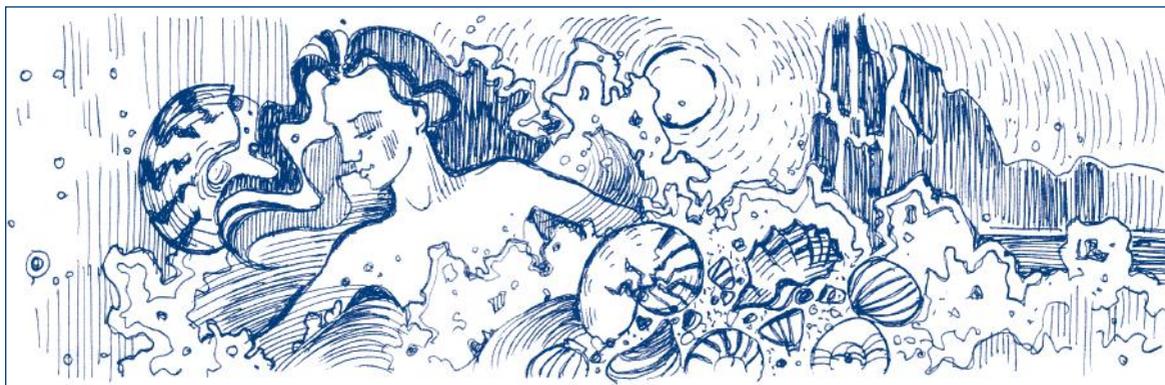
Мысли остановились, сжались, исчезли. Она не могла думать, оценивать, сопоставлять — она стала оголенным ощущением, сплошным, невероятно обостренным восприятием. Она была подобием морской звезды, неподвижно лежащей на дне Океана Времени: пять жадных лучей во все стороны, а вместо тела — хищный мозг, ждущий добычи, память, готовая принять все, что придет.

Перед ней вспыхнул пятиугольный экран. В его зеленоватой глубине светились многоцветные звезды.

Высокий вскрик, упавший до вздоха, пролетел над куполом. Призыв и мука слышались в нем.

Нет, это был не экран — это была дверь. Зеленая дверь в неведомый мир, который чем-то знаком и близок, он как забытая детская сказка, которую пытаешься помнить в одинокой старости, но не вспомнишь ни слова, только неясный свет, и мягкое тепло, и прощение всему, и прощание со всем...

10. ЗЕЛЕНАЯ ДВЕРЬ

Она падала — падала безостановочно, ощущая лишь напряжение скорости и глухую тоску безвременья. Непрекращающийся взрыв потрясал все вокруг.

Ломались, едва возникнув, хрупкие рисунки созвездий, вздувались и лопались звездные шары, стремительное вращение сжимало и разрывало в клочья газовые туманности, растирало в тончайшую пыль куски случайных, отвердевших масс и выбрасывало в пространство.

Она летела сквозь эту мешанину обломков и бессмысленно кипящей энергии, сквозь раскручивающийся огневорот, летела, одинаково легко пронизывая великие пустоты и сверхплотные сгустки тверди, и прямой путь ее не могли скривить ни тяга магнитных полей, ни штормовые волны гравитации.

Она была бесплотным и сложным импульсом, в ней дремали до срока силы, неведомые ей самой. Вокруг бушевал разрушительный огонь, давя грозди неоформившихся молекул, срывая электронные пояса атомов, дробя ядра. И, казалось, не было ничего, способного противостоять его гибельному буйству.

Уже десятки ледяных планет с кремниевыми сердцевинами кружились вокруг звезды, и звезда следила за их полетом, как засыпающий красный глаз!

Это была лишь уловка, хитрый прием хищника, ибо однажды красный глаз раскрылся широко, и цепкие протуберанцы метнулись к планетным орбитам.

Вспышка длилась недолго, но близкие планеты снова стали голыми оплавленными глыбами — пламя слизнуло ледяной панцирь и развеяло в пустоте пустот.

Атомный огонь обрушился на среднюю планету, и там, как и везде, лед стал газом. Газ рванулся в пространство, но тяготение не отпустило его. Оно скручивало пар в титанические смерчи, свивало в узлы страшных циклонов, сдавливало и прижимало к каменному ядру.

И тогда планеты коснулся узкий нейтринный Луч, бесплотный и сложный импульс бесконечно далекого Центра.

Освобожденно и устало пронесся вздох — это ураганно и грузно упали на камень горячие ливни.

Разошлись и соединились бурлящие воронки.

Нина стала морем, безбрежным и безбурным, и это было мучительно и сладко, как короткая минута, когда уже не спишь и еще не можешь проснуться. Только минута эта длилась миллиарды лет, и миллиарды лет длился летаргический сон, потому что миллиарды лет было покойно и твердо каменное ложе и миллиарды лет толстое облачное одеяло надежно укрывало ее от извечных космических битв.

Нина была морем, но в ней по-прежнему пульсировали потаенные шифры нейтринного Луча. И когда там, за облаками, взаимно сокрушались в схватке гигантские миры, по телу ее пробежала легкая судорога, и ей хотелось сжаться в точку, спрятаться внутри себя самой.

Она еще не была живой, но в ней бродил хмель жизни, и в голубом свечении радиации поднималась грудь, и токи желанно пронизывали плоть — и долгим жадным объятием обнимала она Землю, предвкушая и торопя неизбежный миг.

Гонг прозвучал — дрогнуло и расколосось дно, и белая колонна подземного огня пронзила водные толщи, ударила в низкие тучи и опала гроздьями молний.

Море оказалось вовне: сознание Нины — если можно назвать сознанием смутную предопределенность действий — сконцентрировалось в одной точке.

В затихающем водовороте покачивался шарик живой протоплазмы...

* * *

Это походило на забавную игру, когда в бурной круговерти развития, в суматошной смене форм Нина переходила из стадии в стадию, превращаясь из организма в организм — смешные, уродливые, фантастические сочетания клеток, скелетов, раковин, все кружилось зыбко и цветасто, словно примеряешь маски для карнавала.

Какой был карнавал!

Не существовало никаких законов — море щедро. Можно было сделать нос на хвосте, а глаза во рту. Можно было плавать, шевеля ушами. Можно было превратиться в большой пузырь и всплыть на поверхность или, наоборот, опуститься на дно, заключив себя в изящную роговую шка тулку. Наконец, можно было вообще ни во что не превращаться, а просто висеть неаккуратным куском студня в средних слоях.

Нина не заметила момента, когда перестала быть участницей пестрого хоровода, а стала только зрительницей. Меняя маски, она неосознанно следовала заложенной в ней программе, и когда нужный вариант был найден, ее память отделилась от стихийной прапамяти моря.

Крепкий кремниевый панцирь прикрывал ее от всяких неожиданно-стей и опасностей. Вокруг шарообразного тела торчал густой лес длиннейших игл-антенн. Каждая игла была пронизана миллионами ветвящихся обнаженных нервов.

Она не могла передвигаться — да в этом и не было нужды: в морской воде было достаточно пищи, а пульсирующие каналы связи соединяли множество подобий шаров, разбросанных по Мировому океану.

Она лежала на дне, наполовину зарывшись в белый диатомовый ил. Антенны, нацеленные в биофон, ловили малейший всплеск живой энергии и передавали в общую сеть.

Хоровод продолжался, странные создания проплывали мимо, рождались и умирали, уступая место другим, кремниевые шары неизменно и бесстрастно следили за каруселью эволюции, стараясь найти причины и следствия каждого изменения, предугадать многозначные ходы приспособления, проникнуть в тайну тайн превращения живого вещества.

Море не помнило своих ошибок и удач. Беззаботно продолжало оно игру, перебирая случайные цепочки случайностей.

Длился Первый Круг — Созидания...

* * *

Все вершилось медленно, очень медленно — миллионнолетние геологические эпохи проносились и затихали короткой рябью. Вода сжимала землю, и от чудовищных сил сжатия плавилась недра. Твердь вспухала, заставляя отступать море, и застывала неровными пятнами материков. Мертвыми надгробиями из базальта и гнейса высились они среди океана.

Жизнь переполняла океан. Колыбель становилась тесной. Место в ней доставалось с боем.

Это случилось, когда базальтовый суперматерик занимал почти пятую часть поверхности планеты и первый «десант» зоофитов, цепких полуживотных-полурастений, в поисках жизненного пространства высидился на береговые скалы.

Нина почувствовала голод.

Напрасно напрягались слабые мышцы, прогоняя сквозь организм морскую воду, пищи в ней почти не оставалось после тысяч прожорливых существ, снующих рядом.

Чувствительность антенн падала. Память гасла. Мозг засыпал.

Она еще долго ждала привычной подсказки Луча, очередного хода звездного предопределения, но нейтринные структуры молчали.

Оставалось одно: действовать самой, используя накопленное Знание.

Покончив с волнениями первого самостоятельного приспособления, Нина вытянула в стороны гибкие ветвящиеся лучи и погрузилась в привычное созерцание.

Было время отлива, и сквозь неглубокий слой воды сквозило фиолетово-красное солнце. В инфракрасном свете протуберанцы солнечной короны шевелились, как щупальца. И Нину вдруг потянуло туда, к солнцу, словно на серо-синем песке неба трепетало ее собственное зовущее повторение.

Так начался Второй Круг...

* * *

Увлечение возможностями самостоятельных решений, новизной осмысленных действий прошло быстрее, чем хотелось. Время теперь летело стремительно, и угадывать его неожиданные повороты становилось все труднее.

Очень скоро стало ясно, что щупальца, нужные для охоты и движения, не смогут заменить чувствительных игл-антенн. Нервные центры, омытые полноценными соками сытого организма, жаждали огромной работы, а получали от притупленного восприятия жалкие крохи.

Связи между клетками единого мозга, рассеянными на планете, непоправимо рвались. Разные условия в разных концах всемирного моря порождали разные организмы, и единство перестало существовать.

Напрасно Нина до боли напрягала энергетические папулы — вместо стройного и чистого хора неслась сквозь биофон разноголосица противоречивых желаний.

Она вновь и вновь переживала свое первое движение: легкое напряжение щупалец — и тело послушно поднялось вверх, едва уловимое сокращение мышц — и тело передвинулось вбок, дрожь расслабления — и тело опустилось на песок, слезалый от века. Три внутренних приказа, три неуверенных исполнения, но она пережила целую эпоху ожидания и сомнения, страха и радости.

А когда наступал отлив, солнце тянуло к ней горячие красные щупальца, пронизывало мутную воду щекочущим теплом радиации, рождая в крови смутную музыку странных стремлений.

В ней дремало Знание, взятое у природы, от нее зависело, оставить Знание мертвым грузом или применить. Ей хотелось действия, борьбы, победы: ведь тайная тайн развития — живая энергия изменчивости — была подвластна воле Разума.

Близился Третий Круг.

* * *

Нина вместе с другими все чаще и дальше проникала в лагуну. Небольшая стая самых неумных и самых отчаянных входила в узкий проход вместе с приливом и бродила по мелководью, пока дыхание отлива не позовет назад, в привычную глубину.

Подплывая к берегу, Нина видела буйные заросли неведомых трав, огромные зеленые утесы деревьев, летающие армады насекомых. И все чаще ей приходило в голову, что именно на суше, наедине с солнцем, свершится дерзкая мечта — определить природу, используя ее собственную неустойчивость, освободиться от давящей власти Времени, предельно ускорив ритм приспособления — так, чтобы торжествующий Разум не сковывала забота о материальном воплощении.

Однажды, когда начался отлив и разная морская мелочь, давясь, бросилась к выходу, Нина обняла острый серый камень и застыла на месте.

Инстинкт самосохранения стучал в ней набатным пульсом — отпусти, разожди плавники, уходи, но она, дрожа и напрягаясь, подавила тревожный импульс.

Воздух оглушил, судорога свела тело, последний мутный поток отбросил ее от камня и перевернул на спину. Зеленая линия побережья чудовищно исказилась и скрючилась в глазах, созданных для подводного зрения.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Нина поняла, что она все-таки жива. Слизь на коже превратилась в роговые чешуйки, и спасительный панцирь защитил плоть от мгновенного высыхания. Лабиринтовый орган позволил дышать — тяжело, трудно, но дышать. Сердце билось яростной барабанной дробью, и все-таки билось. Лавина энергии падала сверху, прижимая к горячему илу, — желанная и страшная энергия атомного огня.

Прошло еще немного времени, прежде чем Нина ощутила в себе возможность расправить мышцы. Она попробовала перевернуться на живот, и, как ни странно, это ей удалось.

Еще не веря в случившееся, Нина протянула плавники вперед и медленно, неуверенно подтянула отяжелевшее тело...

* * *

Нина недоуменно и долго смотрела на свои руки, протянутые к бассейну.

Уисс парил у ног, кося внимательным глазом. Морские звезды на дне едва тлели, сложившись в правильный треугольник. Она приходила в себя рывками, мгновенными озарениями. Она снова ощутила пустоту и тишину храма. Уисс молчал.

— Это все? — спросила Нина. Она не была уверена, что произнесла слова, потому что спекшиеся губы не хотели шевелиться.

— Это все?

— Нет, это не все.

Голос внутри опустошенного мозга звучал глухо и низко, бился о стенки черепа, как птица, случайно залетевшая в окно и не находящая выхода.

— Нет, это не все. Был Третий Круг, когда предки дэлонов вышли на сушу и стали жить там. Третий Круг называют по-разному, но в каждом названии — боль. Круг Великой Ошибки, Круг Гибельного Тутика — стоит ли перечислять? Мы, живущие сейчас, чаще всего зовем его Кругом Запрета, ибо только Хранители способны вынести бремя его страшных знаний.

— Хранители? Ты — Хранитель?

— Да, я один из них. Остальные дэлоны не могут и не хотят переносить безумное знание Третьего Круга. Это Запрет во имя будущего. Я покажу тебе песню — то, что помнят остальные дэлоны. Это не страшно — тебе не надо перевоплощаться. Только смотреть, слушать и оставаться собой.

* * *

Морские звезды в бассейне плавно сдвинулись и поплыли музыкальными узорами цветных пятен, и низкий мелодический свист Уисса затрепетал под каменными сводами храма.

Уисс был прав — ее сознание не отключилось, она чувствовала под руками холод каменных подлокотников, незримый объем зала и дрожь видеобага на коленях.

Пронзительный тоскующий мотив плескался у ног, странные картины и слова сами собой рождались в аккордах цветомузыки.

«Был день встречи и день прощания, и между ними прошли тысячи тысяч лет.

Было солнце рассвета и солнце заката, и обманчивый свет величия ослепил пращуров...»

То, что видела Нина, не имело аналогий с человеческим опытом, и даже приблизительные образы не могли передать сути происходящего.

Какие-то удивительные существа бродили по Земле — и ни одно из них не походило на другое. Больше того, сами существа беспрерывно изменялись: кентавры превращались в шестикрылых жуков, жуки — в раскидистые деревья, деревья — в грозовые облака. Нине вспомнился вдруг Антропов: что-то общее было у него с ними. Раскручивалась карусель вращений, все плыло, все менялось на глазах, и вот уже то ли существа, то ли тени существ, полуматериальные, полубесплотные, то распадаясь на подобия окружающих предметов, то сливаясь в плотные смерчи голубого горения, проносились на фоне текучих сюрреалистических пейзажей. Невозможно было понять, что они делали, но их танец имел какую-то непостижимую цель.

А песня тосковала, переливаясь в слова:

«Они искали идеального приспособления — и все дальше уходили в лабиринты Изменчивости.

Они все быстрее изменяли себя — и все ближе и ближе подходили к границам Бесформия, за которыми огонь и хаос.

Они не могли, не хотели остановиться, хотя догадывались, что час близок.

Играя с огнем, они надеялись победить природу.

Они забыли то, зачем пришли, они боролись ради борьбы.

И свершилось...

Земля летела по орбите, медленно поворачиваясь к солнцу красновато-зеленой выпуклостью гигантского праматерика. Дымчато-желтые облака плыли над ним, скручиваясь кое-где в замысловатые спирали циклонов.

И вдруг в центре материка появилась слепящая белая точка. Она росла и скоро засверкала ярче солнца.

Материк лопнул, как лопается кожура перезрелого плода, и мутное зарево раскаленных недр осветило трещины.

Исчезло все — контуры суши, просинь дрогнувшего океана; пар, дым и пепел превратили планету в раздувшийся грязно-белый шар, который, как живое существо, затрепетал, пытаясь сохранить старую орбиту.

Раненой Земле удалось сохранить равновесие, хотя катастрофа изменила ось вращения.

Казалось, ничему живому не дано уцелеть в этом аду, в этом месиве огня и мрака, в этих наползающих серых тучах, среди медлительно неотвратимых ручьев лавы и рушащихся гор...

И тогда явилась та, которой суждено было явиться, и имя ей было Дэла.

Из пены волн явилась она и позвала всех, кто остался.

И когда все, кто остался, собрались в одно место, она сказала им слово Истины.

— Позади смерть, впереди море, — сказала она. — Выбирайте!
Никто не хотел умирать, а все хотели жить — и поэтому выбрали море.

— Праматерь живого примет вас, — сказала Дэла, — и пусть идут века. Пусть идут века, и пусть покой придет в ваши души, и будет Четвертый Круг — Круг Благоразумия.

Пусть покой придет в ваши души и сотрет память о Третьем Круге, и только Бессмертные будут помнить все.

За зеленой дверью запрета пусть спят до времени страшные силы и тайны, которые открылись слишком рано.

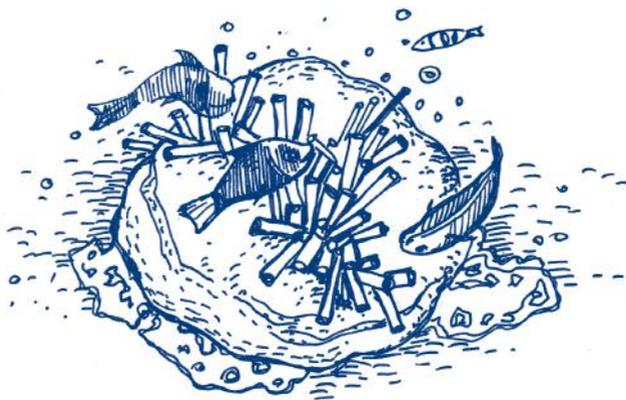
Ибо нет большей ошибки, чем применить знание, которое не созрело, и освободить силу, которая не познана до конца.

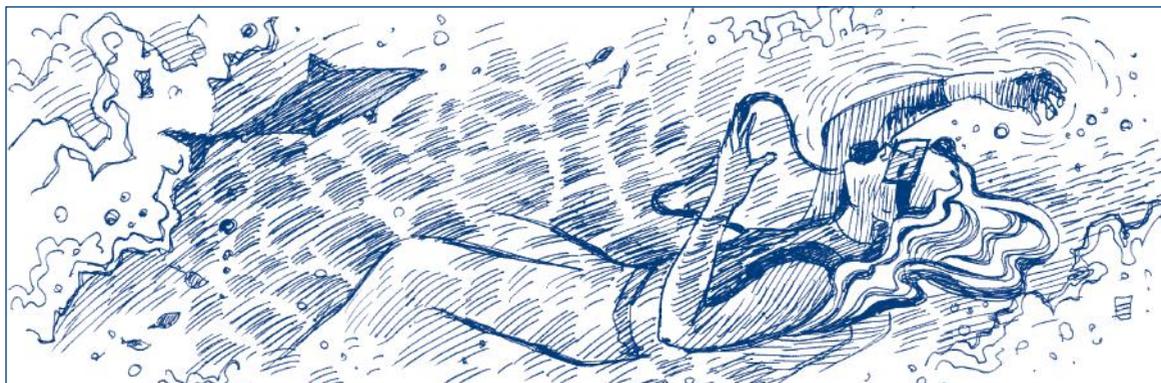
Ибо Равновесие — суть всего живого, и жизнь — охранительница Равновесия Мира.

И когда вы будете здоровы телом и духом, и сильны дети ваши, и беззаботны вновь дети ваших детей, тогда начнется Пятый Круг — Круг Поиска.

Чтобы соединить вновь разрозненное в единое, разбитое в монолитное, и это будет Шестой Круг — Круг Соединенного Разума.

А до той поры пусть нерушимо будет Слово Запрета и пусть некоторые из вас будут бессмертны в поколениях, чтобы передать Соединенному Разуму знание Третьего Круга...»

11. ПЕРЕКРЕСТОК

Нина устала, очень устала, она потеряла чувство времени и удивилась, взглянув на часы, — там, в мире людей, уже занималось утро.

Она автоматически выключила видеомаг и продолжила сидеть на мраморном троне. И только когда Уисс во второй раз позвал ее, она покорно поднялась, покорно спустилась по влажным ступенькам. Вода приняла тело, стало легче.

Убедившись, что Нина держится за плавник крепко, Уисс нырнул... и вновь полетел навстречу подземный тоннель — теперь уже вниз, к выходу.

Нина понимала, что времени остается все меньше и меньше, что надо, пока не поздно, задавать вопросы, как можно больше, иначе не найти ключей ко всему виденному и слышанному. Она мучительно старалась поймать самое главное, но спросила то, о чем почти догадалась сама:

- Почему ты уходишь?
- Это воля Бессмертных.
- Но ты же один из них?
- Да. И поэтому я должен подчиниться.
- Ты вернешься?
- Не знаю. Мне надо убедить остальных.
- Убедить? В чем?

Они пронеслись по каменной трубе не одну сотню метров, прежде чем Уисс ответил:

— В том, что люди разумны. В том, что начался Пятый Круг — Круг Поиска Равных, Поиска Друга.

Нина заговорила вслух, заговорила горячо, сбивчиво, и голос ее, зажатый маской акваланга, звучал в гидрофоне обиженным всхлипом:

— Уисс, катастрофа в Атлантике — ошибка. Страшная, трагическая. Ты должен понять. Люди не хотели зла дельфинам. Это вышло случайно, пойми. Я... я просто не знаю, как тебе объяснить...

И опять Уисс помолчал, прежде чем ответить:

— Я понимаю. Почти понимаю. Но остальные не понимают. Мне надо их убедить. Будет трудно. Ибо длится Четвертый Круг — Круг Благоразумия, в котором народы Дэла нашли покой.

— Уисс, каждый из нас несовершенен. Но мы строим общество, где эти несовершенства будут взаимно уничтожены.

— Я верю. Я нарушил Запрет, потому что верю в людей.

Они миновали распахнутую золотую дверь и выбрались наконец из недр загадочного острова. Снова приковывая старик-осьминог и с ловкостью заправского швейцара прикрыл решетку, завалив вход огромным камнем.

На этот раз заговорил первым Уисс.

— Мы давно уже ищем встречи. Мы помним древний завет — собрать и соединить вместе крупницы разума, рассеянные во всем живом и разобщенные временем.

— Уисс... Уисс, расскажи обо всем — об этом храме, о поющих звездах, о тех, кто приходил сюда, расскажи!

— Это долго. У меня нет времени.

— Расскажи.

— Ты устала.

— Уисс, прошу тебя!

— Было время, когда мы и люди почти понимали друг друга. Они считали нас старшими братьями, и мы хотели научить их тому, что знали сами. Они строили скалы, пустые внутри, и женщины приходили сюда, чтобы слушать нас. И мы говорили с ними.

— Только женщины приходили к вам?

— Да, только женщины.

— Почему?

— Долго объяснять. У людей все по-другому. Женщины учили мужчин тому, чему учили их мы.

— Что же было потом?

— Потом мы перестали понимать друг друга.

— Почему?

— Не знаю. Сейчас не знаю. Раньше мы думали, что разум людей увял, не успев распуститься. Люди выродились, и на суше невозможна разумная жизнь. Так думали почти все.

— Почти все?

— Да, почти все. Но были такие, кто не верил этому. Они искали встречи даже после провала первой попытки. Многие погибли.

— Их убили люди?

— Да. А те, кто остался, приняли кару.

— Какую кару?

— Нам надо спешить...

— Ты бессмертен, Уисс?

— Да. Я не имею права умереть естественной смертью. Это и есть кара.

— Бессмертие — кара?! Бессмертие — самая сладкая мечта человечества! Наука веками боролась за продолжение жизни! А возможность продлить жизнь бесконечно... Это сказочное счастье!

— Люди — большие дети. Нет ничего страшнее жить, когда твой жизненный круг замкнулся, когда ты отдал живому все, что мог, и не можешь дать больше, когда все повторяется и повторяется без конца, не согревая тебя неизведанным, когда нет желания жить! Только за очень большую вину наказывают бессмертием!

— Ты был виноват?

— Нет. Я принял вину отца, как он когда-то принял вину деда. Наказание бессмертием вечно, но бессмертный может обрести право на смерть, если его вину примет сын.

— И сын становится бессмертным.

— Да.

— И ты будешь жить вечно?

— Нет. Я устал. У меня есть надежда. У меня есть сын. Он еще мал. Но если, став взрослым, он добровольно примет вину, я получу право на смерть. Блаженную смерть...

— Я не понимаю, Уисс... Выходит, Бессмертные виновны. Почему же они правят всеми дельфинами?

— Мы не правим. Мы несем кару.

Уисс потянул Нину вверх осторожно, но повелительно. Внизу мелькнул и пропал коралловый лес. Прожекторы хетоптерусов уже погасли, и буйные заросли медленно расплывались, отдаляясь темным красно-бурым пятном.

От праздничной подводной иллюминации не осталось и следа. Уисс и Нина летели сквозь серо-синюю муть воды, еще не тронутую солнцем. Изредка попадались медузы, но их смутные полупрозрачные колпаки ничем не напоминали ночного великолепия. Даже пестрые рыбки, деловито снующие между всякой мелкой живностью, спускающейся на дно, к дневному сну, казалось, выцвели, поблекли.

А может быть, это чувство скорой разлуки гасило краски?

В наушниках зазвенели знакомые стеклянные колокольчики автопеленга, возвращая к действительности. Волшебная ночь подходила к финалу, и пора было думать о том, как оправдаться на корабле.

Поверят ли ей? Поймут ли? Пан... Пан поймет. Он будет дотошно крутить ленту видеомага взад и вперед, высвечивать и сопоставлять — милый, добрый, внимательный и все-таки... Все-таки недоверчивый. Он ученый и привык понимать разумом, а не сердцем.

Если бы он был рядом с ней в эту ночь, если бы он мог физически пережить то, что пережила она! Тогда не пришлось бы ничего доказывать...

Они были уже где-то рядом с надувной лодкой, потому что серая муть превратилась в голубое сияние, а колокольчики гудели колоколами.

Уисс остановился.

— Дальше ты поплывешь одна. Я ухожу. Прощай.

Нина обняла обеими руками его большую голову. Почувствовала, как бьется сердце Уисса, и подумала о том, что общение уже не требует от него прежнего нервного напряжения — что-то случилось то ли с ней, то ли с Уиссом, но их пента-волны встречались легко и просто, словно слова обычного человеческого разговора.

— Ты вернешься, Уисс?

Уисс не умел лгать, но он знал, что такое грусть и надежда. Он взял в широкий клюв пальцы женщины, слегка сжал их зубами и промолчал. И вдруг одним неуловимым мощным броском ушел в сторону и вниз, и через секунду его уже не было видно.

Нина не двигалась, парила в нескольких метрах от поверхности и задумчиво смотрела в водяное зеркало. Прошло пять, десять минут, по зеркалу пробежала золотая рябь — где-то там, в мире людей, вставало солнце.

Вода стала совершенно прозрачной, и Нина видела сверху свое отражение — диковинное зеленовато-коричневое существо с блестящим овалом маски вместо лица, с ритмично вспухающими и опадающими веерами синтетических «жабр» за плечами.

Такой или не такой видел ее Уисс? Конечно, не такой — он все видит не так, как люди. Но тогда какой? Красивой или безобразной, с его точки зрения?

Правую руку слегка зацепало. Она поднесла кисть к глазам и увидела небольшую царапину — Уисс слишком крепко держал ее руку. Нина улыбнулась чему-то, и ей стало легко и сладко.

Пора было всплывать, но это значило разбить золотое зеркало и вернуться в повседневность. Ей и хотелось, и не хотелось этого. Она медлила. Она всегда медлила на перекрестках: ей всегда становилось грустно оттого, что один поток машин идет в одну сторону, второй — в другую. Ей всегда хотелось погасить светофоры и остановить встреч-

ные потоки: пусть люди попросту расскажут друг другу, что они видели в каждой стороне. Дальнейшее случилось как неожиданный удар. Она увидела в зеркале рядом с собой, только много ниже, длинную серую тень. Ей казалось, что вернулся Уисс, и она рывком повернулась навстречу тени.

Ей помогло то, что при резком повороте бокс с видеомагнитофоном отлетел в сторону.

Страшная пасть щелкнула у самого бока, и аппарат оказался в горле пятиметровой акулы. Он застрял там: его держал нейлоновый ремень, перекинутый через плечо Нины.

Акула не откроет пасти, пока не проглотит добычи, — таков инстинкт. Значит, пока цел ремень, Нине не страшны акульи зубы.

Но пока цел ремень, Нина привязана, прижата к акульему костистому боку.

Хищница уходила все глубже и глубже судорожными кругами, давясь и топыря жабры. Бороться с ней было бесполезно.

Импульсный пистолет-разрядник лежал на дне лодки, она сама бросила его...

Уисс тоже не спешил к своим, хотя знал, что его ждут. Он хотел сосредоточиться, собраться перед нелегким спором. Чем кончится спор — неизвестно. Может быть, только Сусии поддержит его. Скорее всего — Сусии. Но и это немало. Три глота Сусии и пять глотов Уисса — это уже восемь глотов из двадцати одного.

Слабый сигнал тревоги замигал в мозгу. Уисс встрепенулся на покатой волне и напряг локатор.

Вокруг было спокойно, но сигнал не умолкал. Теперь это был призыв о помощи, призыв едва уловимый, затухающий, невнятный, он мог принадлежать только одному существу на свете, и это существо не было дэлоном...

Он летел к острову, пытаясь на ходу определить по сбивчивым импульсам размеры и суть опасности, грозящей этому существу.

Он смог уловить только импульс разъяренной акулы и еще более увеличил скорость.

Он уже видел их — хищник и жертва, непонятной силой прижатые друг к другу, метались у самого дна.

Призыв о помощи мигнул и погас, Нина потеряла сознание.

Уисс выстрелил ультразвуковым лучом в затылок акулы, целясь в мозжечок. Огромная туша дернулась, перевернулась через голову и, покачиваясь, медленно опустилась на дно кверху брюхом.

Нина была жива, просто ремень сдавил ей грудь, не давая дышать. Нейлон оказался крепок даже для зубов Уисса, но в конце концов ему удалось перекусить сверхпрочную ленту. Не обращая внимания на оглушенную акулу, он осторожно взял Нину клювом за широкий пояс и перенес повыше на круглую базальговую площадку.

Нина теперь дышала свободно. Уисс терпеливо ждал, пока не проснется сознание, и, чтобы не напугать при пробуждении, отплыл немного в сторону.

Он совсем забыл об акуле и не заметил, как та, очнувшись, шарахнулась за камни.

Он увидел ее прямо над собой. Благополучно проглотив аппарат с остатками ремня, она выгибала пятиметровую пружину своего узкого тела, чтобы броситься вниз к базальтовой площадке.

Кровь! У Нины была оцарапана рука, и акула учуяла запах крови. Этот запах пьянил ее, заставлял забыть о страхе и осторожности.

Резкий взмах хвоста — и Уисс свечой взлетел вверх, пересекая бросок акулы. Хищница была раза в два больше дельфина, но точный удар в жабры сделал свое дело.

Уисс снизился над площадкой. Нина все еще не пришла в себя, но ждать больше было нельзя.

Уисс поднял Нину и легко понес наверх, к темному пятну надувной лодки. Ее ждали: он видел зума с биноклем, и красные всплески беспокойства исходили от него.

Действительно, едва Уисс поднял Нину на поверхность, чьи-то руки сразу подхватили ее.

Зум был так взволнован, что даже не заметил Уисса, и наклонился над Ниной, торопливо снял маску акваланга и поднес к ее губам какой-то пузырек.

Уисс отплыл метров на двести и навсегда отпечатал в своей бессмертной памяти все, что было вокруг: небо и солнце, море и остров, большой корабль и маленькую лодку, он видел все это не так, как люди, и никто из людей никогда не узнает — как, но он видел все это и старался запомнить навсегда, чувствуя и понимая неизбежное.

Потом отключил все свои многочисленные органы чувств и сосредоточил энергию в себе.

Только Бессмертным был доступен нуль-полет.

Пульс перешел в острую неприятную дрожь, постепенно нарастающую.

Через секунду на том месте, где был Уисс, поднялся и опал белый фонтан, похожий на гриб атомного взрыва.

Еще через секунду там не осталось ничего, кроме медленно расходящихся концентрических кругов.

Круги скоро смысла ленивая зыбь.

Бессонная ночь порядком измотала Карагодского. И не только физически.

Вначале почти позабытое чувство творческого подъема, так неожиданно вновь испытанное на «Дельфине», будоражило и радовало его. Вместе со всеми толкался он в центральной аппаратной, придумывая и отвергая разные варианты поиска, но если Пан нервничал всерьез, то Карагодскому это казалось забавной игрой, этакой психологической встряской, специально для него предназначенной. В глубине души он был уверен, что игра в прятки вот-вот кончится, Нина с Уиссом вынырнут из воды — «а вот и мы!» — и тогда выложит изумленному Пану, до чего докопался в своей каюте.

Но прошел час, другой, третий, а Нины все не было.

Смутное хмурое утро повисло над морем. Свинцовая гладь воды, не тронутая ни единой морщинкой, черное щетинистое темя злополучного острова, белый кругляшок надувной лодки — и надо всем тяжелое серое небо без просветов.

Пан то сидел, сцепив руки и уставившись в одну точку, то принимался ходить у борта, нарочно не глядя на воду. Гоша безнадежно прощупывал биноклем горизонт. Толя методично включал и выключал по очереди тумблеры аппаратуры, уже не вслушиваясь, а просто чтобы что-то делать. А часы все выстукивали и выстукивали пятиминутки. Только эти щелчки и нарушали тягучую тишину.

И тут до Карагодского стала доходить вся серьезность происходящего. Вспышка энтузиазма быстро угасла. Он чувствовал себя как пешеход, застигнутый красным светом на переходе. Бежать вперед или благополучно вернуться назад?

Конечно, все это очень мило и оригинально — искать родственную цивилизацию по всей Вселенной, выкликать ее радиосигналами, нащупывать все удлиняющимися маршрутами космических кораблей и обнаружить... у себя дома, на Земле. Но какая польза будет от такого открытия? Надо думать, никакой.

До сих пор энтузиасты «братских контактов» соблазняли людей возможностью позаимствовать без отдачи у «инога Разума» какой-либо неизвестный вид энергии, невиданную машину. А что возьмешь с дельфинов? Они не взрывают горы, не строят города и не покоряют другие планеты: мирно плавают по синю морю, едят сырую рыбу и сочиняют музыку. И ничего им, главное, от людей не нужно, никакой помощи, ни моральной, ни материальной. Они и без людей хорошо устроились в Мировом океане. Так что в роли благодетеля тоже не выступишь.

Так на кой же дьявол нужен такой контакт? Стоит ли из-за него лезть на рожон?

Академик исподлобья посмотрел на Пана. Тот выглядел сильно встревоженным, но отнюдь не отчаявшимся. Казалось, он знал нечто, Карагодскому неизвестное. Может быть, у них была какая-то договоренность с этой девчонкой?

Надо подождать. Иначе можно попасть впросак.

Кришан тихо перебирал клавиши электрооргана и напевал — негромко, одним дыханием — какую-то замысловатую и щемящую мелодию. Она звучала, как ветер в покинутых древних руинах:

Тебе дано законом Братства
бессмертно жить,
и умирать, и возрождаться,
и плыть, и плыть...

Карагодский перебирал в уме трофеи своих ночных «раскопок». Теперь они не казались ему ценными. Возможно, Пану и пригодились бы. А ему самому? Не возиться же главному дельфинологу Д-центра с фаянсовыми плитками!

— Плавник..

Гоша произнес это слово негромко, но его услышали. Все повскакивали с мест, разом зашумели, а Пан схватился за Гошин бинокль.

— Да нет же... — Гоша вежливо, но решительно отвел руку Пана. — Это не Уисс. Это плавник акулы.

Люди замерли и смолкли, и вновь наступившая тишина сгущалась с каждой секундой, пока не стала почти осязаемой.

Теперь акула была видна без бинокля. Высокий плавник чертил упрямую прямую, и прямая эта упиралась в белое пятно надувной лодки.

Матрос в лодке тоже увидел акулу. В его руке полыхнула синяя молния, и до корабля долетел треск разрядившегося импульс-пистолета. Плавник исчез.

— Промазал, — шепотом констатировал Толя. — Ушла в глубину.

Шли минуты, но акула не появлялась. Гоша опустил бинокль.

— Теперь не выплывет.

— Может, уйдет?

— Вряд ли. Если она явилась на глаза, значит, что-то почуяла. Попусту эти гадины к людям не подплывают. А если уж учуяла, будет кружить в глущине хоть сутки.

— Может, взять акваланг да поискать ее? — предложил Толя. — Высыпать ей тройной заряд, чтобы лапки кверху. Я смотаюсь, а?

— Бесполезно. Легче найти иголку в стоге сена. Да и опасно. Если Алик задел ее выстрелом, то у нее порядком испорчено настроение.

— Что значит — опасно, черт подери? А если...

Он не договорил того, что вертелось у него на языке, и с немой просьбой посмотрел на Пана. Пан болезненно поморщился и отвернулся.

— Нет, Толя, я не разрешаю. Если Уисс с Ниной, им не страшны никакие акулы. А если нет... В конце концов у Нины тоже есть импульс-пистолет.

Небо заметно поголубело, потом к голубизне примешался прозрачный тон янтаря. Восток горел, и растущий пожар окрасил воду в цвет свежего среза меди.

Когда из-за острова наискось ударили солнечные лучи, стало как-то менее тревожно. Хотелось надеяться, солнце рассеет ночные страхи вместе с промозглым туманом.

И действительно — минут через десять с лодки раздался крик. Все бросились к борту.

После долгожданного Гошиного «все в порядке» — без бинокля трудно было разглядеть, что происходит в лодке — многочасовое напряжение разрядилось бестолковой суетой. Все говорили враз, не слушая друг друга, и говорили без умолку.

Карагодский, прищурясь, смотрел на приближающуюся лодку и молчал. Благополучный исход не менял дела. Можно рисковать своей научной репутацией, можно даже рисковать своей головой, но рисковать жизнью подчиненных непозволительно даже Пану. Ведь Нина рисковала собой ради Пана, ради доказательства идеи. И Пан потакал ей, хотя и делал вид, что возмущен.

Мертвая акула всплыла намного позже, прямо перед носом лодки. Видно было, как Нина закрыла лицо руками, а матрос оглянулся на тушу чудовища и уважительно покачал головой.

И тут грохочущий раскат потрянул корабль и поплыл дальше басовой дрожью замирающего гигантского камертона. У самого горизонта, в полукилometре к северу от острова, возникло нечто, странно напоминающее гриб атомного взрыва, только гриб этот был небольшой и совершенно белый, без единой вспышки огня.

— Смотрите!

На Толин возглас никто не обратил внимания — все так и смотрели на белый опадающий фонтан во все глаза.

— Да оглянитесь же!

Толя смотрел назад, вглубь лаборатории. Там что-то наливалось злым свечением. Вначале показалось, что вспыхнули предупредительным огнем индикаторы радиоактивности. Но когда глаза привыкли к полумраку, по площадке пронесся легкий вздох. Маковый венчик, который надевала Нина вчера во время пента-сеанса и который за сутки превратился

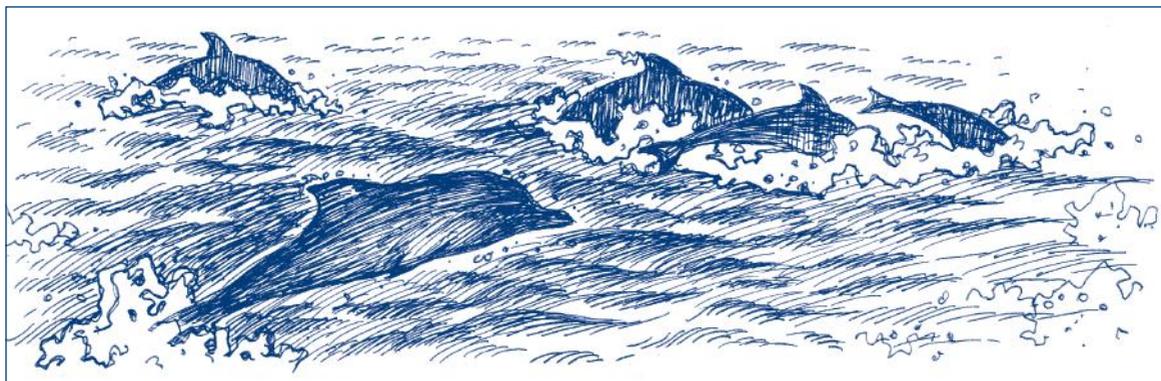
в горсть увядших, ссохшихся лепестков, воскресал на крышке включенного электрооргана. Неведомая сила возрождала погибшие клетки, направляла и делала упругими стенки капилляров, гнала по ним пульсирующие соки, возвращая красоту только что сорванным цветам...

Карагодский нервничал. Оставаться пешеходом посреди перекрестка больше было нельзя. Надо было действовать. А он еще не знал, как себя поведи, — броситься навстречу приближающейся лодке или демонстративно покинуть площадку. Хитрить было невозможно, да и стыдно: подойти к лодке — значило окончательно сложить оружие, окончательно попасть под гипнотическую власть Пана (или его идей, какая разница!) и выступить с ним против тех, кому всякое новое — поперек горла, всех тех, кого можно презирать, но сбрасывать со счетов — нельзя.

Карагодский попятился к дверям. И когда вдруг появился радист с традиционным: «Вениамин Лазаревич, вас вызывает Москва», — Карагодский бросился к нему, как к неожиданному спасителю.

Никто не заметил его ухода.

12. ВЕЧНЫЙ СОВЕТ

Пан полусидел-полулежал, откинувшись на подушки, и терпеливо ждал. Обычно после двойной дозы стимулятора все приходило в норму, но сегодня приступ длился дольше обычного. Слово тонкая дрель все глубже и глубже входила под левую лопатку, глухой болью отдавала в плечо. Боль давила виски, скапливалась где-то у надбровий, и тогда перед глазами порхали черные снежинки. Ноги лежали тяжелыми каменными колодками, в кончиках пальцев противно покалывало, точно они отходили после мороза.

— Ну, не дури, не дури, старое, — уговаривал Пан свое сердце. — Перестань капризничать. Вернемся — пойдем к врачу, честное слово. Отдохнем хорошенько, поваляемся в больнице... А сейчас нельзя, понимаешь? Никак нельзя.

Сердце стучало с натугой, то припуская дробной рысью, то вдруг замирало на полном скаку, словно прислушиваясь, и тогда все внутри холодело и обрывалось, подступая к горлу.

— Ну-ну, потише, — бормотал Пан. — Ты меня на испуг не бери. Знаем мы эти фокусы. Аритмия — это, брат, для слабонервных. А я с тобой еще повоюю...

Пан «воевал» со своим сердцем уже давно — и пока успешно. Вся трудность состояла в том, чтобы утаить «войну» от окружающих. До сих пор это удавалось — даже близкие друзья не знали, что делает он, закрывшись и отключив видеофон. Посмеиваясь, рассказывали анекдоты — одни о том, как Пан летает верхом на помеле, другие о том, как Пан учит гово-

рить дрессированного микроба, — а он лежал, откинувшись на подушки, скорчившийся, маленький, и бормотал, облизывая сохнувшие губы:

— Ну, старое, ну еще немножко, поднатужься, пожалуйста, вот вернемся — пойдем к врачу, честное слово. А сейчас нельзя, понимаешь? Некогда нам с тобой дурить...

И сердце послушно поднатуживалось, тянуло, хлопая изношенными клапанами, с горем пополам проталкивая в суженные спазмой артерии очередные порции крови, чтобы не задохнулся, не померк этот настырный, требовательный мозг. И Пан появлялся снова, энергичный, неумный, заполошный, и старички-сверстники завистливо говорили ему вслед: «Надо же, его и годы не берут, никакая хворь не привязывается — счастливчик...»

Но сегодня сердце заартачилось. Оно уже не хотело верить обещаниям.

Ему нужны были отдых и покой. А трое последних суток и молодого укатали бы...

Пан проглотил еще одну таблетку и закрыл глаза.

На Нину он не сердился. Он вообще не умел долго сердиться, а на Нину тем более. Честно говоря, он бы очень удивился, если бы Нина поступила иначе. Потому что сам он в подобной ситуации бросился бы за Уиссом очертя голову. И даже записки не оставил бы.

Просто он сильно переволновался. За другого всегда почему-то волнуешься больше, чем за себя. Особенно за молодежь. Они сначала сделают, а потом подумают. Взять хотя бы это пижонство с импульс-пистолетом.

А Нина все-таки молодец. Из нее выйдет толк. Едва поднялась на борт — и сразу в слезы: «Акула видео проглотила...» То, что ее самую акула чуть не скушала, — это не в счет. Главное, что запись пропала...

Насчет записи, конечно, вышло плохо. Не поняли сразу, что к чему. А когда поняли — поздно было.

Пан поморщился, потер ладонью грудь. Боль отпускала понемногу, но не так быстро, как хотелось бы. Повернув голову, профессор посмотрел на себя в зеркальную ширму. На него глянуло потемневшее, изумленное, заострившееся по-птичьему лицо. Набрякшие веки, потухшие глаза.

Стареешь ты, Пан. Недоверчивость — первый знак старости.

Нина убеждена, что все случившееся с ней — реальность от начала до конца. А вот он — не уверен. Конечно, что-то было на самом деле. Но как отделить действительность от внушенного, внушенное от невольно придуманного? Что — научный факт, а что — художественный вымысел?

Разумеется, ничего принципиально невозможного в ее рассказе нет. Просто... Просто все это слишком хорошо укладывается в его собственные гипотезы. А полная ясность в науке — вещь коварная. Она может

обернуться голой предвзятостью — когда ученый видит в явлении только то, что хочет видеть. Взять хотя бы этот храм... И ребята облазили весь остров и все дно вокруг — никаких намеков на окна и подводный ход нет. Не хочется пока говорить об этом Нине, похоже, что храм ей примерещился.

С другой стороны, совсем уж невероятные «чудеса» с белым фонтаном и ожившими маками произошли у него на глазах, а никакого правдоподобного объяснения этому нет.

И Уисса нет. Если Нина ничего не напутала, Пану уже вряд ли придется беседовать с дельфинами.

Но сдаваться рано. Надо все еще раз проверить, надо как можно чище отмыть золото от песка, чтобы другим не пришлось начинать с нуля. Даже эта неудавшаяся экспедиция дала много — пусть пока не открытий, а только направлений поиска — для самых разных наук: историкам — об истоках религиозных культов Крита и Киклад, психобиологам — о возможностях пента-волны, музыкантам — о новых принципах гармонии, физиологам — о проблеме звуковидения... Может, и в космическом деле Антропова появилась новая многообещающая страница...

А если бы экспедиция удалась полностью?

Пан встал. Голова еще немного кружилась, под лопаткой покалывало, но приступ прошел. Можно снова работать. Надо работать.

Сейчас самое главное — разобраться вот в этой пленке. Вчера Нина сняла в лазарете энцелокинограмму зрительной памяти. Это, к сожалению, не лента видеоманитона, но все-таки документ, из которого можно вытрясти крупинцы истины, если хорошо покопаться. Не очень удобно копаться в чужих воспоминаниях, но что поделаешь. Нина сама настояла на съемке. А для такой съемки нужно не только мужество, но и чистая совесть человека, которому нечего скрывать от других...

Пан сел было за проектор, но над дверью заливисто залопотал звонок.

Карагодский вошел, сияя очками, торжественный и суровый.

— Извините, Иван Сергеевич, за вторжение, но нам необходимо побеседовать совершенно конфиденциально. Обстоятельства складываются так, что я вынужден принять кое-какие меры, но я хотел бы предварительно согласовать их с вами. Хотя бы для того, чтобы у нас не возникало никаких недоразумений.

Пан сузил глаза. В последнее время Пан начал испытывать к академику если не расположение, то уважение. Из-под маски всезнающего мэтра снова выглянул любопытный Венька — а молодость не возвращается зря. Он стал задумываться и примечать: любопытная мыслишка о связи точек для иглоукалывания с пента-волной... С этим стоит повозиться.

Но сейчас Карагодский ему не понравился.

— Я вас слушаю, Вениамин Лазаревич.

— Вы смотрели энцелокинограмму Нины Васильевны?

— Да, смотрел.

— И что вы скажете по этому поводу?

Пан пожал плечами, слегка удивленный:

— Пока, наверное, ничего не скажу. Ее надо расшифровать. И, разумеется, с помощью самой Нины. Во всяком случае, это очень ценный документ.

— Ценный документ? Пожалуй, вы правы, — Карагодский хмыкнул. — Только расшифровывать там нечего. Я только что просмотрел все с начала до конца. Нина Васильевна тяжело больна.

— Что-что?

— Да. Я смею утверждать, что вся эта пленка — запись типичного параноического бреда, вызванного глубоким психическим потрясением и постоянной близостью дельфина. И именно вы, Иван Сергеевич, довели ее до такого состояния — вашими сумасбродными теориями, всякими пента-сеансами и прочей чепухой. Вы толкнули ее на опрометчивый поступок, едва не закончившийся трагедией, и даже сейчас, после всего, вы продолжаете потакать ее галлюцинациям вместо необходимого лечения, чем усугубляется и без того тяжелое состояние...

— Послушайте, что за чушь вы несете?

— Чушь?!

Карагодский медленно залился краской, сунул руку в карман и, потрясая бумагой перед лицом Пана, закричал неожиданным фальцетом:

— Данной мне властью я запрещаю вам продолжать опыты! Слышите? Запрещаю!

— Простите, — Пан пружинисто встал перед Карагодским. — Простите, Вениамин Лазаревич, я вас не понимаю. Вы говорите не на том языке. Вы говорите на языке давно умершем и, как я думаю, давно позабытом. Этот язык изобрели мелкие хищники, которые пытались превратить науку в услужливую домработницу. Нет этих хищников, они давно вымерли, их трупы сгнили на мусорной свалке истории — только вот язык нет-нет да и оживет. «Данной мне властью...» Какой властью? Кто вам ее дал?

— Я говорил с Москвой. Я описал цель и направление вашей работы, суть и значение ваших «экспериментов» — с ваших же собственных слов. Вот радиogramма... «В связи с чрезвычайными обстоятельствами... временно прекратить исследования по программе профессора Панфилова... научно-исследовательское судно «Дельфин», аппаратуру и подопытного дельфина по кличке Уисс передать в распоряжение академика Карагодского... всем научным работникам всемерно помогать выполнению программы академика Карагодского...»

— Ясно. Сдать, значит, по инвентарной описи: кресла мягкие — 2 шт., дельфин по кличке Уисс — одна штука, профессор Панфилов — один. А что за чрезвычайные обстоятельства, можно поинтересоваться?

— Можно. Дельфины повсеместно отказываются загонять рыбу, покидают ШОДы в массовом порядке. Дельфиньи стада уходят от берегов в открытое море. Государственный план по отлову морской и океанической рыбы под угрозой срыва. На ноги поднят весь аппарат Д-центра. Это результат ваших экспериментов, — добавил Карагодский, значительно понизив голос. — Моя задача: как можно скорее выяснить причины и принять конкретные меры...

А Пан забыл о споре, гнев слетел с него, как шелуха: он замаячил по привычному маршруту между тахтой, столом и дверью, бормоча:

— Даже так... Это уже серьезно... Хотя и следовало предполагать...

— Я жду, Иван Сергеевич, — процедил Карагодский, поджав губы.

— Чего? Чего вы ждете? Объяснения причин? Да они перед вами как на ладони, причины эти, вы их только не хотите принимать. Представьте на минуту себя дельфином в вашем собственном ШОДе, где вас, ученого, какие-то существа учат гонять рыбу — и только. Сначала вам будет даже забавно, а потом — потом захочется настоящего дела. И еще поройтесь в памяти — не произошло ли за прошлые дни чего-либо из ряда вон выходящего?

— Стрельба в Атлантике?

— Когда надо, вы удивительно догадливы. Что вы будете делать на месте дельфина, если вдруг выясните, что сотрудничество с человеком не только скучно, но и смертельно опасно?

— Довольно. Надо действовать, и незамедлительно. От нас ждут реальной помощи. Я пришел поставить вас в известность, что с сегодняшнего дня я вступаю в права руководителя экспедиции. Если вы не согласны...

— Согласен. Вступайте. Передаю вам корабль, аппаратуру, себя, своих сотрудников. Одна тут закавыка. Не знаю, под каким номером числится этот предмет в вашей инвентарной книге — дельфин по кличке Уисс, — так вот, вышеназванный дельфин исчез. В неизвестном направлении. И, судя по всему, вряд ли сюда возвратится.

— Вы... вы это серьезно?

— Вполне.

Карагодскому стало жарко, несмотря на открытые иллюминаторы. Он почувствовал, что воротник рубашки слишком туго стягивает шею.

— Вы... вы ответите за это.

— Да... Я отвечу. Отвечу громко и внятно на все вопросы, которые мне зададут. Потому что у меня есть на них ответы. А вот вам отвечать будет нечего. Вы заблудились, Карагодский. Вы так часто прикрывали словами свои

личные выгоды, что сами поверили в свою независимость и всемогущество. Вы представляли хорошие отчеты и победные рапорты, хотя дела шли отнюдь не блестяще, — и обманывали народ. И делали вы это не по глупости или ограниченности: это еще можно простить, нет, вы видели и чувствовали нарастание тревожных симптомов, но, оберегая свой авторитет и опять же личные выгоды, пытались решить проблему тайно, кустарно, в кулуарах, без огласки. Вы и сейчас готовы на все, лишь бы выгородить себя. И закатываете истерики по поводу краха экономики. Будет вам. Не на одних дельфинах стоит она. Собственного краха боитесь вы, вот чего...

* * *

За трое суток до этого разговора, пролетая над Саргассовым морем, пилот рыбозазведчика «Флайфиш-131» Фрэнк Хаксли услышал сильный удар грома. Он удивленно посмотрел вверх, в чистое, дочерна отлакированное ночное небо, увешанное пышными гроздьями южных звезд, и спросил через плечо радиста:

— Бэк, ты слышал? Что это могло быть?

— Не знаю. Метеор, наверное, глянь вниз...

Они летели низко, и Хаксли хорошо разглядел подчеркнuto белый на черной воде опадающий фонтан светящегося пара.

— Запиши в журнал координаты. Надо сообщить в Службу Информации. Может быть, кому-нибудь пригодится...

— А, не стоит, — зевнул радист. — Мало ли всякой всячины с неба падает. Все записывать — бумаги не хватит...

— Тоже верно, — согласился Фрэнк. — Вот если бы хороший косяк скумбрии попался, это другое дело.

— А тунца не хочешь больше? — сострил Бэк.

Оба расхохотались.

«Флайфиш» развернулся и взял курс на новую базу, к Бермудским островам.

* * *

Воронка крутящейся тьмы затягивала в свою пасть все — живое и неживое. Слепые ураганы и смрадные смерчи клокотали вокруг. Но оттуда, из этого клокочущего ада, тянулась ввысь хрупкая светящаяся лестница, и одинокие, отчаянно смелые зумы с неистовыми глазами, борясь с ветром и собственным бессилием, скользя и падая на дрожащих ступенях, поднимались по ней. Их жизни хватало на одну-две ступеньки, но они упорно поднимались вверх, и их становилось все больше. Они протягивали друг другу руки и переставали быть одиночками, и слитному движению уже не могли помешать ураганы, и все тверже становилась поступь...

Алая молния ударила в глаза — это взвилось над зумами полотнище цвета огня. Еще клокотала темная бездна, еще ревели ураганы, еще метались смерчи, но пылающий флаг надежды зажигал звезды, созвездия, галактики, и в последнем торжествующем многоголосом аккорде вспыхнула вся Вселенная.

Уисс кончил рассказ. Каждый нерв его тела дрожал, заново пережив мощь, тоску и радость цветомузыкальной поэмы зумов. Уисс старался воспроизвести ее возможно точнее, во всем богатстве необычных оттенков и странности чуждых образов, и рисовал этот неожиданный параллельный мир таким, каким он предстал перед ним в ту счастливую ночь озарения в акватории.

И он, кажется, достиг того, чего хотел: Бессмертные молчали, погруженные в увиденное и пораженные им. Уисс не торопил. Он знал на собственном опыте, как нелегко все понять и принять.

Они лежали на густо-синей поверхности Саргассова моря в традиционной символической позе Вечного Совета — соединив клювы и разбросав лучами точеные длинные тела — и казались сверху большой звездой.

Уисс давно уже не был здесь, в Центре Мира, где рождается и откуда начинает раскручиваться колоссальная спираль теплых течений, опоясывающих всю планету. Отсюда дэлоны управляли Равновесием, отсюда при необходимости замедляли или ускоряли вековые биологические ритмы Мирового океана, устраняли нежелательные возмущения в биоценозах: достаточно было заложить нужный молекулярный шифр в генетическую память саргассов, и бурые клубки, как живые мины, уплывали по тайным дорогам течений туда, откуда пришел сигнал опасности, — и через рассчитанный ряд поколений Равновесие восстанавливалось.

Бессмертные молчали, но Уисс умел ждать. Он оглядывал горизонт световым зрением, пока звуковая сетчатка отдыхала, — привычка, полученная от двухлетнего контакта с зумами.

Солнце стояло точно в зените и обрушивало на море золотой ток тропического зноя. Вода была так прозрачна, что воспринималась как плотная прохлада. В ее толще неторопливо поворачивалось, покачивалось, всплывало буйное разнообразие саргассовых водорослей — от небольших бурых шаров, щедро инкрустированных серебряными пузырьками воздуха, до многометровых островов зеленовато-коричневой волокнистой массы, над которой радужными бабочками вспыхивали летучие рыбы.

Наконец Сасоис произнес древнюю формулу начала:

— Готовы ли вы все быть Одним, ставшим после Двух?

Синие знаки были ему ответом.

Меланхоличный Асоу долго поскрипывал и ворочался, прежде чем начать. Наконец заговорил, осуждающе посвечивая в резкие глаза Уисса:

— Я, Асоу, говорю от имени Созерцания. Я был против, когда ты ушел к зумам, Уисс. Я был против, но меня не послушали, и ты ушел. И вот ты вернулся, и я оказался прав.

— В чем ты прав, белозвездный?

— Ты болен, Уисс. Ты слишком долго был у зумов, и они заразили тебя. Я знаю твою болезнь. Эту болезнь называли когда-то безумием суши. Когда дэлон заболевает этой болезнью, его тянет к земле. Он выбрасывается на камни и погибает.

— Почему ты решил, что я болен? Меня не тянет к скалам.

— Все, что ты показал нам, — бред. На суше не может быть разума. На суше могут существовать только низшие формы жизни.

— Но я же показал вам МЫСЛЬ! Она принадлежит зумам, а не мне!

— Ты ошибаешься. Это говорили не зумы, а твоя болезнь. Тебе приснились все эти странные и нелепые видения, они существуют только в твоём воображении. Много веков слежу я за мировым биофоном, но нигде не встречал даже намека на разумную деятельность зумов. Скорее наоборот — нам приходится все чаще и чаще вмешиваться в биосферу, чтобы восстановить уничтоженное ими. Они нарушают Равновесие, а ты говоришь о разуме. Ты просто болен.

Уисс хотел было возразить, но Асоу раздраженно зажег красный знак, давая понять, что спорить бесполезно. К счастью, Хранитель Первого Луча имел право только на один глот, но этот глот был против.

Осаус ворвался в спор, даже не дождавшись, пока Первый погасит сигнал голосования.

— Я, Осаус, говорю от имени Действия. Когда Уисс уходил к зумам, я отдал свои два глота ему. Я был «за», потому что надеялся, что Уиссу удастся найти способ приручить этих опасных животных. Я говорю — животных, потому что не верю ни единому цветку из того, что показал Уисс. Ты говоришь, что зумы разумны, Пятый? Но их тело — такое несовершенное...

— У них иной разум, чем у нас, белозвездный. Они создают машины, которые искупают несовершенства их тела и помогают добыть пищу...

— Добывать пищу? Разве ради пищи зумы уничтожают все живое и нарушают Равновесие? Вспомни — мы послали в железные тюрьмы тысячи своих братьев, чтобы научить зумов ловить рыбу, сохраняя Равновесие. Братья кормили зумов, а что вышло из этого?

— Ты забываешь, Осаус, что мир дэлонов раз в десять старше мира зумов. Зумы еще дети...

— Где ты видел детей, которые убивают себе подобных без всякой причины? Нет, Уисс, зумы — это дикие хищники, они еще хуже акул, потому что акулу гонит голод, а зума — инстинкт убийства. Ты забываешь

разумными существа, которые только вчера убили триста дэлонов за то, что те спасали зумов от самих себя? Нет, Уисс, ты действительно болен.

— Это ошибка. Они не знали...

— Знание не остановит их — они станут только еще опаснее. Если народы Дэла хотят жить, они должны держаться подальше от зумов.

Осаус, яростно отмахнувшись, зажег два красных знака, положенных ему в Совете. Еще два глота против — итого уже три. И пока ни одного «за».

— Что же скажет Сусии?

— Я, Сусии, говорю от имени Запрета...

Глубокие вишневые глаза Сусии, словно хранящие отблеск перво-родной трагедии, потемнели. Он медленно испрямил свое огромное белое тело.

— Я отдал Уиссу свои три глота тогда, отдам и сейчас. Мы видели с вами МЫСЛЬ — голос боли и счастья, крик отчаяния и надежды, мы пережили с зумами века падений и взлетов, заглянули в их историю. Асоу ошибается — Уисс не болен. Любой самый больной, самый фантастический образ покоится на увиденном, услышанном, пережитом. Придумать такое невозможно при любой болезни, даже если Уисс что-то интуитивно добавил от себя. Такая МЫСЛЬ могла родиться только у зумов. Очень много непонятого для нас в этом мире, очень много чуждого и неприемлемого, но этот мир существовал, существует и будет существовать независимо от нашего желания.

Сусии вздохнул и, помолчав, продолжал:

— Никто лучше меня не знает темные века Круга Великой Ошибки. Ты, Первый, отрицаешь разум зумов потому, что на суше труднее жить. Но разве не суша дала дэлонам настоящий разум — не просто знание вечных истин, а разум действия, разум поражения и победы?

— Суша дала дэлонам страдания, — хмуро возразил Асоу.

— Да, суша дала страдание, но иначе мы не оценили бы радости моря. Пережитое научило нас творить добро. И ты, Первый, и ты, Второй, говорите о том, что зумы неразумны, ибо нарушают Равновесие. Но разве вы забыли, что делали с планетой наши пращурь? Уисс прав: зумы действительно пока еще дети, они на полпути к настоящему разуму. Неразумно их зло, но разумно стремление к добру. Да, вчера одни зумы хотели меня убить, но другие зумы пришли мне на помощь, раненому. Безумие и разум, зло и добро борются в душах этих существ. Мы должны помочь им, мы должны привести их к мудрости Соединенного Разума.

Осаус протестующе засигналил, но Сусии остановил его.

— Да, Второй, я уверен, что мы братья, разделенные временем и пространством, братья, забывшие родство, но мы живем на одной планете и во имя Соединенного Разума должны найти дорогу от брата к брату. Иначе...

Что если зумы придут к знаниям Третьего Круга, не ведая опасности? Кто поручится, что планета, уцелевшая чудом однажды, уцелеет и во второй раз? Если зумы слишком молоды и несовершенны, то мы слишком дряхлы и эгоистичны, раз не хотим признать очевидного. Наш единственный шанс — контакт.

Три знака Сусии зажглись зеленым. Три глота «за», три глота «против». Силы пока равны.

— Я, Соис, говорю от имени Благоразумия...

Легкий изгиб улыбки тронул клюв Уисса. Соис очень не любил возражать кому бы то ни было, он со всеми соглашался. Добряк и миротворец, он всегда делил свои четыре глота поровну между спорящими сторонами — два одной, два другой. Как поступит он сейчас?

— Я согласен — контакт с зумами неизбежен и необходим. Несмотря на все, что разделяет нас, мы накрепко связаны прежде всего интересами Равновесия, на нарушение которого справедливо жаловались Асоу и Осаус. Мы живем на одной планете, и разделить ее на две половинки невозможно. Но вместе с тем я должен обратить внимание на опасности контакта, и в этом я абсолютно согласен с Осаусом. Уисс очень хорошо показал нам МЫСЛЬ, из которой я понял, что огонь — смертельный враг дэлонов — для зумов оказался другом и спасителем. Гибель наших соплеменников при перегоне Горящей Рыбы — это, если хотите, символическое предупреждение против излишней доверчивости к зумам. Я согласен с Уиссом — это могла быть ошибка. Но я не могу не согласиться и с Асоу — на суше не может быть полноценного разума, а потому возможность таких трагических ошибок в будущем совсем не исключена. Потому я — за ограниченный контакт, контакт по необходимости, а не по желанию. Только Благоразумие — и да продлится Четвертый Круг!

И, верный себе, Соис зажег два зеленых и два красных знака. Пять — пять.

Уисс едва выдержал ритуальную паузу раздумья.

— Я, Уисс, говорю от имени Поиска. Я сказал Вечному Совету все, что знал, и показал все, что видел. Я выслушал всех, чьи глоты против меня и чьи глоты за меня, и остался верен тому, с чем пришел. Я отдаю свое право делу своей убежденности.

И зажег торжествуя пять зеленых знаков — теперь, с его голосом, за контакт было десять глотов, а против — только пять.

Он уже видел снова железный белый кор с красными значками «Д-Е-Л-Ь-Ф-И-Н», слышал ворчание Пана и смех Нины — все, что стало за два года не только знакомым, но и по-своему родным, — когда заговорил Сасоис:

— Я, Сасоис, говорю от имени Будущего... Уисс, белозвездный, пойми меня правильно. Я был «за», когда ты уходил к зумам, и если сегодня надо было бы решать это снова, я снова отдал бы тебе свои шесть глотов. Ты знал много, очень много. Благодаря тебе мы теперь знаем не только то, как они живут, но и то, чем они живут. МЫСЛЬ, переданная тобой, позволила заглянуть в их души, страхи и мечты. Спасибо тебе.

Нарушая этикет, Сасоис коснулся корявым ластом Уисса, но тому почему-то стало холодно от этой грубоватой ласки.

— Я верю, что зумы разумны, что их цивилизация достаточно сложна и высока, верю в их доброе начало и в то, что трагедия в Атлантике — нелепая ошибка. Я хочу надеяться на будущую дружбу. Я знаю, что ты нарушил Запрет и показал зумке танец звезд в Храме Соединения. Я не осуждаю тебя, ибо, нарушив слово Запрета, ты выполнил свое дело, завершившее Поиск. Бросать семена — твое право и обязанность. Возможно, теплые течения разбудят их, и зерна прорастут корнями понимания. Но контакт — это процесс долгий и сложный. Если даже он удался между одним зумом и одним дэлоном — это еще не значит, что обе цивилизации одинаково готовы к контакту. Ты правильно сказал: зумы пока еще дети. Так подождем, пока они подрастут. Потому что даже если мы очень захотим подружиться с зумами — ничего, кроме недоразумений, у нас не получится. Требуется такое же горячее желание дружбы и от зумов. И не только желание, но и способность понять и оценить друга. Дорогу надо прорубать с двух сторон, чтобы не оказаться в чужом мире незванными гостями.

Он помолчал и погладил снова поникшего Уисса.

— Подождем. Пока еще рано. Пока еще зумы слишком опасны — даже для самих себя, не только для нас. Они еще не понимают Равновесия Мира, ибо нет равновесия в их собственных душах. Мы должны уйти из железных тюрем и увести братьев. Это ускорит ход часов. И если зумы выдержат экзамен — наши пути сольются. Когда придет время. А сейчас пусть продлится Круг Благоразумия...

Сасоис зажег красные знаки и произнес традиционную формулу конца:

— Все были Одним, ставшим после Двух, и Вечным Советом, решившим во имя Будущего — НЕТ...

13. ДВОЕ СКВОЗЬ ВСЕ

Юрка определенно не знал, куда себя девать. Почему всегда так бывает — сначала все хорошо и хорошо, а потом вдруг плохо и плохо?

Сейчас было плохо. Месяц удивительной, сказочной жизни кончился внезапно, и непонятно, что делать дальше.

Сначала исчез Свистун.

А как хорошо им было втроем! Каждое утро, чуть свет, они с Джеймсом спешили на свой берег, к своей заветной бухточке, и наперебой насвистывали пароль. Свистун появлялся всегда одинаково: он подбирался под водой к самому берегу и вдруг взмывал в воздух, отчаянно скрипя и фыркая. И как ни старались мальчишки угадать его появление, он всегда ухитрялся выскочить неожиданно. Невольный испуг ребят приводил его в восторг, он долго не мог успокоиться, кругами носясь по бухте.

А потом они забирались далеко в море, играли, ловили рыбу, причем Свистун вытягивал из глубины таких огромных рыбин, что местные рыбаки проникались к ребятам великим уважением. Расскажам о дельфине они, конечно, не верили, да и мальчишки не очень-то и настаивали: в конце концов, если взрослым больше нравятся выдумки о невероятном везении — то пусть себе тешатся.

Потом они палили костры на берегу и жарили рыбу и варили уху, и не было ничего на свете вкуснее! Правда, Свистун не очень жаловал огонь. Он предпочитал держаться подальше и хрюкал весьма неодобрительно, когда ему предлагали жареное или вареное. Однако ребята не обижались на своего морского приятеля — каждому свое.

Но самое интересное начиналось, когда все трое отдышали, отяжелев от еды, Юрка с Джеймсом — в моторке, Свистун — снаружи, положив круглолобую голову на борт. Они рассказывали друг другу замечательные истории о море и суше, о людях и дельфинах, о себе и своих товарищах. Ребятам было многое непонятно в рассказах дельфина, дельфин плохо понимал ребят, но все-таки им было хорошо вместе, а это — уже половина понимания.

В тот день все шло как обычно. Они вернулись с хорошим уловом, Джеймс начал разжигать костер, а Юрка — чистить рыбу. Свистун крутился в бухточке и невольно фыркал. Вдруг он замер.

— Мама...

Юрка от неожиданности чуть не порезал палец, а Джеймс выронил в тлеющую кучу высохших водорослей целую пачку пироксилина. Пламя ухнуло вверх огненным заревом, Свистун шарахнулся от бухты, да и сами ребята испугались не меньше.

А за волноломом, метрах в ста мористее, разыгралась «семейная сцена». Мать Свистуна, большая, светло-серая, взволнованно трещала, стараясь увести сына в море. Сын пытался что-то доказать, выводя еще более оглушительные рулады, и порывался вернуться. Наконец рассерженная мамаша ухватила сына за ласт крепкими зубами и бесцеремонно потащила за собой. Свистун обиженно взвизгнул, но покорился.

— Это ты виноват, — сказал Юрка, когда дельфины скрылись. — Зачем такой фейерверк устроил? Они не любят огня, а ты... Свистуну теперь попадет из-за нас.

— Я же не нарочно, — всхлипнул Джеймс. — Уронила пачка. Я чуть сам не стал загораться. Фух-фух!

— Вот и фух-фух теперь.

Свистун не появился на другой день, не появился и на третий. Ребята сидели на берегу грустные, ловить рыбу не хотелось, моторка бесцельно покачивалась на ленивой зыби. Потом на целую неделю зарядил дождь, и стало ясно, что Свистун больше не вернется.

А теперь улетает Джеймс.

Закинув голову, Юрка смотрел в небо адлеровского аэропорта, отыскивая среди толчеи летательных аппаратов китообразный корпус межконтинентального реалета. Когда долго смотришь, начинает казаться, что ты — на дне колоссального аквариума и над тобой гоняются друг за другом пестрые экзотические рыбки: вот золотым вуалехвостом всплыл пузатый гравилет, вот стайкой испуганных гуппи срезало вираж звено спортивных авиеток, вот степенно спускаются два туристских дископлана — чем не семейство скалярий?

А вот и Джеймс. Трехсотметровый реалет поднимается медленно, словно боится передавить ненароком всю снующую вокруг мелочь. Синие с красным лопасти едва подрагивают, и вид у реалета какой-то обиженный.

Юрка помахал рукой, хотя отлично понимал, что Джеймс даже в бинокль не разглядит его.

Хороший парень Джеймс. Настоящий друг. Хотя и любит читать нотации не хуже взрослого. Зато он честный и преданный. Юрка подарил ему на память лучший камень из своей космической коллекции — кусок лабира, который папа привез с Прометея. Лабир передразнивает окружающее: положить его на синее — он становится красным, положить на красное — становится синим, на черном он прозрачен, как горный хрусталь, а в темноте светится желтым, как маленький осколок солнца. Такой упрямый наоборотный минерал.

Реалет тем временем выбрался из толчеи, уткнувшись тупым носом в небо. В следующую секунду у него выросли плазменные хвосты, ослепительные даже на такой высоте. Словно проснувшись, реалет вздрогнул и исчез в стратосфере.

Вот и все. Почему хорошее так быстро кончается?

Вместе с потоком провожающих, улетающих, прилетающих, встречающих и просто скучающих Юрка вышел из аэровокзала на площадь. В центре зеленой подковы поблескивала зеркальная спина соленоидного метропоезда. Но лезть под землю не хотелось, да и спешить было некуда.

Он взял в автомате двойную порцию ананасового мороженого и побрел к полосе кинетрома. Погода хмурилась, иногда даже накрапывало, и поэтому влажные тротуары бежали по аллеям почти пустыми. Только на крытых лавочках сидели кое-где редкие попутчики.

Юрка тоже уселся на лавочку и принялся за пломбир. Чем же все-таки заняться до маминого приезда?

Когда он вчера говорил с ней по видеку, она улыбалась, а глаза у нее были заплаканные. Папа ее успокаивал, а она ругала этого толстого академика и повторяла про нерешенные проблемы. И про то, что профессор Панфилов заболел. И ей, наверное, жалко Уисса. Он был такой сильный и добрый.

Хотя то, что мама приезжает раньше срока, совсем неплохо. С ней веселее. Особенно, когда остаешься без друзей. Папе сейчас совсем некогда. Он работает. Скоро будет большой международный конгресс, на котором папа сделает самый главный доклад.

И тут Юрке послышался знакомый свист.

Мальчик недоуменно оглянулся, но бабушки и малыши сидели как ни в чем не бывало. Значит, он ослышался. Конечно, ослышался. Отсюда до моря добрый километр, а то и больше. Да и кто мог так свистеть...

Надо ехать домой. Одному на улице серо, сыро, холодно и скучно. В такую погоду лучше всего забраться с ногами в кресло и читать про какие-нибудь необыкновенные приключения. Или фантастику. Про будущее.

Мальчик снова принялся за пломбир, но смутное беспокойство уже стучало у виска.

Может, завернуть еще раз на старое место, к морю?

А что там делать? Только расстраиваться. Моторка и снасти со вчерашнего дня в бюро проката, даже кострище смыло дождем и прибором.

Но Юрка все-таки встал и перешел на нижнюю ленту.

Глупости, говорил он себе. Как маленький. Ничего на таком расстоянии нельзя услышать. К тому же море изрядно штормит, а в шторм дельфины уходят от побережья, чтобы не угодить на скалы. Незачем туда ходить...

Но какая-то неодолимая сила заставляла его все быстрее перескакивать с ленты на ленту, а когда кинетрорп кончился, описав круг над обрывом, он бросился бегом в самую гущу колючек, к распадку.

Распадок пахнул в лицо гниющими водорослями, но Юрка задержался лишь на минуту, чтобы снять ботинки, — подошвы предательски скользили на мокрым камне.

Он выскочил на галечную полосу, уже уверенный, что Свистун здесь.

Дельфин стоял в бухточке, прижавшись к волнолому, и заметно вздрагивал, когда прибой с грохотом перехлестывал через валуны.

— Что... Что ты здесь делаешь? — только и смог выдохнуть Юрка.

— Жду тебя, — просто ответил дельфин.

— Но я же... Тебя давно не было... Мы решили, что ты уже не придешь...

— Я пришел. Плохо, что нет Джеймса.

— Да... Джеймс улетел в свою страну. Только сейчас. А я совсем не собирался сюда. Я пришел случайно.

— Я звал тебя. Я знал, что ты придешь.

— Почему тебя не было так долго?

Дельфин промолчал. Юрка огляделся, не зная, плакать или смеяться, радоваться встрече или укорять верного друга за безрассудство: даже в бухте вода нервно ходила вверх и вниз, а в горле прохода все хрипело и клокотало. Море час от часу дышало беспокойнее, и белые шапки волн становились все курчавей и выше.

— Ты давно здесь?

— С утра. Утром было тише.

— А теперь ты сможешь выйти в море?

— Не знаю. Выход узкий и мелкий. Там бурно. А дальше не так опасно. Надо сразу уйти в глубину. В глубине тихо.

Юрка сердито стукнул кулаком по колену.

— Так почему же ты не ушел, когда было тихо?

— Я ждал тебя.

— Ждал! Ты что, разбиться хочешь? Можно было встретиться завтра или послезавтра, в конце концов!

Дельфин медленно отошел от стенки и подплыл к самым ногам мальчика. Юрка сел на мелкий галечный гребень, намытый качающейся водой, и взял голову Свистуна на колени, защищая от случайных ушибов.

— Глупый! Я бы приходил сюда и завтра, и послезавтра, потому что я тебя люблю. Мы бы все равно встретились...

— Нет. Мы бы уже не встретились. Сегодня мы уходим. Все дельфины. Все. Насовсем.

Рука мальчика, гладившая округлую гладкую голову товарища, вздрогнула и обмякла.

— Как насовсем? Почему?

— Чтобы быть дальше от людей. Так сказал Вечный Совет, и все взрослые согласились.

— Но почему?

— Люди зажигают огонь и отравляют воду. Они делают зло. Они опасны для дельфинов, даже когда хотят добра.

— Это неправда!

— Я не знаю. Так говорят взрослые.

— Неправда. Есть плохие люди, но их меньше, чем хороших.

— А почему тогда хорошие не лечат плохих?

— Как — лечат?

— Если дельфин родится плохим, его лечат, и он становится хорошим. Почему так не делают люди?

— Люди... Мы еще не умеем... А это было бы здорово! Раз — и в больницу! А как вы их лечите?

— Не знаю. Это делают взрослые.

— А почему ваши взрослые не научат наших?

— Говорят, люди неразумны.

Юрка обиделся не на шутку, но поразмыслив, пробурчал сердито:

— Это все взрослые неразумны. И ваши, и наши. Они вечно задирают нос и никого, кроме себя, не хотят понимать.

— Да, — эхом отозвался дельфин. — Они умеют только запрещать.

— И ссориться со всеми, — добавил мальчик.

Он сидел мокрый насквозь, накат шатал его то в одну, то в другую сторону, выскребывая снизу гальку и лишая опоры, он порядком продрог, но крепко держал обеими руками голову Свистуна: боялся, что того стукнет о камни.

— Мы будем не такими, когда вырастем. Правда?

— Правда. Не такими.

— Мы будем дружить. Правда?

— Правда. Будем дружить.

Откуда-то издали, сквозь хриплые вздохи приборя донесся высокий вибрирующий звук. Он был едва слышен, но от него начинало зудеть в ушах и ломить виски.

— Это ищут меня. Мне пора уходить.

— Но мы еще встретимся, правда?

— Встретимся. Обязательно. Когда у меня будет имя.

— Но у тебя есть имя!

— Нет. Это матрица. Имена получают, когда становятся взрослыми.

Я хочу выбрать имя Уисс.

— Уисс? Странно... Почему Уисс?

— Так зовут моего отца. Я хочу быть, как он.

— Уисс — твой отец?! Постой... Моя мама... Уисс...

Юркины мысли завертелись колесом, а руки выпустили дельфинью голову. А вибрирующий звук тем временем вырос до свиста, смолк и повторился где-то в стороне, значительно тише.

— Мне надо в море. Иначе уйдут без меня. Прощай.

— Постой... Это удивительно! Ведь моя мама...

Но дельфин уже не слушал. Он несколько раз примерился, то подплывая к опасному проходу, то отходя к стене волнолома. И вдруг, сжавшись, враз распрямившись, он бросил свое тело длинным прыжком над клокочущим выгибом выхода.

Всего на долю секунды повис он над клыкастой пеной, но именно в эту долю секунды встречная волна сшибла его. Перекувыркнувшись, он отлетел чуть ли не в центр бухты.

Вторая попытка тоже не удалась.

Где-то далеко и уже едва слышно проверещал и затих вибрирующий призыв.

И когда после третьей попытки дельфина едва не бросило на валуны, мальчик отчаянно закричал:

— Стой, Свистун! Нельзя так! Нужно вдвоем!

У мальчика не было определенного плана, просто он видел, что дельфину не выбраться одному, просто он верил, что вдвоем ничего не страшно.

Дельфин остановился и доверчиво повернулся к Юрке. И столько надежды было в этом повороте, столько веры в помощь, что отступить было нельзя. Надо было что-то делать.

И тут Юрке на глаза попала длинная дюралевая штанга. Еще вчера эта штанга была флагштоком и одновременно маяком их «флибустьер-

ской республики», а сегодня валялась на берегу, потому что вывезти ее не удалось: она не влезла в лодку ни вдоль, ни поперек — заклинивалась в проходе...

Мальчик перекинул штангу наискось через изгиб коварной горловины, стараясь зажать оба дюралевого конца в щелях между валунами. Волны шарахались взад и вперед, норовя выбить мачту из рук. Но Юрка, пряча лицо от брызг, все-таки сумел попасть противоположным концом шеста в замшелую трещину рассеявшегося камня. Штанга заклинилась наглухо, соединив по диагонали начало и конец короткого коридора.

Дельфин терпеливо поскрипывал за спиной, но ничего не понимал: техника была не по его части.

— Я пойду по проходу вброд, понимаешь? Он мелкий. Буду держаться за штангу, а ты держись за меня. Я буду твоим буксиром, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно сказал дельфин. — А если тебя собьет?

— Не собьет. У меня пятерка по физкультуре. Ты только держись за меня крепче. Вдвоем мы, брат, сквозь все на свете пройдем.

Юрка снял мокрую рубашку и, скрутив ее жгутом, крепко-накрепко завязал на животе. Получился надежный пояс.

Он влез в воду у самого начала хода, под прикрытием облупленной бетонной плиты. Здесь только покачивало, но впереди бесился настоящий водоворот.

Дельфин уцепился за пояс и, выгнувшись латинской «С», прижался крепко к мальчишескому телу.

— Готов?

— Готов.

— Поехали.

Ухватившись поудобнее за дюралевого поручень, мальчик сделал первый шаг.

Волна сразу накрыла их с головой, водяные змеи сдавили, стараясь оторвать от поручня, переломить, оглушить, отбросить, разбить о камни. Босые ноги разъехались на скользком полированном монолите дна, дыхание перехватило, пальцы свело на дюрале мертвой хваткой, и не было сил перехватить штангу подальше.

Закусив губы до крови, мальчик заставил себя сделать еще один шаг. И еще один, и еще...

Тело дельфина, изогнутое вокруг худой Юркиной фигурки, стало напряженной стальной пружины. Плавно выгибаясь, дельфин помогал мальчику делать эти трудные, невероятно долгие шаги. Если бы не он, Юрку переломила бы, наверное, тугая сила водоворота.

Шаг. И еще шаг. Десять сантиметров. И еще десять.

Сердце билось неровными толчками у самого горла.

Волна ударила в спину, стальная пружина распрямилась, Юрка взлетел в воздух и очутился на валуне.

Полуоглушенный, он тер глаза, отплевывался, кашлял и никак не мог опомниться.

И вдруг понял все радостно замершим сердцем.

Они прошли!

Дельфин теперь на свободе...

* * *

Море гремело, могуче и властно сотрясая сушу, и горы вздрагивали от вечных ударов прибоя, и белая пена изменчивой пограничной полосой металась между двумя великими мирами жизни.

Двое из этих миров в последний раз взглянули в лицо друг другу, прежде чем разойтись по своим непохожим дорогам.

Дельфин сразу нашел своим локатором крошечную фигурку на далеком камне и ощутил, что маленькому телу холодно, а сердцу одиноко.

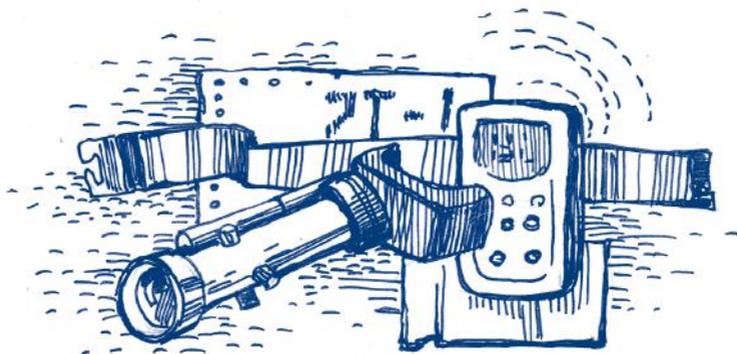
Сородичи звали его за собой, и он уходил за ними все дальше, но прежде чем горб моря, взбухая, закрыл резкие черты суши, дельфин взлетел на острый гребень волны и крикнул земле:

— До встречи! Я приду!

Мальчик не мог видеть так далеко, но он слышал далекий свист, понял его смысл и прошептал морю:

— До встречи... Я жду...

1970—1973

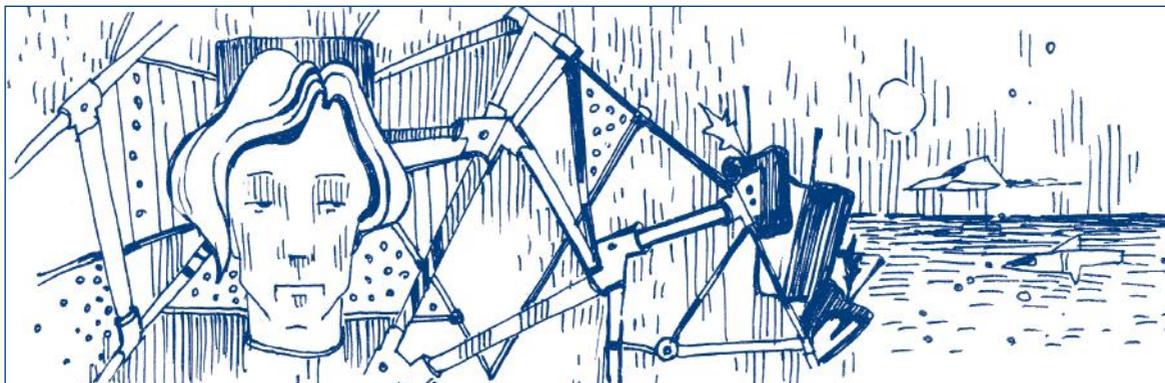

Вячеслав НАЗАРОВ

4
*Литературное наследие
Красноярск*

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Несостоявшийся математик Оксиген Аш стал Кормчим случайно и совершенно неожиданно для себя. В один из летних дней, прокаленных белым солнцем и оглушенных звоном ситар, двери колледжа захлопнулись за ним навсегда, и Окси оказался лицом к лицу со своей судьбой. Ничто не предвещало ее величия, а потому Окси, следуя древнему завету «Возьми свое, а потом чужое», набил полные карманы узкими синими яблоками-скороспелками в маленьком садике и вышел через ворота на центральную площадь столицы.

Площадь, обычно пустынная в полуденный час, на этот раз была многолюдна. Планета Свира переживала очередные потрясения, и все, кого не обременяли неотложные труды, принимали в событиях деятельное участие. У бочек с красным силайским пивом толпились мужчины, обвешанные оружием. Женщины в белых косынках медсестер предпочитали ледяной сливочный коктейль с мятными хлебцами. По мостовой в разные стороны проносились бронетранспортеры с повстанцами и служителями порядка. Мальчишки-лоточники сновали среди прохожих, предлагая новейшие образцы бесшумных пистолетов и пуленепробиваемых жилетов. Голубые девушки из Уличного страхования жизни бойко заключали блицдоговоры. Кто-то где-то стрелял, кто-то кого-то ругал, кто-то за кем-то гнался, кто-то что-то кричал — все это было красочно, захватывающе и волновало.

Но Оксиген шел среди толпы задумчивый и печальный. Исключение из колледжа было для него тяжелой обидой. Ведь он совсем не был глуп —

не глупей других, во всяком случае, — но ему отчаянно претила теория. Он чудесно обходился без нее. Он любил яблоки, не испытывая потребности узнать, как и зачем они растут. Он любил мастерить забавные штучки из разнородных деталей, но никогда не ведал наперед, что у него получится. Историки называют это качество духовным аскетизмом гения. Преподавателям оно казалось ограниченностью.

Меланхолично жуя яблоко, Окси дошел до Дворца Свободы. Под полуразрушенной аркой главного входа застрял танк, и полицейские гвардейцы вместе с повстанцами пытались его вытащить. Аш поглазел на дружную, но бесплодную работу и от нечего делать вошел в правительственный сад. Парк был весь изрыт окопами и затянут маскировочными сетями, из кустов ежевики торчали стволы скорострельных орудий. Представители враждующих сторон дремали на своих боевых постах. Два пулеметчика лениво ругались из-за места под деревом: оба были толстые, оба обливались потом, и оба в равной мере не хотели занимать позицию на солнцепеке.

В саду пахло бензиновой гарью, порохом и потом, и Оксиген Аш беспрепятственно прошел мимо двух зевающих охранников в приемный зал к Кормчему Свиры. Здесь было прохладнее и спокойнее. Работал буфет, музыкальный автомат наигрывал медленную шору, отравители-профессионалы пили шипучий билу со льдом и делились вполголоса новыми рецептами.

На Аша никто не обращал внимания. Даже когда он заглянул в секретный блок-кабинет Кормчего, ему крикнули только, чтобы он прикрыл за собой дверь и не устраивал сквозняка. Сквозняка боялись все.

В кабинете Кормчего не было ни души, и это обрадовало Оксигена. Ему хотелось посидеть одному, наедине со своими невеселыми думами. И поскольку другой мебели в кабинете не было, Окси направился к единственному креслу — Великому Креслу, запятнанному кровью десятков правителей, продырявленному сотнями пуль, обугленному огнеметам и лазерами, забрызганному всевозможными ядами и кислотами.

Он сел в кресло, не ведая, что творит, и вой сирен, включенных датчиками от сиденья, уведомил планету Свиру о приходе нового диктатора. У дверей мгновенно выросла охрана из гвардейцев.

Первую минуту Оксиген Аш усидел с перепугу — он был уверен, что его схватят и накажут за необдуманный поступок. Мало-помалу до него дошло, что, сидя в Великом Кресле, он сам может наказать кого угодно. Для пробы он приказал высечь всенародно математика из колледжа, поставившего ему «неуд». Правда, он забыл назвать свой колледж, а потому все математики всех колледжей Свиры были через час нещадно биты бамбуковыми палками на городских площадях. У нового Правителя была крепкая рука.

Первую неделю Аш продержался благодаря обилию соперничавших групп на Сви́ре и жестокой конкуренции между ними — каждая боролась за возможность укокошить диктатора и поднять свой авторитет. Они торопились и мешали друг другу. Трое злоумышленников заложили под Дворец Свободы термитную бомбу. Все трое оказались некурящими, а прохожих не было видно. В это время во Дворце шла церемония вручения Кормчому памятной зажигалки. В зажигалку была вмонтирована адская машина. Кормчий принял дар и уже поднес его к сигарете, собираясь опробовать, когда террорист-одиночка с крыши соседнего дома выстрелил в него и едва не попал. Кормчий, стоявший у окна, выронил зажигалку, и коварный дар упал прямо к ногам некурящих злоумышленников. Злоумышленники возликовали и через минуту взорвались. Термитную бомбу нашли мальчишки и заложили ее под старый фургон, в котором скрывалась ракетная установка, нацеленная на броневедомоуль Кормчего. В итоге этого дня Оксиген только порезал себе пальцы. Бинты спасли его на следующий день при подписании какой-то декларации, страницы которой были пропитаны ядом, действующим через кожу. Яд впитался в бинты, и личный доктор Кормчего, делая перевязку, умер в страшных муках, так и не успев сделать своему высокому пациенту укол цианистого калия.

Словом, к исходу первой недели своего правления Оксиген Аш почувствовал некоторую усталость и желание разделить с кем-нибудь бремя власти. Он объявил о создании Союза Особо Преданных Кормчому. К его великому удивлению, на призыв откликнулись весьма охотно. Ряды бунтарей заметно поредели — многие явно и тайно спешили приобщиться к новому союзу. Начался раскол. Недовольные махнули рукой на Кормчего и стали охотиться друг за другом. Теперь стрельба гремела по всей Сви́ре, а в правительственном саду мирно паслись ручные силайские козы с кудрявой розовой шерстью.

В пятницу в одной из комнат Оксиген Аш нашел мятый клочок бумаги с кривыми строчками: «Дорогой Окси! Ты имеешь крепкий лоб, и мы имеем выгоду с тобой дружить. Твой процент — кресло с высокой спинкой, общий восторг и долгая жизнь. Мы тихие люди и не переносим шума. Проницательные».

Кормчий дважды прочел записку и внимательно ее обнюхал.

Никто никогда не узнает, какие великие мысли пронеслись в голове Кормчего.

Он аккуратно свернул клочок бумаги и положил в тайный карман, где еще полмесяца назад носил шпаргалки.

Конец второй недели Оксиген Аш ознаменовал указом, потрясшим всю Сви́ру. Он протянул руку своим противникам. Человек по натуре от-

ходчивый, он собрал остатки недовольных в Прайд Исключительно Преданных Кормчему. На такой шаг еще не отважился ни один из многочисленных предтеч Аша.

Перед Дворцом собралась ликующая толпа. Женщины и мужчины, старики и дети размахивали свежими выпусками газет и скандировали: «Аш наш! Аш наш! Аш наш!» Полицейские гвардейцы, привычно сомкнув защитное кольцо вокруг главных ворот, пыхтели и всхлипывали от желания присоединиться к напиранию массе.

Какой-то верзила, оседлав крестовину фонарного столба, завопил: «Отец родной! Аш — наш отец родной!» И когда толпа смолкла нестройно и уже набрали побольше воздуха груди, чтобы грянуть новый клич, снизу пискнуло невидимое: «Врешь, рыжая скотина! Отец отцов! Великий Кормчий!»

«Кормчий!!!» — взревела толпа, и это было имя высшей судьбы...

К началу четвертой недели с неурядицами было покончено. Благоклонная мудрость и воля Кормчего стали прочной основой и гарантией всеобщего счастья и довольства. А столь необходимые и дорогие мятежным сердцам свирян «пики» с успехом заменили ежегодные многодневные карнавалы, где разрешалось использовать не только шутихи и устраивать не только фейерверки. Свободная торговля оружием и боевым снаряжением вплоть до гаубиц и реактивных минометов во время карнавалов помогала развеяться после годичных трудов, а заодно и разрешать всякие мелкие бытовые проблемы. Полицейские гвардейцы следили только, чтобы стволы смотрели в сторону, противоположную Дворцу Кормчего.

Но Оксиген Аш не был бы настоящим правителем, если бы остановился на достигнутом. Он постепенно освободил свой народ от тяжелого ярма принятия решений — он все решал сам.

Правда, некоторые утверждают, что он по-прежнему получал таинственные советы на мятой бумаге, но истина скрыта за бронированными дверями с электронными запорами.

Зато доподлинно известно, что уже в первом своем основополагающем труде «Указания по палеонтологии, психологии и филологии» Кормчий провозгласил, что проницательность во времена Всеобщего Благоденствия является фикцией, а проницательные люди — фиктивными людьми, в связи с чем необходимо вышеназванное слово из языка свирян изъять, а всех проницательных — ликвидировать. По требованию общественности день публикации «Указаний» был объявлен Днем Спасения. Зримой гарантией вечного процветания Свиры стали «Указания по производству и растениеводству», где Правитель установил законы новой экономики. Он доказал, что причи-

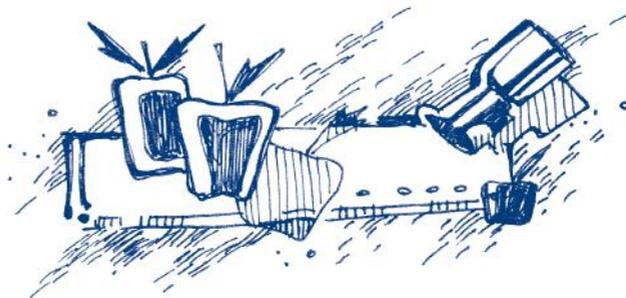
ной всех прошлых бед планеты было ядовитое растение чернук. Его выращивание приравнялось отныне к экономической диверсии, а употребление в пищу каралось конфискацией имущества и изгнанием.

Свыше двухсот фундаментальных трудов создал Кормчий в считанные годы. Этой титанической работой он заложил краеугольные камни всеобщего процветания и спокойствия. Конечно, такая работа требовала больших усилий, ломки старых, отживших понятий. Но цель оправдывала средства. В поэтичных, полных философских откровений «Указаниях по нужным чувствам и полезным искусствам» Кормчий писал: «Чтобы иметь, надо сначала не иметь». Народ Свиры получил возможность денно и нощно цитировать эти (и другие) мудрые выражения, размноженные в миллионах экземплярах.

И все-таки Кормчий окончательно осчастливил Свиру только на десятом году своего служения согражданам. Именно тогда было начато строительство Великого Стального Кокона, который должен был навеки упрятать всю планету в броневую скорлупу. Строительство тянулось двадцать лет, и получился он с изрядными прорехами. Но и здесь цель оправдала средства — духовному здоровью свирян теперь не грозили никакие злетные инфекции.

Шли годы. Космос вокруг обживался. Далекая Земля слала своим поселенцам тяжелые транспорты и материнские наставления. Строительные отряды буравили пустоту, соединяя окрестные планеты невидимыми туннелями автоматических трасс. Населенные миры словно протягивали друг другу руки, чтобы вместе противостоять убийственному равнодушию космического пространства.

Но ни один транспорт не всплывал из минус-времени около планеты, опутанной стальной паутиной, ни одного отзыва не получали гостевые шлюпы, приглашающие соседей на новоселье, ни одному скитальцу, терпящему бедствие, не распахнула своего неба Свира...

2. ЗАГАДКА СВИРЫ

- Занятно, крайне занятно. — Инспектор с нежностью погладил свежевывбритую щеку. — Но кто же сейчас хозяин Свиры?
- Великий Кормчий.
- Простите... Полтораستا... Двадцать... Десять... Да еще лет двадцать, не меньше... Что-то около двухсот получается. Сколько же лет Правителю?
- Двести четыре с хвостиком.
- Ах вот как...

Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района Иннокентий Шанин искренне старался заинтересоваться разговором, но мысли его вопреки желанию убежали прочь — туда, к трем бессонным неделям погони за контейнерами с активированным лютением, которые разлетались по всему району после странной аварии грузового поезда. Шанин уже много раз ставил перед МСК¹ вопрос о запрещении провоза лютения. Ему обещали и ничего не делали. И вот результат... Все контейнеры удалось своевременно выловить. А что было бы, попади один такой ящичек в гравитационное поле любой из окрестных звезд? Грузовая трасса в его районе — легкомыслие на грани преступления. Теперь это должны понять даже замшелые крабы из МСК...

- Вы не слушаете, Инспектор.
- Слушаю, товарищ Главный. Но я не понимаю, при чем тут я. Свира не входит в наш район, никаких сведений о возможных кон-

¹МСК — Международный Совет Космонавтики.

тактах с нашими у меня нет, я вообще ни одного свирянина в глаза не видел...

— Увидите. Мы в Координационном центре обсуждали много кандидатур, но выбор пал на вас. Это, Инспектор, директива, а не просьба.

— Выбор? Директива?

— Именно так.

— Какой выбор и на что директива? Я битый час слушаю, но до меня никак не доходит, в чем дело. Что случилось на Свире?

— В том-то и дело, что ничего не случилось. За последние сто пятьдесят лет на Свире не произошло ничего существенного. Доходит или нет еще?

— Нет.

Главный сердито фыркнул.

— Простите, товарищ Главный, но Инспектор Шанин имеет право на подобные вопросы, — вступил в разговор сидевший справа от Главного. — Ситуация, прямо скажем, необычная, и мне хотелось бы, чтобы все уяснили ее исключительность...

— Арнольд Тесман, директор сектора социальных проблем СДН², — представил Главный своего спутника.

Шанин присмотрелся к высокому гостю внимательнее. Тесман ему понравился: немолод, но спортивен, лицо моряка, глаза упрямые и добрые, с легкой вызывающей смешинкой. С таким можно договориться, отвертеться от нежданной и непонятной директивы — разве мало у каждого своих забот, своих проблем, ждущих немедленного решения? А Главный тоже хорош: мало того что берегает для своего помощника самые головоломные задания — так теперь решил, видно, сдавать его в аренду в другие ведомства...

— Послушайте, товарищ Тесман, у меня есть контрпредложение. Давайте пока оставим Свиру. Жила она в своем коконе полтора года — потерпит еще пару месяцев. А вы поживите у нас. Вы скандинав, судя по всему. Для акклиматизации могу предложить Ибсен-2 или Григ-8.

— Спасибо за приглашение, но...

— Нет, нет, подождите. Не отказывайтесь сразу. Ведь наш район — уникальный уголок. Звездный Монмартр, так сказать. Основное население — люди творческие. Живут в буквальном смысле в атмосфере своих творений, на земле своих предтеч и кумиров. Несколько миллионов профессионалов, остальные любители. На любой планете — полная свобода творческой фантазии... Ничего от вас не требую и не берусь ничего доказывать. Просто полетим вместе, посмотрим, что, где и как. И ручаюсь

²СДН — Союз Дружественных Наций.

головой — через месяц Свира с ее причудами покажется вам самым ordinary цирком.

Тесман посмеивался, глядя в потолок, в полупрозрачной толще которого плыли разноцветные пузатые солнца и вилась вокруг них серебристая мошкара планет. Даже на этой сугубо деловой карте угадывалось невероятное пространство — расстояния, покоренные человеком во имя жизни.

— Да, Иннокентий Павлович, теперь мы живем просторно и можем себе кое-что позволить. Сейчас на Земле около шестидесяти миллионов человек, и это втрое превосходит экологическую норму для планет третьего класса. Земле сделано исключение, но уже сейчас многие считают, что такое положение устарело. А ведь к концу двадцатого века на Земле жило чуть ли не шесть миллиардов человек! Я даже представить себе не могу, как это возможно физически — ежедневно видеть толпы людей и совершенно незнакомых людей! Каждый день разные лица... Непостижимо!

Шанин энергично кивнул — у него появилась надежда. Но когда Тесман опустил глаза, в них не было улыбки.

— Однако Свира не цирк и не порождение фантазии неумелого новартиста-любителя. Она существует и процветает.

— Ну и пусть себе процветает на здоровье! Разве это плохо?

— Иногда плохо... Материальная обеспеченность плюс духовная нищета — страшная смесь... История дала немало примеров тому, чем кончается такое «процветание»... Мы не можем допустить самоуничтожения целой планеты. Но официальное вмешательство — крайняя мера. Чтобы пойти на него, мы должны иметь конкретные и веские доказательства неспособности правителя. Иначе в глазах народа Свиры мы будем агрессорами и вместо спасения только ускорим трагические события.

— Но, быть может... быть может, рано еще бить тревогу? Может быть, свиряне еще сами дойдут до сути? Ведь наших прапрадедов в России в начале двадцатого века никто не спасал. Сами разобрались.

— Вы вправе гордиться своими предками. Но как раз история русской революции, история строительства социализма научила человечество братской солидарности. Вы начали первыми и могли первыми наслаждаться коммунистическими благами, так сказать, за своим столом. Но ваши прапрадеды ограничивали себя во всем, помогая другим народам преодолеть трудности переходного периода, оберегая их от врагов. Не так ли?

— Сдаюсь, товарищ Тесман, сдаюсь. Я хотел только сказать — возможно, на Свиры уже есть силы, решающие сегодня те же вопросы, что и мы? И надо им просто помочь?

— Возможно. Возможно, хотя сомнительно. Но тогда тем более на Свири нужен наш человек, способный установить связь революционного подполья с Внешним миром.

Шанин задумался. Главный, считая, видимо, свою миссию законченной, подчеркнул внимательно просматривал бортовые журналы. А Тесман говорил — то ли объясняя собеседнику, то ли думая вслух.

— Правитель... Кислород Аш начинал весьма традиционно, и весь его тернистый путь вплоть до строительства Стального Кокона прямо-таки шаг в шаг повторял бурную деятельность всех больших и малых монархов прошлого. Все они доводили свои народы до нищеты... Свира после Стального Кокона была на грани экономического краха... Только жесточайшим террором Кислороду Ашу удалось удержаться... После целого ряда отчаянно смелых, но безрезультатных покушений он вообще перестал показываться народу... И вот с этого момента начинается непонятное. Правитель доводит свои полномочия до абсурдных границ. Он решает все сам, правда, ничего не предлагает, но все, что происходит или будет происходить на планете, включая даже такую мелочь, как время включения ночных фонарей, зависит от его согласия или несогласия. Ему подадут проект — он говорит, вернее, пишет: «да», «нет», «отложить».

— Но ведь даже прочесть такую массу бумаг невозможно! Не говоря уже о большем... Может быть, он заменил себя машиной?

— Исключено. Машина может хранить огромный объем информации и оперировать им в пределах программы, но все ее могущество — на уровне прошлого человеческого опыта. Она способна самообучаться и самопрограммироваться, но она не способна изменить свой принцип подхода к материалу, что ли, свою позицию, свою логику. Она не способна думать творчески... Точнее, не способна ошибаться... Я что-то сам запутался, но сошлюсь на авторитеты: наши специалисты, анализируя происходящее, заявили твердо, что логика решений Кислороды Аша исключает вмешательство электронного компьютера... Но с другой стороны, это и не человеческая логика...

— Простите, что вы сказали?

— Я сказал, что специалисты по логическим структурам в один голос утверждают, что Слова Кормчего, определяющие каждый день существования Свиры, не могут принадлежать ни машине, ни человеку.

— Час от часу не легче...

— Практически это выглядит так — каждый день газеты Свиры открываются рубрикой «Слово Кормчего», где перечисляется все одобренное Правителем накануне. Думать над перечнем небезопасно, да и бесполезно — его надо немедленно выполнять, о чем заботятся соответствующие

органы. Так вот, на первый взгляд «Слово» — электрический казус, экономическая и социальная бессмыслица. Найти какой-то ключ, какой-то принцип, какой-то стимул этих законодательных «Слов» невозможно... Есть и еще одна особенность, Свира отрезана от мира. Это аквариум. И потребности свирян тоже движутся по кругу. Остановившаяся культура. Отсутствие новых идей — для них нет пищи, и к тому же они жестоко преследуются. Технический и научный уровень Свиры крайне низок — все открытия и новинки ограничиваются сферой потребления. «Иметь» — любимое слово свирян. Неважно что, неважно зачем, неважно откуда, но иметь. Иметь больше, чем другой...

— Но ведь там же люди живут, а не рыбы! Должно быть какое-то несогласие. Я не знаю, что еще... Как будто другим веком повеяло...

— Действительно, другой век. Буквально. Планета с остановившимся временем. Конечно, там есть недовольные. Некоторым удается бежать. От них — крупницы сведений, которыми мы располагаем.

— Бежать в космос?

— Невероятно трудно, но возможно. На Свире почти легально существует контрабанда. Правитель и его «королевская рать» смотрят на нее сквозь пальцы, ибо пользуются негласным каналом связи для своих личных нужд. Полицейская гвардия следит только за тем, чтобы с «внешним» товаром не проникли на Свиру «внешние» мысли...

— Да, рискованная профессия... Но, видимо, игра стоит свеч — ведь их собственное производство отстало лет на сто... Какие же блага Внешнего мира интересуют свирян больше всего? Или они хватают все подряд?

— Не сказал бы... В основном их интересует чернук.

— Чернук?

— Да, они увозят на Свиру огромное количество чернука. И еще лекарства. Особую популярность имеют разного рода тонизирующие и геронтологические средства. Еще — всякая бытовая мелочь и украшения. И это, пожалуй, все.

— Ясно... Вернее, совсем ничего не ясно. Какова моя роль?

— Вы должны, Иннокентий Павлович, превратиться в разведчика. Профессия давно позабытая, но, как говорят, окруженная в былые времена ореолом романтики. Скажу откровенно — лично я вам не завидую. Я был против такого варианта, но мои коллеги убедили меня, что иного выхода нет. СДН должен обладать полной и достоверной информацией о подлинной жизни Свиры и, насколько возможно, об Оксигене Аше. Или о том, кто за этим именем скрывается...

— Неужели вы всерьез верите, что Кормчий не человек?

— Верить, не верить... Свиряне, к примеру, бесповоротно уверовали в то, что ими правит некое высшее существо. Вероятно, такая уверенность

исподволь насаждается сверху, но согласитесь — при желании можно привести массу доказательств. И поразительное долголетие, и необъяснимая догадливость, порой даже меня наводящая на мысль, что Правителю ведомы случайные зигзаги будущих событий, и нечеловеческая способность к обработке огромных масс информации, и мгновенность решений, недоступная нашему мозгу, и, в конце концов, эта самая злополучная логика — логика, отличная и от человеческого, и от машинного мышления... Разгадать Правителя — значит разгадать Свиру. Но мы не ставим перед вами такой задачи. Пока она, видимо, выше наших возможностей. Ваша задача — узнать о Свири и о Правителе все, что в силах ваших. Никакого вмешательства, никаких действий и противодействий. Только смотреть и запоминать.

— А вы уверены, что я смогу проникнуть дальше первой балки Великого Стального Кокона?

— Уверен. Вся операция продумана до мелочей и гарантирована от опасных последствий. С вами полетит настоящий свирянин, всего несколько лет бежавший оттуда. Он пытался организовать покушение на Правителя. Он знает все ходы и выходы и поможет вам освоиться на месте. Его надо только держать под наблюдением: с Кормчим у него свои счета. Вы высадитесь в Силае. На первое время, видимо, Силай будет вашей базой, и вам легче, чем кому-либо, будет освоиться и ориентироваться в суровой и дикой местности... Неужели остыла кровь пращуров-первопроходцев? Ваш начальник рассказывал о вас другое...

— Ох, товарищ Тесман, хитрый вы человек! И успокоили, и польстили вовремя! Раз все продумано до мелочей без нашего ведома, то куда денешься... Но если можно, для справки — как же все-таки предстанет пред ясны очи полицейских гвардейцев разведчик из Внешнего мира в компании беглого террориста, разыскиваемого по всей Свири? Гвардейцы, конечно, возликуют, а что делать нам — плакать или смеяться?

— Меня искренне радует, Иннокентий Павлович, что вы уже вникаете в детали будущей операции. О них разговор особый и долгий. Но на первый вопрос я могу ответить и сейчас. На прошлой неделе на соседнюю со Свирой Зейду пожаловали три гостя. Двое из них сейчас в больнице. Несчастный случай. Лежать им еще не меньше месяца, и это для них нож острый. Такая задержка вызовет подозрения, конфискацию корабля, расследование, которое на Свири почти всегда равносильно смертному приговору. Третий, в свою очередь, не может вернуться один — те двое автоматически будут считаться беглецами, а он — их пособником. В общем, положение у гостей отчаянное. Мы предложили им взаимовыгодное соглашение — вместо двух заболевших на Свиру отправляются двое наших людей. Срок — месяц. Через месяц вы на том же корабле и с тем же

сопровождающим возвращаетесь на Зейду. Выздоровевшие к тому времени гости, сделав свои дела, убираются восвояси. Гарантия тайны с их и с нашей стороны. Ваши цели гостей не интересуют — профессия отучила их от любопытства. Они боятся только, чтобы подлог на Свири не обнаружился, и потому согласны изложить вам такие места из своей биографии, которых не добился бы ни один суд. Остальное доделает пласт-дубляж лиц и свойственные вам артистические способности...

— С чего мы начнем?

— С Бина. Бин — это кличка. На языке, который вам предстоит освоить, значит «двойной» или «двуликий». Ваш спутник, помощник и консультант ждет вас на Зейде. И лететь туда надо немедленно.

Шанин закинул голову к потолку, где по-прежнему плавно, как в причудливом древнем танце, кружились кукольные солнца и планеты, попробовал найти Зейду. Не нашел и встал.

— Я готов.

— Будете заезжать домой?

— Нет. Автопом соберет все необходимое лучше меня.

У двери Главный положил ему руку на плечо, задержал.

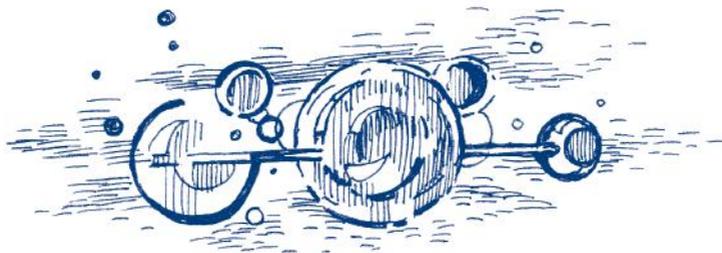
— Ты прости меня, Кеша, что я так вот... Но дело-то деликатное, понимаешь? А у тебя получится. Тяжело только будет... — Главный скорбно пожевал губами: — Я понимаю, ты вправе обижаться. Без подготовки, без согласования с тобой — сразу директива...

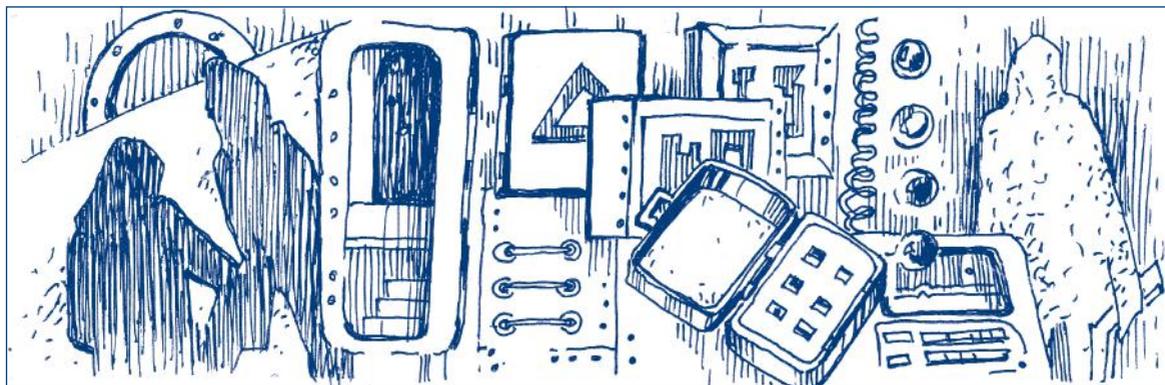
— Какая директива? — искренне удивился Шанин. И, поняв, как ловко обработал его Тесман, превратив требование начальства в собственное горячее желание Инспектора, он тихо рассмеялся:

— Хорошая директива! Замечательная! Спасибо вам, товарищ Главный, не то я совсем зачах бы в своем заповеднике гениев. Надо и самому размяться!

И, пропуская Главного вперед, добавил с веселой угрозой:

— Ох и растрясу же я эту Свиру! Как пить дать растрясу. Чтобы не морочила голову честному человечеству...

3. ДРЕЙФ У СТАЛЬНОГО КОКОНА

Овальная дверь, нещадно скрежеща, задержалась судорожно, но не открылась: сервомоторы не смогли справиться с толстым слоем инея и льда, намерзшим по периметру. Потом, видно, кто-то очень сильный налег снаружи на ручку. Дверь затряслась, выгибаясь, и вдруг с лязгом и хрустом ушла в стену. В проеме показалась фигура, огромная и неповоротливая из-за толстой меховой куртки и надвинутого на самый лоб остроконечного вязаного башлыка.

— Пригрелись, паучата? Я должен оберегать товар и превращаться в мороженный окорок в этом летающем холодильнике, а они здесь греют зады и шпарят в карты. Великий Кормчий!

— А ты и впрямь похож на силайского медведя, Шан. Кличка тебе в пору, как обручальное кольцо невесте, — заметил один из сидящих в пилотской кабине, не оборачиваясь.

Другой ловким жестом смахнул с пульта игральную колоду, побарабанил по ней пальцами и развернулся вместе с креслом к вошедшему.

— И вдобавок как две капли воды похож на настоящего Шана, которому я так неосторожно проломил череп. Он тоже трезвый только ругается, а в подпитии ревет своим нутряным басом: «Всем вам висеть на яблоне!» Зачем напоминать лишний раз? Вот и допелся... А мы тут, милый, не шпарим в картишки. Мы работаем. Я просто прикинул — напоремся на гвардию или нет?

— Что же вышло?

— Напоремся...

— От того, что мы будем висеть в пустоте, везенья не прибавится. Или ты от карт ждешь разрешения включить двигатель?

— Не пикай, если без понятия. Мы не висим. Мы падаем. Падаем на Стальной Кокон, прямехонько в ту дырочку, через которую вылезли в свое время. Это наш постоянный ход. Мы его нашли с Шаном и Сипом, мы его и застолбили. Кроме нас, здесь никто не ходит.

— Ясно. Но ведь на тяге-то быстрее будет!

— Быстро можно только на яблоню угодить. Полицейские визеры засекут вспышку за полпарсека. Мы и так выскочили из минусовки чересчур близко. Вспышки при этом, правда, не бывает, но радиоэхо есть. Если рядом шастали слухачи — мы уже на крючке. Так-то, милый.

Пилот снова сыпанул колоду на пульт и начал раскладывать какой-то сложный пасьянс, прихлопывая каждую карту ладонью и бормоча не то ругательства, не то заклинания. Отгаивающий Шан втиснулся в третье кресло рядом с Бином, с трудом вживающимся в роль Сипа. Сип, судя по всему, был человеком своеобразным, ибо прозвище Гадюка надо заслужить.

— И долго еще так?

— Думаю, часа четыре бортового. Скоро уже можно будет разглядеть фактуру Стального Кокона.

Бин потер лоб, отчего синие, словно свитые из вен, большие буквы старой наковки «Слава Кормчему» порозовели. Шанин невольно потрогал свою свежую наковку — она еще побаливала.

— Если удачно проскочим щель — это уже полдела. На посадку уйдет не меньше трех часов, а это значит, что мы успеваем к рассвету совсем впритирку. Но если даже и часок светлого времени прихватим — не страшно. Силай — не Дрома, в силайских буреломах нас за сто лет не сыщешь.

— Дикий край?

— Добром туда не попадают. Одних ссылают власти, другие сами бегут от властей. Пестрый народ. Подонки, торгаши, уличные головорезы. И все должны держаться вместе — порознь Силай проглотит, как муху. Силай — заповедник преступности, для городского жителя между словами «силаец» и «преступник» нет разницы.

— Опять не сошлось! — взвизгнул пилот и запустил злополучной колодой прямо в лобовой экран. — Великий Кормчий! Зачем я только согласился лететь третьего числа? Ведьма всегда учила меня — не ставь на тройку, тройка — твое несчастливое число! А я как полоумный... Напоремся! Напоремся...

— Кончай зудеть, Мож! Хоть ты и Гнус, но не царапай душу. Что раскис? Раз веришь в приметы — надо было раньше думать. Ведь вы уже шесть

лет втроем летаете — ты, Сип и Шан. Шесть — это две тройки, а вас трое — еще тройка. Целых три тройки!

— И... правда... — Мож уставился на Шана белыми глазами, которые росли и росли, точно пытаюсь вырваться из орбит. И вдруг взвыл дурным голосом: — О-о-о! О-о-о! Пропади все пропадом! О-о-о!

— Ну, понесло... — Сип хмуро поднялся, подошел сзади к дергающемуся пилоту и сильно ударил его ребром ладони по затылку. Потом неторопливо развернул к себе и вклеил две увесистые затрещины. Мож перестал выть, только изредка вздрагивал всем телом.

— Истерика, — бросил Сип встревоженному Шану. — Ничего страшного. Реакция после чаки. Не заметил, когда он к ней успел приложиться...

— Чака? Что еще за гадость?

— А те семена в зеленых пакетах, что в трюме. На Свири она хорошо растет, но не размножается. Семена завозят контрабандой. Из листьев чаки варят настой.

— Наркотик?

— Нет... Просто сильное возбуждающее. Полностью снимает чувство опасности. Но зато потом начинается такое... Пробовал я это зелье. Не совету. Даже для изучения жизни на Свири.

Мож полез за пульт, нашаривая там что-то и стуча зубами.

Сип следил за ним с неприязнью.

— Чака?

— А твое какое дело?

— Сделай лучше успокаивающий укол.

— Катись ты... Тоже доктор нашелся... Видали мы таких желторотых спасителей... Сам себя спасай...

Он отхлебнул сразу полстакана мутной коричневой жижи и, распалаясь, зашипел:

— Думаешь, я не вижу, кто ты? Мож все видит! Ты из этих, из недорезанных проников... Вот Шан — свой парень, сразу видно. А ты проник. Вы все на Правителя зуб держите. А я за Кормчего любому глотку перехвачу!

Он допил стакан и вытер губы, победно усмехаясь своему призрачному отражению в экране.

«Вот и первый сюрприз Свиры, — невесело подумалось Шанину. — Гонимый и презираемый неудачник, живая мишень, нищий, у которого Кормчий отнял все, кроме права умереть, и тот боготворит Правителя, вместо того чтобы его ненавидеть».

— Стальной Кокон, — негромко проговорил Сип.

Поначалу ничего внушительного Шан не увидел. Свира выглядела как и все подобные планеты с близкого расстояния — ощутимо вогну-

тая тарелка и ничего больше. Поскольку на этой половине была ночь, то никаких деталей поверхности или причудливых атмосферных образований видно не было: тарелку до краев наполняло черно-синее густое желе. И только присмотревшись, в районе линии терминатора можно было уловить что-то вроде серебристого пушка. Этот пушок рос и окружал Свиру уплотняющимся ореолом. На темном круге центральной части проступила сеть светлых прямых линий. Словно марсианские каналы, только погуще.

— Да, в принципе, это гигантская стальная сеть, — подтвердил Сип. — Она вращается за пределами атмосферы и практически не изнашивается. Крупные метеоры, конечно, оставляют дыры, но таких камешков немного. Корабль ее тоже пробьет, но неизбежно взорвется... Скорость! Кроме того, сеть заряжена электричеством.

— Откуда же энергия?

— Даровая. Из атмосферы. Со Стальным Коконем на Свире навеки кончились грозы.

— А где же патрули и что они делают?

— Внутри сферы Кокона остались десятки бывших обсерваторий, лабораторий и просто строительных спутников. На них теперь находятся базы полицейских гвардейцев и причалы сторожевых катеров. В космос они почти не выходят — нет надобности и опасно. Они шастают в стратосфере и несут патрульную службу. Считается, что они охраняют планету. Но поскольку никто на Свиру до сих пор нападать не собирался и десантов не забрасывал, бравые пограничники грабят возвращающихся контрабандистов.

— «Пернатыми» зовут пограничников?

— Вообще всех полицейских гвардейцев. Охраняющее крыло — герб полицейской гвардии...

— А кто такие проники?

— Проники? А, это ты про Можу... Проник — грамматическая хитрость. С тех пор как слово «проницательный» запрещено на Свире, всех представителей этого клана называют прониками.

— Ты сказал — клана? Так их что — много?

Сип посмотрел на Шанина с искренним удивлением.

— Проников? Добрых девяносто процентов городского населения!

— Ничего не понимаю.

— Поймешь.

Мож, прилипший к приборам и визирам, махнул рукой.

— Ну все. Вышли на старт. Теперь пора рвать когти...

Истерика и возбуждение после очередной дозы чаки прошли, и Мож был снова похож на человека. Только налитые кровью глаза с узкими, как иголочный укол, зрачками выдавали причину его беспредельной отваги.

— Смотри, Шан, и учись. Пригодится. Мы дотопали до нужной точки. Дальше нас все равно засекут, с двигателями или без. Поэтому сейчас главный козырь — скорость. Низко над лесом нас они потеряют: мешает эхо. Значит, надо прорываться отсюда почти до самой земли на предельной струе, чтобы катера не успели выйти наперерез. А там — выручай, парашют и тормозная батарея. Но стучает все равно прилично...

Мож положил руки на клавиши и закрыл глаза, словно молясь. И Шанину — вот обратная власть образа! — тут же захотелось сотворить какое-нибудь заклинание.

— Поехали!!!

Пол под ногами дрогнул, и всех троих вдавило в кресла. Неправильное синее пятно впереди, свободное от серебряной паутины, ощутимо прогнулось, поползло во все стороны.

Внезапно на корабль обрушился тяжелый удар, через полминуты — второй, потом третий. После десятиминутного затишья удары возобновились, но стали слабей и чаще. Скоро они перешли в трескотню крупного града и добродушное бормотанье летнего ливня.

— Теперь на Свире осталась только такая гроза, — кивнул Сип на верхний экран кругового обзора.

А гроза была внушительная — таких Шанин еще не видывал. Ни на своих экстравагантных планетах, ни в космосе. Не было ни традиционных вспышек, ни мгновенных ветвистых молний. Со всех сторон, откуда-то издалека, где угадывались острые ребра и пики Кокона, тянулись живые щупальца сиреневого света. Они ловили корабль в свое жадное перекрестье, конвульсивно ощупывали его обгоревшую обшивку, пытались найти хотя бы маленькую щелку внутрь, не находили и, истончаясь, рвались, чтобы со следующим толчком голубой крови ожить и повторить все сначала. Эта одушевленность действий гипнотизировала, угнетала, лишала воли и сопротивления — щупальцам не было числа и конца, и поиск их казался осмысленным. Они, липкие и холодные на взгляд, тянулись прямо к сердцу, искали сердце, чтобы выпить всю теплую красную кровь и согреться самим.

Корабль начал разогреваться. С Шана, в его тяжелой экипировке, уже давно лил пот, но раздеваться в этой электрической карусели почему-то не хотелось. Шан ругал себя за малодушие и излишнюю впечатлительность, но стойчески терпел жару.

Гроза кончилась, как и началась, — электрические разряды стали реже и сильнее, и наконец, получив два основательных пинка, корабль влетел внутрь Кокона.

Впереди теперь дышало и ворочалось что-то серое и бесформенное, как закипающая опара.

— Облачность — это хорошо, — сказал Сип.

— Для «пернатых» хорошо, — буркнул Мож. — Они нас видят, а мы их нет. И у нас больше шансов ковырнуться со всего маху.

Сторожевой катер первым заметил Сип. Он закричал, вцепившись в плечо пилота:

— Слева, слева! Слева — крючок!

В левом верхнем углу экрана разгорался и трепетал красный уголек.

Можу не надо было повторять дважды. От неожиданности Шанина выбило из кресла и швырнуло влево, на переборку.

Когда он поднялся, уголька слева уже не было, зато справа заплясали целых три звездочки. Корабль заметался, беспрерывно меняя курс, но красных огней становилось все больше, и узкое горло прохода сжималось на глазах.

— Бесполезно, — прохрипел Мож. — Вниз не пробиться...

Выламывая запястья и упершись коленом, он потянул штурвал на себя с такой силой, что пластиковая баранка выгнулась. Шанин снова не удержался на ногах. На этот раз сверху на него упал Сип. Корабль, словно догоняя свой огненный хвост, вывертывал вверх и назад, к спасительному пролому. Высота уже начала предательски буреть, и на всем обозримом пространстве пересекались, образуя правильные квадраты, черные полосы.

— Так.. Так.. выглядит.. небо над Свирой? В крупную клетку? — выдавил Шанин, ворочаясь, в потный затылок Сипа.

— Да, — отозвался Сип, упираясь ему локтем в живот. — Но если здесь родиться и не видеть другого, то и оно покажется прекрасным...

Перегрузка резко ослабла. Мож почему-то тормозил.

— Я так и знал, — безнадежно процедил он. — Мы в бутылке. Они заткнули пробку... Что делать, Шан?

Сип и Шан вскочили, чуть ли не топча друг друга. Прямо по курсу полукругом горело четыре красных факела. Вокруг ближнего время от времени рассыпалось оранжевое ожерелье.

— Приказ остановиться... Они нас поджидали, это точно... Иначе такой стае не собраться... Это Горон... Он один знает нашу дыру... Кто-то из наших донес, и он ждал нас... Что делать, Шан?

Тот Шан, который сейчас блаженствовал в больничной палате на Зейде, был здесь атаманом, и Мож по привычке ждал приказа от нового, поддельного Шана.

— Прорываться! — ненависть перехватила горло Сипу. — Напропащую, в лоб — прорываться! Все равно смерть! Здесь есть шанс — в застенке его не будет. И там будут пытать. Лучше умереть здесь, сейчас. Все равно смерть!

— Тебе — смерть, — подтвердил Мож. — Они тебя сразу раскусят. А я...
— И тебе — смерть! Ты знал, кого везешь...
— Что делать, Шан? — в третий раз повторил Мож.
— Прорываться! — горячо зашептал Сип. — Идти на таран! Пойми, Шан, у нас нет выхода. Они раскусят нас в первую же минуту. Меня шлепнут на месте, поскольку я уже дважды приговорен, а тебя, как иностранного шпиона, с триумфом потащат в Дрому. Ты знаешь, как там пытают? Ты будешь молить о смерти, но они будут наслаждаться твоими муками, пока возможно, — ведь ты будешь первым настоящим иностранным шпионом, который попал им в лапы. Надо умереть достойно, Шан... Таран, только таран!

Шанина страшила не смерть и не пытки — хотя, как всякого нормального человека, такая перспектива его не радовала. Но он представлял, какой козырь даст он Кормчему своим появлением на Свири, какая разнузданная вакханалия клеветы поднимется вокруг него, оправдывая самые черные дела Правителя и давая повод для крайних мер против всего, что осталось на Свири живого и мыслящего. Как ни тяжело и горько это было, он был готов сказать: «Таран!»

Но что-то мгновенно мелькнувшее в памяти удержало.

— Ты говоришь, Мож, это должен быть Горон? Тот самый, что накрыл вас шесть лет назад?

— Другому некому. Мы задолжали ему, и он решил нас накрыть. Я говорю — они ждали... Зверюга... Другие вычистят все и отпустят... Хоть телегу оставят... А этот долгов не прощает!

— Что он сделает, если попадемся?

— Что? Конфискует телегу со всеми потрохами, а нас — за решетку... А там... Эх, тетя ведьма, что же ты со мной наделала?!

Шанин знал о Гороне много. Шан, разоткровенничавшись, рассказывал о нем охотно и зло. Этот елейный суб-майор был грозой и проклятием контрабандистов Свиры. Раньше он служил в Дроме и ходил в «гопорах» — в петличках личной полиции Кормчего, — но непомерная жадность заставила его сменить весьма почетное, но неодоходное место в столице на бесславную, но выгодную работу небесного пограничника. Все без исключения «рыцари удачи» платили ему дань. И горе тому, кто забывал об этом долге. Цепкая память суб-майора работала с точностью компьютера. Он помнил в лицо почти всех своих пациентов. Он знал все дыры Стального Кокона и кто через них ходит. Ему было известно, когда и чьи контрабандные «телеги» отправляются «на небо». А перекупщики за некоторые услуги докладывали ему, кто, что и сколько «добыл на небе».

Суб-майор Горон мог бы в один день покончить с контрабандой на Свири, и в высших сферах знали об этом лучше, чем кто-либо. Но никто

не отдавал и не собирался отдавать ему такой приказ. Гораздо практичнее было поддерживать с суб-майором добрые деловые связи. И командир пограничников пользовался ими, чтобы поддерживать и укреплять свое незаконное «дело». Остряки утверждали, что всемогущего Бога нет, потому что есть всемогущий Горон...

— Ложись в дрейф, — приказал Шан.

Мож послушно убрал реверс главного хода. Легкая дрожь говорила о том, что двигатели работали, но корабль теперь неподвижно висел над планетой. Мягкий толчок и качанье — это вышел в пространство стыковочный рукав.

— Труссы, — тихо выдавил Сип. — Но я живым не дамся...

Он вытащил из заднего кармана комбинезона пистолет, перезарядил и положил в нагрудный — ведь придется поднимать руки. Передумал, засунул его за широкий раструб перчатки.

Шанин подошел к нему, положил руки на плечи.

— Я не трус, Сип. Я очень не хочу умирать, но я не трус. У меня есть мысль — шальная мысль, но выбирать не приходится... Надо попробовать. И если не получится...

Сип глядел недоверчиво.

— У меня к тебе личная просьба, Бин. У меня нет оружия. Если не получится — первая пуля мне. Договорились?

— Кончайте шушукаться, — подал голос Мож.

Пол под ногами ушел вниз, потом в сторону. Где-то далеко и глухо царапнул металл о металл.

— А вот и гости дорогие... Стыкуются... Слушайте — мы ремонтники, рабочие внешнего ремонта, ясно? Сбились с маяка, попали не в ту дыру. Ремонтники — и все тут. До последнего, слышите? Ох, тетя ведьма, пронеси...

— Но Горон же знает вас, как своих детей!

— У нас не принято узнавать друг друга. Такой закон... Ремонтники. Двести семьдесят пятая рембаза, ясно? Она здесь ближе всех. Двести семьдесят пять — и точка. Больше ничего не знаем...

Дверь вздрогнула под ударом, скользнула в стену. В проеме никого не было. Томительная минута показалась годом. Маленький седой старичок в неряшливой черной форме с крылышком на лацкане ворвался в кабину с радостной улыбкой гостеприимного дедушки, встречающего долгожданных внуков.

— Вот сорванцы, вот сорванцы, — причитал он. — Совсем молодым жизни не жалко, совсем! На такой скорости — и вниз! А потом ни с того ни с сего вверх! Ну, думаю, пришла твоя пора, Горон, не иначе иноземцы какую-то пакость затеяли! Приготовился грудью, так сказать... Ан нет, тут все

свои по обличью... Отлегло от сердца-то... Боится, слава Кормчему, иноземная нечисть, зубами скрежещет, а боится... Ибо мы — монолит, один за всех, все за одного... Словом, могучая Свира всегда начеку... Ах, сорванцы, сорванцы...

Старичок все сыпал и сыпал, заглядывая во все углы, а трое молодцов с грустными глазами бульдогов привычно быстро обшарили «сорванцов» и застыли, уперев карабины им в животы.

— А вы, ребята, наверное, ремонтники?

— Да, высокий, — растерянно откликнулся Мож и, встретившись глазами с Шаном, утвердительно кивнул, — Горон.

— С двести семьдесят пятой рембазы, наверное?

— Да, высокий, — тупо отозвался Мож.

— Так, так. Сбились с маяка, попали не в ту дыру, наверное?

— Да, высокий, — едва слышно промямлил Мож. Он начал подергиваться — к нему опять возвращалась истерика,

— Ремонтнички, значит, сорванцы-ремонтнички... Это хорошо, дырки в Коконе надо штопать... А то некоторые висельники повадились через них на Зейду шастать... Я-то сослепу за таких вас принял. Уж очень вы мне старых знакомцев Можа, Сипа и Шана обличьем напомнили. Вы-то ребята хорошие, а вот те трое — эдакая мразь. Забыли честь и совесть, долг перед Великим Кормчим забыли... Ох, добратья бы мне до них! Уж они бы у меня если не яблоноу, то каменный курорт заработали... А вы ремонтники, значит... И за этой дверкой инструмент у вас, да? Взглянуть на него можно, да? Любопытный я страсть до всякой техники...

Старичок торкнулся в трюмную дверь — она не поддавалась.

— Туда нельзя. Радиация, — сказал Шан.

Старичок, удивленный его наглостью, обернулся и затрясся в беззвучном дробном смехе, держась за сердце.

— Что... ох! Что ты сказал? Ох, Великий Кормчий, уморил... Тот мой знакомец Шан, на которого ты похож... ох! Тоже был большой остряк, пока трепыхался. Радиация! Ох, сорванцы, сорванцы-ремонтнички...

— Я тоже знал одного суб-майора, Гороном звали. Умнейший был человек, догадливый — прямо всю душу до дна видел. Так вот, будь на вашем месте Горон, он бы поинтересовался сначала, какой нынче урожай на яблоки и чем пахнет навар с варенья. Тоже любопытный был...

— Как я? — старичок как-то непонятно быстро очутился рядом с Шаном.

— Да нет, вы непохожи вроде... Тот догадливый был.

— Высокий, — проворковал старичок, заглядывая снизу в глаза Шану. Грустный бульдог, стороживший атамана, перекинул карабин в левую руку и зубами подтянул правую перчатку. На сгибе пальцев и ребре ладони вы-

гнулись свинцовые блямбы — вензеля с крылом и буквами «ПГ». «Дешево и рационально, — мелькнуло у Шанина. — Кровоподтеки от ударов выходят как печати. Сразу видно, что били от имени государства, по закону».

— Когда обращаешься к полицейскому гвардейцу, надо говорить «высокий», — терпеливо повторил старичок.

— Простите, высокий, больше не повторится... Воспоминания!

Старичок моргнул, и Шан снова влип в переборку — на этот раз с рассеченным до кости подбородком.

— Чем же пахнет навар с варенья? — наклонился над ним с ласковой улыбкой старичок.

— Словом Кормчего, — Шан слизнул с губы кровь. — С Гороном поделился бы рецептиком... Он бы меня на руках носил... Умел снимать пенки Горон, не в пример одному старому бодливому козлу.

Грустный бульдог поднял правую руку, но старичок остановил его.

— А ты и со мной поделишься. Битое мясо мягче.

— Мясо — да, а колокол, как ни бей, ничего, кроме звона, не выбьешь.

Старичок перестал улыбаться и с минуту буравил Шана глазками-шурупчиками.

— Вставай. Говори.

— Душно здесь. Горло пересохло! У меня в трюме пиво холодное... Да только на двоих осталось.

— Я тоже до холодного пива охотник. Пошли, ремонтничек. Только если пиво с пригарью — не обессудь. Я обидчивый.

Хрястнула под плечом Шана трюмная дверь, мякнула басом, как рысь в капкане.

— Ну и холодина тут у тебя, дружок. Наверное, весь чернучок подмерз, а? За такой товар и сотни серебряных не дадут. А в отопительных баках — сикер?

— Ну, не молоко же! — нагло скривил Шан опухшую губу.

— Зейда, — пнул старичок ящик с плохо отскобленной этикеткой, выглядывающий из-под пакетов прессованного чернука. — Протовит в ампулах. Добрый товар, хоть и синтетика. Настоящего протовита давно нет в природе...

— Протовит — пшено. Есть почище да покрупнее.

— Покажи.

— Сначала разговор.

— Горон знает дело.

— Так то Горон...

Горон запыхтел, сел на ящики. Теперь он не походил на умильного дедушку. Дряблые брыли глубокими складками неестественно удлиннили губы, и этот нечеловеческий огромный рот на желтом крючконосом лице будил

память детства. Такие одинаковые плотоядные лица были у глиняных божков, что лежали на сувенирных лотках, у развалин какого-то древнего храма.

— Ладно, Шан, хватит дурака валять. Выкладывай. Кораллы с Голубого Шара? Силун с Дзойси?

— Мелочь. Все это мелочь.

— Медвянка из Оранжевого Кольца? — почти шепотом выговорил суб-майор.

— Ладно, Горон. Давай в открытую. У меня женьшень. Настоящий дикий женьшень с Земли. Корни...

Горон оглянулся на закрытую дверь, словно там уже стояли «топоры» и черный броневургон без окошечек.

— И семена, — выпустил последнюю пулю Шан.

Горон долго молчал, колукая ногтем нитроокраску на ящике.

— Ты гнешь горбатого, Шан. Ты не мог достать женьшень.

— И все-таки он у меня. Корни и семена, годные для посева.

— Зря ты об этом мне сказал. Ты перегнул. Ты, видно, на самом деле способный парень, но я теперь не смогу отпустить тебя. Живым — не смогу. Не то что с корабля, а даже отсюда, из этого трюма.

— А я и не прошу отпускать. Мне одному не осилить. Я предлагаю тебе дело, половина на половину.

— Половина на половину?

— Да. Если дело выгорит, ты можешь плюнуть на всех и всю жизнь купаться в серебряных. Ты будешь богаче всех богачей, вместе взятых. И я. Мне тоже хочется пожить с прямой спиной.

Горон хохотнул и вскочил с ящиков. Он снова запричитал и заметался из угла в угол.

— Ну сорванец, вот сорванец... Не ожидал от тебя, ремонтничек, не ожидал... Такой тихий да вдумчивый — и такой недотепа... Ай-ай-ай... Нехорошо... Придется наказать тебя, сердечного, ой, придется... А то ведь болтливый ты такой, ой, болтливый... Совсем язык без костей... Непохож на Шана, нет... Тот все больше бочком да молчком, а и с молочком... А ты, не зная погоду, в воду... Сам виноват, ремонтничек, сам...

И, подскочив к Шану, переменялся враз.

— Половина на половину, говоришь? А зачем ты мне нужен, не объяснишь ли? Я выброшу тебя, как стреляную гильзу. Ты не выйдешь отсюда. Я разберу весь корабль на винтики и найду твою захоронку. И продлю себе жизнь годочков на двести-триста. Это почти бессмертие. Весь товар будет мой, весь!

— Не надо разбирать корабль. Он еще пригодится. Могу и всякой мелкоте вроде него. А нам теперь нельзя ссориться, Горон. Мы — как орел и решка у серебряного: один без другого ничто...

Шан достал из-под стеллажа обыкновенный красный саквояж.

— Здесь товар. Открой и посмотри.

Горон впился в саквояж, пытаясь его открыть. Он не открыл его. Он не открыл его через минуту после внимательного и тщательного осмотра. Он не открыл его после возни с кучей хитрых отмычек. Он не открыл его через пять минут, орудуя чем-то, что тщательно прикрывал корпусом.

— Я понял. Ты перехитрил меня. Если эта штука вообще открывается, то открыть ее можешь только ты? Шифр?

Вместо ответа Шан провел рукой по крышке. Крышка подскочила и захлопнулась снова при первом же движении суб-майора.

— Мы еще не договорились, Горон.

— Говори, Шан. Такие, как ты, мне нравятся.

— Этот товар не возьмет ни один перекупщик Силая, так?

— Так.

— С этим товаром засыплется любой перекупщик Дромы, так?

— Так.

— Никто из высоких и высших, которых ты знаешь или можешь узнать, не сможет купить у тебя всего саквояжа, так?

— Так.

— Но охотиться за ним, не брезгуя ничем, будет каждый, так?

— Так.

— И если кому-то удастся напасть на след товара или продавца — исчезнут и товар, и продавец, не так ли?

— Так.

— А можно ли сохранить тайну, доверив ее десяткам и сотням людей?

— Нет.

— Значит, продавать товар по частям, в розницу — верное самоубийство для нас и нежданное счастье для какого-либо дурака.

— Слушать тебя, Шан, одно удовольствие. Но я пока не вижу дела, с которого я что-то буду иметь.

— Надо найти человека, который мог бы купить у нас саквояж. Весь товар оптом.

— Таких людей нет на Свире, Шан. Это говорю тебе я, Горон.

— Такой человек есть, Горон. Единственный на Свире. Кормчий.

Трудно было предположить, что суб-майора может что-то поразить или испугать. Но Горон вздрогнул. Подковообразный беззубый рот его открылся и закрылся, проглотив неведомые слова, а шурупчики-глазки превратились в тонкие иглы.

Шанин услышал свое сердце. Словно кто-то в боксерских перчатках бил изнутри в ребра. Хватит ли Горона на такое? Или страх сильнее жадности?

— Кто же сделает... это?

— Я. С твоей помощью. Я и ты. Половина на половину.

— А если...

— Не смей. Ты отлично понимаешь, что рискую только я. Даже если я выдам тебя, провалившись, мне никто не поверит. А если и поверят — сделают вид, что не поверили: у тебя хватит связей, чтобы выйти сухим из воды.

Горон затих. На сухой желтой коже заблестели дорожки пота.

— Этого не может никто. Немногие могут похвастать тем, что видели Кормчего. Говорили с ним — еще меньше. Но никто и никогда не являлся Правителю без его зова. Таков единственный закон Свиры, который никому еще не удавалось переступить.

— Я буду первым.

— От тебя не пахнет чакой... Ты... ты или сумасшедший... или великий человек.

— В любом случае ты не проигрываешь.

— Ну... Если я соглашусь — что я должен делать для тебя?

— Для нас. Для Сипа и меня. Мне нужен помощник и телохранитель.

— Он знает?

— Нет. Но он узнает. Ровно столько, сколько нужно.

— Я против. Я не хочу третьего. Помощника дам тебе я.

— Третьего не будет. Сип — это я. А «помощничка» ты за нами все равно пошлешь, верно, Горон?

— Верно. И не одного.

— Твое дело... Ты даешь нам в Дроме все свои связи среди высших, которые около Правителя, с которыми ты имел дело и которые у тебя на крючке. У тебя есть такие.

— Допустим, но...

— Мы скормим им протовит и кое-что из мелочи. Мне и Сипу нужно осесть в столице на какое-то время и оценить положение. Окончательный план и его выполнение — наша забота, тебя она не касается. Ты должен только сделать так, чтобы «пернатые» не путались у нас под ногами...

— Правителя стерегут «топоры».

— Кто их начальник?

Горон оторвался от красного саквояжа, и глаза его тоже были красные. Как на аварийных табло, в них высветилась тревога: удивление, подозрение — и тревога. Шанин понял, что сгоряча задал вопрос, который Шан задать не мог.

— Кто начальник? После прогулки на небо у тебя что-то сдала память, Шан... А чемоданчик у тебя хорош... В первый раз вижу такой... Где ты взял его? Или тоже запомнил?

— Помню! Там, где и товар.

— Ай, сорванец, сорванец! Где товар, говоришь... А где брал товар, это уж, конечно, не вспомнишь...

— Не вспомню, Горон.

— Ай, сорванец, сорванец... Насмешил ты меня, насмешил... И внука бы моего восьмимесячного тоже бы насмешил... Чего только с памятью не бывает... А как же все-таки чемоданчик открывается, а? Секрет не говори, скажи только суть, а? Принцип скажи, а?

— Я не знаю. Я просто думаю, чтобы он открылся, и он открывается. И перестань ломаться, Горон. Надоело.

— Грубишь, дружок, грубишь... А я вот о твоих сотоварищах думаю. Скучно им. У Сипа в перчатке пистолет спрятан. Вдруг он со скуки в моих ребятишек палить начнет? Ребятишки у меня нервные. Пришьют на месте — и одним хорошим человеком на Свире меньше будет... А из-за чего? Все из-за твоей забывчивости, Шан... Только нет, милый, нет! Ты стой, где стоял, за мной не ходи. И саквояжик не трогай, не надо. Неровен час... Ай, какой ты сердитый, Шан, какой сердитый... И притомился малость, видно, белый весь... Постой, постой, отдохни маленько...

Горон выглянул в дверь, коротко что-то пролаял. В рубке вскинулась и затихла короткая возня. Выстрелов не было. Шан успел сделать только шаг к двери. Пистолет Горона уперся ему в живот.

— Не надо, Шан. Там все в порядке. Береги нервы. Я имею желание согласиться на твое предложение.

Хамелеон демонстрировал новый облик. Исчез вертлявый дедушка-садист, исчез глиноликий божок. Даже убрав пистолет, Горон остался продолжением своего оружия — точным, молниеносным, неотвратимым.

— И поставим все на свои места. Я мог ответить тебе «да», мог ответить «нет». Ты мне можешь ответить только «да». Это первое. Второе. Я веду игру с умниками и с дураками. Но сам я никогда не остаюсь в дураках. Поэтому твой чемоданчик — прости, мой чемоданчик — будет у меня, пока не кончится дело. Это избавит тебя и от забот по охране, и от искушения поменять партнера. Или сбежать со всеми серебряными прямехонько в небо...

— Наши серебряные за Стальным Коконем — пыль...

— Не знаю, не знаю... Но это не меняет суть.

— Но где гарантия...

— Твоя единственная гарантия — верно служить мне, Шан.

Детектива не получалось. Не получалось героя-разведчика, хитроумным планом загоняющего врага в угол. Эта скользкая bestия Горон легко, одним движением снова оказался наверху. Пришла запоздалая мысль о том, что драться против таких их же оружием безнадежно. Они владеют им с рождения. Любая тренировка не сможет заменить врожденной способности сеять беду и зло. Нужно другое оружие — оружие, о котором эти люди не подозревают.

Основанное на ином принципе. Оружие добра. Но что это такое — оружие добра? Не читать же проповеди этой сочащейся ядовитой слюной кобре?

— Что-то ты замолчал, Шан. Я не слышу воплей радости. Ведь я же согласился. Ты уговорил меня, Шан! Я даже принял твой дележ — половина на половину. Я мог бы... Но я уважаю смелость. Так что же ты проглотил язык, мой дорогой компаньон? Или...

— Я жду твоих приказаний, Горон.

Вынырнул на мгновение дедушка-садист, залился дробным хохотом, поощрительно потрепал плечо Шанина, умильно зачмокал ему в лицо. И скрылся, спугнутый жесткой диктовкой Горона-хозяина:

— Мы сейчас перейдем ко мне на катер. Мож вместе с кораблем, чернуком и сикером пусть проваливает ко всем чертям. Мне некогда им заниматься. Ты получишь форму и документы полицейского гвардейца — не «липу», настоящие. Наднях мы проводим большую операцию порозыску крупного государственного преступника Канира Урана по кличке Бин. Мы накроем его. Что с тобой, дружок?

— Ничего. Я слушаю.

— В поимке Бина ты проявишь чудеса храбрости. И я отправлю тебя, как героя, сопровождать преступника в Дромю, с рапортом министру государственного милосердия высшему Тирасу Уфо, славному командиру легиона «Слуг справедливости», которых в просторечии почему-то величают «топорами». Странно, Шан, что ты запомнил имя моего дорогого друга Тираса, странно... Тирас примет тебя. Ты передашь ему кое-что. Остальное зависит от тебя. С той минуты тебе придется отработать свою половину доли. А я посмотрю. Я буду за твоей спиной даже в... Впрочем, ты понятливый мальчик.

— С пустыми руками мне никто не поверит. Я окажусь на яблоне раньше, чем открою рот.

— У тебя будет корень. Один корень. Образец. Это все, чем я могу тебе помочь. А насчет яблони... Отличный код! Мы будем называть наш товар «Силайские яблоки». Просто и со вкусом! Никакого повода для подозрений и тонкий философский намек... Все мы философы, Шан. Это наша слабость.

— Кто это «мы»?

— Мы — это мы, милый Шан. Те, от которых не уйти... Да, чуть не забыл: не верь ни одному слову Тираса, пока он не покажет золотой треугольник. Когда покажет — говори напрямик. Запомнил? Такой вот, как у меня, видишь? Треугольник на цепочке...

Замурлыкал остроглазый старичок, подхватил саквояж и, пропуская Шана в рубку, подмигнул:

— Яблочки силайские...

4. ДРОМА

Весь путь от Силая до Дромы пассажир проспал, и только когда аэробот пошел в посадочный вираж, он недовольно зарычал. Полицейский гвардеец с вензелем сержанта скрипнул зубами.

— Оставь его в покое. Он опять будет биться.

— Но это же я! И я не позволю, чтобы всякая шваль скалила зубы над Бином...

— Говорю, оставь. Ему уже ничем не поможешь. Человек умер в нем давным-давно.

— Но он — это я, понимаешь, я! Я мог бы стать таким, если бы...

— Замолчи. Немедленно замолчи. Иначе я надаю тебе пощечин. Ты сопливый истерик. Ты все погубишь. Не только себя и меня — все!

Пассажир тяжело с подзывом заскулил.

Пилоты не успели еще сбросить трап, как прямо по посадочной полосе к аэроботу подкатила закрытая машина. Из нее посыпались широкогрудые парни в небесно-голубых мундирах. Не обращая внимания на двух «пернатых» коллег, они споро взялись за дело, и через минуту клетка с рычащим и воющим Бином была уже в машине. Шан долго не мог понять, кто у них старший, пока не заметил рядом с водителем скучного человека с двумя серебряными топориками в петлице.

— Окс-капитан, у меня сопроводительный пакет и письмо к высшему Тирасу.

Скучный человек протянул из кабины руку.

— Мне поручено передать их лично.

Рука нетерпеливо дернулась — давай. Секунду поколебавшись, Шан сунул письмо и пакет в ленивые пальцы. Рука исчезла. Аудиенция была окончена. Голубые громилы скрылись в кузове. Взвыла сирена, и тяжелый фургон с неожиданной прытью умчался по бетонному полю, оставив растерянных и недоумевающих гвардейцев на произвол судьбы.

— Я не знаю правил этикета в этих кругах, но с точки зрения здешних нравов нас встретили в Дроме весьма сдержанно. Жду ваших ценных указаний, септ-капитан.

— Обалдуй, — сказал Шан. Они шли с летного поля не спеша — торопиться им было некуда — и, получив наконец возможность говорить, не опасаясь быть подслушанными, не находили слов.

— Обалдуй, — сказал Шан. — Если бы я знал, что буду из-за тебя так волноваться, никогда бы с тобой не связался...

— Ты волновался за меня? Или за исход операции?

— Не знаю... Я дилетант в этой профессии. Когда я услышал, как ловко тебя обезоружили, а Горон минутой позже заявил, что Бин в его руках, я, честно говоря, думал только о том, как тебя выручить. Я был уверен, что нас раскрыли... И чуть было не наломал дров...

— Да, Горон применил старый прием: выдал за Бина беглого уголовника, сошедшего с ума в силайских дебрях. И начальство это знает. Начальству выгодно быть обманутым — будет громкий процесс, будет показательная казнь — и да уstraшен будет всякий неотвратимостью возмездия! И ко всему прочему новые чины и награды...

— Но такой вариант выгоден и тебе. Тебя уже не будут искать. Нельзя казнить одного человека дважды...

— Выгоден... Ты начал говорить, как Горон. А каково мне? Наверное, тот, кто сейчас в клетке, был на свободе большим подонком. Но ведь его казнят не за это. Его казнят за меня. Я должен теперь ему жизнь, понимаешь? Они лишили меня права распоряжаться своей жизнью...

— Не раскисай, Сип. Я понимаю — тебе тяжело. Но ты ничего не исправишь жалобами. Здесь нужно другое...

— Я знаю. Прости. Но что же нам все-таки делать теперь?

— Послушай, Горон — проницательный?

— Разумеется.

— Ты все-таки когда-либо объяснишь толком, кто такие проницательные? Что их объединяет? Каковы их цели? Как их узнают? Я только и слышу — проник да проник, слышу в разных вариантах, в самых неожиданных и взаимно исключаящих значениях! Наваждение какое-то!

Сип долго молчал, расшвыривая камешки с дорожки коваными ботинками.

— Проник... Проник есть проник... Это не вмещается в ваши земные категории. Внешне они неотличимы от всех, они неотличимы от всех остальных свирян. Они бесформенны и всепроникающи. Теоретически они вне закона, каждому разоблаченному пронику грозит смерть. А практически весь государственный, весь административный аппарат Свиры — сплошные проники, потому что доказать, что проник действительно проник, практически невозможно... Они выходят сухими из любых чисток, которые устраивает время от времени Кормчий, — они получают награды за усердие, а на яблоню попадают те, кто им мешал...

— Заумь какая-то! Много страха и мало смысла. Ты что-то перегибаешь, Сип. Здесь что-то не то. И не так.

— Это все так, Шан, просто это сразу трудно укладывается в голове. Мы уже привыкли, а ты нет. Впрочем, увидишь сам.

— Но как ты все-таки узнаешь, что кто-то проник?

— Спроси что-либо полегче... Как узнаю? Сам не знаю! Конечно, не по внешности. Хотя... Есть что-то, но... Вот стоит ему заговорить — сразу видно. По жестам, по поведению, по речи, по какой-то внутренней злой затаенности — на языке мед, в глазах яд... Тысяча мелочей... Трудно объяснить... Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь изо всех сил. Но, честно говоря...

— Стоп!

Сип приложил палец к губам. Шанин оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Они потоптались у ворот аэрогавани, глядя, как перегруженный грузовой дирижабль безуспешно пытается оседлать причальную мачту. Рядом с ними остановились несколько зевак, по традиции обсуждающих промахи пилотов и их шансы причалить в такой ветер.

— Им «пернатые» помогут. У них крылышки, — ядовито хихикнул кто-то за спиной. Шан обернулся. Все с постными лицами смотрели в небо.

— Надо идти в ближайший участок ПГ и связываться с Гороном. Пусть он сам разбирается, что к чему и какого лешего нас бросили посередине дороги...

— Не надо, септ-капитан. Все делается согласно приказу. Та команда не имела инструкций на ваш счет.

У говорящего не было лица. Потом, через минуту после разговора, ни Шан, ни Сип не могли вспомнить наверняка ни одной четкой черточки, ни одной особенности фигуры, ни одной броской детали одежды — какое-то смутное облако, желе, студень с бесцветным голосом.

— Кто вы такой?

Молчание. Наручные часы, где вместо циферблата — силуэт топора. Какие-то розовые бумажки.

— Вот ваши места в гостинице и суточные на неделю. Вас позовут, когда будет надобность.

Он растаял в воздухе, не оставив следа. Но еще раньше, едва он появился, растаяла толпа зевак вокруг Шана и Сипа. У жителей Дромы выработалась мгновенная реакция на некоторые вещи.

— У меня был один знакомый исследователь древней письменности. Он постоянно тренировал воображение. Нарисует две черточки и пристает ко всем: «Что это может значить?» Что это может значить?

— Только одно — даже на улице следует говорить вполголоса. А в гостинице — орать. У них паршивая аппаратура, работает с искажениями. Глупо влипнуть по вине неисправного магнитофона.

— Думаешь, нас собираются пощупать?

Вместо ответа Сип кивнул на такси, которое медленно тащилось за ними, явно желая «случайно» попасться на глаза. Они сели на заднее сиденье и молчали всю дорогу, чем весьма расстроили водителя. И только после остановки Сип вознаграждал его, громко воскликнув: «Слава Великому Кормчему, высшие умеют ценить преданность! «Изобилие» — лучший отель Дромы. Здесь не соскучишься...»

Они стояли со своими провинциальными чемоданчиками на тротуаре, не решаясь войти под гулкие своды гигантской пирамиды, составленной из разногабаритных полушарий. Поражало мастерство, с которым архитектор рассчитал все детали своего нелепого сооружения. Оно должно было развалиться без всякого внешнего толчка, само по себе, но оно высилось, венчая центр столицы, и высилось, вероятно, не одно десятилетие.

— Нравится?

— Печатляет. Одна из вершин абстрактного архитектурного искусства. Того и гляди сейчас все посыплется...

— Не посыплется. На века. Гостиница — ровесница Стального Кокона.

— Вот как. А кто архитектор?

— Тсс... Об этом не спрашивают. В справочниках говорится, что гостиница построена волей Правителя...

Подозрительный бритоголовый юноша, тоже заинтересовавшийся бетонным десертом, сразу заскучал и отошел.

— Леший их разберет. То ли вправду уличный бездельник, то ли... Всякие тут ходят...

Фойе встретило гостей сладковатым запахом. Большая часть храмообразного пространства была отдана растительному миру — плодовым деревьям, ягодным кустам, овощным грядкам. Строгие таблички «Руками не трогать» и защитные металлические сетки под током предостерегали, однако, заезжих лакомок от вольного обращения с этим соблазнительным великолепием. У таблички, удостоверяющей, что за барьером портье, гости простояли минут десять. Портье смотрел сквозь их прозрачные

тела в глубины, доступные ему одному. Робкие попытки вывести его из каталепсии успеха не имели, и Шан довольно внятно пробормотал: «Сип, здесь нет таблички «Руками не трогать», и я сейчас попробую...» Сип наступил ему на ногу. Тем не менее портье протянул руку — ленивым жестом, как голубой окс-капитан в машине.

Розовые бумажки имели волшебную силу. В своем двухкомнатном номере люкс гости оказались ровно через минуту, слегка обалдевшие от подобострастных улыбок носильщика, выросшего из-под земли, запаленных вздохов скоростного лифта и магнитофонной скороговорки очаровательной горничной, которая оставила после себя аромат нектара и горячий чай с какими-то желтыми орешками.

— Сказка, — проворковал Сип, оглядывая безудержную безвкусицу литерного номера. — Как щедро платит Правитель своим преданным слугам! Сто лет не спал на такой кровати...

Он плюхнулся на свое необъятное ложе, ловко поддел матрац и внимательно осмотрел группу пружинных контактов, от которой в ножку уходил красный провод. Потом включил бра на стене. Вместе со вспыхнувшей лампой в настенной стойке что-то щелкнуло и зажужжало.

— Для любителей ночного чтения, — прокомментировал Сип. — Очень хорошо видно, что читаешь...

Они обследовали номер и обнаружили массу не менее интересных вещей: радиоточку, которая не включалась и не выключалась; странное вентиляционное отверстие в потолке над люстрой; сушилку в ванной, которая не сушила, но трещала, как автоматическая кинокамера.

Шанину наконец все это надоело.

— Эти желтые орешки с чаем вызывают отличный аппетит. Не заняться ли нам этим вопросом? Там, кажется, есть какие-то талоны в ресторан, который я заметил внизу...

— Талоны пригодятся на потом. А сейчас с помощью вот этого чека мы должны стать богатыми людьми...

* * *

Несмотря на рабочий день, улицы Дромы были многолюдны, пестры и беспорядочны. Человеку, привыкшему к тишине и успокаивающей медлительности современных поселений Большого мира, здесь было нелегко. А Шанину в мундире гвардейца было нелегко вдвойне: Дрома кишела «пернатыми», приходилось бдительно следить за людским потоком, чтобы ответить на приветствие или откозырять самому.

Улицы бесконечно петляли, переламывались, расходились зигзагами у подножия одинаковых, как детские кубики, многоэтажных коробок, упирались в неожиданные тупики, по ним, вплотную друг к другу, скре-

жеща и цепляясь бортами, судорожными толчками продвигался чадающий бензиновой гарью автомобильный поток. Порой где-нибудь впереди раздавался вой тормозов и хруст сплющиваемого металла. Урчащий конвейер замирал тогда надолго, но никакая сила на свете не могла прекратить его движение совсем.

Зато людской поток на тротуарах тек безостановочно. Каждый прохожий что-то делал на ходу — жевал, курил, читал, — и, может быть, поэтому на всех лицах каменела равнодушная отрешенность от окружающего.

— Куда мы все-таки несемся?

— Никуда. Мы уже на месте. Тут можно присесть или постоять без риска быть сбитым с ног... Когда-то здесь был Дворец Свободы — правительственная резиденция. По слову Правителя он был снесен и на его месте выстроен Вечный Дворец, увенчанный персональной Башней Кормчего. В ней находится его рабочий кабинет. А Вечный Дворец отдан исполняющим Слово Кормчего министерствам.

И снова пирамида, но уже не из полушарий, а из неправильных конусов, опоясавших тонкую свечу Башни, зеркальный купол, который поздно вечером и рано утром полыхал языком пламени на сером небе. И та же печать незаурядного мастерства, скрученного и извращенного злой волей нелепого заказа. И скульптура у главного входа: юный бог в куртке с надкушенным яблоком в руке.

— Правитель в ту великую минуту, когда он задумался о судьбе Свиры и принял решение взять на плечи бремя Кормчего... Ну как? На что похоже это сооружение?

— Похоже на то, что гостиницу «Изобилие» и Вечный Дворец строил один и тот же архитектор.

— Тот же? Нет... Но... Разве есть сходство? В чем?

— В характере. Во взгляде, что ли. В мастерстве... Словом, если это не он, то его ученик.

— Да...

Сип долго молчал, разглядывая Дворец, словно видел его впервые.

— Да... А ведь действительно... А ты зорек, Шан. Дворец строил сын того, кто поставил злополучную гостиницу.

— И он плохо кончил?

— Да. Можно мне задать тебе вопрос без околичностей?

— Разумеется, Сип.

— Что ты собираешься делать?

— Сейчас? Продолжать прогулку.

— А завтра, послезавтра, через неделю?

— Наблюдать, запоминать, анализировать.

— А действовать?

— И действовать. Во всех детективных романах, которые я специально проштудировал перед Свирой, говорится, что главное в профессии разведчика — дедуктивный метод. Действие — частность, а частное по дедуктивному методу должно выводиться из общего. Следовательно, чтобы действовать, надо основательно побездействовать.

— Ты все шутишь. Тебе все это кажется пока забавной игрой. Не спорь. Ты попал в прошлое, в пройденные вами века. И ты не прочь подурачиться, уверенный, что завтра вернешься в свое время. А ведь Горон ждет, когда ты проникнешь к Правителю. И он не будет ждать бесконечно. И он не любит шутников.

— Хорошо, давай серьезно. Мы работаем не для Горона. И если говорить откровенно, я вообще не собираюсь встречаться с Правителем. Потому что меня и моих друзей интересует не то, каким образом этот древний хрен сумел себя законсервировать на двести лет, а то, каким образом Свиря так долго держится на краю неизбежной пропасти. Уверен, что Правитель не выложит ответа даже за женьшень. Придется докапываться самим, изучать производство и распределение, понять положение и взаимоотношение всех классов и прослоек общества, оценить настроение и степень зрелости народа...

— Для этого надо прожить здесь две жизни...

— Чтобы уловить общее — нет. Иногда его можно почувствовать сразу, на одном дыхании. Как повезет. И как смотреть на все, что происходит вокруг. Ты здесь родился, ты ко всему привык, многое проходит мимо твоего внимания. Глаз постороннего зорче.

— Возможно... Но меня интересует одна частность — собираешься ли ты посещать Правителя?

— Пока нет. Пока это просто невозможно — мы стоим перед глухой стеной, и эта стена неприступна. Нужно найти хотя бы какой-то дефект в этой стене, дыру или щель, и только тогда...

— А если я знаю такой дефект?

Шан внимательно посмотрел на Сипа. Сип выдержал взгляд.

— У тебя завелись от меня секреты, Сип?

— Нет. Не завелись. Этот секрет был со мной всегда. На Свири, на Зейде, на Земле. Но этот секрет я открою только тому, кто поможет мне выполнить клятву.

— Какую клятву?

— Судить Великого Кормчего.

— Убить?

— Нет. Судить. И приговорить к смерти. И привести приговор в исполнение. Чтобы это не было убийством, нужны хотя бы двое...

Да, еще Тесман говорил, что у Бина свои счета с Правителем. И вот теперь... Отговаривать бесполезно. Согласиться на соучастие нельзя. Остаться в стороне нечестно. Обманывать подло.

— Когда и кому ты дал клятву?

— Не надо об этом, Шан. Я забыл, что ты человек Земли. Что ты просто наблюдатель. Что для тебя все наши горести и беды не более как трудный ребус, который надо решить, научный казус, который надо объяснить. Я забыл. Прости. Я не оставлю тебя, пока... Словом, забудем этот разговор. Я ничего не спрашивал.

— Бин...

— Я Сип. Прежний Сип. Твой Вергилий.

— Жарко. Давай выпьем пива...

Они остановились под зеленым навесом против рыбного магазина. Пожилой гвардеец с жезлом дружелюбно им улыбнулся и подвинул кружку, освобождая место за столиком. Улыбка в Дроме — явление редкое, и Шан улыбнулся в ответ.

— Дежуришь?

— Разве это дежурство, септ-капитан? Хочешь — спи, хочешь — пиво дуй. А вот я работал в Олоне, воздушные верфи там, — вот где действительно держи ухо востро. Известное дело, работяги — у них свой закон. Держатся один за одного, косяком — с ними лучше не связываться...

Пиво было, что называется, на любителя — цвета спелой малины, горьковато-сладкое и почти без пены. Шан взял три кружки — себе, Сипу и говорливому блюстителю порядка.

— Благодарю, септ-капитан. Многовато будет... Ну да ничего, мне уже через час меняться.

— А ты за свою жизнь в разных местах бывал, наверное?

— Да, помотался. Я все больше по охране, для страха стою. Так не стало страха теперь, даже Вечного Дворца не боятся, шальный народ стал.

— А почему, как ты считаешь?

— От жиру. Я говорю — от жиру. Заелись, на Правителя обнадежились. Он, мол, благодетель, всех накормит. Я последнее время в глуши, в Трижах существовал — молодые затерли. Так и там дикари, обезьяны земляные, только и могут, что свою сатуру крупноплодную сажать да выкапывать. Так и эти. Не хотим по шестнадцать часов работать, хотим по десять. А этого не хотите?

Заметно приободрившись, ветеран грозно потряс жезлом, как боевой дубиной.

— А сюда меня сын перетащил, слава Кормчему. В «топорах» у меня сын... Здесь благодать. Конечно, тоже как когда...

Что-то стряслось в рыбном магазине напротив. Крик возмущения и боли, звон разбитого стекла, шум свалки, снова крик — тот же голос,

но сдавленный, зовущий на помощь, ругань, глухие удары, снова звон стекла... Гвардеец поскучнел и прислушался, не спеша, однако, допил свое пиво.

— Опять что-то не поделили... Вот народ! Всего — выше горла, лопай — не хочу, так нет, каждый в рот соседу смотрит. Зависть, зависть... Не люблю драк. Никогда не поймешь, кто прав, кто виноват, все хороши... Пакость одна...

Шанин почувствовал на себе хмурый изучающий взгляд Сипа. Ему стало неуютно. Никаких действий — это легко приказать. А если бьют женщину? Ребенка? Ты чужой, тебе все равно — утверждало молчание Сипа... Нет, дорогой. Очень не все равно. Очень.

— Надо прекратить это, — Шан одернул ремень. — Пойдем, дежурный.

Они не успели. Кто-то мелькнул в дверях, пытаясь выскочить на улицу, его перехватили, ударили спиной о притолоку.

Руководил боем коротышка в кожаном фартуке. Увидев гвардейцев, он бросился к ним, крича:

— Это проник! Он оскорбил Великого Кормчего! Он сказал про него такое!

Тротуар опустел мгновенно. Ни избиения, ни свидетелей — жара, звенят ситары, недопитое красное пиво на столике — и неподвижное тело на тротуаре, лишь отдаленно напоминающее человеческую фигуру.

Шанин предполагал в этот день съездить куда-либо на окраину, например в рабочий пригород Дромы Силку. Было еще рано, до Силки часа три езды экспрессом, и они вернулись в гостиницу. Возвращались в открытом автобусе, который немилосердно дергало в ритме бесконечного автоконвейера. Люди стояли и сидели, отрешенно жуя, и согласно качались в такт рывкам.

— Ну, как дедуктивный метод, — спросил Сип, исподлобья поглядывая на Шанина, — помогает?

Шан потер лоб.

— Плохо помогает?

— Поможет. В свое время. А завтра мы с тобой должны разыскать вот этого человека. Зовут его...

* * *

— Мос Леро...

Чтобы разобрать витиеватую надпись на почерневшей медной пластине, пришлось включить поясной фонарик. Шан махнул рукой таксисту, тот, круто развернув машину, дал полный газ, и через полминуты только серая пыль висела над петлей накатанной дороги.

— Даже фары не включил. Еще врежется где-нибудь. Внизу уже совсем темно. Чудак!..

— Кто знает, Шан. Может быть, это мы начудили, отпустив машину раньше времени...

— Не думаю. Хотя, если хозяин под стать своему логову, думать о приятном отдыхе вряд ли придется...

Они звонили у бронированной калитки, врезанной в крепостной кладки каменную стенку, добрых пять минут, но за калиткой и за стеной царила нежилая тишина.

— Однако Мос Леро рано ложится спать.

Вилла пряталась на дне горной впадины, словно в стакане с отбитым верхом — полупрозрачные острые ребра кварцевых пиков перекрывали все подходы к ней. Лишь по единственной узкой расщелине выползала наверх дорога. Все ее замысловатые петли просматривались от виллы, как с вертолета.

— По-моему, этот Мос — атаман разбойничьей шайки. Иначе зачем ему такое странное лежбище?

— Не знаю, Шан. В Дроме у него вполне ординарная квартира и, если верить соседке, приличная репутация...

Разыскать Моса Леро по адресу, данному Гороном, не удалось. Его не оказалось дома, а словоохотливая соседка не знала, куда он уехал. Помогла хмурая консьержка. Она проводила гвардейцев медленным взглядом до самых выходных дверей и уже в спину пробубнила негромко:

— К Мосу, что ли? Давно пора... В Лаане он, где ж ему быть в субботу... На Синей горе вроде дача у него...

До местечка Лаан было не больше часа езды, но автобусы туда почему-то не ходили, а разбитные таксисты, готовые мчать хоть в преисподнюю, от слова «Лаан» сразу скучнели, а стоило упомянуть еще Синюю гору... Словом, только к концу дня Шану с Сипом удалось уломать какого-то бедолагу за пятикратную цену. Машина долго кружила по каким-то окраинам и выбралась на лаанскую дорогу далеко за городской чертой, но по шоссе водитель погнал с такой скоростью, словно от стрелки спидометра зависело спасение его души. Судя по всему, на Синей горе он бывал не раз. Такси уверенно выкручивалось из опасных горных виражей. Но остановился он не у самой виллы, а метрах в двухстах от нее и подъехать ближе отказался.

— Теперь наш друг уже на шоссе. Зря мы его отпустили...

Шан снова нажал кнопку.

И тогда калитка ожила.

Нет, она не открылась. Ее шероховатая поверхность не шелохнулась, но на уровне глаз с тугим щелчком прорезалась треугольная бойница.

— Кто там?

— Нам нужен Мос Леро.

— Его нет, он уехал.

— А кто с нами говорит?

— Служитель.

— Значит, уехал? Жаль. А то вот его старый друг Горон велел передать ему письмо и долг в тринадцать серебряных.

— Что вы сказали?

— Горон велел передать Мосу Леро письмо и долг в тринадцать серебряных.

Калитка молчала добрых две минуты, прежде чем исторгла новый неуверенный вопрос:

— А я... Я буду иметь письмо?

— Нет. Велено передать его лично твоему хозяину.

Снова молчание. И снова дрожащий голос:

— Я Мос. Мос Леро. Давайте письмо в щель.

— Э, нет, так не пойдет. Докажи, что ты Мос.

— Письмо должно быть в красном конверте с буквой «М» в левом верхнем углу.

— Это другое дело. Пожалуйста.

Шанин свернул конверт трубочкой и сунул в бойницу. Бойница тотчас захлопнулась.

— На атамана не тянет. Трусоват больно, — прошептал он Сипу почти весело.

Сип неопределенно пожал плечами.

Солнце давно зашло, но вечные скрещения Стального Кокона еще светились тусклым малиновым накалом. Небо было иссиня-черного цвета, и голубым детским шариком светилась на нем Зейда, маленькая луна Свиры. Она почти не освещала окрестность, на пиках полыхали грозные отсветы стали, но она была, она светилась, напоминая Шанину о том, что есть Большой мир, где по-другому живут...

В лицо ударил прожектор, а через десяток секунд щелчок возвестил, что калитка снова оживила.

— Я вас вижу впервые. Я вас не знаю.

— Меня зовут Шан, его Сип. В письме написано, что, кроме долга, мы передадим тебе предложение принять участие в сбыте силайских яблок.

— Ладно. Входите.

— Выключи ты этот светильник! Ничего не видно!

— Идите прямо.

Рука Шана попала во что-то пухлое и влажное, и это пухлое потянуло за собой прямо, направо, налево — прожектора уже не было, но перед гла-

зами плыли разноцветные круги, лишая возможности если не видеть, то хотя бы ориентироваться в полутемных пространствах.

— Садитесь. Кресла под вами.

Пелена рассеялась, открыв небольшую скромную комнату с тремя узкими стрельчатыми окнами, распахнутыми в сад. Вечерний ветер тормозил простенькие пестрые шторы. На некрашеном раздвижном столике стоял запотевший пузатый кувшин с молоком и три стакана. Из плетеной корзиночки торчало три больших ломтя черного хлеба.

Сип сидел по другую сторону стола. А в центре сидел Мос Леро. Его кругленькое тельце перепачканного детского пупса без конца вздрагивало и порывалось подскокить на плетеном стуле, предугадывая малейшее желание гостей. В нем все было чуточку чересчур — чересчур честные глаза, чересчур жизнерадостный румянец, чересчур широкая улыбка, чересчур искренний голос:

— Я человек простой, без претензий, родился в глухом селении, так сказать, от земли... Очень устаю в Дроме — суголока, гром, чад... Хочется тишины, одиночества, свежего, так сказать, дыхания... Присмотрел вот себе ложбинку с конурой... Нет, строил не я, досталась по случаю — за свои, конечно, серебряные... Но недорого, слава Кормчему, — по государственной цене, распродажа конфискованного имущества... И каждую субботу — сюда, в конурку свою... А что у калиточки вас задержал — не обессудьте. Места дикие, безлюдные — не ровен час... Всякие тут шастают...

— А шастают? — успел врезаться Шанин.

— Шастают, шастают, ой, как шастают... В прошлую субботу соседа там вон, за той горочкой, подожгли... Выскочил, а в него из пистолета... Хорошо, что в доме друзья были, там целая перестрелка была, еле отбились... А домик сгорел...

— Кто же стрелял?

— А ведьма их знает... Ушли все... Может, дружки хозяев бывших, может, другой преступный народ... А вы ехали — рисковали: не любят здесь «пернатых», в мундире особенно, — пуля невесть откуда прилетит... Рисковали, рисковали... И срочность такая была, наверное, да? Убываете куда — в Дроме проездом, да?

— Проездом, Мос. Горон передает тебе твою постоянную долю.

— Должок, Шан, должок...

— Твою постоянную долю, Мос. И с условием.

Шан достал из-под стола маленький красный чемоданчик, с которым приехал.

— Вот... Вот... Вот...

По мере того как на столе появились ампулы с протовитом, пакеты прессованного чернука, булькающие банки сикера, золотые и серебряные амулеты, честные глаза Моса заволакивала сладкая дымка.

— Ах, Горон, Горон... Нет, старая дружба не ржавеет... Кажется, что общего: я, маленький человек, — и Горон, орел, повелитель «пернатых»... А не забывает Моса верный товарищ, не забывает... Говорят про него всякое, обижаются некоторые, а я думаю — зря. Большой души человек Горон — и честен, и справедлив, и нежен где-то... А жестким бывает иногда — профессия такая: защитник, сторож нашего неба. Он и в «топорах» орлом ходил, как же... Я-то трусоват, характера не хватает, вот и копаюсь в низине жизненной, а Горон — храбрец, он весь в небе, всегда на высоте... И все же не забывает нас, бескрылых, для земли приспособленных, шлет от широты души...

— Теперь условие, Мос. Ты должен помочь нам. Нам — значит, Горону. Ясно? Мы — это Горон. Так должно быть сказано в письме. Так?

— Сказано, сказано... Но я человек маленький, я всей душой, только...

— Ты должен устроить нам встречу с Тирасом. Глаз в глаз. И как можно скорее — завтра или послезавтра.

— А зачем вам Тирас?

— Ты чересчур любопытен, Мос.

— Не знаю, не знаю... Тирас — министр, второе лицо на Свири, правая рука Кормчего, а что я? Червяк! Как я могу приказывать Тирасу? Меня даже не пустят к нему! Нет, не по силам мне, не по силам... Рад бы услужить старому другу Горону, за подарочек отблагодарить, но... Не смогу, не смогу, что другое, а это не смогу... Конечно, если попросить, раскошелиться... Да и то вряд ли... Конечно, если Горон не постоит за расходами... Так это еще столько же надо...

— Ты загнул, Мос. Столько же — чересчур. Не проглотить. Плохо будет. Половина — куда ни шло. Еще половина!

— Да разве я себе? Я же для людей, мне самому ничего не надо. Тирас ведь, не пешка какая. И срочность к тому же. А вдруг Тирас заупрямится, спросит — зачем я им нужен? Что я скажу?

— Мос... ты получил хороший подарок от Горона. Тебе показалось мало. Я добавил еще половину — от себя...

— Я не вижу второй половины...

— Вторую половину ты увидишь после того, как скажешь, когда и где мы встретимся с Тирасом...

— Тирас не пойдет на пустой крючок. Я должен передать ему предложение. А что я ему скажу?

У Шанина пересохло горло. Не спрашивая разрешения, он налил себе полный стакан ледяного молока. Мос услужливо пододвинул хлеб, и это окончательно доконало Шана. Он отставил стакан. Резиновый пупс был неуязвим. Он мгновенно вывертывался из любых положений. И радужная улыбка по-прежнему цвела на его ярко-пунцовых губах. Сип тоже

ухмылялся, наблюдал за поединком. И Шан пошел последним козырем — сунул прямо под горбатый Мосовский нос корешок женьшени, похожий на голенького гнома.

Мос вздохнул и забыл выдохнуть.

— Это не тебе. И не Тирасу. У вас не хватит серебряных, чтобы откопнуть полкусочка с этого корешка. Это для Великого Кормчего. Ты понял, какая идет игра?

Мос перестал ухмыляться и отодвинулся от стола, чтобы были видны обе двери, ведущие в комнату, и как бы невзначай положил руку на пояс с пистолетом.

— Но зачем... зачем вам... зачем нам... нам... Тирас?

— Может, ты сам проведешь нас к Правителю? — со всем возможным сарказмом отпарировал Шан, беря реванш за час изнурительного словоблудия. — Сам — без Тираса?

Но Мос подскочил, не обратив внимания ни на издевку Шана, ни на позу Сипа. Он покатился к внутренним дверям, возбужденно подпрыгивая и одергивая дешевенькую клетчатую пижаму, распахнул их настежь и закричал тоненько:

— Лира! Лирочка! Вставай, детка, мы стали с тобой за счастливых людей — мы имеем дорогих гостей! Чудесные воспитанные люди! Вставай, мое солнышко, мы будем праздновать их визит! До самого утра!

И он воздел свои бескостные ручки, приглашая гвардейцев внутрь дома.

За толстыми дверями двойной доски открылся иной мир. Огромная паукообразная театральная люстра, отсвечивая масляным золотом и позванивая хрустальными подвесками, с варварской щедростью высвечивала каждый уголок антикварного интерьера: инкрустированный перламутром и розовой слюдой потолок; застывшие волны парчовых портьер, за которыми неярко мерцало золотое плетенье противомоскитных сеток на окнах; лебяжьего пуха кресла на мешках-копытцах; древние, ручной работы ковры, которые сделали бы честь любому музею, старые картины — подделки под земных художников и местные шедевры, собранные, правда, не из-за живописных достоинств, а как иллюстрации к мифологическим сюжетам; несколько огромных фолиантов в переплете из красного сандала с золотыми застежками, разностильные пуфики, качалки, лежанки, кушетки; медвежьи шкуры, вокруг низкого, едва в локоть высоты, необъятного круглого стола из черного эбенового дерева, хрустальные вазы и кубки; тонкий, как папиросная бумага, фарфор узкогорлых кувшинов; майолика, резьба по кости, серебряное тиснение, тонированное чернью...

— Это — тайна моего сердца, высокие. Я имею это не для того, чтобы жить, а живу, чтобы иметь это. У всех свои слабости, высокие. Тишина, све-

жий воздух, красивые и ценные вещи... Вдали, так сказать, от грубого глаза человеческой зависти... Зачем лишний раз дразнить соседей, напоминать им, что они неудачники, простофили, недотепы? Здесь в каждой вещи — мой подвиг, моя борьба, моя месть и победа... Месть и победа, о которых не знает никто... Ну как?

— Потрясающе. Даже мороз по коже.

— Если бы я сказал тебе, сколько это стоит, тебя бы сожгло пламя, Шан. Но я не хочу твоей смерти. Вы мои гости, и мы будем праздновать. Ты поймешь, что с Мосом можно делать дела...

...В Дрому возвращались на рассвете. Под обшарпанным капотом неказистой машины Моса оказался новенький супермотор двойной тяги, а под задним сиденьем — станковый пулемет. Все четверо оживленно болтали о погоде и летящих мимо пейзажах.

Дрома еще спала. Тишину нарушали только всхлипы дворницких щеток да урчание мусоросборщиков.

Мос высадил гвардейцев за квартал до гостиницы.

— Нечего мозолить глаза... Значит, как договорились, Шан: встречаемся сегодня в три на Большом ипподроме, ты имеешь с собой вторую половину подарка, а я — место и время вашей встречи с Тирасом... Я приду после начала скачек и сам найду вас. Я подсяду незаметно...

И, уже собираясь трогаться, снова поманил Шанина пальцем.

— Тираса я вам обеспечу — это точно... Берите его за рога... Но если не выгорит — не беда... Я человек маленький, но я кое-что могу. Вам без Моса не обойтись, потому что даже высшие и высшие из высших не бывают там, где бывает Мос Леро, старший техник Вечного Дворца...

5. ЛЕГЕНДА О ТАЙНЕ

До начала скачек оставалось минут десять. Шанин разглядывал трибуны Большого ипподрома. Привыкший к пестроте и буйству земных ипподромов, он не без удивления отметил благопристойную тишину под солнцезащитными тентами и обходительную неторопливость болельщиков. Присмотревшись, он понял причину: здесь не было молодежи, трибуны не спеша занимали люди за тридцать и далеко за тридцать — чаще все разряженные по-воскресному зрелые семейные пары с выводками разновозрастных малышей. Они проходили на свои места, груженные пакетами, основательно устраивались и начинали немедленно что-либо жевать, озираясь и с чувством собственного достоинства приветствуя знакомых.

— Это место свободно?

— Свободно, — опередил Шанина Сип. Шанин толкнул его под бок: разве Сип забыл, что место для Моса? Сип успокаивающе кивнул — знаю, мол.

Болельщик, ищущий места, повел себя странно. Вместо радости на его лице появилась тревога. Он подозрительно оглядел гвардейцев и задом стал выбираться из ряда.

— Что с ним?

— Все правильно. Психологический этюд. Если бы я сказал «занято», этот тип немедленно бы уселся, доказывая, что надо приходить вовремя и неизвестно еще, придет сюда вообще кто-нибудь. А если говорят «свободно», свирянин задумывается: почему все места заняты, а это свободно? Значит, или гвоздь в сиденье, или ножка скамьи сломана, или еще какой

подвох. И предпочитает разыскивать другое место. Так что не беспокойся — теперь, кроме Моса, к нам никто не подойдет.

Ипподром заволновался, заплодировал. Многие повскакали с мест. На травяную дорожку выходили опоясанные лентами и увешанные медалями участники, таща за собой на серебряных уздечках упирающихся двугорбых козлов. Эти косматые монстры пустыни, кроткие в покое и смертельно опасные в ярости, часто потряхивали рогами, способными одним ударом переломать кости песчаному тигру. Они привыкли к своим хозяевам, присутствие посторонних одновременно пугало и бесило их.

Ожили тарелки медных радиодинамиков:

— Внимание! Внимание! Через несколько минут вы станете свидетелями исторического события — вы увидите финальный этап пятьдесят первого первенства планеты по скачкам козлов. Это древнее, истинно свирянское мужественное состязание, как известно, проводится раз в три года. Вспомним с уважением имена Караба и Ярис — они создали теорию этой игры, вспомним их последователей — они среди всеобщего непонимания претворяли теорию в практику, вспомним с благодарностью высокое Слово Кормчего — оно сделало скачки козлов неотъемлемой частью нашего отдыха! Скольких людей прославило это достойное занятие в прошлом и настоящем, скольких прославит оно в будущем! Еще живы ученики и последователи великих основателей любимейшего бессмертным народом Свиры зрелища, а уже возникли новые школы, и изустная молва создает легенды вокруг новых любимцев...

Удивление Шанина возрастало. Необычно вели себя не только зрители, но и участники скачек. Они собрались на стартовой площадке тесной кучкой и вступили в оживленную беседу. Искренние улыбки, дружеские рукопожатия, даже объятия и поцелуи... Каждый по очереди рассказывал что-то смешное, и рассказчика награждал дружный хохот. Все участники были одеты в цветные комбинезоны из «чертовой» кожи с множеством витых стальных колец по всему телу. У всех были палки неодинаковой длины, которые Шанин принял сначала за плетки.

— Это не плетки, это цины, — коротко и непонятно объяснил Сип. — На конце каждого цина — крючок. Надо взять противника на крючок, то есть зацепиться цинном за какое-либо кольцо на комбинезоне. А когда противник на крючке, его легко сбить на землю.

— А почему цины разной длины?

— Таковы правила. Цины разыгрываются по жребию.

На поле выбежал еще один участник. Весь стадион, как один человек, вскочил на ноги и разразился овацией. Коллеги с воплями радости бросились к товарищу и задушили бы его в объятиях, если бы не вмешательство бокового судьи.

— А вот и Хид Одюй, супернаездник, баловень судьбы, три раза подряд выигравший Всепланетное первенство. Одюй — идеальный свирянин. Тщательное медицинское обследование Хида не обнаружило в обоих полушариях его головного мозга ни одной лишней извилины. Такие прямодушные достойны венца! В руках Хида вы видите самый длинный цин — по правилам он достается победителю прошлого первенства без жеребьевки... Внимание! Сейчас прозвучит сигнал старта.

Трибуны замерли, а на поле ничего не изменилось. Сгрудившись и обнявшись за плечи, спортсмены отпускали шуточки и без усталости хохотали. Козлы с личными номерами участников на лохматых боках разбрелись по дорожке и лениво щипали травку.

Грохнул оружийный залп — сигнал к борьбе.

И тотчас, без всякого перехода, среди участников началась потасовка. Претенденты на победу били друг друга как попало и чем попало — кулаками, ногами, цинами, головой, — падали и поднимались, били каждого, кто пытался вырваться из узкого круга, и каждого, кто оставался в кругу, били сообща и порознь. Наконец Хиду, у которого был номер девять, и кому-то с шестнадцатым номером удалось вырваться. Шанин ожидал, что эти двое тоже схватятся, но снова не угадал — Одюй даже помог подняться шестнадцатому, когда тот споткнулся. Оба плечом к плечу бросились ловить чужих козлов.

Драка в общей группе тоже немедленно прекратилась. Толпа ринулась в погоню за сбежавшей парой.

— Началось, — констатировал Сип.

Одюй и его союзник замешкались — козлы, храня верность, приняли новых хозяев рогами и копытами. Пока ловцы пытались оседлать непокорных, основная группа настигла их. Снова началась свалка, на этот раз при активном участии рассвирепевших животных.

Исход новой схватки решила находчивость Хида. Он оседлал своего собственного козла и, воспользовавшись секундой недоумения, бросил его на толпу. Ему удалось отрезать от толпы человек семь. Доведя козла до бешенства, он прикрывал группку новых союзников, пока все семеро не оседлали приглянувшихся горбачей. После этого семерка встала на охрану Хида — на этот раз ему повезло, и он оседлал чужого козла с первого раза.

— Правильный ход, — комментировал Сип, — Опыт показал, что группа из двоих не способна противостоять большинству. Одюй увеличил группу лидеров до восьми — восьмерка вполне боеспособна. Сейчас их задача — оторваться от главной группы и закрепить успех. А еще говорят, что у Хида нет лишних извилин...

Действительно, восьмерка в отчаянной круговой обороне прорвала пешее кольцо, пытавшееся взять их на крючок поодиночке. Хида два-

жды чуть не стащили с козла, но союзники выбивали цины у нападавших и подминали их копытами козлов. Одюй, в свою очередь, своим длинным цинном выбивал всякого, кто пытался по их примеру воспользоваться незанятой скотиной.

Лидеры выбрались на дорожку и пустили своих рогатых «иноходцев» во весь опор. Главная группа была деморализована. Человек семь, в том числе и шестнадцатый, лежали на земле без движения, и к ним, увертываясь от обалдевших спортсменов и козлов, пробивались санитары с носилками. Кое-кому удалось все-таки заполучить чужого козла, и они трусили поодиночке за лидерами, вырвавшимися далеко вперед. Кто еще мог драться, дрался, уже не за обладание козлом, а по инерции. Драчунов растаскивали боковые судьи и уводили под циркулярный душ.

— Восьмерка вне конкуренции. Скоро они начнут выяснять отношения между собой.

— Кстати, Сип, Моса-то все нет.

— Придет. Мос не упустит чужого козла.

Шанин оглядел трибуны. От былой благопристойности осталось весьма немного: красные, потные отцы семейств срывали галстуки, визжали и вопили, разнокалиберные матроны сладострастно ахали при каждом точном ударе или явном промахе, дети с родительского благословения седлали и кусали друг друга, подражая бойцам на поле. Их возили сюда в воспитательных целях, учиться — и они учились.

А события на дорожке развивались.

Лидеры мчались монолитной шеренгой, но постепенно вперед стал выдвигаться пятый номер. Его высокий крутогрудый горбач был явно резвее других, он опережал шеренгу почти на корпус. Наконец одиннадцатому удалось зайти пятому за спину лишь на мгновение, но мгновения было достаточно, чтобы взять на крючок выскочку. Одиннадцатый рванул в сторону — соперник оказался на земле. Освобожденный козел с удвоенной энергией метнулся вперед, но не тут-то было. Одновременно две руки с двух сторон схватили его за серебряную уздечку — рука Хида и рука одиннадцатого. Козел встал на дыбы. Оба претендента повисли на нем. Протащив смельчаков за собой еще метров двадцать, козел остановился, взрывая и роя копытами землю.

Оставшиеся допустили тактическую ошибку. Они решили, что самые опасные противники уже вышли из игры. Вместо того чтобы воспользоваться заминкой и оторваться на безопасную дистанцию, они затеяли драку задолго до финиша, едва выбравшись из общей кучи.

Одюй и одиннадцатый среагировали правильно. Забыв тяжбу, они оседлали козла-фаворита вдвоем. Козел выдержал груз и после двойного укола цинами даже пошел в галоп.

— Двое на одном козле! Феноменально! Такого еще не было в спортивной истории Свиры! — захлебывался диктор, стараясь перекрыть беснующиеся трибуны.

— Хиду Одюй и Дари Лиар остается последний виток спирали до финиша! Они еще обнимаются! Может быть, они решили поделить приз пополам? Но золотой кубок не распилишь надвое!

Нет, они не собирались ничего делить. Схватка была короткой и эффектной. Одюй, сидящий сзади и обнимавший Лиара за талию, ловким движением перенес руки ему на шею и стал душиить. Обмякшее тело завалилось набок и кожаным мешком соскользнуло вниз.

— Снова Хид Одюй! Он снова обскакал всех! В четвертый раз! Невиданный пример безраздельного господства на козлиных скачках! Ему согласно правилам игры по слову Правителя будет вручен сегодня высший знак отличия — пожизненный Золотой Цин! Он достоин этого! Мы преклоняемся перед тобой, Одюй!

Одюй, блестя золотыми челюстями, раскланивался, махал над головой рукой, посылал воздушные поцелуи.

Теперь начал беспокоиться Сип.

— Мосу пора бы появиться. Дело идет к концу.

Они стоически досмотрели всю почетную процедуру, а Мос все не появлялся.

Не появился он и тогда, когда самые любопытные болельщики полностью удовлетворили свою страсть и потянулись к выходу.

Шан и Сип посидели еще минут пять на пустой трибуне. Больше ждать не имело смысла. Они тоже направились к центральной лестнице.

У ворот Сип наклонился к Шанину и что-то ему прошептал.

— Это мысль!

Перед тем как выйти из ворот, они зашли на минуту в буфет. Седенький старичок, который шел впереди и уже миновал арку, вернулся, нервно потоптался на месте и тоже толкнулся в дверь, налетел на Сипа и Шана, извинился и юркнул внутрь. Шан переложил красный чемоданчик из левой руки в правую.

— Хвост... Мос испугался, ясное дело. Если бы нам дали достаточно времени — обошлись бы без него. И без Тираса, который о нас, кажется, забыл...

* * *

Но о них помнили.

Шан проснулся среди ночи с ощущением, что кто-то ходит по темной комнате. «Сип!» — окликнул он, но никто не отозвался. Он потянулся к сонетке, но чьи-то пальцы вывернули запястье и заломили руку. Коротко

охладев, септ-капитан упал лицом в подушку. Кто-то схватил его за волосы, приподнял. По глазам резанул белый свет.

— Где ты спрячешь его, собака? Где? Говори!.. Где?

Удар по лицу. Кровь на губах. Снова рывок за волосы.

— Куда спрятал? Говори, собака, или прикончим! Где?

Шан захрипел. Его бросили на кровать с вывернутой рукой и рассеченной губой. Он ничего не понимал. Голова гудела и кружилась. Отдышавшись, он освободился от скрученного одеяла и сел. По комнате метались яркие пятна фонарей. Вывернутое из чемодана белье. Кожаную папку драли на узкие полосы. Вывертывали карманы мундира. Разбили графин с водой, вода полилась со стола на ковер. Вывернули платяной шкаф и простучивали углы. Что-то делали в ванной, время от времени пуская воду. Судя по шуму, в комнате Сипа творилось нечто подобное.

— Эй, кто вы такие? Я — септ-капитан полицейской гвардии!

— Очухался?

Свет снова уперся в лицо Шану.

— Слушай, милок, и думай, пока жив. Если ты сейчас не выложишь нам эту штуку, то сам понимаешь... А мы уйдем, как пришли. Понял?

— Далеко не уйдете. У министра государственного милосердия высшего Тираса длинные руки. Мы здесь по его приказу.

В темноте раздались смешки и откровенный хохот. Щелкнул выключатель. В комнате было человек пять в голубых комбинезонах и странных зеркальных шлемах, скрывающих верхнюю часть лица. Тот, что стоял против Шана, отогнул лацкан куртки. Сверкнул золотой топорик.

— Марш в машину!

— Может быть, лучше в брюках?

«Топор» ткнул под горло вроде не очень сильно, но дыхание вернулось к Шану только возле зарешеченного оконца, на деревянной лавке, в душном фургоне.

Где-то близко застонал Сип. Шан нашел его ощупью — с товарища почему-то текла вода. Шан вспомнил странные звуки в ванной.

Сип ободряюще похлопал его по руке.

Они долго ехали, временами включая сирену и пугая город. Потом долго стояли. В зарешеченное оконце ничего видно не было. Их растолкали поодиночке. В узком — метра на два — бетонном блоке не было ничего, кроме откидного брезентового стула. Прошло часа три. Выпустил Шана очень чистый и очень вежливый человек в штатском, перед которым охранник в коридоре тянулся, как пружина.

— Я прошу простить нас, септ-капитан. Произошло досадное недоразумение — эти остолопы перепутали номера. От имени министра и Великого Кормчего прошу забыть инцидент. Моральный и физический урон

будет вам компенсирован. Я прошу вас пройти в комнату. Там вы можете привести себя в порядок. Прошу вас.

Шан мог бы и поверить. Но он заметил на сгибе пальца вежливого штатского перстень, печать которого чувствовал на разбитой скуле.

В комнате был стол, аккуратно выглаженный и развешанный на плечики шанинский мундир, горячий чай с орешками, умывальник и Сип, который разглядывал себя в зеркало.

— Принесли извинения?

— Да. Тот же тип, что...

Сип приложил палец к губам,

— Одевайся и прихорашивайся. Если мне не изменяет интуиция, скоро мы будем беседовать с министром милосердия.

Он оказался прав. Еще один штатский, уже не просто вежливый, а источающий благожелательство, попросил, если они не очень устали, немного подождать. Сам высший Тирас, с раннего утра пребывающий на посту, хочет удостоить их личной беседой. Они, конечно, могут отказаться, но министр так занят! Иное время для беседы найдется у него не скоро.

— Пожалуй, мы подождем немного, — серьезно сказал Сип. — Нам тоже хочется поскорее увидеть высшего Тираса... И у нас тоже времени в обрез — дела, дела...

Ждать пришлось недолго, не больше получаса. Но путь к Тирасу оказался непрост. Гостей из Силая конвоиры передавали, как ценную посылку, из рук в руки, расписываясь в сдаче и получении. Тайные и явные лифты то загоняли их под землю — там в коридорах ощутимо попахивало плесенью, — то возносили на высоту — в окнах синело.

Шан давно потерял ориентацию в пространстве и удивлялся Сипу, которого охватило непонятное возбуждение. Сип то норовил выглянуть сквозь неплотные створки в лифтовой ствол, то, к неудовольствию сопровождающих, прилипал к какому-то вполне ординарному углу, то подскакивал к бойницам-окнам коридора. Раза два он принимался что-то считать, загибая пальцы. И непонятные его расчеты, видимо, шли удачно. Сип повеселел.

Их вели неофициальным ходом, через огромные залы технических служб с телетайпами, похожими на станковые пулеметы, и счетными машинами, обрабатывающими сверхсрочные материалы... Здесь почти не было мундиров — черные тройки, серые пиджаки, белые халаты. И закончили они путь не в приемной с секретарем и телефонами, а в белой игровой комнатке с цветами, низкими креслами и софой, накрытой шкурой песчаного тигра.

Здесь Шана и Сипа оставили вдвоем.

Сип, едва сопровождающий вышел, «полез» на стенку. Стены были обиты белым бархатом и не простукивались. Сипу пришлось отодрать

часть обивки, но он нашел то, что искал. Одна из стен звучала явно глуше других, словно за звонким бетоном был войлок.

— Башня Кормчего, — прошептал он зачарованно. — Триста восьмой распор девятого яруса...

Шанин понимал, что Сип обнаружил что-то важное, но вопроса задать не мог. И боялся, что несдержанный силаец вызовет подозрение, — в том, что за ними следили, не было сомнения. И он постарался попасть в тон Сипу:

— Вечный Дворец... Утес бессмертия и справедливости, который вырос вокруг Башни Правителя на благо Свиры... Здесь можно стать поэтом...

— Можно, — Сипом совсем некстати овладело веселое бешенство. — Нужен только дефект, совсем маленький дефект. Под левой грудью. В сердце...

И Сип снова «полез» на стену — на ту самую стену, на которой был выложен цветной мозаикой портрет Великого Кормчего.

— Приятно видеть гвардейца, увлеченного чем-то вечным, — пропел грустный низкий голос. — Ты давно интересуешься живописью, Сип?

В проеме маленькой потайной двери стоял Тирас. Его благородное открытое лицо без морщин, печальные серые глаза и аккуратно зачесанная назад шевелюра снежной чистоты как нельзя лучше подходили к титулу «министр государственного милосердия». Он был очень похож на портретные изображения Кормчего. Возможно, художники, лишённые природы, безотчетно вносили выразительные черты Тираса в абстрактный облик Правителя. А возможна и другая причина... Нет, это было бы слишком просто. И все равно не объяснило бы главного.

— Ты давно интересуешься живописью, Сип?

— С детства, высший.

Да, Сип явно переменялся за последние дни. Он никогда не был трусом, но раньше в его смелости была угрюмая обреченность. А сейчас в нем была уверенность и вызов. Для простого сержанта это было чересчур необычно. И самое главное, что эта уверенность в своей тайной власти смущала и пугала имеющих явную власть. Они терялись перед нахальным сержантом. Вот и сейчас Сип не отскочил от мозаики, не вытянулся в струнку перед вторым человеком Свиры, не затрепетал под его ледяной улыбкой — и Тирас, поколебавшись, уступил, даже замечания не сделал.

— Наверное, любовь к живописи у тебя наследственная?

— Возможно. Я не знаю своих родителей. Как многие в Силае.

— У всех сирот Свиры есть один великий родитель. Благодаря ему они не знают горя, а только радость от служения обществу.

— Да, на Свире многого не знают благодаря Великому Кормчему...

Тирас счел возможным пропустить мимо ушей опасную дерзость.

— Чудесный портрет... И какое сходство! Но это копия! И к тому же с дефектом. Вот здесь идет трещина. Я залил ее эпоксидным клеем, и она теперь почти не видна. Но дефект есть дефект! Оригинал у меня в кабинете. Он больше по размеру — в полный рост и совершеннее по колориту. Полный эффект присутствия. Постоянное ощущение, что за твоей спиной не портрет, а сам Правитель. Вот что делает искусство... Кстати, Сип, ты знаешь, кто автор этих шедевров?

— Знаю.

— Знаешь... Воистину неисповедимы пути знания! Даже всемогущая воля бессильна преградить их, если честно признаться. Имя таланта — пусть запретное, пусть грешное — ведомо избранным. А Кокиль Уран был талантлив, чертовски талантлив... Ты где учился, Сип?

— В Силае, высший. В Гнезде Кормчего.

— В Силае? Странно. Такая эрудиция, такая интеллигентность — и Силай. Впрочем, возможно, голос крови... Великая вещь — голос крови... Тебе, конечно, известно, что государственный преступник Канир Уран по прозвищу Бин — внук Кокиля Урана, великого художника и великого преступника?

— Его казнили?

Тирас словно не замечал Шанина. Был он не в мундире, а в строгом сером костюме с голубым галстуком, да и вел себя так, словно решил отдохнуть от дел, поболтав со старыми знакомыми. Пока, правда, он обращался только к Сипу, но Шанин чувствовал, что каждое слово этой странной беседы направлено рикошетом в его сторону.

Шанин ждал встречи с Тирасом и готовился к ней. Она должна была решить многое, если не все. Тайна Кормчего, тайна Свиры обитала где-то здесь, рядом с Тирасом, и Тирас владел этой тайной — иначе быть не могло. Надо было приручить Тираса. Любой ценой.

Но пока все шло наоборот. Инициативой владел Тирас. Он вел какую-то свою игру, цель и смысл которой открывать не спешил.

А Сип... Сейчас он плохой союзник. Во-первых, он крайне взвинчен и насторожен. А во-вторых... В таком деле можно работать лишь спиной к спине, безраздельно доверяя друг другу. Шан доверился Сипу. Сип Шану — нет. В результате даже Тирас знает о Бине больше, чем Шан. И если эти скрытые Сипом детали родословной соотнести с его поведением в последнее время, многое становится яснее, а многое — загадочнее. Как это трудно — в чужом мире, когда приходится разгадывать не только врага, но и друга.

— Его казнили?

— Да нет, Сип, его не казнили. С ним еще придется повозиться моим медикам... Трудный случай... Полная амнезия...

— Вы хотите заставить его вспомнить свою биографию?

— В этом нет надобности. Биографию Канира Урана, который уже к тридцати годам был незабываемым авторитетом в области электроники и прикладной физики, а в сорок — приговорен к смерти за покушение на Великого, мы знаем лучше самого Бина. Но его мать и отец, которых Бин даже в лицо не видел, обладали одним семейным секретом. Секретом огромной государственной важности. У меня есть сведения, что им владел и Бин, хотя на первый взгляд это попросту невозможно. Супруги Ураны скончались... м-м-м... под нашим наблюдением. Связи с Внешним миром они не имели. А Бин в то время даже не подозревал об их существовании. О том, кто его родители и как они закончили свои дни, он узнал только через несколько десятков лет... Мои медики пытаются выудить золотую рыбку из мертвого моря, из головы того, кто был когда-то Бином...

— Зачем вы рассказываете нам все это, высший? Государственная тайна не для любопытных ушей. Даже если это уши полицейских гвардейцев. Зачем нам знать про Бина? Мы свое сделали — отдали его в ваши руки. И мы не медики...

Тирас, словно не слыша, подошел к портрету, провел мягкой ладонью по нетускнеющим срезам камня, смахивая несуществующую пыль. Постоял с лицом человека, изучившего за долгие годы каждую пядь, каждый изгиб, каждый скол изумительного сочетания естественных и искусственных линий мозаики.

— Дорого бы я дал, чтобы выведать семейный секрет Уранов. Никто из вас, даже сами Ураны, даже этот несчастный Бин — никто на свете, кроме меня, не может хотя бы представить цену этому секрету... Дорого бы я дал за него...

И он вдруг пружинисто вышел на Шанина.

— А ты, Шан? Ты — дорого?

— Я? Я — ничего. Это меня не касается.

— Брось. Не надо. Мы все трое — интеллигентные люди, мы выше глупых тайн и махинаций. Не будешь же ты утверждать, что тебя интересуют только деньги? Кто тебе поверит?

— Горон.

— Горон... Мой лучший друг Горон — просто мелкий жулик с чрезмерным аппетитом. Он плебей. Он не способен на крупное дело. Настоящее дело, достойное гения...

— Горон прислал тебе, высший, ящик особого силайского пива.

— Протовит? Премного благодарен. Протовит вместе с остальным вашим багажом стоит у меня в кабинете. А больше Горон ничего не передавал? Более интересного?

— Нет, высший.

— Странно... А как насчет красного саквояжа?

Тирас не кривлялся. Его красивое лицо было сосредоточенно, как у боксера, ведущего атаку. И в серых глазах, которые принято называть стальными, не было злобы — он просто следил за жертвой, пресекая попытки спастись или перейти в контратаку.

— Не хотите отвечать? Не надо. Я уже знаю, что настоящий саквояж остался у Горона, а у вас — подделка. Не скрою — я думал, что ты явишься в Дрому с настоящим саквояжем. Но Горон решил меня перехитрить... Старый трупоед... Итак, ситуация на сегодняшний день такова: красный саквояж у Горона, ключ от него — у меня. Ведь так, Шан?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, высший.

— Я напомню. Ночь. Контрабандная «телега», которую задерживают сторожевые катера. Ваша встреча с Гороном. Ты отдал ему на хранение красный саквояж, добытый за Стальным Коконом. Саквояж, который открывается только твоим мысленным приказом. Горон делает тебя и Сипа «пернатыми» и героями поимки давно уже пойманного Бина. И отправляет в Дрому, где вы должны одурачить высшего Тираса ящиком протовита и проникнуть туда, куда не проникал никто за всю историю Свиры.

— Ты знаешь все, высший.

— Я знаю много, но не все. Я не знаю, например, что в красном саквояже. Как видишь, я откровенен с тобой.

— Там нет ничего, что повредило бы Свире, высший.

— Это не ответ.

— Пока я не могу ответить иначе.

— Хорошо... Тогда я задам другой вопрос: зачем вы явились в Дрому?

— Нам нужно видеть Великого Кормчего.

— Видеть Кормчего... Какое скромное желание — всего лишь увидеть Правителя... Так вот, дорогой Шан, я, высший Тирас, правая рука и гранитная опора Великого, никогда в жизни не видел Правителя Свиры и никогда не слышал его голоса. И самое горячее мое желание — нет, главная моя цель — видеть Правителя! Видеть! Своими собственными глазами — бога ли, чудовище ли, гору всеведающей протоплазмы или обросший проводами автомат абсолютной власти — видеть! Прикоснуться руками! Осязать! Даже ценою жизни — видеть!

Он выбрасывал слова, как тугие кожаные перчатки, не повышая голоса, не теряя дыхания, скользя неслышно по белой комнате, как по квадрату ринга, — он вел бой, но его противником был уже не Сип и не Шан, а тот, кто возникал из мозаичной стены, путая реальность и фантазию.

— Правитель! Вы хотите видеть Правителя! Вы хотите видеть то, что не может существовать, но существует вопреки здравому смыслу! Зачем вам это? Зачем? Зачем рисковать жизнью ради праздного любопытства?

Бросьте ломать комедию! Я знаю, что вам надо. Я догадываюсь, кто вы. Вы оба такие же контрабандисты, как я — министр милосердия. Играть со мной в дурачка бесполезно. Вас выдает порода...

— Ты идешь по ложному следу, высший.

Это вмешался Сип, непринужденно оседлавший софу с песчаным тигром и наблюдавший за пируэтами Тираса с видом тренера.

— Я? Ты самонадеян. Не отказывай и мне в способности мыслить логически. Почему Горон, поймав Бина, не отправил его сразу в Дрому? Ведь его ждала награда! Нет, он поджидал вас и красный саквояж... Ведь не станете же вы доказывать, что ваша встреча с Гороном на орбите — случайность? Это раз. Вам удалось то, что не удастся моим медикам, — вытрясти из мертвой памяти Бина фамильную тайну. Помолчи, Сип, помолчи — ты недаром околачивался в Дроме по картинным галереям. Тебе надо было узнать, в какой части Вечного Дворца находится дверь в Башню Кормчего. Единственная дверь, которая открывается снаружи, а не изнутри, как остальные. Дверь, которую преступный гений Кокиля Урана замаскировал одним из настенных портретов Великого... Ну что, Сип? Ты уже ничего не хочешь сказать?

— Пока нет, высший.

— Тебе нечего сказать. Потому что я попал в яблочко. «Силайское яблочко» — так, кажется, Шан, вы с Гороном зашифровали это? Конспираторы... У меня всюду глаза и уши... Надежные глаза и уши... И вам меня не обойти! Я ждал вас много лет! У меня не было Бина — я проникал в секрет Кокиля Урана, как вода в камень, — микрон за микроном. Я выколупывал крохи знания из трухлявых фонозаписей в пыточных камерах, из бреда сошедших с ума. Правитель хитер — он уничтожил чертежи и строительные документы Башни, а потом и тех, кто их уничтожал. Он перестрелял всех строителей, а потом повесил палачей. Он сделал все, чтобы Башня его была неприступна вовеки и никто не мог проникнуть в нее...

Сип поднял над головой руку, сжатую в кулак, и заговорил нарастающим с закрытыми глазами, как читают любимые стихи:

— «Ты высок, но есть выше тебя, имя которому народ. Ты силен, но есть сильнее тебя, имя которому народ. Народ отомстит за все. Надежда — солнце для мертвых. От имени всех невинно убитых я проклинаю тебя. Неприступна Башня твоя, но есть дверь. Твои судьи войдут без зова».

— Ты признался, Сип. Ты правильно сделал, что признался. Вы распотрошили Бина... Все считали поэму Ситара Урана «Солнце для мертвых» поэтическим вымыслом. Но я верил, что в ней ключ к заповедной двери. Ситар Уран был из хлипких, он страдал пороком сердца. Да и нервы не те, что у папаши Кокиля. Он держался только благодаря жене. Пришлось

заняться Ланой Уран всерьез. Но кто-то передал Уранам яд. Я не успел узнать главного — как. Как открыть дверь...

— Значит, Ситар и Лана Ураны — твоя работа, высший? А как же Правитель? Разве не он...

Тирас встал посреди комнаты, словно споткнулся на ровном месте. Его рука медленно поползла к голубому галстуку, распустила его, медленно расстегнула ворот сорочки.

— Правитель? Правитель... Что ж, получайте правду. Она вам не повредит. Вам уже больше вообще ничто не повредит.

На ладонь Тираса золотой струйкой пролилась тонкая цепочка с неправильным треугольником желтого металла на колечке. Таким, как у Горона.

— Этому знаку много сотен лет. Он попал на Свиру издалека. Три таких треугольника, сложенных вместе, образуют изображение глаза. Всевидящее Око — символ Ордена проницательных...

— Значит, это не досужие сплетни — про тайный Орден и все такое?

— Нет, Сип. Это не сплетни. Это — власть. Истинная власть, а не кукольный театр для доверчивых. Тайная власть незаметных, неуловимых избранников Высшей Воли...

— Что-то не очень понятно, Тирас. Ведь Правитель...

— Правитель! Будь он трижды проклят! Непредсказуемый промах, нелепая опечатка в священном Великом плане! Мы, мы усадили Оксигена Аша в кресло хозяина! Ордену нужна была кукла, ширма, козел отпущения — и Совет Ордена вытащил этого недотепу из небытия. Оксиген Аш ненавидел, но исправно выполнял указания Ордена — сначала, чтобы выжить, потом, чтобы упрочить власть, а потом... Потом Правитель решил уничтожить нас, чтобы властвовать без помех. Он объявил проницательных вне закона, он обрушил на проницательных всю карательную мощь Свиры. Самовлюбленный младенец! За нами стоял опыт предков, опыт тысячелетий! Мы, неуловимые и безликие, делали так, что от руки Правителя гибли его сторонники, а проницательные занимали их места. Сам того не подозревая, Правитель продолжал работать на Орден. Мы держали Правителя в напряжении и страхе... и делали свое дело. Нет, проницательные не стреляли на площадях и не подымали восстаний. Мы будоражили исподволь людей и расчищали для себя путь к цели. Оставалась мелочь — убрать Правителя и официально провозгласить правление Ордена...

Но Кормчий перехитрил нас. Вернее, не Кормчий, а Кокиль Уран. Его гений сделал Башню неприступной даже для нас... Тогда началась истинная трагедия Ордена. Сначала мы надеялись, что, выполняя досконально Слова Кормчего, мы очень скоро приведем Свиру к пропасти — и восставший народ сам разрушит Башню. Но Свира непонятным образом стала

процветать. Нам ничего не оставалось делать, как дожидаться смерти хозяина. Но Правитель и не думает умирать!

Только сейчас, слушая Тираса и Сипа, Шанин начал улавливать связность в происходящем. Словно удалось приоткрыть крышку сложной игрушки — и стал виден механизм, неожиданные и хитроумные зацепления рычажков и шестерен.

Орден оказался неуязвим для Кормчего. Но и Правитель, уйдя в Башню, стал неуязвим для Ордена. И вот уже полтора года, обладая всеми возможностями реальной власти, пронизательные вынуждены выполнять унижительную роль исполнителей воли фиктивного владыки. Легенда о тайной двери, оставленной Кокилем Ураном для будущих мстителей, стала последней надеждой Ордена. Бин, наследник трех поколений мятежных художников, был единственным, кто знал шифр этого тайного хода. Не об этом ли «дефекте» Башни говорил он Шану, приглашая его в сообщники? Тогда Шанин отказался, он ничего еще не видел и не знал. А сейчас? Как поступить сейчас?

Тирас идет по ложному пути. Он уверен, что ключи от двери в красном саквояже. Тираса подвела профессиональная логика следователя. Он увидел коварный умысел там, где было простое совпадение. Псевдо-Бина «поймал» и сопровождал истинный Бин. Тирас не знал этого и знать не мог, а потому он выстроил свою версию происходящего. Он заподозрил Горона в попытке единолично захватить Башню и обойти его, Тираса. Захватив «гостей из Силая», Тирас намеревался теперь отобрать у Горона «силайские яблоки», ибо был уверен, что без красного саквояжа в Башню не проникнуть.

И надо было держать его в этом спасительном заблуждении как можно дольше, хотя бы для того, чтобы попробовать найти выход...

— Ты прав, высший. Можешь не продолжать. Я понял тебя. Именно ты, а не Горон достоин войти в Башню. Ты заслужил высокую участь облученного абсолютной властью. Я и Сип поможем тебе осуществить твои смелые планы. Свире нужна свежая кровь...

— Свежая кровь! Это отлично сказано! Я сразу понял, что вы из Внешнего мира. Я всегда догадывался, что Кормчий — пришелец, и ждал гостей с неба. Ведь вы оттуда?

Сип предостерегающе поднял руку, но Шан, минуту помедлив, подтвердил:

— Да, мы оттуда.

Словно что-то забулькало в комнате — Тирас смеялся счастливым смехом ребенка, нашедшего спрятанную родителями игрушку.

— Мы готовы помочь тебе, высший, но красный саквояж — у Горона...

— Завтра он будет здесь.

— Горон или саквояж?

— Саквояж. А Горон...

Шанин с удивлением смотрел, как медленно отливает кровь от лица всевластного министра, как в глубине серых уверенных глаз прорастают страх и растерянность. На шее вздулись, запульсировали две витые жилы, и с каждым толчком пульса уходила упругая сила из его тела — уже не атакующий боксер, а струсивший мальчишка мялся перед Шаном и Сипом.

Шанин оглянулся. В распахнутых створках тайного бокса стоял Мос.

— Что же ты замолчал, Тирас? Продолжай. Где брат наш Горон?

— Разве я сторож Горону?

— У тебя хорошая память, Тирас. Ты хорошо помнишь все и вся. Но ты забыл сказать мне, что встречаешься с гостями сегодня.

— Я думал, ты в Силае...

— Да, ты хотел, чтобы я был в Силае сегодня. Вчера ты послал меня к Горону за красным саквояжем, уже зная, что я не застану ни Горона, ни саквояжа.

— Горон слишком любил серебряные...

— Горон мог проболтаться мне о том, что в саквояже. И ты убрал его.

— Я думал о судьбе Ордена...

— Нет, Тирас. Ты думал о себе.

— Именем Ока...

— От имени Ока говорю только я!

Даже Бин, привыкший с детства к двуликости своих сограждан, слушая неожиданную интермедию, оторопел: великолепный Тирас, гроза и проклятье Свиры, великий инквизитор, задумавший свержение Кормчего, дрожал перед простым техником. А Мос, в потертом рабочем комбинезоне, пучил свою резиновую грудь, и круглую шейку его тоже облегла золотая цепь, но на этой цепочке болтался не золотой треугольник, а круглый черный агат.

Тирас зачарованно следил за руками Моса. Старший техник достал из нагрудного кармана еще одну цепочку — с треугольником.

— Знак Горона... Ты сам убрал Горона, Мос! Раньше меня!

— Нет, Тирас, — пухло выгнулись губки старшего техника. — Я просто подождал, пока твои люди сделают свое дело. И прижал их на месте... Ты уже не имеешь этих людей, Тирас. Они мои. И могут подтвердить перед всем Орденом, что Горона приказал убить ты.

Пальцы Моса ловко отстегнули треугольник от цепочки и, произведя неумовимо быструю манипуляцию, вставили треугольник в агат. На груди техника засверкала половина золотого глаза с черным зрачком.

— Око... — выдохнул Тирас. — Вечное Око...

— Нет, это еще не Око. Здесь не хватает твоего треугольника, Тирас.

— Ты не сделаешь этого, Мос! Это вопреки Традиции!

— Ты же имеешь хорошую память, Тирас! В Традиции сказано: один в трех, как трое в одном... Трое в одном!

— Мос, я объясню тебе все! У меня есть план! Этим младенцам из Внешнего мира я морочил голову! Я скажу тебе все-все до конца, клянусь Оком! Пойдем ко мне, я все расскажу!

— Я не злопамятен, министр милосердия... Я человек простой... Пойдем к тебе — только без глупых фокусов, ладно? Ты иди, иди, а я с младенцами имею желание сказать пару слов...

Тирас ушел за стену, пятась, словно боялся подставить спину недоделанному золотому Оку. И Мос повернулся к Шану только тогда, когда стена закрылась.

— Вчера я не смог прийти, дорогие гости, простите. Но мы все-таки встретились. И красный чемоданчик все-таки у меня. Не тот, поддельный, содержимое которого вы спрятали в буфете на ипподроме, а настоящий, с ключами от Башни. Спасибо за корешок, добрый женьшень, настоящий. Так-то, Шан...

— Слушай, Мос, я впопыхах сунул туда и свою электробритву...

— Знаю, Сип, знаю. Побриться хочешь? Сейчас тебе принесут твою машину, побрейся. У нас разговор по душам будет, долгий. Говорил я вам сразу — не связывайтесь с Тирасом, зачем он вам? Я человек простой, отходчивый. А Тирас зачерствел, озлился на работе — работа такая. Мы с вами быстро столкнемся. Верно, Шан?

— Я еще не завтракал, Мос.

— Ах, Тирас, Тирас... Не умеет принимать гостей. Ну да вы не беспокойтесь. Отдохните, побрейтесь, покушайте... А через часик и я вас потревожу, прошу извинения. Ну, оставайтесь. Поскучайте. Хода отсюда никуда нет...

Пока Сип брился, Шан обследовал их новый приют.

Ничего особенного в белой комнате не было. Она с успехом сошла бы за гостиничный номер, больничная изолятор или тюремную камеру, если бы не отсутствие дверей. У комнаты не было ни входа, ни выхода. В комнату попадали через раздвигающиеся стены. А как покидали? И можно ли было вообще покинуть эту комнату по доброй воле?

Завтрак, прекрасно приготовленный и роскошно сервированный, прошел в молчании. Шан и Сип понимали, что каждое их слово ловят скрытые микрофоны подслушивающих устройств. Да и говорить не хотелось. Требовался крайний шаг, и каждый должен был внутренне, в одиночку, решиться на него.

«Ты готов войти?» — написал Сип на гербовом листе.

«Да. Но как?»

«Тирас ошибся. Дверь не у него, а здесь. В завещании Урана говорится о портрете с дефектом — трещина слева, под сердцем».

«Это спасение».

«Идти надо немедленно. Сейчас».

«Я готов».

Сип взял электробритву, вынул лезвие и подошел к портрету. Он возился долго, вода включенным механизмом по цветному камню вдоль и поперек. Под пластинами мозаики что-то журчало, тихо щелкало и поскрипывало.

«Вибромагнитный замок, — догадался Шанин. — Как просто! Полтораста лет самую невероятную тайну человеческих поселений охранял элементарный вибромагнитный замок...»

Окончив манипуляции, Сип аккуратно вставил на место лезвие, уложил бритву в футляр и сунул в карман. Потом, подмигнув Шанину, уперся плечом в плечо портрета.

Дверь не поддалась.

— Сто пятьдесят лет, — виновато проворчал Сип и налег сильнее. Но стена оставалась стеной.

— Я все-таки Шан, — ободряюще улыбнулся Шанин и отстранил Сипа. Он расставил ноги пошире, слегка присел и попробовал разогнуться, вминая в стену плечо и правый бок. Когда-то в родном Причулымье он валил плечом сухостой без топора и пилы. Здесь не было прочной опоры. Ноги скользили по пластпаркету, плечо елозило по зеркальной полировке. Каменный Кормчий не хотел пускать в Башню.

Шанин уперся в стену всей спиной и руками, согнувшись градусов под сорок к полу, и нажал так, что порозовело в глазах. Стена ожила. Сначала по ней словно пробежала легкая судорога. Потом плоскости стены и портрета изменили положение: портрет с фоном медленно уходил вглубь. Раздался тихий свист, потом шипение. Стало понятно, почему дверь поддается так туго — между Башней и Вечным Дворцом не было воздухообмена, а давление в Башне было выше, чем во Дворце.

Дверь открылась внезапно, вздохнув шумно и смачно, словно сожалея о секрете, который перестал быть секретом. Шан не успел разогнуться и, если бы не Сип, вылетел бы в узкий прямоугольный проем. Оба стояли, не решаясь войти. Башня дышала на них смрадом векового болота. В проем можно было пройти только по одному. Первым вошел Шанин.

6. СУД

— Однако... — только этим всезначным сибирским словом и смог Шанин определить свое первое впечатление от нутра Башни. Ибо предполагал он увидеть если не чудеса, то все-таки нечто из ряда вон выходящее. И не увидел ровным счетом ничего поначалу. Светлый проем двери за их спинами закрылся, и они очутились в царстве темноты, недвижной застойной тишины и резкой вони. Казалось, здесь гнило само время, украденное в звездных морях мироздания и убитое в каменном склепе.

Они попали из белой комнаты прямо на зыбкие ступеньки узкой, едва пройти одному, металлической лестницы, прилепившейся к влажной стене. Поручни с легким наклоном уходили куда-то вверх и куда-то вниз. Шанин, не зная, куда направиться, ухватился за них покрепче.

— Хотя бы какой-нибудь завалящий фонарик... Иначе мы угодим черт знает куда... Мне что-то не нравится этот аромат...

Шанин слышал рядом частое дыхание Бина. Похоже, он тоже не знал, куда идти, и всматривался в темноту, пытаясь найти решение.

— Судя по всему, мы в главной отводной шахте... Внизу должны быть регенераторы. Вверху — вентиляционные окна. И то и другое нам пока не требуется...

— А лестница?

— Лестница, видимо, аварийная... По идее, она должна соединять уровни Башни... А на каждом уровне должен быть вход в подсобные помещения...

— Сколько приблизительно уровней в Башне?

— Не приблизительно, а точно — двадцать четыре. Мы сейчас где-то между восьмым и девятым... Но в такой темноте... Здесь наверняка было освещение, то ли оно выключено, то ли все лампы давно перегорели... Хотя бы вокруг по стене посветить чем-либо...

— У меня есть зажигалка.

— И ты молчишь?

— Я не молчу. Я пытаюсь ее найти.

Крошечная зажигалка-сувенир была чуть побольше ногтя большого пальца, и сразу отыскать ее в объемистых карманах гвардейского мундира было непросто. Да и загоралась она не пламенем, а веером сыпучих голубых искр.

Но едва Шанин нажал податливую головку и чахлый кустик огня послушно распустился в его руке, на прищельцев обрушился могучий световой удар. Первое, что пронеслось в голове и заставило прижаться к стене, — взрыв метана или чего-то подобного, скопившегося над рукотворным болотом. Но шли секунды, вспышка не гасла и не вздымалась ударная волна, круша и корежа конструкции. Люди разогнулись, осторожно осматриваясь. Все вокруг горело. Огромная пылающая труба, к стенке которой лепились они на ажурной паутинке спиральной лестницы, выходила из света и уходила в свет. И опять нельзя было разобрать что-либо ни вверху, ни внизу — бестеневой свет заставлял щуриться, но так же надежно скрывал общую картину, как и темнота.

— Что это? — Шанин повернулся к Бину, но тот разглядывал не шахту, а свою ладонь. Ладонь светилась, а на мерцающей стене словно кто-то нарисовал тушью черную пятерню.

— Люминофор?

Бин понюхал руку.

— Сомневаюсь. Больше похоже на плесень. Плесень вековой выдержки. Твоя зажигалка сработала как световой запал. А вот сейчас свечение начинает убывать... Надо топтать. Кажется, Кормчий не очень ревностно следит за гигиеной своей обители... Впрочем, нам это на руку. Давай спускаться вниз. Во-первых, спускаться легче, чем подниматься, а во-вторых, берлога, судя по плану, расположена где-то на первых этажах.

Скользкая плесень на ступеньках и поручнях делала даже спуск медленным и небезопасным. По пути выяснилась еще одна неутешительная деталь: на каждый уровень действительно вели аварийные ходы, но входные люки находились под током, и отключить его со стороны шахты было невозможно.

— Не могу понять одного, — бурчал Шанин. — К чему такие излишества? Судя по шахте, в Башне спокойно может разместиться небольшая армия... А Кормчий предпочитает одиночество.

— Раньше здесь и была армия. Армия телохранителей. Охрана жила в Башне. Это была крепость с гарнизоном. Потом стала редеть и личная охрана: ее постепенно заменяли механизмы и автоматика. Правитель Свиры успокоился лишь тогда, когда смог остаться в одиночестве...

Дальше пути не было. Лестница обрывалась в полусотне метров над массивной донной решеткой шахты. Плесень здесь лежала не сплошной пушистой массой, как наверху, а разрослась причудливыми сугробами, деревьями, кустарниками, оживающими при малейшем дуновении.

— Добавь-ка свету, Шан. А то фейерверк пошел на убыль...

Овальный люк первого яруса был немного больше остальных. Бин поднес к разъемным рукояткам полюса своей универсальной виброритвы. Послышалось мерное гудение.

— И этот под током. Десяток киловольт, не меньше. Достаточно прикосновения, чтобы превратиться в подгоревший лангет...

— Что же делать?

Бин ответил не сразу. Он долго возился в аварийном шкафчике рядом с люком, выуживая из плесени какие-то замысловатые рогадины, крючья, гаечные ключи, пилы и резак.

— Такая и думал. Все для механика и ничего для электромонтера. Когда механик выходил в трубу, ток попросту выключали... Проклятье... Даже резиновых перчаток нет...

Он выудил наконец какую-то здоровенную крестовину, похожую на швабру с металлическим ворсом.

— Придется устроить короткое замыкание. Может быть, хоть на время выбьет предохранитель и обесточит сеть... Больше ничего не могу придумать...

— Это опасные шутки, Бин. Во-первых, остается перспектива стать подгорелым лангетом, а во-вторых, появляется опасность врубить общую тревогу.

— Ты можешь предложить что-либо другое? Я заранее готов поступиться приоритетом и принять твой план. Молчишь? Следовательно, других вариантов...

— погоди... Тихо!

За стеной шахты что-то происходило. Сначала по стене прошла едва уловимая дрожь. Затем вибрация усилилась, и стали слышны какие-то приглушенные неравномерные вздохи. Звуки становились ясней, дрожь перешла в шум быстро приближающегося механизма, а вздохи — в уханье открывающихся и закрывающихся дверей.

Где-то совсем рядом захрипел битый-перебитый звонок.

Люк откинулся вниз, как щучья челюсть, обнажив убегающий в горло накатанный рельсовый путь. По нему навстречу Шану и Бину выкатился

длинный стол, заполненный пряно пахнущими замысловатыми блюдами, бутылками, сифонами, графинами и тщательно, со вкусом сервированный.

— Какая встреча!

— Гм... Несколько неожиданное гостеприимство...

— Хлеб-соль! Правитель, видимо, неплохо знаком с земными обычаями... Чем мы ответим на приглашение, Бин?

А Бин уже двинулся к столу. Но не успел он сделать и двух шагов, как стол сделал движение, которым норовистый скакун сбрасывает седока, — упал на передние ноги и взбрыкнул задними. Разноцветные подносы с яствами и напитками полетели в шахту. Стол принял прежнее положение, снова всхрапнул звонок и... Бин успел вогнать в шарнирное крепление конец своей рогатины. Завыли перегруженные сервомоторы. Стол крупно дрожал, но сдвинуться с места не смог. Рассерженно хрипел звонок.

— Прошу садиться. Такси в преисподнюю подано!

Бин ловко вскочил на крышку люка, а с нее — на стол.

— Скорее!

Шан принял протянутую руку и тоже очутился на столе.

— Пожалуй, лежать лучше...

— А-а. Особенно если держаться за поручень, который словно специально сделан для нас с тобой... Готов?

— По-моему, готов.

— Поехали!

Бин рывком вытащил рогатину из шарнира. Катки с визгом пробуксовали по рельсам, стол дернулся раз, другой, словно примеривался к неожиданной тяжести на спине, неуверенно двинулся вперед.

— Давай, родной, давай... Не стесняйся, мы держимся крепко... Смотри, Бин, слушается!

Стол с каждым метром прибавлял скорость. Лязгнул сзади закрывшийся люк, и одновременно погас свет.

— Опять темнота... Может быть, хозяин боится света?

— Не думаю. Просто свет здесь не нужен. Это грузовой путь. Точнее, путь, которым остатки трапезы эвакуируются из апартаментов хозяина в регенератор.

— Я бы не сказал, что это были остатки... К столу даже не прикасались.

— Верно. У хозяина плохой аппетит. И он отправил всю эту роскошь в утиль...

— Или роскошь отправилась в утиль самостоятельно, выждав положенное время.

— Второй вариант мне лично нравится больше...

— Потому что он освобождает от необходимости объяснять свое появление Великому Кормчему?

— Именно. Он дает шанс осмотреться.

— Ты прав. Будем надеяться.

Путешествие было довольно долгим, но однообразным. Время от времени над ними вспыхивали светильники, но в их мертвом свете вставала всегда одна и та же картина: штрек, опутанный толстыми кабелями в цветной изоляции, и броневая плита, закрывающая путь вперед. Из плиты выглядывал синий глазок объектива и, забавно ворочаясь в упорах, изучал стол от катков до крышки. Дойдя до верхней кромки, он снова прятался в плите. То, что было на крышке стола, его не интересовало.

Плита поднималась и опускалась, пропуская опознанный механизм, свет гас, и «такси в преисподнюю» продолжало путь. Этот путь привел их в просторный зал, залитый спокойным матовым светом и заполненный ароматами свежей, хорошо приготовленной пищи. Кухня Правителя сверкала чистотой зеркального металла и полированного пластика. Ее оборудованию позавидовала бы хорошая химическая лаборатория. В герметичных кубах, котлах, змеевиках вершилось таинство кулинарного искусства, трепетали зеленые змейки на экранах осциллографов, праздничными гирляндами загорались и гасли индикаторы датчиков, гудели на разные голоса большие и малые компьютеры. На стене поблескивали часы с циферблатом. Цифры 8, 11, 3, 5 были красные, остальные черные. Часы показывали без десяти одиннадцать.

— Судя по всему, через десять минут второй завтрак. Не позаимствовать ли нам что-либо из рациона Правителя? Или мы обидим хозяина? Как, Бин?

— Я думаю, голодный желудок только подогревает пыл исследователя. Хотя приобщиться к столу Правителя я хотел бы. Из чисто познавательных соображений.

На другом конце зала, к немалому своему удивлению, они обнаружили точно такой же рельсовый путь и стол, ожидающий заправки.

— Выходит, Правитель не один?

Бин пожал плечами.

Иного выхода, кроме столовых люков, из кухни не было. И здесь люки были под током, как и в шахте. Бин развел руками.

— Ничего не остается, как пожаловать к главному людоеду Свиры прямо на стол под видом жаркого. Если учесть, что у нас нет оружия...

— У нас есть фактор внезапности.

— Ты уверен, Шан? Ты можешь поручиться, что Правитель не следит за нами с помощью всей этой электронной штуковины с первых шагов появления в его царстве?

Настала очередь Шанина пожать плечами. Тем временем стрелки подошли к одиннадцати. Серебристая лента конвейера пришла в движение. На раструбах с цифрами замигали контрольные лампочки. Из одного раструба выполз на конвейер поднос с рыбными и мясными закусками, из другого — сифон во льду, из третьего — кофейный прибор в прозрачном термостате. Последней на серебристую ленту вошла огромная фруктовая ваза.

— Силайские яблоки... Если верить преданиям — любимое лакомство Великого Кормчего...

— Попробуем?

— Не хочется. А впрочем...

Стол тронулся тихо, и люк отворился бесшумно, и рельсы вели не по темному штреху, а по широкому коридору со сводчатым потолком. Пол, свободный от рельсов, был застлан пластковровой дорожкой с изрядно потертым ворсом — по дорожке часто ходили.

Шанин надкусил небесно-синее продолговатое яблоко с некоторой опаской — фрукты на Свире по вкусу мало отличались от земных, но этот сорт он пробовал впервые.

Голубая мякоть обожгла рот пряным холодом, как ледышка. Шанин приготовился жевать ее долго и тщательно, ибо ломтик казался упругим и твердым. Но едва зубы его успели коснуться яблочной плоти, как она брызнула во все стороны жгуче-сладким пенистым соком, а во рту осталась скользкая желеобразная масса, которую можно было глотать не жуя.

Шанин съел одно яблоко, второе, третье — что же, вкус у Правителя недурен, однако...

Казалось, рельсы уходят в тупиковую стену и стол неизбежно наткнется на нее, но в последний момент стена поднялась и опустилась уже за спиной незваных гостей. Стол замер. Шанин, слегка обалдевший от всех этих путешествий по шахтам, мусоропроводам, кухням-автоматам, внутренне подобрался и напрягся. Сомнений быть не могло — теперь они находились в самом жилище Правителя, в его интимном приюте, в его личной столовой.

Очень богатая, точнее, невероятно богатая комната, обшитая сандаловым деревом. Картины, золотая люстра на потолке. Инкрустированный камнями стол и тяжелый стул с высокой спинкой. И даже имитация окна с кружевными пышными занавесками.словно ты непонятным образом очутился далеко от Дромы и ее безалаберной жизни, в старом королевском замке, брошенном правителями.

На Бина напала какая-то оторопь. Он застыл, тяжело опираясь на свою рогатину, белая маска вместо лица — и неотрывно смотрел на дверь в коридор.

— Шан... Можешь меня презирать, можешь надо мной издеваться, но я не могу... Не могу... Сейчас он войдет... Он войдет в эту дверь... Я не могу... Это выше меня.

Шан положил ему руку на плечо, успокаивая.

— Тебе смешно, Шан? Это должно быть очень смешно...

— Мне не смешно, Бин. Я понимаю тебя.

— Это невозможно понять. Это можно только чувствовать. Это не страх, нет — другое... Мне кажется — он войдет, и все кончится — я, ты, Свира, Вселенная, — потому что мы узнаем что-то, что убьет саму жизнь... Все лопнет, взорвется, исчезнет... Потому что ни в чем не останется ни капли смысла...

— Разве Кормчий дает смысл жизни, Бин?

— Я знаю, что я говорю чушь... Но я не могу...

— Давай перекусим, Бин, в ожидании хозяина... Эти кухонные запахи разбудили во мне зверя...

Шанин переставил подносы на деревянный стол. Бин взял несколько яблок, землянин решил подкрепиться поосновательней: налил себе чашку густого кофе и с аппетитом уничтожил какую-то птичку в приятном сладковато-кислом янтарном соусе. Поскольку, кроме стула, в комнате не было другой мебели, пришлось есть стоя. Занимать хозяйское место было невежливо. Время шло. В столовую никто не входил.

— Первый завтрак остался нетронутым. Судя по всему, второй постигнет та же участь... Или хозяин слишком поздно встает, или... Или он вообще не ест...

— Ты забываешь, Шан, о втором столе. Если одновременно сервируется два стола, значит, есть две столовые и две... не знаю, как назвать... квартиры, что ли. Может быть, хозяин сейчас в другой столовой?

— Пойдем, Бин? Ты готов?

— Да. Прости за слабость. Только... иди вперед, Шан. Так будет лучше.

За дощатой дверью оказалась небольшая прихожая, набитая изысканными вещами, если не считать вешалки из саблевидных рогов двугорбого козла. На вешалке висел долгополый голубой плащ с меховой оторочкой и золотым топором на рукаве.

А под вешалкой — совсем некстати — валялись стремянка и заступ.

Кроме двери из столовой в прихожей было еще две. За одной из них оказалась кабина лифта на все двадцать четыре уровня. А за другой...

— Он здесь... Это его плащ.

Шанин шагнул было к двери, но Бин задержал его.

— Подожди. Теперь я. Я должен. Я должен победить в себе раба. Иначе я никогда не прощу себе. Именем деда, именем отца, именем матери... Я пришел!

Бин рывком распахнул дверь и шагнул в комнату.

Шанин не понял, что заставило Бина остановиться на полушаге. Эта комната тоже напоминала пустую дворцовую залу. Но когда, обежав глазами резную деревянную кровать под кружевным покрывалом, роскошный письменный стол с золотой настольной лампой и большую, во всю стену, картину, он перевел взгляд вниз, — по спине пробежал холодок.

У ног в полу чернело квадратное отверстие. А на дне ямы, на глубине в полтора человеческого роста, лежал скелет в парадном хитоне Великого Кормчего.

Бин опустился на колено, осматривая пол. Тронул что-то коричневое, окаменевшее.

Яблоко... Силайское яблоко...

* * *

Оксиген Аш думал о Кокиле Уране.

Он расхохотался в лицо смертнику, услышав угрозу. Он не поверил художнику. Как все мелкие и подлые люди, Великий Кормчий был убежден в мелочности и подлости всех живущих. Он верил во всемогущество страха, лишаящего сопротивления, и делал все, чтобы страх перед именем Кормчего не ослабевал. Он не боялся суда совести, ибо считал совесть синонимом слабости.

Он не боялся даже таинственных посланий, хотя и знал, что за подсказки рано или поздно придется платить, — он был уверен, что в последнюю минуту сумеет перехитрить проницательных. В странном слоге безымянных записок он чувствовал нечто родственное — не по крови, а по системе ценностей, по взгляду на жизнь, по стилю поступков. В минуты хорошего настроения он даже симпатизировал своему безликому врагу-союзннику. Он ценил тех, кто понимает вкус предательства.

Получив от Кокиля Урана Вечный Дворец со сказочной Башней и похоронив его секреты вместе с гениальным архитектором, Оксиген Аш упивался своим всемогуществом и неязвимостью. Из своего рабочего кабинета он мог видеть и слышать все, что происходит в самых тайных закоулках Дворца. Скрытые телекамеры переносили хозяина на площади и улицы Дромы. Лифты в двойных стенах и электрокары в подземных коридорах могли в несколько минут сделать мнимое присутствие истинным. Ему нравилось неожиданно возникать за спинами заседающих министров или на скамеечке городского сквера и бесследно исчезать на глазах подданных, окаменевших от ужаса и благоговения.

Правда, ему все больше и больше докучали дела. Но тут помогла детская любовь к оригинальным самоделкам. Из трех «вечных маятников», табулятора и пишущей электромашинки он соорудил себе «механиче-

ского секретаря», который лихо шлепал подписи на всем, что приносил в кабинет конвейер пневмопочты. Это освободило Кормчего от черной работы, оставив время для всепланетных мыслей и проектов, а также для отдыха и развлечений.

Оксиген Аш набил Башню личной охраной из отборных фанатиков и замкнулся в ней. Внешний мир приобрел безопасную форму телевизионной картинки, а Правитель общался с ним только на языке донесений и приказов. Он разработал для своих министров и министерств единый образец решения, который единообразно визировал: «да», «нет», «отложить».

Это было мрачное и скучное могущество, но все же могущество.

Однажды в Правителя выстрелил спятивший телохранитель, которому начали являться привидения. Оксиген Аш был ранен в плечо, а телохранитель укокошил двенадцать своих коллег, пока его самого не изрешетили очередь из пулемета. Человеческая психика оказалась ненадежным элементом в системе защиты. А неистребимое племя проникательных, видимо, решило подвести черту и взыскать плату по вексялям.

В Башне снова закипела работа. Казармы опустели. На место солдат пришли специалисты по электронике и автоматике.

Шаг за шагом, метр за метром, уровень за уровнем они превращали обитель Правителя в удивительный, замкнутый механизм, в компактную квази-Вселенную на одного человека, где Великий Кормчий мог не зависеть от людской ненависти или любви.

Специалисты делали свое дело и куда-то исчезали. Только Оксиген Аш знал куда. Но он молчал. Главная шахта регенерации тоже не выдавала секрета.

Пришел день, и Правитель остался один. Казалось, теперь он мог быть вполне уверен, что роковой выстрел не прозвучит никогда.

Но теперь он все чаще и чаще думал о Кокиле Уране.

Башня была неприступна. Ничто живое не могло проникнуть внутрь. Но если бы случилось невероятное и злоумышленник сумел просочиться сквозь запретные стены, он неизбежно заблудился бы в безвыходных лабиринтах переходов или сгорел в мгновенном плазменном разряде коварных электроловушек.

И все-таки каждый раз, уходя из рабочего кабинета на самом верху Башни, на двадцать четвертом уровне, где телеокна рисовали круговую панораму Дромы с высоты орлиного полета, Оксиген Аш останавливался в нерешительности.

За двумя одинаковыми дверями было два одинаковых лифта.

Внизу, на первом уровне, у Правителя было два логова, повторяющих друг друга, как зеркальные отражения, — каждым углом, каждой линией,

каждой картиной на стене, каждой пылинкой. В близнецах-жилищах стояли близнецы-столы, близнецы-стулья, близнецы-кровати. В близнецах-прихожих висели близнецы-плащи.

Оксиген Аш постоянно менял жилье. Он старался менять его как можно беспорядочнее, чтобы шансы угадать место его ночлега были возможно ближе к нулю.

Он сам не понимал, чего боялся. Для страха не было никаких причин. Из газет, которые каждое утро подавались ему автоматами с первым завтраком, из официальных докладов в министерствах, из секретных рапортов и сводок, подсмотренных и подслушанных у своих приближенных, он узнавал, что каждодневные труды не пропадают даром, а обманные зерна дают буйные всходы.

Однако растоптанная тень Кокиля Урана жила в Башне, росла, заполняла потайные ходы и темные закоулки и, стоило только выключить свет, нависала над Правителем. Оксиген Аш заблокировал все коридоры и тоннели высоким напряжением и перестал бродить по Башне. Он ограничил свое пространство рабочим кабинетом и двумя жилыми комнатами. Но каждый раз, выходя из кабинета, он замирал в нерешительности перед двумя лифтами. Он был почти уверен, что в одной из комнат кто-то есть. Но в какой? Какую кнопку нажать, чтобы избежать засады?

Его кабинет превращался в мастерскую. Уходили в утиль непрочитанные газеты, неделями и месяцами не загорались экраны следящих камер, молчали аппараты подслушивания. И впустую на весь свет восхваляли наперебой поэты всезнающий и всемогущий гений Великого Кормчего, ведущего Свиру по тропе невиданного счастья и благополучия.

Оксиген Аш воевал с Кокилем Ураном.

Это была схватка не на жизнь, а на смерть. Сдав бесплотному врагу жизненное пространство Башни, Правитель встал грудью за свой последний оплот. Он мастерил сигнализацию, которая реагировала на звук, на свет, на давление, на микроколебание температуры, на запах, на радиацию, на вибрацию и даже на дыхание. Но его враг не имел ни цвета, ни запаха, он не дышал и не касался пола, его нельзя было засечь по излучению или по звуку. Он был, он все время был где-то очень близко — Оксиген Аш чувствовал его всем существом, как ревматик грозу. Входя в комнату, Оксиген Аш твердо знал, что Кокиль Уран только что вышел из нее. А сигнализация молчала.

Другой бы сдался. Правитель продолжал борьбу. Он срывал только что проложенные линии и реле, топтал сверхчувствительные измерители и улавливатели, превращал в груды хлама собранные по жилке многополюсные анализаторы. И начинал все сначала — новая схема, новый

принцип, кропотливый многодневный труд — засечь врага, поймать его след, загнать в угол, схватиться клыки на клыки...

Оксиген долго не мог уснуть, ворочаясь на роскошном ложе. Его знобило. Свет настольной лампы, чересчур яркой для ночника, проникал сквозь плотно сомкнутые веки, и оттого Ашу мерещились ледяные равнины силайских болот, прокаленные морозом до звона. Надо было бы накрыться плащом сверху одеяла, но вставать за плащом не хотелось. Вообще ничего не хотелось.

Наверное, он все-таки дремал, когда услышал над собой негромкие внятные слова: «Он здесь. Он сегодня здесь». Приоткрыв глаза, он увидел, как задралась и завернулась тяжелая серебристая штора на двери.

В комнате царили пронзительный холод, запах разрытой земли и горелого мяса. И странные эти запахи не удивили Аша, он только подумал: «Землей пахнет от могилы, а горелым мясом — от чего?»

И вспомнил — от чего.

Он встал и вышел в прихожую за плащом. Плаща на вешалке не было. И он снова не удивился.

Все вокруг было прежним и в то же время неузнаваемо другим: чуть ярче желтели стены, веселей поблескивали анодированные затворы лифта.

Оксиген Аш вошел в лифт и нажал панель с цифрой 6. Через несколько минут он остановился перед дверью, которая давно уже не существовала. Он сам заложил проем плитами иберского гранита и сровнял напыленным пластиком с плоскостью коридорной стены.

Но сейчас дверь была. И снова не удивился этому Оксиген Аш.

Не удивился он, войдя в комнату и увидев там широкоплечего человека, уронившего на руки тяжелую седую голову. Рядом на столе лежал плащ Правителя.

— Так вот ты где, Кокиль Уран... Ты долго прятался, но я тебя нашел!..

— Ошибаешься. Я не прятался. Я ждал.

— Чего ты ждал?

— Суда.

— Ха-ха! Ты еще ждешь суда? Неужели ты не поумнел? Я застрелил тебя в упор вот за этим столом, а труп сжег вон в том углу, на трансформаторной шине, — от тебя не осталось горсточки пепла! Если ты действительно сделал тайную дверь, через которую можно проникнуть в Башню, то о ней никто не узнал! И еще я замуровал твой бывший кабинет — ведь ты здесь сделал дверь, не так ли? Ты хотел бежать — иначе зачем она тебе...

— Ошибаешься. Я не хотел бежать.

— А зачем ты брал мой плащ — и тогда и сейчас?

— Тогда я брал твой плащ, чтобы беспрепятственно проходить мимо охраны. Я делал дверь по ночам. И она совсем в другом месте.

— Ты лжешь!

— Мертвые не лгут.

— Но мертвые и не мстят. Что можешь сделать ты, мертвец, мне, живому? Ты — прошлое, тебя нет, ты исчез, а я существую.

— Мертвые не мстят, мертвые будят живых. Живые приходят судить прошлое и воздают по заслугам виновным и невиновным. Они судят прошлое, чтобы будущее не родилось мертвым...

— Ты проницательный, хотя всю жизнь скрывал это! Это они подослали тебя, ты служишь им!

— Нет, Оксиген Аш, я не проницательный. Я просто зрячий. Ты и проницательные — карты из одной колоды. У вас один крап и одна игра — продавать и предавать. Вы пытаетесь убедить себя и других в том, что властны над путями человеческими и счастьем человеческим. Но пути прокладывают ноги идущих, а счастье создают руки творящих. И только добро по-настоящему властвует над жизнью, ибо только добро способно сделать Человека. А вы питаетесь смертью и потому никуда не уйдете от смерти...

— Опять высокопарный бред! Ни одно живое существо не может проникнуть в Башню!

— Судьи уже пришли.

— Это ты провел их?

— Да. Я ждал их.

— Зачем ты взял мой плащ?

— Это не твой плащ. Это плащ Великого Кормчего.

— Но Великий Кормчий я!

— Нет. Ты уже мертвец.

Холодея от ненависти и ужаса, Оксиген Аш бросился на зодчего, пытаясь вырвать у него свое законное одеяние, но пальцы прошли сквозь мех и золотое шитье и, судорожно сжавшись, ухватили пустоту...

Оксиген Аш проснулся на спине с руками, протянутыми к безжалостно ровному шлейфу света из-под колпака настольной лампы, и в ту ночь уже не мог уснуть.

Утром он встал и, хотя лихорадка не прошла, сделал обычную физзарядку, принял душ и побрился. Потом, подумав, надел парадный хитон.

За первым завтраком он позволил себе основательно приложиться к бутылке шипучего билу и несколько захмелел, что бывало с ним нечасто. Не поднимаясь из-за стола, он пересмотрел все газеты, что бывало с ним еще реже.

В кабинет Оксиген поднялся только затем, чтобы взять инструменты.

Все время до второго завтрака он провел в спальне: что-то вымерял, высчитывал, размечал. Несколько раз ложился на пол, очертив квадрат по

своему росту. Потом вскрыл по очерченной линии настил пола слой за слоем, пока не добрался до утрамбованной земли. И только тогда сделал передышку.

Обед он съел в один присест и снова воздал должное шипучему билу и красному пиву. Показалось мало. Аш вызвал из автокухни дополнительный поднос с двумя бутылками контрабандного муската и корзиной силайских яблок. Одну бутылку выпил сразу.

Набив яблоками карманы парадного хитона, Правитель взялся за лопату. То ли отвык он копать, то ли плотно затрамбовалась земля, то ли хмель мешал работе, но яма росла медленно. Все чаще Верховный делал перерывы, садился на край углубления и грыз яблоки.

— Мы еще посмотрим, дорогой Кокиль... Мы еще посмотрим, кто покойник... Судьи!.. Скоты паршивые... Умники...

К ужину яма была по пояс Оксигену Ашу. За ужином он снова изрядно выпил и запасся целой батареей бутылок на ночь. Вино вернуло иллюзию бодрости, спать не хотелось, и Оксиген, постоянно прикладываясь, проработал без отдыха еще часов десять. Скоро из ямы стало трудно вылезать, и он опустил туда позолоченную стремянку. Когда над безмятежно спящей Дромой занялся рассвет и Башня Кормчего в первых лучах солнца встала над городом сверкающим золотым обелиском, яма в спальне Правителя достигла трехметровой глубины. Оксиген Аш попробовал вылезти из ямы без помощи лестницы, не смог и удовлетворенно вытер залитые потом глаза.

— Готово, Кокиль! Добро пожаловать вместе с судьями! Коммунальная могила системы Оксигена Аша к вашим услугам! В любое время дня и ночи!

С большим трудом он вылез наружу и вытащил из ямы лестницу. Его пошатывало и подташнивало. Яблоки на время снимали тошноту, и он грыз их одно за другим, разбрасывая ошметки по полу. Работы еще было много, а силы на исходе.

Перезвон челюсти сообщил, что первый завтрак прибыл. Оксиген Аш подумал, не принять ли душ, но просто умылся холодной водой и выпил подряд два полных стакана билу. Голова приятно закружилась, мышцы расслабились, а кривая настроения резко метнулась вверх.

— А все-таки ты хитрый парень, Оксиген... Парень что надо... С таким приятно жить и работать... И выпить приятно...

Налив себе еще стакан, он нетвердой походкой направился в спальню взглянуть на дело рук своих. Вино расплескивалось ему под ноги, красными пятнами расплывалось по голубому френчу, но он не обращал на это внимания.

— Я буду жить, а вы подохнете!..

Оксигена качнуло, вино плеснуло на ботинок, чавкнул под каблуком предательский яблочный огрызок, ногу подсекло и...

Он упал в яму лицом вниз и, хотя не потерял сознания, с минуту ничего не мог сообразить от острой боли. А когда сообразил — понял, что всякие попытки спастись бесполезны. Самостоятельно из ямы выбраться было невозможно. Звать было некого. Ждать было нечего. И тревога, много лет глодавшая Великого Кормчего, прошла. Отступил и рассеялся беспричинный страх. Оксигену Ашу стало легко и покойно.

Он лег на спину, вытянулся и сложил руки на груди. Над ним близко и недоступно светлел квадрат, похожий на экран неизвестной телесистемы. Он ни о чем не жалел, никому не завидовал, ни в чем не раскаивался. Ему некого было проклинать и не с кем прощаться. Великий Кормчий закрыл глаза. Суд свершился.

* * *

— Ну, с ним, кажется, все ясно. Он кончил, как и начинал. Не лучше и не хуже. Пришел его срок...

Шанин подвинул ногой пластиковую плиту, прислоненную к стене. Ее не суждено было установить на место — западня сработала раньше. Плита, простоявшая полтора века в ожидании, скользнула вниз и закрыла яму. Вошла она в квадрат точно, сровняв с землей и скрыв могилу хозяина Башни.

— Обидно, — сказал Бин. — Обидно за легенду. В легенде этот отъявленный негодяй выглядит значительнее и... красивее, что ли. А вот мои родители всю свою жизнь отдали борьбе с властью Правителя. Они предпочли смерть предательству. Таких, как они, много... Но они представляли своего врага иначе... Одно дело — жертвовать собою в бою с могучим чудовищем, другое — погибнуть по воле бесталанного ничтожества...

— Они боролись не с Правителем. Хотя, быть может, и не всегда сознавали это. Правитель был для них всего лишь символом, центром мишени. А сама мишень значительнее и больше Правителя. Она тысячелика и многоименна. Мос, Горон, Тирас, рыбак с улицы Благодати, наездники на двугорбых козлах, «топоры», «пернатые».

— Может быть. Но я лично боролся с Правителем. Я хотел отомстить, и только. И не смог — опоздал...

— Да, с мстостью ты опоздал. Но разве тебе все равно, что будет со Свирой завтра? Ведь мы не знаем главного: как мог Аш приказывать, будучи мертвым. И даже предсказывать — если принять на веру убеждение, что Слово Кормчего рождается в этой Башне... Что с тобой, Бин? Зачем тебе понадобился его плащ?

— Примерить... Ну как?

— Хорош! Словно на тебяшили!

— Да, мы с Оксигеном Ашем были, оказывается, одного роста... Шан, ты очень рассердишься, если я пока похожу в этом плаще? Ну не напрасно же я, в самом деле, шел сюда по лезвию ножа — через Зейду и Землю! Должен что-то сделать такое — поставить точку на этой куче костей?

— Ты мальчишка, Бин. Честное слово, мальчишка. Носи, если хочешь. Хоть всю жизнь носи — плащ бесхозный..

— Всю жизнь?

— Да. Только, откровенно говоря, лично мне ты больше нравишься без плаща.

— В полицейском мундире?

— Нет.

— В балахоне контрабандиста?

— Перестань, Бин. Дался тебе этот хлам. Надо найти кабинет Правителя.

— Слушаюсь, высший. Я готов вас сопровождать на двадцать четвертый уровень, ибо именно там находится творческая лаборатория моего предшественника. По слухам, именно там рождается всеблагое и всепобеждающее Слово.

— А ты повеселел, Бин, увидев тигра дохлым..

Вдвоем в лифт они втиснулись с трудом. Бин нажал панельку, но не двадцать четвертую, а шестую.

— Хочу посмотреть кабинет деда.

Кабина лифта замерла в решетчатом цилиндре из толстых стальных полос в центре большого полутемного холла. Изнутри цилиндр запирался на массивный сдвоенный засов, но снаружи, со стороны холла, дверца не открывалась.

— Никто не имел права покидать уровень. Комфортабельный застенок для «умников».

В холле стояло около полусотни кресел, несколько чертежных кульманов с эпидиаскопическими приставками и десяток демонстрационных столов. Когда-то здесь кипели жаркие ученые споры, а Кормчий с презрительным удивлением рассматривал своих экзотических пленников, которых даже неволя и реальная угроза смерти не могла оторвать от сладкой жажды творить.

Радиальные коридоры вели к большим бронированным дверям, за которыми угадывались вместительные залы. На всех дверях была одна и та же надпись: «Лаборатория. Не входить — защита включается без предупреждения!» И дважды перечеркнутый черным человеческий череп.

Короткие радиальные коридоры обрывались, влившись в длинную спираль широкого, как улица, общего коридора. На эту пустынную сей-

час «улицу», крытую веселым бело-розовым пластиком, выходили двери поменьше, раскрашенные в разные цвета. На них стояли только цифры — порядковый номер и окошечко автосчетчика. Здесь пленники жили. Бин в развевающемся плаще Правителя петлял от двери к двери, всматриваясь в цифры счетчиков. Двери были закрыты, а в окошечках везде стоял «0» — в комнатах не было ни одной живой души. Они дошли до самого конца коридора. Он кончался комнатой номер два. Вместо двери в комнату номер один была гладкая розовая стена.

— Комнаты деда действительно замурованы... Легенда говорила правду..

— Что ты хотел здесь найти?

— Ничего. Я должен был увидеть это своими глазами. Я дал клятву отцу и матери... Вернее, их памяти...

Они постояли еще немного у розовой стены и пошли назад, к лифту. Бин снова хмурился. Настроение его менялось, как цвет моря перед штормом.

— И еще, откровенно говоря, я надеялся найти разгадку потусторонней деятельности Правителя здесь, на этом уровне. На уровне науки. Не знаю как... Впрочем... Нет. Этот уровень изолирован, а лаборатории обесточены. Я смотрел. Значит, адрес чуда — двадцать четвертый уровень... Двадцать четвертый...

— Двадцать четвертый, — повторил он кондукторским голосом, пуская лифт вверх.

Виной тому, что произошло после, была элементарная неосторожность. До сих пор Башня обращалась с ними отменно вежливо, и цепочка счастливых совпадений помогала довольно легко решать ее хитроумные загадки. Но кроме везения их берегла собственная бдительность. Они ждали подвоха и коварства от всего окружающего и потому вовремя замечали тайные пружины и контакты смертоносных систем.

Убедившись в гибели тирана, они позволили себе расслабиться. Они забыли, что зло, как и добро, переживает своих создателей и способно сохранять веками убийственную силу. В Башне продолжала жить злая воля Великого Кормчего, Башня только притворялась мертвой, она ждала удобного случая, чтобы нанести удар.

Лифт остановился на двадцать четвертом уровне, но дверь не открылась, как на остальных уровнях. Шанин попробовал открыть ее силой, но она не поддавалась. Бин начал шарить на пульте.

— Здесь есть какая-то кнопка, но я не знаю...

Видимо, Бин все-таки нажал кнопку, потому что дверь приоткрылась. Шанин повернул голову на голос Бина.

Дверь приоткрылась только затем, чтобы в прорези показалось какое-то приспособление, похожее на обрез с оптическим прицелом.

И почти тотчас в кабине грохнул выстрел.

Шанин схватился за голову.

Бин бросился к товарищу.

Землянину повезло: он стоял в профиль к двери, и пуля, направленная прямо в лоб, прошла по касательной, оставив полосу рассеченной кожи. На какую-то секунду Шанин потерял сознание, но не упал, осев на руку Бина.

Бин оказался хорошим санитаром. Перебинтовав рану полосой ткани, оторванной от сорочки, он усадил Шанина на откидное сиденье лицом вверх, осторожно и сильно массируя шею.

Шанин быстро приходил в себя. Голова еще звенела после удара, а перед глазами догорающим фейерверком плясали цветные искры, но слабость проходила, и возвращалась ясность мысли.

— А ведь мы влипли в ловушку, Бин.

— Надо вернуться вниз. Кабинет Правительства от нас никуда не уйдет.

— А если этот объектив дает команду на все уровни? Внизу теперь нас могут тоже встретить выстрелы или что-либо похуже...

— Но надо сделать настоящую повязку, дезинфицировать рану. Я видел внизу аптечку.

— По идее, здесь должно быть нечто посерьезнее аптечки. Вроде автоматической самолечебницы. Не мог же Правитель оставить себя взаперти без медицинской помощи. Наверняка...

— Но я не знаю, где может находиться такая лечебница... И вряд ли где-нибудь есть план Башни. Хозяин держал его в голове. А я почерпнул кое-что, анализируя «Солнце для мертвых». В строчках запрещенной поэмы-легенды зашифрованы реальные, хотя и приблизительные данные о Башне... Но многие места непонятны, их можно расшифровать, только пользуясь фальшкартой Вечного Дворца и Башни, которая есть в кабинете.

— Значит, в кабинет...

— Нет. Вниз. Назад. Сейчас главное — твоя рана,

— Знаешь, Бин, у моих предков в Сибири было древнее правило: если сбился, заплутал в тайге, никогда не поворачивай назад. Иди только вперед, иначе закрутит, заманит, заморозит тебя лесной хозяин, уведет в безысходные топи и погубит тебя тайга. Мы с тобой в этой Башне, как в тайге, — не знаем, что, куда, как и зачем. И леса за деревьями не видно. Так что надо и действовать по таежному закону: хочешь кругом — иди прямо. Отступать не годится... Надо как-то обмануть объектив. Разбить его, что ли? Не успеть...

— Объектива я, к сожалению, не видел... Как он выглядит? Как те, которые осматривали стол?

— Нет. Этот короче. И линза не голубая, а почти черная... И по-моему... Да, пожалуй, линза плоская...

— Да... Больше похоже на окуляр фотоэлемента, чем на объектив... И плащ... Зачем Правителю плащ в помещении с идеально кондиционированным воздухом, а? А плащ этот висит в двух прихожих, и, кажется, Аш надевал его каждый день... Стоит попробовать?

— Не понимаю.

— Минуту...

И прежде чем Шанин среагировал, Бин запахнул плащ на груди и снова нажал кнопку. Все повторилось — дверь приоткрылась, показался обрез с оптическим прицелом и...

Через томительную паузу дверь лифта распахнулась настезь.

Кабинет Правителя оказался отлично оборудованной мастерской умельца-фанатика. И внутреннее содержание ее было типичным: бестолковое и беспорядочное нагромождение приборов и отходов, разобранных ценных конструкций и аляповатых самодельных монстров.

Шанину не удалось осмотреть кабинет детально. Бин, подозрительно хорошо ориентируясь в этом механическом бедламе (кто знает, может, и у Бина был когда-то подобный «голубой приют»), разыскал аптечку. Он обрабатывал рану тщательно, с профессиональной безжалостностью — до тех пор, пока Шанин не потерял терпение.

— Если больно, надо сказать, — обиделся Бин. — Я действую по всем правилам, но не чувствую того, что чувствует пациент...

— Это заметно, — проворчал землянин.

Перевязка подходила к концу, когда Бин заметил что-то в правом углу мастерской. Это «что-то» неудержимо тянуло его — он постоянно оглядывался, бинтуя голову Шану. И когда закончил, устремился в угол, строго-настрого приказав раненому посидеть минут десять с закрытыми глазами. Шанин выполнил приказ не без удовольствия. Его слегка лихорадило. Хотя особой усталости он не чувствовал, время от времени мозг обволакивала баюкающая волна апатии и равнодушия к происходящему. Временами он словно раздваивался, чувствуя и сознавая себя на Свире, в Дроме, в Башне Кормчего, он совершенно реально слышал тихий пересвист ангарских сосен, колючий запах саянского горного мака, горький пихтовый дымок невидимого костра и вкус чая, заваренного молодым багульником.

— Только сотрясения мозга еще не хватало, — бурчал Шанин, ощупывая повязку, но глаз все же не открывал. Не хотелось. Хотелось вытянуться на спине, накрывшись чем-либо теплым, и очутиться дома — подальше от всей этой бессмысленной зауми, нелепой жестокости, извращенного мастерства, взаимоистребительного соревнования талантов.

— Не годится, чалдон, не годится. Когда замерзаешь, главное — не спать.

Шанин стряхнул оцепенение и открыл глаза. Бин возился около сооружения, напоминающего атомные часы службы точного времени. У этих часов тоже было три вразнобой качающихся маятника, но почему-то не было ни одного циферблата. Да и размер внушительный — прозрачный корпус метра на три, почти под потолок. Против часов стоял письменный стол и несколько стеллажей-самоходов, заваленных газетами и бумагами вперемешку с пробниками, кусачками, отвертками, кусками разноцветного провода и прочим нехитрым электромонтажным хламом.

Бин уселся за стол и начал набрасывать какие-то графики, комкая лист за листом. Вид у него был обиженный и ошарашенный. От Шанина он попросту отмахнулся: часы его гипнотизировали.

— Может быть, Оксиген изобрел-таки машину времени?

Бин не ответил, отшвырнул очередную скомканную бумагу. Вблизи непонятная машина уже не напоминала часы. Несговорчивые маятники чертили свои кривые совершенно свободно, движимые импульсами крошечных радиоактивных ампул, спрятанных в стержне.

Три кривые пересекались в одной точке. Каждый из маятников, проходя над ней, цеплял почти невидимый лепесток релейного контакта. Реле срабатывало, включая одну из трех пишущих электромашинок, — в зависимости от того, какой из маятников прошел над точкой. Литеры в машинках были убраны, кроме нескольких букв, сплавленных в слово. Каждая машинка печатала свое слово. Каждый маятник имел слово. И после каждого слова конвейер пневмопочты продвигался на расстояние одного листа. Ровно одного листа. Сейчас на конвейере не было бумаг, но маятники качались, верша вечный перебор неисчислимых вариантов, и на вечную ленту конвейера падали приказы, обращенные к пустоте...

«Да». «Нет». «Отложить».

Занятная игрушка. Нелепая машина. В школьном кабинете она могла наглядно продемонстрировать теорию вероятностей самым маленьким ученикам. Но зачем она здесь, в кабинете Великого Кормчего?

Бин расхохотался.

Он смеялся, уронив голову на руки, смеялся над графиком, где из точки пересечения координат задорно выгибалась вверх упругая экспонента, — смеялся, всхлипывая, страшноватым недобрый и горьким смехом, не вытирая мокрого лица.

— Болваны... Все мы болваны с гипертрофированным самомнением... И только... Всех нас, молодых и старых, надо собрать, снять все регалии и смокинги... и физиков, и философов, и экономистов... в короткие шта-

нишки... в первый класс... в младшую группу детсада... в песочники... в слюнявчики... Ну и Кормчий... Ну и молодчина... По носу зазнайкам, по носу...

Он поднял на Шанина отчаянные глаза:

— Ну что, землянин, как тебе нравится Свира? Кошмарная тайна нового века, гнездо Пришельца, вечный рай за порогом возможного — как? Вы ведь тоже оказались не на высоте — ваш опыт пасовал перед карточным фокусом! Это вам тоже наука, тоже укор — вы оказались не способны защитить истину. Ваш гуманизм стал чересчур всеядным и мягкотелым, а защита истины во все века, прошлые и будущие, требует верности и крови. Да, и крови, если потребуется! Помните это, земляне...

Шанин знал экспансивный характер Бина и многое прощал своему товарищу по опасной работе. Но прощать — не значит мириться. Когда речь шла о Земле и ее морали, Шанин был непримирим.

— Я не очень понимаю, чем вызван твой монолог, Бин, но в любом случае ты не имеешь права так говорить. Ты можешь упрекать меня — я мало похож на супермена-разведчика из фантастических книг и ориентируюсь в обстановке хуже тебя. У тебя быстрее реакция и тверже рука. Я могу заявить без всякой лести: только благодаря тебе мы вообще смогли попасть в Башню и раскрыть ее секреты. Но... Не суди Землю, Бин. Придет время, и ты поймешь, что наш гуманизм не мягкотелость и всеядность, а только справедливое отсутствие жестокости. И мы умеем защищать истину. Не только словом, но и делом.

— Я не хотел тебя обидеть...

— Не меня, Бин, Землю!

— Я не хотел обидеть Землю, Шан, дорогой! Но такое надувательство... Мы полтора года стояли на коленях перед тремя простейшими маятниками! Полтора года! И полтора года вся большая Земля, освоившая и обжившая галактические просторы, ломала голову над самоделкой физика-недоучки! Как это назвать?

— Ты хочешь сказать... хочешь сказать, что этот заурядный гибрид...

— ...и есть могучий мозг, безошибочно правящий Свирой! Вот, посмотри сам: на твоих глазах рождается Слово Великого Кормчего... Одно из решений в длинном ежедневном списке...

На конвейере появился лист, заполненный убористой машинописью. Какой-то проект или предложение — может, приказ заменить дуговые уличные фонари восковыми свечами, а может, план обводнения экваториальных пустынь — двигался скачками под каретки машинок.

— Что выпадет — «да», «нет» или «отложить»?

Шан прикинул на глаз расстояние от листка до машинок.

— Пожалуй, «да».

Бин долго присматривался к маятникам.

— Я ставлю на «отложить».

Когда лист проходил под штампом «да», шары включили «нет».

— Ты проиграл, Шан.

— Но и ты еще не выиграл.

— Вряд ли «нет» выпадет второй раз...

Шары выдали второе «нет». Завизированный лист поскакал куда положено, решение начало путь по канцелярским дорогам.

— И ты проиграл, Бин. Игра в рулетку... Бред какой-то.

— Не совсем рулетка, Шан. Принцип один, а устройство разное. У рулетки двоичный код: угадал — не угадал, «да» — «нет». Если бы аппарат был устроен как рулетка, с двумя маятниками, он работал бы с КПД пятьдесят процентов — половина его решений была бы правильной, а половина неправильной. И график работы можно было бы представить вот так... прямой линией...

— И что за прок от такого аппарата?

— Совершенно верно: проку от такого аппарата мало. Но если сделать еще третий маятник — слово «отложить», то есть, говоря на языке математики, ввести в график константу причинно-следственной неравномерности во времени, начнутся чудеса. Нелепая прямая превратится в экспоненту...

— Бин, я учил математику лет двадцать назад.

— Ну... Как бы объяснить попроще... Словом, вред от неправильного решения может уменьшаться за счет последующих правильных решений, так?

— Пожалуй, так.

— А польза от правильных решений соответственно возрастет, так?

— Допустим.

— Так вот, если ввести понятие «отложить» в график... получается такая... вот такая кривая, которую называют экспонентой. Видишь, как она изгибается?

— Вижу.

— Здесь по вертикали у нас правильные решения... по горизонтали — неправильные... И что ты теперь видишь?

— Что я вижу? Как будто... сначала аппарат вообще будет нести ахиною... потом... потом...

— Что потом?

— Кривая будет с каждым днем все ближе к вертикали, то есть процент правильных решений будет неуклонно расти. Вплоть до полной гениальности...

— Или наоборот.

— В зависимости от того, что считать правильным решением, а что неправильным. Ты об этом, Бин?

— Разумеется! Теперь тебе ясно?

— Ясно, Бин. Правитель хотел обмануть историю с помощью математики...

— А заодно избавиться себя от скучных хлопот по управлению Свирой...

— Последнее ему, пожалуй, удалось... А вот с обманом истории... Обмануть историю так же невозможно, как построить вечный двигатель... Время всегда найдет трещину в любой стене, будь она из первозданного камня или из пластика с гравилоном... Пора остановить часы Оксигена Аша. Останови их, Бин. Это твое право.

Бин сдвинул прозрачный щит и вошел внутрь аппарата. Оси маятников, поблескивая, плавно разрезали пространство у самого его лица. Достаточно было протянуть руку, чтобы раз и навсегда остановить их заученное качание, их непредсказуемые встречи и расхождения.

— Несколько лет назад я бы сделал это не задумываясь. Я бы разнес в пух и прах проклятую машину и растоптал осколки. Я бы открыл все двери и ворота Башни, вышел к людям, простер руку и возгласил: «Ликуйте! Великого Кормчего нет! Он повержен! Я спас вас, жители Свиры!»

— А сейчас?

— А сейчас я знаю, что время нельзя останавливать и поворачивать, как заблагорассудится. Этому научила меня Земля. Наука должна помочь Свире вернуться к человечеству. Наука и воля народа, а не красивый жест удачливого террориста, который, скорей всего, развяжет руки таким, как Тирас... Ты сам все понимаешь, Шан. Я должен остаться здесь. Отсюда я могу помочь новому: пользуясь беспредельной властью Правителя и непререкаемостью Слова, постепенно уничтожить саму возможность неограниченной власти.

— Послушай, Бин... Извини, но... а что, если плащ хозяина... если однажды тебе вдруг не захочется снимать этот плащ?

Бин медленно задвинул на место прозрачный щит и снова сел за стол. Он не отвечал долго, черкая только что набросанный график. У экспоненты появилась голова с капюшоном, и математическая абстракция приобрела четкий силуэт кобры, вставшей на хвост. Бин смял рисунок.

— Я думал об этом, Шан. Откровенно говоря, в этом главная опасность. Человек в одиночку может немного. Нужны товарищи. Хотя бы один для начала. Такой, на плечо которого можно опереться в минуту слабости. Такой, как ты, Шан.

Снова звякнуло. Из проема выехала кипа газет. Она дрожала в пружинных захватах, готовая провалиться в небытие. Наверное, именно поэтому Бин взял один экземпляр.

Через полминуты он неопределенно хмыкнул.

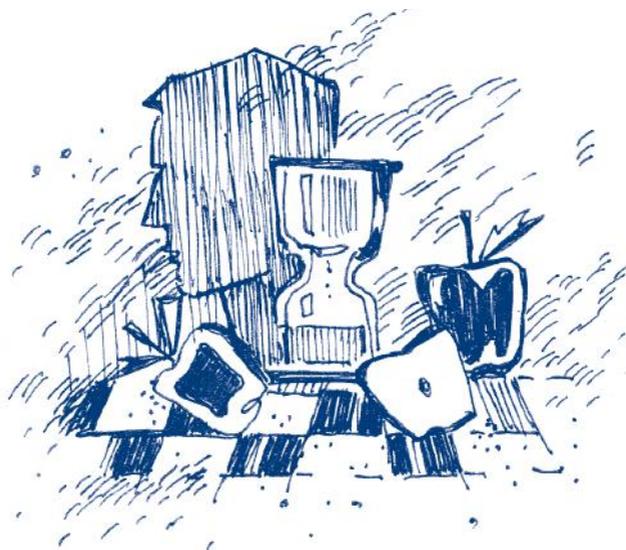
— Гм... Очень интересно... Ай да техник! Читаю дословно: «Сегодня в своем кабинете двумя шпионами из Внешнего мира, вызванными недобитыми проницательными, был убит наш дорогой товарищ и друг министр милосердия Тирас Уфо. Вся Свира скорбит об утрате и горит желанием...» Сам понимаешь, каким желанием горит Свира... Наши фотографии... Похоже... Очень похоже... Шан, тебе не уйти. Тебя узнает первый встречный...

Бин все еще не поднимал глаз. Он не видел, как внезапно побледневший Шанин тяжело оперся на стеллаж. Из-под повязки на лбу выступила кровь.

— Тебе надо лететь на Зейду и доложить Земле, что Правителя больше не существует. Тебя ждут друзья, твоя работа, твои проказливые фантазеры-художники... Ты отлично выполнил приказ. Я... я благодарю тебя... за помощь и все, что... словом... Что с тобой, Шан?

— Голова... кружится...

Вряд ли Бин услышал эти слова — они утонули в хриплом вдохе — так всхрапывает подстреленный на скаку олень. И шары маятников гулко сошлись в одной точке, где-то в самом центре мозга, и словно посыпалось битое стекло — это со стеклянным звоном рушился кабинет, Башня, Вечный Дворец, Дрома, вся Свира — рушилось все, превращаясь в груды нестерпимо колючих и нестерпимо блестящих осколков, пока не осталось ничего, кроме этих осколков...

7. ЭПИЛОГ

Словно разбилось со звоном толстое стекло, отгородившее душную камеру от наружного мира, и Шанин смог вздохнуть полной грудью до приятного покалывания в освобожденных легких. Он жадно дышал, уже сознавая и ощущая себя, и с каждым дыханием тяжелая голова становилась легче, а темная пустота в голове заполнялась скользящими образами и мыслями без слов. Он еще не знал, где он, но знал, что ему ничто не угрожает и можно не сразу открывать глаза. Он еще находился под властью только что виденного сна, его мышцы еще подрагивали от шагов и движений, которые он делал во сне, — но он уже знал, что это прошедший сон и что на самом деле существует только действительность, которая сейчас вне его спящего тела. И стоит открыть глаза...

Шанин открыл глаза и от удовольствия рассмеялся. Над ним был ребристый потолок его «берлоги» — он, Иннокентий Павлович Шанин, инженер-психолог по специальности, Инспектор Службы Безопасности 8-го Галактического района, находился на Базе, в своей собственной каюте, отсыпаясь после трехнедельной гонки за контейнерами с активированным лютением... Все остальное — сон, сон, логичный и осязаемый до неправдоподобия, и тем не менее не что иное, как сложная игра перенапряженных центров воображения. Ему не жаль было расставаться с ночной фантазмагорией. Призрак Свиры был скорее страшен, чем забавен. Немножко грустно было, что несдержанный, порывистый и наивный Бин — только выдумка и с ним нельзя встретиться снова, узнать о его судьбе. Верный, несговорчивый Бин... Логичность и зримость сонного наваждения вообще-то объяснить легко. Писатели порой пользуются активированным лютением для материализации своих

идей и героев. Возможно, защита на контейнерах не так уж абсолютна, как об этом пишут. Возможно, какие-то неизмеримо малые мощности психогенного излучения все же проникают сквозь заслон. И какая-то неуловленная приборами доза заставила отдыхающий мозг жить в более активном режиме, чем при обычном сне. Эксперты отвергают такую возможность. Но кто знает...

Главный будет доволен. Сразу после утреннего душа надо позвонить ему и доложить по форме. Главный, конечно, в курсе событий без всяких докладов, но ему ужасно нравится выслушивать официальные доклады. Надо побаловать старика. Он заслужил... А вот Арнольд Тесман... Да, Арнольд Тесман — это уже из сновидения. Вряд ли он существует в действительности... Ого, какая щетина! Вот что значит три недели бриться походной электрической вибробритвой. На подбородке, на щеках — непролазная енисейская тайга. Бриться! Немедленно бриться!

Шанин легко вскочил и попробовал делать зарядку. Не получилось — упал в кресло с перехваченным дыханием. И несказанно удивился: неужели за три недели он так устал и потерял форму? Не может быть... Придется попотеть в кабине автодиагностики: в организме что-то нарушилось.

В ванной он хотел сразу нырнуть в шипучее облако тондуша, но потом решил оставить сладкое на десерт, а сначала заняться более существенным — бритьем. Шанин не торопясь раскрыл бутон объемного зеркала и слотнул неведомо откуда взявшуюся слюну. На лбу резко выделялся затверделый старый шрам. И щетина на подбородке была седой. И лицо было в морщинах. На электронном календаре, который висел над зеркалом, было то же число и тот же год — нет, той же самой была только последняя цифра. Количество десятков было больше на единицу. Десять лет...

И Шанин вспомнил и месяцы тяжелой горячки после раны, в которую попала инфекция, и весть о том, что Мож улетел на Зейду в очередной вояж, не дождавшись пропавших попутчиков, и решение остаться на Сви-ре, и годы борьбы, и Бина, открывшего изнутри все двери и ворота Башни, и провозглашение новой республики в Вечном Дворце...

Десять лет. Непредвиденная задержка на десять лет.

В боях с бандами, окопавшимися в силайской тайге, Шанина тяжело контузило. Он выкарабкался довольно быстро, но повторная травма головы дала о себе знать много позднее, после полной победы. Его парализовало. Бин потребовал срочной отправки Шанина на Землю или на Зейду. Шанин сопротивлялся — он надеялся, что все пройдет. А потом... Потом, видимо, стало совсем плохо...

Шанин всматривался в свое лицо, привычное и новое одновременно. Его не оставляла затаенная уверенность, что рано или поздно это лицо можно будет снять как маску из теплого мягкого латекса, вылепленную чересчур поспешно...

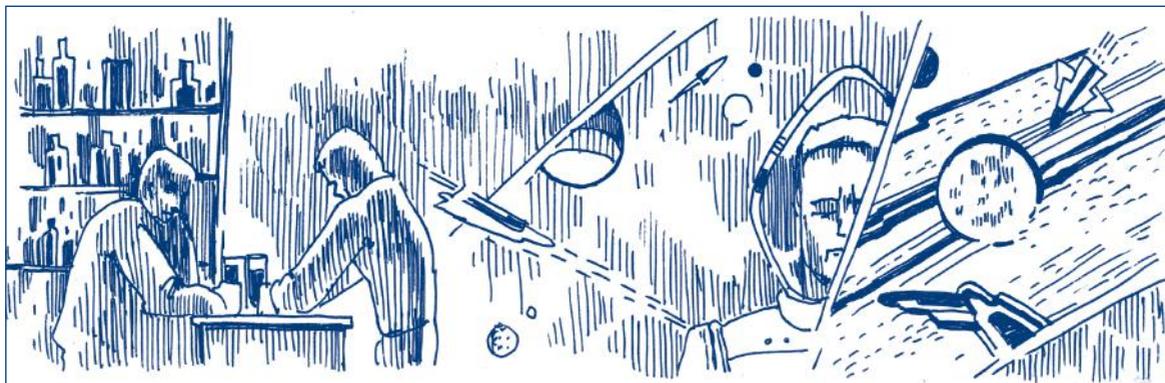

Вячеслав НАЗАРОВ

4

*Интервью с писателем
Красноярск*

1. КАФЕ ПОГИБШИХ

Здесь, на Земле, все было по-другому. Другие законы, другие силы. Тэдди не рассчитал удар. Что-то хрустнуло, и на панели загорелся тусклый красный сигнал.

— Вашей жизни угрожает опасность! Вашей жизни угрожает опасность!

Тэдди разжал ладонь. Витой вензель выключателя, сорванный с панели, зеленел ядовитой двухвостой змейкой «СС» — фирма «Смит и Смит».

— Вашей жизни угрожает опасность!

На этот раз удар был точен. Тэдди вложил в него всю силу, накопленную годами тренировок и работы, и сила эта была направлена в паутину серебристых решеток, скрывающих динамики.

Паутина оказалась прочной. Решетка прогнулась под ударом, но динамики не смолкли. Правда, что-то сместилось в механизме, и магнитная спираль стала вращаться быстрее. С бархатного баритона голос перешел на истерический фальцет:

— Вашей жизни угрожает опасность!

Тэдди закричал зубами и снова включил мотор. Машина беззвучно рванулась с места. Теперь, когда автомобиль был отключен, мощный «форд» был послушен только человеку.

— Вашей жизни угрожает опасность!

Это было хуже зубной боли. Чтобы заглушить истерический крик, Тэдди стал ругаться. Он ругался истоиво и длинно, как старый пират из боевика.

Впрочем, если говорить честно, ругаться не стоило. Такова инструкция Международного Совета. Астронавт, потерпевший аварию в космосе, даже если он здоров, как буйвол, обязан три месяца провести в карантине под строгим надзором психотерапевтов. Зеленые рощи, минимум шума, минимум всякого рода раздражителей, особое питание.

И даже машины для прогулок особые, вроде этого «форда», в котором даже после выключения автоводителя магнитофон со стереотипными воплями об опасности никак нельзя отключить...

Впереди неожиданно близко вспыхнули тормозные огни межконтинентального «Электора». Тэдди скорее инстинктивно, чем обдуманно, бросил свой «форд» влево, а через десятую секунду — вправо. Бетонная стенка ограждения возникла и исчезла, как мгновенная галлюцинация. Механический голос поперхнулся.

Машина глотала мили. Вокруг, за сплошной стеной ксенонового света, по-прежнему было темно. Но Тэдди знал дорогу, чувствовал ее, как почтовый голубь.

Конечно, он мог поступить иначе. Прочертить на Э-карте маршрут, заложить его в пластиковые челюсти автоводителя, нажать кнопку и... Машина была комфортабельной комнатой на колесах: горячий кофе, постель, видеофон с 18 программами, микрофильмы и даже тонизирующий УВЧ-душ. Десять часов — и «форд» сам мягко затормозит у дверей забытого богом и людьми ресторанчика во Флориде.

Там со Свэном они всегда праздновали возвращение.

Эх, Свэн!..

Нет, лучше так. С разбитым автоводителем, когда четыреста лошадиных сил, закованных в стремительную броню, покорны только тебе. Когда никто не сможет убить тебя или спасти. Когда адская скорость — не только взаимодействие слепых сил, механизмов, электротоков, но и твое напряжение, твоя тоска и надежда. И ветер в лицо. Правда, звезд не видно: автотрасса надежно укрыта защитным сталестеклом. Но ветер — твой, и если до конца выжать педаль, он станет ураганом, от которого пугаются мысли...

Отель «Твоя звезда» сначала был похож на молочно-белое пятно в тумане. Потом пятно распалось на отдельные созвездия. Созвездия росли и занимали горизонт. И даже вблизи, когда стало видно, что светят не звезды, а ксеноновые фонари, даже вблизи не появилось разочарование, которое постоянно преследовало Тэдди на Земле.

— Вашей жизни угрожает опасность...

«Форд» затормозил, чуть не клюнув носом впереди стоящую машину. Тэдди помедлил с минуту, потом вышел, небрежно хлопнув дверцей.

Вокруг никого не было. На стене гостиницы пульсирующим неоном переливалась звезда. Длинные ее лучи, чуть загнутые вверх, упирались в небо.

«Падучая звезда»... Так всегда называл ее Свэн.

Эх, Свэн...

— Вашей жизни угрожает опасность! — в последний раз пискнул за спиной механический голос, и Тэдди, толкнув прозрачную плоскость двери, очутился в баре.

Ему пришлось сделать еще один шаг, потому что дверь, развернувшись на оси, толкнула его сзади.

Здесь, на Земле, все было по-другому...

Бармен, похожий на глыбу белого мрамора, дремал в углу. Гость нарушил его сон. Бармен недовольно приоткрыл один глаз, но через мгновение неожиданно легко вскочил на ноги:

— Заморыш? Ну и ну! Что-то давненько дядюшка Клаус не видел твоей сентиментальной образины. Виски?

Тэдди кивнул, усаживаясь на высокий стул. Здесь все было по-старому: и плотные жалюзи на окнах, и разноцветные столики, придававшие залу вид шахматной доски, и букет высушенных цветов рядом с винной батареей, и сам дядюшка Клаус, по-прежнему подвижный и благодушно рокочущий.

Заморыш... У Клауса даже это прозвище звучало ласково. Тэдди действительно не походил на античного бога. Маленький, худой, сутулый, он стоял тогда самым последним в шеренге претендентов. Начальник училища, обходя новичков, удивленно вскинул брови:

— А это что за заморыш?

Но когда с центрифуги сняли последнего претендента, потерявшего сознание, а Тэдди еще продолжал крутиться, и когда стрелка перегрузок подползла к двадцати «ж», bravому майору пришлось удивиться еще больше:

— Вот это заморыш!

Кличка прилипла настолько крепко, что Тэдди сам стал забывать свою фамилию. Он не обижался, когда в иллюминаторе третьей лунной базы, где он лежал, истерзанный и измятый после очередного звездного рейса, на зеленом диске Земли проступали два гигантских слова: «Браво, Заморыш!» Ему льстили огромные заголовки газет: «Тэдди Заморыш снова показал, на что способен американец!», «Тэдди Заморыш — наша национальная гордость!».

Он даже забыл поклониться, когда сам президент под объективами сотен телекамер торжественно обратился к нему: «Вы — настоящий герой, Эдвард Стоун!» Он просто не сразу понял, что речь идет о нем.

Но потом пришли иные времена, и прозвище приобрело обидный смысл. И теперь, когда какой-нибудь пухлощекий юнец с нашивками орет по микрофону на весь космодром: «Травы, Заморыш!», у Тэдди начинается подергиваться веко...

И только здесь, у Клауса, все по-старому.

Впрочем, не все. Столов стало меньше, из лопнувших жалюзи торчат полиэтиленовые нити, когда-то черные кудри дядюшки Клауса посерели. А рядом со стойкой появилось нечто новое: огромная звездная диорама в полстены, черная, с едва заметным фиолетовым оттенком пустыня пространства и робкие пунктиры знакомых созвездий...

Игрушечная Вселенная расплылась. Впереди снова горел желтый глаз пульсара НП-0532, и снова летел в неизвестность «Икар», и никто еще не подозревал о пресловутой «канаве времени». И все — из-за вынужденной посадки на КС-5225, рядом с которой, вспученная пульсаром, громоздилась эта самая непонятная «канавка». А потом... Это было страшно, когда в восемнадцати отсеках царило разное время: в отсеке Цао прошло двести лет, пока у Тэдди часы отбили 28 минут 4 секунды.

Но самое страшное, пожалуй, было, когда в пилотский отсек вошла — или вползла? — Нэнни... Впрочем, разве это была Нэнни? Высохшее седое — нет, скорей не седое, а зеленое — существо, которое спросило его, тягуче шамкая:

— Ты еще жив, Тэдди? Я пришла... проститься...

Кажется, он даже не заплакал тогда. Он отупело смотрел на биобраслет, впившийся в желтую пергаментную кожу умирающей: «Нэнни Стоун, 130 лет»... Счетчики работали безукоризненно.

А что было потом? Спасли наркотики, десятки, сотни голубоватых пилюль. Он смеялся, когда выполз из люка оплавленного «Икара» на причальную площадку Третьей лунной, смеялся перед телекамерами — бездумно смеялся, не узнавая огромный серп Земли над головой.

Три года лечили его тело. И еще три года — мозг, потому что пилот не мог вспомнить даже своего имени. А когда он вспомнил все, потребовалось еще время, чтобы все забыть или хотя бы заглушить воспоминания. Ему принесли бумагу с печатями, и он долго вертел ее в руках, не понимая связи слов:

«Учитывая заслуги перед нацией... проявленное истинно американское мужество... подвиг... фирма «СС» предлагает... в классе «Д» на льготных условиях... кавалеру трех орденов «Астра»... почетному члену... Эдварду Стоуну, астролетчику... работу...»

Класс «Д»... Это было хуже смерти. Из астролетчиков — сразу в «мурсорщики». Чудом выбравшись из одной «канавы времени», Тэдди попал в другую, еще более глубокую.

Впрочем, не он один. Ведь со Свэном была такая же история. И со многими другими. Их выбросили, как отслужившее тряпье.

Но Свэн никогда не терял присутствия духа. Он был весельчак и задир наперекор всему. «Мы уже наполовину ангелы, Тэд, — любил он повторять. — Я не понимаю только одного: почему мы еще не совсем ангелы. Даже самоубийца не решился бы сесть в такую колымагу, как наши тральщики. По этому металлолому давно плачет свалка. Весь вопрос в том только, кто раньше — я или ты...»

Первым оказался Свэн...

— Ты чего, уснул?

— Что?

— Я говорю: еще виски?

Тэдди удивленно посмотрел на опустевшую рюмку и кивнул.

Клаус отошел к стойке. Тэдди рассеянно смотрел на его могучую белую спину, на сильную короткопалую руку, в которой золотой рыбой светилась бутылка.

— Слушай, Клаус, это правда, что ты тоже был звездолетчиком?

Звякнули фужеры. Красное одутловатое лицо Клауса было теперь рядом.

— Кто тебе сказал?

— Ребята...

— Свэн. Он один знал. Нет, мальчик, я не был звездолетчиком. Тогда еще не думали о звездах, хотя и называли нас громко — «астронавт».

Бармен отпил глоток из своей рюмки, тяжело оперся о стойку. Взгляд его скользил мимо Тэдди куда-то к шахматным клеткам столиков, в полутьму зала.

— Нет, мальчик, я не был звездолетчиком. По крайней мере таким, как ты. Но человек, которого тогда еще не звали дядюшкой Клаусом, однажды впервые в мире вступил на зыбучий песок Марса...

— Постой, постой... Ведь Гарольд Митчэлл...

— Вот именно, мальчик, Гарри Митчэлл. «Техасская горилла в марсианских песках...»

Тэдди привык ко всему, но это... Кряжистый, длиннорукий гигант в форме ВМС, ослепительная улыбка, дерзкие глаза и сигарета в углу рта. И еще кровавое, неземное сияние песков, плотная черная тень за фигурой в нелепом допотопном скафандре, лишь отдаленно напоминающем очертания человеческого тела, и за квадратным стеклом гермошлема все та же белозубая улыбка и те же глаза. Эту фотографию Тэдди вырвал из «Истории космонавтики» и повесил над своей койкой в училище, за что получил три наряда вне очереди.

— Не похож?

— Слушай, Кла... Митчэлл, но...

— Не надо, сынок. Гарри Митчэлл давно умер, теперь есть дядюшка Клаус. Так зовут меня пилоты, которые иногда забегают на мой огонек, и мне нравится мое новое имя.

— Хорошо, Клаус, но как это случилось?

— Мы прилетели на Марс, ничего толком о нем не зная. Мы спешили обогнать русских, первыми поставить свой флаг над марсианскими пустынями. А пустыни оказались коварными...

— И что?

— Хрустальная пиявка.

— Но это же ерунда! Десять уколов Б-5 через каждые 20 минут, и все в порядке!

— Это теперь ерунда. А тогда еще не было Б-5. Тогда даже простая шизофрения была неизлечимой болезнью.

— Тебя списали?

— Конечно! Кому я был нужен такой?

— Но ведь теперь...

— Ты же сам говоришь: Б-5. Правда, чтобы вернуть меня в действительность, потребовалась чуть ли не цистерна этой гадости.

Что-то тревожило Тэдди во время разговора, что-то неотступно стояло перед глазами, но он никак не мог сосредоточиться, поймать это слово — или цифру? — нет, слово и цифру... А какая разница, ведь перед ним живой Гарольд Митчэлл!.. Живой? И словно лопнула матовая пленка, скрывающая подпись под фотографией в «Истории космонавтики»: «Гарольд Митчэлл, родился в 1968 году.. умер в 19...»

— Слушай, Клаус, но...

Замешательство пилота не ускользнуло от Клауса. Несколько секунд он, словно оценивая, пристально смотрел на Тэдди, потом махнул рукой и, чуть косолапя, подошел к диораме.

— Ты видишь это небо?

— Ну, разумеется, вижу. Пока.

— Ты видишь эти красные огоньки?

Вот красных огоньков Тэдди не заметил. А их было много, этих огоньков. Они были рассыпаны по всему небу, целыми роями облепляли планеты, неровными пунктирами тянулись от Земли к звездам и часто-часто мигали, словно предупредительные маяки.

— Каждый такой огонек — это человеческая жизнь, отданная космосу. Это могила космонавта, вернее, флаг над его могилой. Раньше я записывал всех, но кому нужны толстые тетрадки с перечислением фамилий? Да и важны ли вообще фамилии?

Огоньки краснели среди звезд, словно капли крови. Тэдди смотрел на них завороченно: алые брызги жили какой-то своей гордой и вечной жизнью.

— Вот здесь, на Марсе, у Малого Сырта, тоже горит огонек. Видишь? Так вот это — могила Гарри Митчэлла...

Тэдди допил рюмку залпом, одним глотком. В груди что-то сладко заныло и сжалось.

— Послушай, Клаус, у меня голова идет кругом. Я ничего не понимаю. Умер или не умер Митчэлл?

— Прости, Заморыш. Просто дядюшке Клаусу иногда ужасно хочется говорить красиво.

Клаус отошел от диорамы и снова оперся о стойку.

— Сам понимаешь, после этой хрустальной пиявки я практически перестал быть человеком. В то же время, когда мое брненное тело перевезли на Землю, душа моя витала в иных мирах. Ты, наверное, читал в учебниках, как это бывает. Сейчас есть Б-5, а тогда даже не знали толком, что со мной стряслось.

Клаус помолчал. Взгляд его снова блуждал по столикам.

— Надо мной, то есть над грешным телом моим, бились лучшие медицинские умы. Наконец один профессор, имени его не помню, предложил меня ликвидировать.

— То есть как?

— А так. Гуманно, безболезненно. В целях защиты человечества от неизвестной инопланетной инфекции. У него была теория, что раньше Марс был населен, а потом все живое вымерло от какой-то эпидемии. И что я вот эту самую эпидемию подхватил...

— Чуть как?

— Чуть не чуть, а после некоторых колебаний с ним стали соглашаться. Можно ли, говорили они, из-за одного человека, который и так, по сути дела, мертвец, жизнью всего человечества рисковать? Так-то, мальчик.

Клаус только сейчас заметил, что рюмка у пилота пуста, достал бутылку.

— Тебе с содой?

— Нет, лучше цейлонского грога.

— Ну, хорошо. Пей. Так вот тогда-то и умер американский астронавт Гарольд Митчэлл, а в одной из частных психиатрических клиник появился безвестный полутруп по имени Герман Клаус.

— Как же это удалось?

— Мои ребята знали обо всех этих медицинских дискуссиях. Славные ребята, они не верили ни в бога, ни в черта, они тащили меня на себе с Малого Сырта и не бросили здесь, на Земле. Они выкрали меня из изолятора. Ну а когда наконец появился Б-5, удалось откачать...

— Подожди, Клаус, ведь Б-5... Сколько же ты пробыл в психиатрической клинике?

— Считай сам.

Тэдди попробовал посчитать, но не смог: от смеси грога с виски шумело в голове, и он никак не мог вспомнить, в каком году состоялась первая посадка на Марс. Он виновато улыбнулся.

— Двадцать лет, мальчик. Двадцать лет, как одно мгновение. Гарольд Митчэлл уснул на Малом Сырте, а через двадцать лет в клинике под Гамбургом проснулся Герман Клаус.

— Но ты же мог объявиться, сказать, кто ты!

— Зачем? Ну, была бы сенсация, репортеры вцепились бы, как гончие в кабана. А потом? Я долго думал об этом, сынок. В космос меня бы уже никто не пустил, а на Земле мне и так все опротивело. И я решил сделать такой вот голубой приют для себя и для вас, космических бродяг. Ведь я знаю, как тошно бывает на Земле после молчаливого космоса — вокруг шум, толкотня, все куда-то бегут, кусаются, лягаются, грызут друг другу глотки. А у тебя за спиной — могилы, могилы, могилы... И была еще одна причина, сынок. Но о ней знают только два человека на свете. И больше никто никогда не узнает.

— Налей еще, Клаус.

— Не много ли?

— Налей.

Все медленно-медленно отодвинулось вдаль: и белая шапочка Клауса, и радуга бутылок на стойке, и темное дерево стен, и даже красные огоньки на небесной карте — все стало маленьким и нереальным, словно смотришь в перевернутый бинокль. Гулко зазвенел причальный трап под магнитными присосками подошв, и чей-то ломкий баритон крикнул в самое ухо: «Трави, Заморыш!» Ослепительно, вполнеба вставала Земля над воронками лунных кратеров, а он никак не мог застегнуть ремни сиденья, потому что они извивались и противно пищали: «Вашей жизни угрожает опасность!»

Тэдди уронил голову на стойку.

Корабль Свэна падал по спирали прямо в холодный багровый огонь, уже полупрозрачные розовые протуберанцы лизали черный корпус, и корабль становился все меньше и меньше, а Тэдди все кричал в погасший экран видеодфона: «Свэн! Свэн! Катапультируй! Свэн! Сделай что-нибудь, Свэн!»

Он откинулся на спинку сиденья и лежал, опустошенный и беспомощный, бросив рычаг управления, и ему было наплевать на то, что с ним будет, потому что Свэн погиб и он ничем не смог ему помочь. И в это время его тральщик потрянуло раз и другой, а потом затрясло по-настоящему, а он все не мог открыть глаза...

Над ним стоял Клаус и тряс его за плечо:

— Что ты бормочешь? Что со Свэном? Где он?

Зубы лязгнули о что-то стеклянное, рот обожгло ледяным холодом, потом жаром, заложило нос и уши, и Тэдди глотнул, чтобы не захлебнуться.

— Легче?

Тэдди неуверенно кивнул. Сознание возвращалось, а вместе с ним ощущение невероятной усталости и головная боль.

— Так что случилось со Свэном?

Сознание вернулось сразу, толчком. Тэдди качнулся на стуле, закусил губу и, нетвердо ступая, пошел к диораме. Он ткнул пальцем в звездное пространство. Палец попал в невидимую плоскость экрана.

— Вот... Здесь... Зажги здесь огонек, Клаус. По Свэну...

Он скрипнул зубами и обернулся:

— Свэн погиб, Клаус. Мы были вместе. Свэн погиб, а я остался.

Клаус плакал беззвучно, мелко-мелко вздрагивая и шмыгая носом. Весь он как-то обмяк и стал старым-старым, как Санта-Клаус из рождественских сказок. Он стащил с головы белую шапочку и стоял, комкая ее в руках, и седые волосы его торчали во все стороны.

— И Свэн... И Свэн тоже...

Клаус снова зашел за стойку бара и на этот раз возился там подозрительно долго. Когда он наконец выпрямился, глаза его были уже сухими.

— Теперь я тебе говорю: выпьем! Выпьем, мальчик, за Свэна и за всех остальных. Вечной дороги им!

Мышцы Тэдди непроизвольно напряглись, и левая рука согнулась в локте, словно придерживая гермошлем. Минуту пилот и Клаус стояли по команде «смирно» друг против друга, разделенные узкой полоской стойки. На Земле говорят: «Вечная память», «Вечный покой». В космосе над телом погибшего товарища астронавты говорят: «Вечной дороги», потому что вечно блуждать нетленному телу во мраке и холоде межзвездной ночи.

Вечной дороги...

— Почему? — хриплым шепотом спросил Клаус пространство.

Он уже стоял у диорамы, и обе длинные руки его со сжатыми кулаками взметнулись вверх.

— Почему нет бога? Почему они должны погибать, мои мальчики? Потому что они смелее, сильнее, чище других?

Где же она, та самая справедливость, о которой три тысячи лет вопят люди? Где все те высокие слова, которыми исписаны миллионы книг? Почему еще не сгорела от стыда или от ядерного огня эта лживая планета?

— Хватит, Клаус.

Тэдди тронул бармена за плечо и вздрогнул: у Клауса не было зрачков. Два бельма, два белых пятна сверкали на лице, а вокруг головы причудливым нимбом светились огни диорамы — снежные хлопья созвездий, кровавые искры похоронных маяков.

«Если бы был бог, он, наверное, выглядел бы вот так», — совсем некстати подумалось пилоту.

— Чего хватит? Ты знаешь, Заморыш, как называют мое заведение? Свистящий шепот снова перешел на крик.

— Ничего ты не знаешь! «Кафе погибших» — вот как значитса оно в туристских проспектах! Ты думаешь, этот зал пуст? Как бы не так! Он полон, полон — яблоку упасть негде! Ты чувствуешь, как здесь накурено? Астронавтам нельзя курить? Чушь! У дядюшки Клауса все можно! Где же еще отвести душу моим мальчикам, как не у дядюшки Клауса? Ни один шпик не сунет сюда носа, потому что все знают друг друга как облупленные. Что? Еще виски? О'кей!

Клаус схватил пилота за лацканы форменной куртки, на которой топорщились нашивки звездных орденов, и зашептал в самое ухо:

— Ты не узнаешь моих гостей? Чудак! Вон видишь, там, за крайним столиком, сидит Маккензи, а с ним Пол, маленький Джино и Картер. Они всегда вместе — и в космосе, и на Земле. Маккензи любит русскую водку и гаванские сигары, а Джино после рюмки коньяку может съесть четыре порции макарон. Ты говоришь, они взорвались, стартуя с Фобоса? Не верь сплетням, мальчик, они живы. А вот того, высокого, за вторым столиком слева, ты, конечно, помнишь! Ну да, это Стивен Блейк, кто же еще! После Арктура у него шалит печень, и он нажимает на минеральную... А эти двое, ближе к нам, русские, они ничего не пьют, но это чертовски славные парни.

Клаус откинулся назад и захохотал, и пустота зала ответила ему хохотом.

— А там? Узнаешь? Так это же ты со Свэнном! А рядом кто? Конечно, Гарри Митчэлл, фанфарон и любимец интеллигентных мисс, а также миссис, «техасская горилла в марсианских песках»... Еще виски, Клаус!

Клаус схватил поднос и выгреб из-под стойки целую кучу рюмок, и они почему-то все до одной стали на поднос правильно, сплошным сверкающим строем, а Клаус хватал разноцветные бутылки с полок и лил, лил, лил, пока не зарябило в глазах от множества напитков, и тогда Клаус пошел, покачиваясь, как белая льдина на штормовой волне, в мягкий полумрак зала, к столикам, и Тэдди, не раздумывая, пошел за ним.

Они еще долго бродили между столиками и чокались с призраками, и пили рубиновые, изумрудные, опаловые смеси, обнимались, плакали и хохотали, и нестройными голосами хрипели старую песню космических бродяг, и веселые призраки дружно подхватывали припев:

Когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг, не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг,
пока есть ход — держись, пилот...

А если ад вокруг,
ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг...

А потом Клаус уснул на стуле, и его голова лежала на подносе, как голова Иоанна Крестителя. Где и когда Тэдди видел эту картину? Смутные своды какого-то музея, надоедливая скороговорка электронного экскурсовода, он помнит только фамилию художника — Бартоломео Венето, это был, кажется, итальянец, но он жил так давно, лет пятьсот назад, и все-таки краски не успели померкнуть... Кстати, кто такой был этот Иоанн Креститель? Астронавт? Чепуха, пятьсот лет назад ничего не знали о космосе, но почему вокруг головы Иоанна Крестителя — он точно помнит! — золотился полупрозрачный ободок гермошлема? Глупости, это ему показалось... Куда ушел Свэн? Он вечно куда-то уходит и не говорит куда...

Клаус спал, а Тэдди никак не мог уснуть, потому что все вокруг стало вращаться, с каждой минутой быстрее и быстрее. Сначала зашевелились стены и медленно поползли по кругу, потом сдвинулась диорама и стойка, движение ускорилось, стены слились в сплошной темный обод, столики отбросило центробежной силой в эту темноту, они летели в темноте и, раскаляясь, превращались в капли пламени. Потом выгнулся пол и стал превращаться в воронку, которая становилась все глубже и глубже. Тэдди изо всех сил оттолкнулся от пола и повис в воздухе — вовремя, потому что капли со всех сторон ринулись в воронку, и это был настоящий огненный дождь. Тэдди висел в воздухе, а рядом парила голова дядюшки Клауса на подносе, что-то белое падало вниз в воронку, описывая большую медленную спираль, — нет, не белое, а черное, и это черное было тральщиком, и Тэдди закричал: «Свэн! Свэн, катапультируй!», потому что это был тральщик Свэна, а внизу была не воронка, а красное пятно.

Толчок неясной тревоги выбросил Тэдди из бредового сна. Он поднял тяжелую голову и осмотрелся. В голове потрескивало и попискивало, но глаза цепко схватили детали: разбитая бутылка из-под виски, почему-то стоящая на горлышке, неизвестно откуда появившаяся латинская надпись: «Memento mori» («Помни о смерти») на стенке стойки, обращенной к залу, четыре дырки с оплавленными краями вокруг ртутной люстры (Тэдди непослушными пальцами растегнул кобуру лучемета, но вместо холодного прикосновения стали ощутить пустоту — это окончательно привело его в себя).

Спокойно. Надо разобраться. Во-первых, где? Тэдди поднял стакан над столом, разжал пальцы. Стакан не повис в воздухе и не врезался с грохотом в стол: он упал на пол мягко, с ускорением ровно в 1 «ж». Значит, Земля.

Теперь... Клаус спал рядом, тяжело дыша носом, и Тэдди вспомнил все. Окна уже голубели. Тэдди прошел к стойке, взял наугад первую попавшуюся бутылку.

От запаха спиртного его замутило, но он заставил себя сделать глоток. Секунду помешкав — не разбудить ли Клауса? — пилот направился к двери.

«Форд-СС», матовый от росы, ждал его.

Тэдди открыл дверцу, готовый принять очередную дозу механического крика, но динамики загадочно молчали, только аварийный сигнал на панели горел, как хрустальная пиявка, отведавшая крови.

Тэдди выглянул в боковое стекло. Неоновая звезда на стене по-прежнему тянула к небу длинные лучи. Тэдди помахал рукой то ли звезде, то ли небу и включил двигатель.

Машина, царапнув боком задние бамперы впереди стоящего «фиата», черной пантерой выскочила на автотрассу.

Тэдди бездумно улыбался. Одна рука лежала на руле, другая сжимала фильтр недокуренной сигареты.

Впереди вставало солнце. Тэдди прибавил скорость.

2. «КОРШУНЫ КОСМОСА»

Пробуждение было тягостным. Мозг, взбудораженный ночными кошмарами, не хотел возвращаться к действительности. Роберт Смит уже чувствовал свое тело, но никак не мог понять, где оно находится. То казалось, что он парит в облаках, то наваливалась на грудь, сгибая ребра, тяжесть рухнувшего подземелья. В эти мгновения мышцы судорожно напрягались, пытаясь стряхнуть оцепенение, но тело оставалось неподвижным.

Потом откуда-то слева и снизу поползло, растекаясь и усиливаясь, ощущение зуда. Через минуту зуд стал нестерпимым, но Роберт по-прежнему не мог пошевелиться, чтобы как-то унять его.

Беспричинный страх ледяными иглами впился в кожу. Роберт рвался из последних сил, в мозгу звонко лопнуло что-то тоненькое и непрочное, и сон ушел окончательно.

Он лежал в своей постели мокрый от пота, хотя в спальне было достаточно прохладно. Мучительный зуд не стихал — ступню левой ноги словно жгло крапивой. Роберт машинально протянул руку, но пальцы под одеялом встретили пустоту.левой ноги не было.

Выругавшись сквозь зубы, Смит нащупал над головой переключатель Коллектора Покоя и повернул рифленую головку. Вместо привычного гудения тонирующих микроволн послышался короткий свист, оборвавшийся глухим щелчком. Окончательно расстроенный, Смит открыл глаза.

В комнате — зеленоватый полумрак, как в большом застоявшемся аквариуме. Широкие окна закрывали пуленепробиваемые нейлоновые шторы с двумя рядами звукоизолирующих портьер. Свет исходил от щита

сигнализации на ночном столике. Гирлянды зеленых ламп заверяли, что в доме за ночь ничего не случилось.

Ничего не случилось?

Тело, освобожденное от оцепенения, снова застыло. Но теперь в каждой клетке жила настороженность. Не поворачивая головы, Роберт подозрительно исследовал каждый сантиметр доступного глазу пространства. И лишь когда увидел над собой тусклые бельма Коллектора Покоя, напряжение, стянувшее мускулы, ослабло.

Аппарат не работал. Видимо, в нем что-то перегорело.

У Роберта давно не ладилось со сном. Но пять лет назад случилось то, чего он ждал, обливаясь по утрам холодным потом.

Его спасла случайность: он сел не впереди, как всегда, а сзади, рядом с доктором Солсбери. Ученый старикашка словно с ума сошел. Он отказывался покинуть Пятую лунную шахту, пока не закроют рудник. Он кричал об угрозе эпидемии в присутствии рабочих, и пришлось действовать решительнее.

Когда за ними захлопнулась дверца лимузина, Роберт дал волю гневу.

— Вы осел, Солсбери, — сказал тогда Смит. — Какого черта вы лезете в дела, которые вас не касаются? Занимайтесь своими гловэллами и хрустальными пивками, а рабочими буду заниматься я. Мы покупаем ваши мозги, а не ваши эмоции. Если хотите работать у нас, то будьте добры...

Роберт не успел договорить. Под передним сиденьем взорвалась бомба, которая разнесла вдребезги половину смитовского лимузина. Доктора Солсбери едва удалось заштопать — основной удар пришелся на него и шофера. А Смит остался без левой ноги...

Зуд не утихал, и Роберт беспокойно заворочался. Оборванные нервные стволы, какие-то «фантомные боли» — эта премудрость не для него. Как можно ощущать ногу, которой нет? Что-то непонятное, унижительное и коварное творилось внутри, и допустить такое Роберт не мог.

Все привычные утренние процедуры — электродуш, массаж, гимнастика, пять минут бассейна с биостимулятором «Пиранья» — он проделал с какой-то неистовой озлобленностью.

Он добился своего. Через полчаса депрессия отступила, забилась куда-то: за завтраком Роберт был собран, свеж и почти весел. Диктофон-информатор негромко перечислял все, что случилось в мире за последние двенадцать часов, а Роберт с неожиданным аппетитом уплетал морского гребешка в ароматном горчичном соусе, запивая черным пивом.

Информатор бубнил, а тренированный мозг Роберта запоминал лишь то, что могло иметь касательство к делам фирмы:

— Советский Союз осуществил запуск пятого искусственного солнца над Арктикой....

— Федерация социалистических государств Центральной Африки расторгла контракт с американской фирмой «Си-би-эс». Причина — низкое качество продукции.

— Народная республика Австралии предоставила свою территорию в распоряжение ООН для проведения экспериментов по акклиматизации инопланетной флоры и фауны...

— Биологическая лаборатория на планете Прометей. Советский ученый Андрей Савин приводит новые доказательства искусственного происхождения кристаллопланет...

— Фирма «Фрэнк — Железо из Космоса» объявила о своем банкротстве. Оборудование трех зоостанций на Венере и восемь грузовых кораблей будут проданы с аукциона...

— Английский лайнер «Елизабет» потерпел аварию в районе звезды Алголь в созвездии Персея. Причины выясняются...

Так им и надо! Страна, которая пытается называться капиталистической — о, эта английская дань традициям! — хотя вся ее экономика пронизана спорами социализма. Полудействия, полурешения...

— Международный Совет Космонавтики принял постановление об усилении ответственности государств и частных фирм за проведение неконтролируемых космических полетов в Солнечной системе...

Тяжелая кружка дрогнула на полпути к губам и грохнулась на стол. Большой клок пивной пены выплеснулся на салфетку и зашипел, сползая на брюки.

— Повтори!

— Международный Совет Космонавтики...

— Дальше, черт подери!

— ...об усилении ответственности государств и частных фирм...

Смит сорвал мокрую салфетку, словно она душила его. Вот оно — сон в руку! Ночной кошмар повторялся — теперь уже наяву. Его, связанного по рукам и ногам, волокут на свалку, и некого, некого позвать на помощь...

Нет, это уже слишком! До каких пор, до какой черты можно отступать? Уже четыре пятых Земли залито красным цветом — цветом коммунистических и социалистических государств, — а на оставшемся клочке «свободного мира» от старого доброго предпринимательства остались одни воспоминания. Крупнейшие фирмы горят, лопаются одна за другой — что они могут в стальных тисках всяческих международных комитетов, советов, инспекций, союзов, которые растут от коммунистической пропаганды как грибы после дождя? Нет, Земля обречена — это Смиты поняли много лет назад, еще когда был подписан Пакт о всеобщем и полном разоружении. Оставить планету без войн значило открыть ворота коммунизму. Так оно и случилось...

Роберт с отвращением оглядел остатки завтрака и включил уборщик. Проворные цепкие захваты сгребли грязную посуду, юркие щетки вылизали пивную лужу, и через пару секунд стол снова засверкал стерильной чистотой. словно ничего и не было...

А, да что паниковать раньше времени! Надо обмозговать все вместе с Дуайтом. Он мастак на всякие финты, надо отдать ему должное. Смиты всегда находили выход...

Роберт вызывающе хмыкнул. Ему вспомнился давний скандал, когда фирма заявила о своем добровольном банкротстве. Это было перед самым подписанием Пакта, кажется за неделю. В один день Роберт с Дуайтом распустили старое правление, усадили в психиатрическую лечебницу дорогого папашу и объявили о безвозмездной передаче ООН всей смертоносной начинки Биоцентра — складов бактериологического оружия на много миллионов долларов. Внешне все это смахивало на самоубийство. И когда через несколько дней Дуайт по телевидению выразил желание сотрудничать с правительством в мирных космических исследованиях, конкуренты решили, что братья окончательно свихнулись.

Откровенно говоря, такой ход был не по душе Роберту. Слишком похоже на капитуляцию. Но Дуайт умел убеждать.

— С Землей покончено, — говорил он. — Здесь мы как мухи в паутине. Красные сильнее нас экономически, и, главное, рабочие на их стороне. На Земле уже не выгорит ни одно стоящее дело. А космос — пустыня. Богатейшая пустыня! Там есть где развернуться и где спрятаться в случае чего. Нет, надо уходить в космос. Игра на Земле проиграна...

Солидные правительственные дотации подкрепили доводы Дуайта. Фирма снова возникла из пепла как птица Феникс и уже через пару лет начала откусывать головы менее сообразительным партнерам.

А вот теперь... Неужели красные всерьез принялись за космос?

Только не надо теряться. Даже перед Дуайтом. Чтобы он не задира нос. Вести себя, словно ничего не случилось. Никому нельзя доверять.

На какое-то мгновение мелькнул отблеск ночного кошмара — вонючая трясина огромной свалки. Мелькнул и погас, уступив место реальным заботам.

* * *

Дуайт Смит оторвался от экрана телегазеты, сверкнул через плечо темными стеклами квадратных очков.

— Ты что-то сегодня не в форме, Робби. Надеюсь, ты здоров?

— А ты что-то слишком часто стал справляться о моем здоровье, — пробурчал Роберт, стягивая пиджак.

Его раздражало все: и аккуратно скрытая зачесом круглая плешь на затылке Айка, и его бархатный голос, и каменная невозмутимость острого, словно высушенного лица, и медлительность длинных цепких пальцев, разминающих сигарету, и даже эти проклятые черные очки, за которыми не видно глаз.

Презрительная улыбка колыхнула безгубый рот Айка. Лениво затянувшись, он пустил к потолку одно за другим четыре дымных кольца.

Братья не любили друг друга и не очень это скрывали. Но взаимная антипатия не мешала им вот уже много лет дружно участвовать в большой беспощадной драке, которая зовется «свободной конкуренцией». Их объединяло нечто более сильное, чем родственные чувства.

— Ты слышал, что Фрэнк лопнул?

— Да.

— Надо послать на аукцион Блейка: грузовики по дешевке могут пригодиться...

— Посылай. Только пусть держит ухо востро и не мозолит глаза агентам Совета...

Рабочий стол Роберта Смита напоминал режиссерский пулт: цветные узоры кнопок, рычажков, переключателей на восемнадцати экранах, вспыхивающих то по одному, то по нескольку сразу, появлялись и исчезали озабоченные лица, что-то говорили, что-то показывали, и надо всем царил взмогшая туша Роберта, который орал в микрофоны, кому-то приказывал, кому-то грозил, от кого-то требовал немедленных действий... Растрепанный, постоянно поправляя сползающие с покатых плеч подтяжки, он метался между экранами, и маленькие глазки его зло горели из-под рыжих кустиков бровей.

Рабочее место второго Смита было менее механизировано и более комфортабельно. Дуайт удобно расположился в мягком вращающемся кресле рядом с огромной, в полстены, звездной картой. На коленях у него лежала коричневая панель дистанционной настройки, а слева, на маленьком столике, между пепельницей и сифоном белел откинутый экран телегазеты.

Дуайт сидел неподвижно. Порой казалось, что он дремлет, но худые пальцы нервно постукивали по клавишам панели.

— Айк, Джим предлагает акции «Си-би-эс» по десять долларов.

— Пусть идет к черту. Через неделю за эти акции никто не даст и пяти...

Роберт снова что-то кричал в микрофоны, а Дуайт, повернувшись к карте, укрупнил на ней Солнечную систему и погрузился в изучение сложного клубка зеленых, синих, красных нитей, расходящихся во все стороны от Луны — главного космодрома нашей планеты.

Среди сложного переплетения маршрутов резко выделялась широкая, прямая, как луч света, серебристая полоса — Большой Звездный Ко-

ридор. По этому коридору выходили за пределы Солнечной системы в открытый космос межзвездные и межгалактические лайнеры.

Корабли, работающие на принципе «трубы Кларка», уже на орбите Плутона развивали скорость, близкую к световой. Бродячие метеоры, беспризорные астероиды, обломки разрушенных планет, стуски космической пыли — словом, весь «мусор», который не мешал тихходным и маневренным космолетам старого типа, стал теперь серьезной опасностью.

Так появился Большой Звездный Коридор и... «мусорщики». Тральщики, похожие на юрких рыб с большими радужными хвостами, денно и ночью копошились на трассе, тысячекилометровыми тралами подметая дорогу к звездам.

Звездолетчики, опаленные жаром иных солнц, смотрели на «мусорщиков» чуть свысока. В Службу Звездного Коридора шли мальчишки — выпускники училищ, недобравшие на выпускных экзаменах нужного балла. Прозаическая, размеренная будничность была для них Голгофой, но они покорно несли свой крест, ибо впереди мерцала надежда: набраться опыта, отличиться и со временем все-таки занять пилотское кресло в отсеке сверхсветового корабля.

Труднее было тем немногим, что попадали в класс «Д» не снизу, а сверху — со звезд: матерым космическим бродягам, которых сбила влет болезнь, авария или просто старость. У этих уже не было надежды, но они не могли жить без вечной пустыни, где медленно кружат иные миры...

Но не превратности человеческих судеб волновали сейчас Дуайта Смита. Пока Роберт распекал за что-то генерал-директора лунных шахт, Дуайт думал над очередным выпадом Международного Совета Космонавтики.

Дело в том, что не один десяток тральщиков «СС» выходил ежедневно на «Звездный тракт». Правительственная лицензия предоставила Смитам три космопорта на Луне, и фирма исправно трудилась среди интернациональных отрядов «Службы Коридора». Пилоты «СС» были на хорошем счету, их отличали возраст, опыт и отчаянная смелость. Смиты предпочитали выбирать их из бывших звездных героев. Словом, фасад фирмы «Смит и Смит» был безукоризненно чист.

Но на пестрой карте Солнечной системы там и сям светились зеленые пятна — заповедные зоны. Право полета в такую зону имели только научные экспедиции, и только со специального разрешения МСК.

До сих пор фирма «СС» ничего не имела против, если тральщики возвращались со своей официальной работы «сокращенными» или «удлиненными» маршрутами. Кроме того, космолеты часто отправлялись в самостоятельные «проверочные» рейсы, и с ними почему-то сразу терялась связь, а вышколенная администрация космопорта терпеливо ждала

возвращения «блудного сына», не поднимая тревоги. «Заблудшие» приехали с полными тралами, и никто не спрашивал их, откуда улов...

Впрочем, контроль был. Правительственные чиновники дотошно рылись в бумагах, сверяли записи стартовых и посадочных журналов, копались в рулонах маршрутных самописцев. Их не интересовало, почему опытейшие космические асы так часто «сбиваются с курса» и терпят «аварии» — только бы в бумагах было все чисто да соблюдалась буква Всеобщего космического устава...

Новое постановление грозило фирме если не полным крахом, то жалким прозябанием. На мизерные официальные доходы не разгуляешься. Международный контроль — конец запретным «уловам». Со своими чиновниками всегда можно договориться, но инспектора МСК... Среди них обязательно будут красные! А ведь инспекция — это еще полбеды: дело дошло до постоянных патрулей МСК вокруг заповедных зон и международных трасс.

На телегазете замигал сигнал «Срочное сообщение». Дуайт включил экран, и слева направо побежали крупные буквы текста: «Полчаса назад президент США с санкции Сената подписал постановление Международного Совета Космонавтики, которое через 48 часов будет иметь силу Международного Закона...»

Темные очки не мешали Дуайту ловить бегущие строчки немногословных параграфов, и с каждой строчкой барабанная дробь, которую отбивали пальцы на клавишах панели, становилась быстрее. За спиной тяжело дышал подошедший Роберт.

По экрану пробежали последние строчки постановления, и телегазета погасла. Дуайт не оборачивался, продолжал смотреть на тусклую плоскость.

— Вот что, Айк, — заговорил наконец Роберт. — У нас есть еще с того времени боеголовки к торпедам. Когда было разоружение, мне удалось кое-что припрятать. На Марсе, в брошенных копиях. Я тебе не говорил, но...

— А-а... Отработанные платиновые шахты в Желтой пустыне? Пять до отказа набитых штреков, вход в которые завален, не так ли? Этой операцией занимались ребята из «СС», и все они почему-то быстро скончались: один — в космосе, другие — на Земле. Даже гонорара получить не успели, бедняги...

Дуайт плавно развернул кресло к Роберту и продолжал невозмутимо:

— Нехорошо, Робби, таиться от родного брата и компаньона. Это нечестно. Ты хотел меня надуть. А ведь я мог заявить на тебя куда следует и распорядиться фирмой единолично. Но у меня доброе сердце, Робби...

— Как ты узнал?

— Неважно. Я мог бы при надобности дополнить твои пять складов своими собственными мелкими сбережениями.

— Сбивать... — лицо Роберта передернулось, глаза превратились в щелки. — Сбивать патрули. Надо поставить на тральщики торпедные аппараты. Организовать хороший, крепкий отряд из мальчишек, которым нечего терять. Хватит отступать, хватит вилять перед всякими Советами. Пора действовать. Пора показать, что такое «СС»!

Роберт взвинчивался все больше и больше, его одутловатые щеки побагровели. Дуайт поморщился:

— Тихо, Роберт, тихо. За что я тебя люблю, так это за твою великолепную энергию. Но перспектива электрического стула мне не улыбается. Даже при тысяче процентов прибыли.

— Так что же, сдать?

— Зачем? Но боеголовки — это чересчур. Мощный лазер — тоже неплохая штука для начала. И главное — бесшумно, без всякой иллюминации. Во-вторых, никаких связей с «СС». Пусть это будут свободные «рыцари удачи», которые поступают как хотят. Связь с ними будет держать только их предводитель. Пожалуй, лучше даже не с нами, а, допустим, с Блейком. В-третьих, почему только патрули? Это кое-кого наведет на разные мысли. Пусть они хватают кого угодно, вплоть до транспланетных лайнеров. Пусть уводят грузовики, грабят пассажиров, нападают на планетные станции. Это даст им материальный стимул, а нам — неплохую экономию...

— Это что же, гангстерская шайка? Не слишком ли... просто, а?

— Ничуть. К тому же великое всегда просто, Робби. Мы сошьем им уютное гнездышко в Поясе Астероидов. Пусть они собьют парочку наших грузовиков для начала. Какой простор для фантазии! Во-первых, мы получаем страховку вместо того, чтобы ремонтировать старые гробы. Во-вторых, мы обращаемся в МСК с просьбой защитить нас — как можно больше шума: газеты, телевидение! «Коршуны космоса», спасайся кто может! В результате получаем деньги, на которые можно подкармливать наших «птичек», отводим от себя всякие подозрения — ведь грузовики-то наши! — и вдобавок загружаем патрули МСК работой, которая надолго отвлечет их от маршрутов наших тральщиков...

— «Коршуны космоса»... — Роберт захохотал, мотая головой, — «Коршуны космоса»! Отлично придумано!

* * *

Под крайним левым экраном замигал сиреневый огонек вызова. Роберт нажал клавишу. Появилась секретарша.

— В чем дело? Я же сказал — занят.

— Простите, босс, я так и сказала мистеру Солсбери, но вот он уже пятнадцать минут непрерывно требует немедленного соединения с вами.

- Какого черта ему надо?
— Не знаю, босс, он не говорит, в чем дело, и...
— Что — «и»?
— Простите меня, мистер Смит, но мне кажется...
— Что вам там еще кажется, в конце концов?
— Мне кажется... Босс, мне кажется, что это не мистер Солсбери...
То есть я хотела сказать, что похоже, но...
— Что с вами, Эйлин?
Это спросил уже Дуайт.
Секретарша совсем растерялась и молча пожала плечами.
— Собачий бред! — пробурчал Роберт.
— Давайте сюда Солсбери, — сказал Дуайт, останавливая руку Роберта, собиравшегося выключить экран.
— Видите ли, босс... Мистер Солсбери требует разговора по Би-каналу. Смиты переглянулись.
— Ну это уже слишком! У нас дела! И если всякий «яйцеголовый» будет нам мешать да еще требовать Би-канал, то...
— Нет, Робби, что-то случилось. Доктор Солсбери не из тех, кто делает из мухи слона. Если уж он звонит сам да еще требует Би-канал, значит, произошло что-то важное. Очень важное.
— Ты вечно потакаешь этому красному фанатику, Айк!
— Во-первых, Солсбери такой же красный, как и мы с тобой. Ну а насчет характера... Тут уж ничего не попишешь. Зато у него есть мозги, милый Робби, мозги, которые дали нам не один миллион долларов. Идем!
— Говори со своим Солсбери сам, если хочешь. Я останусь здесь.
— Мистер Солсбери просит вас обоих, — подала голос секретарша. Она уже заученно улыбалась.
— Черт, — проворчал Роберт, нехотя поднимаясь.
Дуайт нажал кнопку у края карты, и матовый прямоугольник бесшумно разделился надвое, открыв небольшую бронированную дверь. Айк набрал шифр, и дверь ушла в пол. Братья втиснулись в узкий коридорчик, и полуметровая стальная плита поднялась за ними.
— Ну что ты там возишься с шифром?
Стоять в этой броневой скорлупе, да еще в полной темноте и могильной тишине, было действительно неуютно.
Но вот ушла в пол следующая дверь, и Дуайт с Робертом очутились внутри небольшого кубического зала, одну стену которого занимал приемопередаточный экран, а три других — панели настройки, регулировки и управления со вспомогательными экранами и светящимися динамическими схемами.

Посреди зала стоял столик и два кресла. Роберт, все еще недовольно морщась, сел в одно из них, а Дуайт занялся включением хитроумных систем Би-канала.

Каждая минута разговора по Би-каналу стоила больших денег. Но цель оправдывала затраты, ибо Би-канал был идеальным и единственным пока средством ведения секретных разговоров.

Дуайт набрал на дисках ЭВМ пароли конечных станций. Заработали с тихим жужжанием автоматы выбора маршрута. Где-то на десятках промежуточных ретрансляторов повернулись зеркала антенн, острия сотен датчиков, определяющих погоду, солнечную активность, напряженность магнитного поля, состав помех и прочее. Машина гудела, переваривая информацию, и через три минуты выложила карточку с оптимальным маршрутом направленного луча. Дуайт перешел к другой стене, сунул маршрутную карточку в прорезь, включил систему наведения. Огоньки на схеме вытянулись пунктирной цепочкой между Манхэттеном и Флоридой, подтверждая готовность ретрансляторов принять сигнал.

Дуайт медленно вывел главный микшер вверх до отказа. Стена-экран засветилась зеленоватым сиянием.

Теперь надо было включить защиту — самое главное в этой сложной операции.

Дуайт возился не меньше пяти минут. Где-то, напрягая аварийные системы автономных электростанций, скручивались в спираль силовые поля и силовые спирали наслаивались друг на друга. Где-то выли сирены, взлетали предупредительные ракеты, а от ретранслятора к ретранслятору свернутым в жгут полярным сиянием тянулось мерцающее свечение.

Это и был Би-канал.

Короткий гудок возвестил о начале передачи, но на экране колыхались какие-то непонятные фиолетовые тени.

— Эй, Солсбери, где вы там? Что это за штучки?

Экран молчал. Роберт беспомощно оглянулся на Дуайта.

— Мистер Солсбери, если вы изобрели шапку-невидимку, то, пожалуйста, снимите ее. Мы уже вполне насладились ее эффектом.

Но когда голос наконец раздался, даже Дуайт Смит вздрогнул: это действительно был не Солсбери! Была предельно точная имитация его сбивчивой и скорой речи, но голос...

— Простите. Я, честное слово, волнуюсь. Я даже не знаю, с чего начать. Не обращайтесь внимания на экран. Мне пока нельзя показываться. Я вас вижу отлично...

Нет, это не голос Солсбери.

— Включите изображение. Хватит! Здесь не цирк. Немедленно покажитесь!

У Дуайта чуть подергивалась щека, а правая рука в кармане инстинктивно сжала рукоятку пистолета, словно он поможет здесь, в этот момент, в этой нелепой и непонятной истории.

— Не могу, — сказал голос. — Поверьте мне, не могу. Успокойтесь, босс, ничего страшного не случилось. Скорее, наоборот. Только ответьте мне на несколько вопросов. Иначе мы не поймем друг друга. Я все объясню, но потом. Такое дело, что у меня до сих пор голова идет кругом.

— Что вам надо?

— Скажите, босс, кто привел на Базу трал 308-Ф5-АС?

Роберт, не сдержавшись, со сжатыми кулаками бросился к экрану:

— Кто ты такой, подонок? Шпион? Покажись!

— Как — кто такой? — В голосе звучало недоумение. — Неужели, мистер Смит, вы не узнаете мой голос? Я Чарльз Солсбери, доктор биологии...

— Докажи!

— Доказать? Ну хорошо... Помните, что вы мне сказали пять лет тому назад, за минуту до того самого взрыва в машине?

— Допустим.

— «Вы осел, Солсбери, — сказали вы мне тогда. — Какого черта вы лезете в дела, которые вас не касаются? Занимайтесь своими гловэллами и хрустальными пиявками, а рабочими буду заниматься я. Вы становитесь «розовым», а это мне не по нутру...»

— Черт подери, это, кажется, действительно Солсбери, — повернулся Роберт к Дуайту. — Но какого дьявола он ломает всю эту комедию? Может, свихнулся?

Дуайт ничего не ответил и набрал номер внутреннего видеофона:

— Картотека? Посмотрите, кто привел трал 308-Ф5-АС!

Юноша исчез и через полминуты явился снова:

— Босс, в картотеке нет отметки о прибытии этого трала.

Дуайт щелкнул выключателем и долго смотрел в фиолетовую мглу центрального экрана, которая скрывала Солсбери или кого-то еще.

— Почему вас интересует именно этот трал?

— Потому что там... — голос запнулся. — Босс, ради всего святого, узнайте! Это очень важно... Вы представить себе не можете, как это важно!

Дуайт побарабанил пальцами по аппарату, потом набрал еще один номер, но на всякий случай переключил звук на наушники:

— Слушай, Пит, каким образом попал на Базу трал 308-Ф5-АС и почему в картотеке нет отметки о прибытии?

Пит потянулся к сейфу, порывлся там с минуту, потом показал Дуайту какую-то бумагу.

— Вот, босс. Все правильно. Была авария, трал дотацил пилот Эдвард Стоун в одиночку, а его напарник где-то там взорвался. Аварийные тралы мы в картотеку не вносим по вашему приказу.

- Как звали второго пилота?
- Свэн Стэрборг, кажется. Да, Свэн Стэрборг.
- На самописцах оставшегося тральщика что-нибудь есть?
- Нет. На ленте — ровная прямая, никаких отклонений.
- А этот... первый... Он в профилактории?
- Да, уже два с лишним месяца загорает там. Скоро выйдет на волю

Заморыш.

- Кто-кто?
- Тэдди Заморыш, босс.
- Так это тот самый — «гордость нации»?
- Ну да. Везет ему как утопленнику.
- Ладно, Пит. Все.

Щелкнули выключатели. Дуайт опустил наушник, помолчал, разглядывая свои пальцы, и снова обратился к фиолетовым теням:

— Согласитесь, Солсбери, вы ведете себя более чем странно. И мы в подобной ситуации не можем вам довериться полностью. Подождите, не перебивайте... Допустим, вы узнаете, кто привел трал. Что из этого?

— Вам сказали — кто?

— Да.

— Он жив?

— Разумеется.

— Тогда я прошу вас с Робертом Смитом немедленно прилететь ко мне в лабораторию. Это совершенно необходимо.

Только сейчас до Дуайта стала доходить вся бредовая ненормальность происходящего — и пустой экран с тенью, и нелепая загадочность разговора.

— Может быть, вы, Солсбери, узнали точную дату конца света?

— Нет, мистер Смит. О конце света я ничего не знаю. Но у меня в руках есть ключик от начала. И вполне возможно, что за дверью окажется совершенно новый свет. Новый мир, который поможет людям найти выход из тупика, в который они попали. Вылетайте ко мне.

— Хорошо, Солсбери, мы подумаем.

— Мистер Дуайт, я первый раз в жизни позвонил вам сам. Вы, надеюсь, понимаете, что для этого потребовались из ряда вон выходящие причины? Поверьте, сейчас нет ничего на свете важнее вашего приезда — и для меня, и для вас, и для всего человечества. Видите, я говорю высокие слова, которые так не любил всю жизнь. Неужели это вас не убеждает в необычности происходящего?

— В необычности? Пожалуй, убеждает. Но не больше.

— Никаких «но». Я дам вам возможность увидеть и пощупать руками настоящее, стопроцентное чудо. Чудо без всяких подделок.

С гарантией. Чудо, которое перевернет всю жизнь человеческую. Слышите вы меня?

— Слышу. До свидания, Солсбери.

— Я жду. Прилетайте немедленно. Немедленно!

Экран погас. Два раза тьякнул гудок — конец передачи.

Руки Дуайта Смита действовали, как автоматы, которые он выключал, привычный жест, верньер до конца, переключатель на «ноль», успокоилась дрожащая стрелка, остывая, растворилась в полупрозрачной стекловидной толще динамической схемы пунктирная цепочка маршрутных огней.

Уже исчезло мерцающее сияние между ажурными зеркалами ретрансляторов, замолчали сирены, опустились на площадки сторожевые вертолеты, и хмурые пилоты отстегивали от поясов тяжелые лучеметы, стаскивали, кряхтя, комбинезоны.

А Дуайт выключал, выключал — привычный жест, верньер до конца, переключатель на «ноль», рубильник — вниз...

Коротко вздохнув, замолчала ЭВМ, и два десятка дежурных на станциях слежения, торопливо отрапортовав: «Первая, все в порядке... Пятнадцатая, все в порядке... Девятнадцатая, все в порядке...», почти одновременно включили погасшие час назад телестены. Космовидение показывало новый многосерийный супербоевик о том, как эlegantный, красивый и смелый астролетчик Одисс Эй встречает в космосе двух прекрасных инопланетянок Сциллу и Харибду. Телестены пришлось выключить в тот момент, когда в оранжевой пустыне, под мистическим светом четырех пульсирующих солнц, в окружении ужасных, кровожадных и фантастически безобразных чудовищ инопланетянки начинают соблазнять бравого астролетчика. Конечно, самое интересное — черт бы побрал этот Би-канал! — уже позади, но все-таки чем все кончилось...

И уже начальник всей Службы Слежения обстоятельно доложил Главному, и Главный, облегченно вздохнув, — пронесло! — нажал заветную кнопку, и в бронированной кабине Смитов зажглась зеленая надпись «Вторжений нет», и уже поднялась за Смидами последняя стальная плита, и обе половины звездной карты соединились в один матовый прямоугольник, скрыв потайную дверь, когда Дуайт нарушил тягостное молчание:

— Как тебе все это нравится?

— Собачий бред, — зло отрезал Роберт, садясь за свой стол-пулт. — А Солсбери я прикажу сделать начет за часовой прогон Би-канала. Посажу его в психбольницу и арестую счет в банке.

— А если в его высокопарной болтовне о ключах от нового мира действительно есть что-то реальное?

- Он тронулся. С яйцеголовыми это бывает.
- И зачем ему понадобился трал 308-Ф5-АС? Это трал Тэдди Заморыша, а Тэдди знает космос как свои пять пальцев. В этом полете была авария, погиб его напарник. Хотел бы я знать, где они были.
- А самописцы?
- Самописцы чисты, как совесть ребенка. Тэдди — тертый парень.
- Так пусть Пит узнает у самого Тэдди.
- Питу Тэдди ничего не скажет или наплетет бог знает что. Мусорщики хранят свои участки. Это их бизнес.
- Так чего ты хочешь?
- Многого. Например, узнать, что за пилюлю припас нам Солсбери.
- Послушай, Айк, брось ты всю эту галиматью. Пошли кого-нибудь к Солсбери, пусть заставят его расколоться. А нам надо заняться нашими «птенчиками». Пора их высиживать, черт подери, пока Совет еще не сел нам на голову. Давай работать.
- Ну, хорошо. Через полчаса я освобожусь.
- Дуайт опустил матовый звуконепропускаемый занавес, и огромный кабинет превратился в две комнаты.

* * *

В туманной мгле экранов, словно чертики из коробки, появлялись и исчезали люди. Появляясь, их лица мгновенно приобретали угодливое выражение, исчезая — озабоченное.

Блейк возник не на экране, а в проеме двери — видеофон для такого разговора не годился. Он не снял шляпы и не погасил сигару, хотя знал, что босс не выносит дыма. Он не сел, а остался стоять, прислонясь к стене. Он не проронил ни слова, только слушал, и только к концу пятнадцатиминутного монолога Роберта он открыл рот.

— Идет, босс! Это по мне. «Коршуны космоса» — настоящая работа. У меня есть парни. Дело будет, о'кей! Только...

— Конечно, Блейк, — ухмыльнулся Роберт, доставая чековую книжку из кармана пиджака, бесформенно обвисшего на спинке кресла.

А Нью-Йорк тем временем смотрел очередную серию супербоевика... Звездолетчик Одисс Эй, взяв на буксир огромный астероид из чистого золота, уже повернул к Земле, и когда гравитационная буря сорвала его корабль с курса и занесла в чужую галактику, где живые, кровожадные и фантастически безобразные звезды пожирали целые планеты вместе с утонченными цивилизациями, он убил звезду, напавшую на голубую планету, которой правила прекрасная Ама Зонка. И уже была душная ночь в фиолетовых джунглях, под мистическим светом четырех лун, и восемь теней танцевало вокруг двух тел, и близко-близко — во весь четырехме-

тровой объем телестены — подрагивали инфракрасные губы красавицы Ама Зонки...

В это время Дуайт Смит, совладелец фирмы «Смит и Смит», дочитывал последние страницы личного дела Эдварда Стоуна, бывшего командора класса «А», бывшего первого пилота легендарного «Икара», бывшего...

Бывшего... Дуайт вытащил из футляра фотографию: обезумевшая, ревущая толпа у Белого дома, алая дорожка ковра, ведущая к входу, а на пороге, у белоснежного мрамора колонн, внушительная, по-спортивному подобранная фигура президента, пожимающего руку невысокому растерянному человеку в парадной куртке звездолетчика.

А вот недавняя фотография — усталое помертвевшее лицо, короткие, ежиком, пепельно-серые волосы, под глазами тяжелые фиолетовые мешки. И как-то странно видеть над золотом орденских нашивок черные ромбы класса «Д».

Вот он каков, Тэдди Заморыш!..

Дуайт вызвал секретаршу:

— Эйлин, как там Солсбери?

— Видеофон Солсбери по-прежнему не отвечает.

— Что говорит Рэчел?

— Рэчел просит забрать его из лаборатории, босс. Доктор Солсбери обо всем догадался и при всех называет его шпииком.

— Я не о том. Что он говорит о Солсбери?

— Солсбери никто не видел уже целый месяц. Он не выходит из зоны «Т», разговаривает только по видеофону, но без изображения.

— Почему Рэчел не доложил?

— Но ведь Солсбери часто так делает. Когда доктор работал над препаратом Б-5, он не выходил три месяца, босс.

— Болван ваш Рэчел. Тогда мы знали, в чем дело.

— Но, босс...

— Все, Эйлин.

Телебашни извергали на Нью-Йорк новую киносерию... Элегантный Одисс Эй уже парил в состоянии невесомости в объятиях прекрасной инопланетянки Циклопы, а вокруг стояла душная ночь Большого Космоса, и мистический свет четырех солнц и четырех лун со всех сторон заливал два тела в скафандрах, и ультрафиолетовые губы одноглазой красавицы Циклопы прожигали насквозь защитное стекло гермошлема... Миллионы телестен в каменном муравейнике города, казалось, плавилась от накала страстей, когда Дуайт Смит поднял занавес:

— Вызывай реалет, Робби. Мы летим к Солсбери.

— Ты что-нибудь узнал?

— Нет. Но очень хочу узнать.

3. УДАР С ПРАВОЙ

Над Нью-Йорком давно уже не было неба. Его заменяла гигантская полусфера, надежно укрывшая пятьдесят миллионов жителей. В городе не было ни дня, ни ночи, ни зимы, ни лета — только ровное бледно-голубое свечение флюоресцирующего пластика над головой и едва уловимое движение озонированного воздуха, гонимого компрессорами. Семидесятиэтажные сталактиты небоскребов прочно срослись вершинами, и не стало уже подземных, наземных и воздушных магистралей. Не стало домов и улиц, исчезли ненужные окна в стенах, да и сами стены превратились в перекрытия и опоры — все слилось в один удивительный организм, в один гигантский дом.

Этот железобетонный Эверест в пластиковом футляре, каменная губка, в бесчисленные поры и ячейки которой пряталась робкая человеческая жизнь, этот новый город возник так же, как возникают горы и губки: бездумно, вопреки бессильным протестам архитекторов, вопреки здравому смыслу.

Он рос без всякого плана, как живое существо, лишенное разума и подчиненное только слепому инстинкту роста. Еще в позапрошлом веке он уже не мог больше распознаться вширь, и каменные шупальца полезли в небо: 20, 40, 70 этажей. Узкие прорезы улиц не могли пропустить нарастающий транспортный поток — появилась подземка, — все ниже и ниже — первый горизонт, пятый, десятый; а поток нарастал, и оплетала небоскребы паутина сабвея — все выше и выше первый горизонт, пятый, десятый. И наступил момент, когда попасть из одного небоскреба в дру-

гой стало труднее, чем попасть из одного конца города в другой, и тогда от каменных стволов стали ответвляться ветки высотных переходов все гуще и гуще, пока, минуя землю, не соединились кварталы, целые улицы, целые районы, и то, что было когда-то авеню и стрит, оказалось тоннелями, лишенными воздуха и солнца.

Город стал задыхаться, отравленный своим собственным дыханием, и рядом с автоматами кока-колы появились автоматы, продающие кислород газопроводам, и газовые счетчики в квартирах исправно отщелкивали плату за чистый воздух.

Городу угрожала смерть от удушья, и тогда появился пластиковый купол, отороченный кольцом кислородных станций, и это было воистину спасением, потому что одновременно решались само собой десятки больших и малых проблем, начиная от отопления и кончая сезонными модами.

Тогда это казалось спасением...

Реалет медленно покачивался в потоках восходящего воздуха. Вокруг стоял монотонный ровный гул, словно огромный пчелиный рой кружился у летка. Остроносые реалеты всех цветов и размеров, блестящие, похожие на капли ртути, пузатые гравилеты, древние вертолеты с радужными нимбами винтов, модные двухместные скиперы, неуклюжие грузовые дайджеры, вертлявые прогулочные авиетки – все это вращалось, гремело, трещало, падало вниз, взлетало вверх, шарахалось из стороны в сторону.

Реалет пробирался сквозь этот содом медленно, метр за метром выигрывая свободное пространство у зазевавшихся соседей.

– В чем дело? – Роберт нетерпеливо тронул пилота за плечо. – Отчего сегодня такая пробка?

– Полиция проверяет пропуска, – бросил пилот, не оборачиваясь. – Бастуют рабочие первого кислородного кольца. Боятся, что они сбегут из города...

У самого клапана реалет резким броском срезал кривую, нарушив правила. Сверху ястребом упал полицейский вертолет, но, рассмотрев номер и буквы «СС» на борту, смущенно вильнул в сторону.

Теперь мертвенно-холодная поверхность искусственного «неба» была совсем рядом. Вот оранжевая клетка подъемного клапана опустилась вниз, вспыхнули три зеленых огня, реалет втиснулся между двумя дайджерами, загорелся красный сигнал – клетка заполнена! – и...

– Черт!

Роберт закрыл глаза ладонью. В иллюминаторы било солнце, настоящее солнце – лохматый, ослепительно золотой диск в зыбком аквамарине настоящего неба. И совсем уж необычно белели курчавинки редких облаков над горизонтом. Они плыли своим неторопким путем, опровергая графики метеорологов, и Роберт почувствовал глухое раздражение

против этой вопиющей бесконтрольности, против всего этого своевольного мира, который никак не хочет быть покорным и в котором даже он, Роберт Смит, чувствует себя ничтожной пылинкой, несомой ветром...

Реалет набирал высоту, стараясь держаться подальше от странных туманных спиралей, уходящих к земле. Острия спиралей упирались в раскрытые черные рты кислородных станций. Могучие легкие Нью-Йорка работали непрерывно, и непрерывно трепетал, вибрировал, дрожал этот лес ураганных смерчей. Конечно, современной машине они не очень опасны – аварийная система сработала бы мгновенно, а незадачливые авиаторы отделались бы парой тычков да испугом, но все-таки в этом ревущем кольце было как-то неуютно.

– Долго мы будем висеть на одном месте?

– Но, сэр, мы еще над городом, и правила безопасности...

– Плевал я на ваши правила. Мы спешим, у нас нет времени на цацканы со всяким сбродом...

– Слушаю, сэр.

Вспыхнули предупредительные огни на корпусе, взвыли сирены.

Соседние машины рассыпались, сломав строй, как рассыпается от выстрела птичья стая, а за реалетом Смитов выросли четыре ярких хвоста испепеляющей плазмы, и с мгновенностью прямого удара молнии реалет ушел в небо.

– А ты, оказывается, шалун, Робби, – усмехнулся Дуайт, с интересом посматривая на экран перископа. – Великолепный фейерверк, который изрядно переполошил наших попутчиков... И кажется... Да, совершенно верно. Если не ошибаюсь, эти вот два дайджера слегка подпалили крылышки в нашей струе...

Два телохранителя, дремавшие сзади, заметно оживились и, заглядывая на экран через спины хозяев, сдержанно похохатывали.

– Нет, сэр, я видел – они столкнулись и загорелись...

– А вот слева, сэр, посмотрите, сэр, целый клубок...

– Как мухи...

Пилот покосился на перископ и пробурчал сквозь зубы:

– Не завидую я тем, кто внизу...

– Правильно делаешь, парень. Завидовать им нечего. Но такова жизнь: пока не разбросает тех, кто внизу, не пробьешься наверх. Верно я говорю?

– Да, сэр.

Роберт повеселел. Маленькое приключение развлекло его и вернуло бодрость духа.

Здесь, на высоте, небо уже не полыхало оттенками аквамарина, оно было темно-серым, почти черным, и какая-то звезда, – или орбитальная станция? – не мигая, светилась сверху.

Пространство внизу выгнулось большим майоликовым блюдом с неестественно высокими краями: слева светло-синей стеной стоял океан, справа желтыми и коричневыми пятнами, неправдоподобно заваливаясь к горизонту, тянулись хребты Аппалачей, за ними, плавно выгибаясь к океану, зеленела Приатлантическая низменность, поделенная на ровные ломти фиолетовыми реками. Вся эта причудливая майолика проступала нерезко, размыто, словно через тонкий слой разбавленной простокваши, налитой в блюдо. И там, впереди, скоро должен был показаться пирог полуострова на синем подносе...

Ощущение высоты пьянило. Земля-блюдо Роберту нравилась. Она выглядела съедобно. С ней можно было делать что угодно. Допустим, разрезать, как торт. Вот так и так. На четыре части. Но почему на четыре? Лучше одним взмахом – на две.

А звезда... Звезда сойдет за ночник.

Звезда послушно зазеленела, а небо превратилось в черную крышку Коллектора Покоя, и неслышные волны мягко туманили мозг, и блаженная лень разливалась по всему телу, но что-то треснуло, и звезда замигала красным...

* * *

Роберт открыл глаза. На пульте пилота темным рубином горел предупредительный знак. Реалет шел на посадку.

Иллюминаторы затянула плотная серая мгла, в неразличимой глубине которой угадывалось непонятное и грозное движение. Короткие сиреневые вспышки возникали справа и слева, и в мгновенном их свете по-звериному чутко замирали сплетенные тела невероятных чудовищ, клубки гигантских щупалец, опутавших корабль, замирали, чтобы в следующий миг темноты продолжить свое бесшумное и невидимое движение.

Проходили секунды, минуты, реалет вздрагивал, казалось навсегда застряв на месте, в центре этой шевелящейся массы, и только бирюзовый столбик альгиметра непрерывно падал вдоль шеренги светящихся цифр, уверяя, что снижение продолжается.

Дуайт сидел рядом, прямой и неподвижный, как выключенный автомат, и у Роберта шевельнулось нечто похожее на зависть: эту сухую жердь ничем не проймешь...

А Дуайт действительно не думал о грозе, потому что просто не замечал ее. Его мозг с методичностью счетной машины складывал, умножал, вычитал, делил, возводил в степень и извлекал корни, дифференцировал и интегрировал все те секундные и неопределенные данные, с которыми летели они на таинственный вызов Солсбери.

Реалет вырвался из туч в какой-нибудь полсотне метров над куполом главного здания Биоцентра, прямо над посадочным кольцом, вслед полыхнула молния такой причудливой формы и яркости, что даже через несколько минут в ангаре, спускаясь по причальному трапу, Роберт обеими руками держался за поручень, потому что в глазах плясали черные и багровые полосы, плыли изумрудные пятна.

Рэчел ждал их в ангаре, но разговаривать там было невозможно из-за непрерывных раскатов грома. Они спустились на лифте пятью этажами ниже, в огромный холл, поделенный полупрозрачными светящимися драпировками на уютные закоулки.

Они сели за столик, и Рэчел, несмело улыбаясь, терпеливо повернул к себе наборный диск меню.

- Виски, коньяк?
- Коньяк.

Охранники, застывшие по углам, как по команде, отвернулись от подноса, с легким звонком возникшего на столе.

- Хороший коньяк.
- Да, мистер Дуайт. Армянский.
- Нас вызвал Солсбери.
- Я знаю, мистер Дуайт.
- Хорошо, что хоть это вы знаете. Ну и?..
- Я... я не замечал ничего подозрительного пока.
- А ты замечал деньги, которые мы тебе платим, а?
- Да, мистер Роберт, но поверьте мне, я делаю все, что могу... Здесь невыносимо, невыносимо работать, здесь все какие-то сумасшедшие, одержимые, ни одного порядочного человека.
- И давно это, Рэчел, вы стали порядочным?

Рэчел вспотел, глаза его бегали по рюмкам и фужерам, и цветное стекло равнодушно дарило ему его собственное отражение – маленький перепуганный человечек, то сплюснутый, то вытянутый в нить, то раздробленный на сотни дрожащих кусков.

– Ладно. Об этом мы еще успеем поговорить. А сейчас докладывайте обо всем подробно и с самого начала.

- С какого начала?
- Это я вас должен спросить. Но вы... Вы просто... Короче, что здесь происходило, ну, скажем, месяца три назад?
- Месяца три? Три месяца назад... начались вот эти грозы...
- Что-что?
- Да, мистер Дуайт. Эти жуткие грозы бушуют над Эверглейдсом уже три месяца подряд.
- Собачий бред!

– Да, мистер Роберт, это действительно бред, но такого здесь никогда не было. Грозы, конечно, здесь, в тропиках, не редкость, но чтобы такие и так долго... Словно конец света наступает...

– Хватит о грозах, Рэчел. Было что-нибудь подозрительное в лабораториях?

– Н-нет, сэр, я ничего...

– Получали вы что-нибудь из «мусорных тралов»?

– Да, сэр. Мы почти каждый день получаем всякую всячину из космоса. Этим занимается восемнадцатая лаборатория. Они делают биоанализ.

– Вы слышали что-нибудь о трале 308-Ф5-АС?

– Нет, сэр. Номера тралов сообщают только Солсбери.

– Вот как...

Дуайт задумчиво потер лоб и полез в карман за сигаретами. Роберту уже начал надоедать этот, судя по всему, бессмысленный допрос, он жаждал действия. Они уже в Биоцентре, в двух шагах от разгадки. Зачем переливать из пустого в порожнее?

– Слушай, Айк, кончай эту говорильню. Надо идти к Солсбери и брать его за воротник.

– Подожди, Робби, не спеши. Если я не ошибаюсь, Рэчел, зона «Т» предназначена для опытов над человеком?

– Да, мистер Дуайт, это зона особой защиты, входить в нее или впускать туда кого-нибудь может только Солсбери. У него шифр.

– Давно он там?

– Тридцать четыре дня...

– А что случилось тридцать четыре дня тому назад?

Рэчел вскинул глаза только на миг, но в его глазах стоял такой ужас, что у Роберта мурашки поползли по спине.

Дуайт отставил рюмку и медленно наклонился к Рэчелу. Голос его стал бархатным:

– Так что случилось тридцать четыре дня тому назад, Рэчел?

Рэчел побелел и вдруг пополз с кресла, хватая воздух ртом, как задыхающаяся рыба.

Телохранители недвумысленно пододвинулись поближе к столику, встав с двух сторон кресла.

А Рэчел вдруг пополз к Дуайту на коленях, завизжал, заголосил:

– Не могу, не могу больше! Хоть на Луну, хоть в титановые шахты... Смилуйтесь! Отпустите! Я сойду с ума! Я боюсь!

Дуайт сделал знак, и один из телохранителей поднял Рэчела за шиворот левой рукой, а правой отвесил ему две ленивые пощечины.

– Солсбери... Солсбери исчез после пожара.

– Какого пожара?

– В пятой лаборатории... была пи-установка... Солсбери много работал на ней в последнее время.

– Что это за установка?

– Для съемки внутренних биопроцессов живого организма... Там очень мощный силовой генератор. Видимо, от перегрузки. Или неисправность какая-то...

– Если мне не изменяет память, вы главный электромеханик здесь, Рэчел?

– Да, мистер Дуайт. Кроме зоны «Т» – там автономное обеспечение...

– Это становится забавным. Дальше!

– Генератор взорвался... Тревога включается автоматически. Но пока взломали дверь...

– Взломали дверь?

– Да. Дверь была закрыта.

– Изнутри?

– Н-нет. Снаружи. Кто-то, наверное, подумал, что там никого нет...

Губы Дуайта сошлись в узкую прямую, и человечки в рюмках стали тоскливо-испуганными.

– Что же вы там нашли?

Рэчел торопливо оглянулся и, наклонившись к Смитам, перешел на шепот:

– В этом-то и вся загвоздка. Там был обгоревший труп, но... – Рэчел побледнел еще больше. – Но... врачи говорят, что это был труп обезьяны.

– Что-что?

– Да, мистер Дуайт. Ни Солсбери, ни мисс Джой там не было.

– Кто такая мисс Джой?

– Ассистентка Солсбери. Они работали вместе.

– Значит, Солсбери и его ассистентка исчезли, а вместо них оказалась обезьяна?

– Да. Но мисс Джой потом появилась.

– Когда?

– Две недели назад. Я чуть с ума не сошел, когда ее увидел...

– Итак, обезьяна. А вы уверены, Рэчел, что вы все-таки в здравом уме?

– Не знаю. Чем больше я думаю, тем больше...

– Где сейчас мисс Джой?

– В зоне «Т». У... у Солсбери. Он ее одну туда пускает. Если... если он там действительно есть.

«Час от часу не легче», – подумал Роберт. Ему уже расхотелось брать за шиворот негодяя Солсбери. История становилась все более запутанной, теряла всякую связь с реальностью.

– Я не могу здесь больше, мистер Дуайт. Заберите меня отсюда. Я схожу с ума. Я прячусь от всех по углам. А тут еще эта беспрерывная гроза. Откуда она взялась? В лаборатории нет другого выхода, я не раз проверял. Как Солсбери и Джой попали в зону «Т»? Почему не выходит Солсбери, если он жив? И эта мисс Джой, она как привидение... Я приму цианол, если вы не вытащите меня из этого ада. Я никогда не был суеверным, но тут творится какая-то чертовщина, поверьте, мистер Дуайт. Я не могу больше, не могу!

– Бросьте нить, Рэчел! Вам еще придется ответить за вашу самостоятельность. Солсбери слишком дорого для нас стоит, чтобы всякий червяк вроде вас сводил с ним личные счета. Если его надо убрать, мы найдем средства. А вы...

Рэчел тихо охнул и схватился за ручки кресла. Глаза его округлились.

– Здравствуйте.

Перед Смитами стояла женщина.

Она стояла, и, как два крыла, чернели за ее спиной фигуры двух растерявшихся телохранителей – спокойная, уверенная в себе женщина, и с лица ее не сходила улыбка.

– Здравствуйте, – повторила она, потому что молчание царило в холле. – Мистер Роберт, мистер Дуайт, доктор Солсбери просил передать, что он уже ждет вас в зоне «Т».

Они шли по каким-то тоннелям, то стрельчатым, как в католической церкви, то привычно прямоугольным. Коридоры разветвлялись, сливались, переплетались в сложный лабиринт, обрывались неожиданно причудливыми залами, со стен которых смотрели загадочные идолы и химеры. Впереди и позади была крошечная тьма: десятиметровый параллелепипед тревожного, мертвенно-синего света двигался вместе с идущими.

Когда на потолке вспыхивала очередная гирлянда ламп, на стенах загорались блуждающие синие огоньки: в глаза идолов и химер были вмонтированы отражатели, и глаза загорались медленно при приближении и так же медленно угасали за спиной. Нигде не было ни номеров, ни указателей, ни надписей – только посвященный мог что-нибудь найти в этих мертвых коридорах.

И еще – нигде не было даже намека на двери.

– Слушай, Айк, – негромко сказал Роберт, поглядывая по сторонам. – Мне сейчас кажется, что наш дорогой папаша спятил гораздо раньше, чем попал в психлечебницу. Еще когда он строил всю эту чертову кафельницу...

– Ты все упрощаешь, братец, – так же негромко ответил Дуайт. – Отец был деловым человеком. За этими средневековыми чертями – великолепные лаборатории с новейшей аппаратурой. Там рождались такие малютки, перед которыми сам дьявол снял бы шляпу. Крошечная ампула могла

бы в течение часа стерилизовать целый континент. Остались бы города, поля, заводы, шахты, леса, даже животные – все, кроме человека. Ни одного человека на всем континенте, представляешь? А все остальное – целехонькое. Ни огня, ни бомб, ни взрывов – одна крошечная ампула, привязанная к хвосту паршивого щенка, которого «забывает» на берегу рассеянный турист. Вот это – настоящий размах, вот это власть! Власть над миром.

Дуайта словно подменили. Что-то от идолов на стенах появилось в нем: в мертвенном свете еще длиннее стал крючковатый нос, синим стало высохшее лицо.

– Ты скажешь: к чему этот цирк с лабиринтами, с темнотой, со светящимися глазами вот этих симпатичных уродов? Я повторяю – отец был деловым человеком, но он был и романтиком, художником, знатоком человеческой натуры. Он строил не только секретный Биоцентр, где должно было родиться самое действенное в мире оружие. Он строил храм Силы, коварной, невидимой, беспощадной...

– Храм, – хмыкнул Роберт. – Сила... Вся эта сила передохла через час после хорошенькой дозы этой... как ее... ну, после этой русской сыворотки. И папаша остался на мели со всем своим загробным романтизмом. Только вот эти черти и остались...

– Мистер Роберт, мистер Дуайт, мы пришли.

Этот коридор ничем не отличался от других. Десятиметровый параллелепипед синего света, женщина, стоящая у стены, «полтора Смита» напротив и два черных телохранителя по обеим сторонам.

А на стене – очередная химера. Что-то искаженное до неузнаваемости.

Эти три фигуры, оплетенные змеями...

Лаокоон...

Древний миф Эллады...

До сих пор в Ватикане стоит он, в свой последний миг превращенный в мрамор родосскими ваятелями, – прорицатель, восставший против воли богов, и бесконечно его предсмертное усилие, которым пытается он сорвать змеиные кольца с безвинно гибнущих сыновей.

Но настенная фреска не повторяла скульптуру. Что-то сместилось в ее композиции. Безвестный художник намеренными, едва заметными отклонениями нарушил гармонию – из подобия выросло отрицание.

Не осталось мощи в порыве Лаокоона: напряжение борьбы превратилось в бессильную судорогу смерти. Не боль и не страдание духа, побежденного, но не покорившегося, жило на лице: животный ужас искажил черты. Уже не борец погибал на фреске – в могучих змеиных кольцах корчилась жалкая жертва, недостойная жалости.

А змеи были прекрасны. Изгибы их черных полированных тел, грация всепобеждающей силы, торжество беспощадного рока над жалкой жизнью человеческой – с какой мстительной страстностью, патологической достоверностью было выписано все это.

И последняя мрачная шутка – у победившей змеи было человеческое лицо, и оно было очень схоже с лицом Дуайта.

– Великолепно, – промолвил Роберт, разглядывая фреску. – Впечатляет. Особенно портрет папаши. Очень похож. Правда, Айк?

Дуайт промолчал. Он снова был бесстрастен и сух. Женщина подошла к стене, коснулась каких-то видимых только ей выступов. Глаза человекозмеи засветились.

– Мистер Солсбери, мы пришли.

– Вижу, – гулко прогремел под сводами голос. – Вы свободны, Джой. Мне надо побеседовать с дорогими гостями наедине. Кстати, эта два черных молодых человека свободны тоже...

– Позвольте! – Дуайт протестующе поднял руку.

– Это условие, мистер Дуайт. В зону по вашему же приказу вход посторонним воспрещен.

– Но это же... – начал Роберт.

– Я знаю, мистер Роберт. Это и есть посторонние. К тому же здесь нет никого, кроме меня, и вам, следовательно, ничего не угрожает.

В последних словах сквозила уже открытая насмешка, и Дуайт хмуро кивнул охранникам.

Световой параллелепипед раздвоился – половина осталась на месте, с Робертом и Дуайтом в центре, а вторая бесшумно заскользила вглубь коридора за молчаливыми телохранителями и Джой и погасла за поворотом.

Они остались одни, наедине с мрачной картиной, лицом к лицу с издевательски живым подобием покойного Смита-старшего.

– Прошу в лифт.

Оба невольно вздрогнули, потому что голос прозвучал за спиной.

Вместо замшелой каменной кладки там теперь зиял вход в полуосвещенную кабину.

В кабине никого не было.

Створки захлопнулись, и лифт заскользил вниз, через несколько секунд замер, потом пополз куда-то вправо.

– Мне это не нравится, – сообщил Роберт.

– Мне тоже.

Лифт совершил еще несколько странных перемещений в пространстве, прежде чем створки его бесшумно раскрылись.

Это был полукабинет, полулаборатория со сводчатым готическим потолком, с высокими, стилизованными под Средневековые книжны-

ми стеллажами, причудливо перемещающимися с лабораторными витринами, стойками с химической посудой, какими-то аппаратами и приборами.

В комнате горели только две неяркие лампы: одна – слева, над дверью с желто-красным кружком «Осторожно, радиация», вторая – в глубине, на громоздком письменном столе.

У стола стоял человек в белом халате, накинутом на плечи. Он стоял, опустив голову, и лицо его скрывала тень от абажура.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста.

Здесь не искаженный радиоволнами голос звучал еще более молодо. Роберт сделал шаг вперед, но Дуайт остался у стены.

– Я не буду больше томить вас загадками, господа. Честное слово, меньше всего мне хотелось вас дурачить. Дело в том...

Человек помолчал, левая рука его рассеянно листала бумаги на столе.

– Мистер Роберт, вы помните Чарли Солсбери таким, каким был он пятнадцать лет назад, когда он поступил к вам на работу?

Роберт не ответил, и человек за столом продолжал:

– Ему было сорок пять, но он был еще чертовски крепкий парень, не правда ли? Он здорово сдал за эти годы, но окончательно доконала его бомба – он принял на себя удар, который предназначался вам, мистер Роберт, и предназначался, кажется, вполне заслуженно, не так ли?

– Короче, доктор, – подал голос от стены Дуайт.

– Короче? Ну что ж...

Человек поднял голову, и свет настольной лампы упал ему на лицо.

Дуайт выхватил пистолет раньше, чем Роберт успел перевести дух.

* * *

– Не имеет смысла идти дальше, – сказала Джой, приостановившись. – Можно подняться в комнату, где вы можете подождать мистера Роберта и мистера Дуайта. Там вам будет удобно.

Телохранителям было не по себе. Их смущала спокойная властность молодой женщины, явная встревоженность хозяев, необычность этого черного коридора без входа и выхода. Инстинктивное чувство опасности заставляло их держаться настороже.

– А как боссы найдут нас?

– Через меня, разумеется. Когда все кончится, я вас провожу.

– Где вы будете?

– У меня дела. Но я приду сразу, как все кончится.

Головы телохранителей были отлично натренированы для смертельного удара в живот, но не больше. Сейчас бить было некого, приказов не было, и старший махнул рукой:

– Делайте как знаете, мисс. Мы привыкли выполнять. Думать – не наше дело.

Джой положила ладонь на стену, и большая каменная глыба сдвинулась, открыв кабину лифта.

– Как в цирке, – прищелкнул языком младший.

– Техника, – констатировал старший.

Лифт поднял их в маленькую комнатку, посреди которой стоял стол, такой же как в холле, несколько кресел, мягкая тахта у стены и какие-то шкафы со множеством отделений. Джой откинула полог, за которым оказались полуразобранный пульт и большой, в полстены, экран.

– Здесь была раньше служба подсматривания, – сказала Джой. – Ну а теперь можно включить телепрограмму.

– Не надо, мисс. Но если бы промочить горло – это другое дело...

– О господи, как я сразу не догадалась! Извините. Вам виски?

– Сойдет и виски.

Бутылка выскочила из стола, и охранники сразу повеселели.

– Ну, я вас покидаю. Если не хватит – вот здесь наборная карточка. Я думаю, вы справитесь.

Дверь за Джой захлопнулась с легким металлическим щелчком.

Младший подошел к двери, толкнул.

– Закрыто. Если мы попались, то попались.

– Отсюда и с открытыми дверями не выберешься.

Младший, обходя комнату, обнаружил за пультом еще одну дверь.

– Боб, а тут, оказывается, есть все, что надо.

– Ну и отлично.

– Но вообще-то здесь мрачновато. Как в гробу.

– В гробу не бывает виски. Садись.

Младший захохотал, хлопнул старшего по спине:

– Ты прав, старина. Есть что пить, есть куда лить. Что еще надо простым парням вроде нас? Хватим, Боб!

– Хватим, Сэм.

Телохранители сняли пиджаки, отстегнули лучеметы, кряхтя, стащили плотные негнувшиеся кольчуги с эластичными бронепрокладками и побросали всю свою тяжелую сбрую на тахту.

Виски светилось в бутылке золотистым солнечным светом, и уже после первой рюмки им стало уютно и тепло.

* * *

Однако человек за столом никак не реагировал на наведенное дуло пистолета.

– Успокойтесь, мистер Дуайт. У вас просто плохая зрительная память. Посмотрите внимательнее.

Он усилил свет лампы и продолжал смотреть на Смитов грустно и слегка иронически.

На вид ему было лет сорок, и легкая седина на висках, как ни странно, не старила, а, наоборот, молодила его, может быть, потому, что резче подчеркивала матовый, без единой морщины, высокий лоб и живые глаза.

Он улыбнулся, и сверкнули в улыбке крепкие белые зубы.

– Черт подери, Солсбери, что с тобой? Где твои шрамы, очки... и все остальное? Ведь у тебя...

– У меня была сожжена половина лица, выбиты все зубы вместе с изрядным куском нижней челюсти, катаракта от ожога, которую, правда, удачно оперировали, но тем не менее без очков я не видел дальше своего собственного носа, не так ли?

– Клянусь дьяволом, совершенно верно!

Дуайт убрал пистолет и подошел поближе.

– Простите, мистер Солсбери, понимаете... все это несколько необычно. Извините за эту игрушку, но...

– Я понимаю, мистер Дуайт. На вашем месте я поступил бы так же.

Дуайт от волнения снял свои темные очки.

Солсбери уставился на Дуайта во все глаза и оглушительно расхохотался. Действительно, превращение было разительным. В очках Дуайт был похож на грифа, ждущего добычу, в нем было что-то демоническое, загадочное. А теперь без очков перед Солсбери стоял просто любопытный крючконосый старик с маленькими, близко посаженными глазами.

– Я впервые вижу вас без очков, мистер Дуайт. И вы, оказывается, совсем не похожи на Мефистофеля. Вся ваша сила – в очках, никогда не снимайте их!

– Я снял очки перед Фаустом, мистер Солсбери, ибо вы – настоящий Фауст. Если я не ошибаюсь, вы, кажется, нашли эликсир вечной молодости?

– Не совсем так, но дело это не меняет. К тому же пока я вам продемонстрировал только пролог. У меня еще немало сюрпризов. Мистер Роберт, вы, наверное, знаете, что в университете я немного занимался боксом?

– Слышал. И даже видел, правда гораздо позже. Когда ты отправил Пита в тяжелый нокаут, не помню, правда, за что. Пит с тех пор отзывается о тебе с величайшим уважением, хотя яйцеголовых не переваривает. Он говорит, что у тебя великолепный удар правой...

– Вы хотите сказать – был? Ведь пять лет назад...

– Оставь, Солсбери. Пять лет назад мне тоже досталось.

– Все верно, но половину удара, причитавшегося вам, вы отдали мне, так сказать, взаймы. Но теперь я могу вернуть вам долг, мистер Роберт.

Лицо Солсбери стало жестким. Движением плеч он сбросил халат и, прежде чем Роберт успел что-либо сообразить, коротко, не размахиваясь, ударил Роберта правой в челюсть.

Роберт грохнулся в угол, разломав в щепки кресло.

– Великолепный удар, – Дуайт с явным удовольствием проследил траекторию полета Роберта. – Просто великолепный. Ну а теперь, будьте добры, покажите мне вашу новую руку.

– Пожалуйста, мистер Дуайт. Только она не новая, а старая. Моя собственная кровная правая рука, которую с помощью фирмы «СС» я потерял пять лет назад.

Он закатал рукава и показал сначала правую, потом левую руку. Обе были одинаковы – с большими крепкими ладонями, жилистые, с перекачывающимися комками мышц.

– Правая, кажется, светлее. И волосы короче. Черные, а не седые...

– Совершенно верно. Правая моложе. Ровно на пять лет.

В углу завозился, постанывая, Роберт. Солсбери наклонился над ним, брызнул водой в лицо. Роберт открыл глаза, засопел, постепенно приходя в себя. Очнувшись, рванулся, но, увидев обнаженные по локоть руки Солсбери над собой, затих, растерянно моргая:

– Собачий бред! У тебя же нет, нет правой руки. Выше локтя, я помню, черт подери! Или я спятил?

Солсбери помог Роберту подняться, усадил в кресло. Роберт потрогал подбородок, пробормотал:

– Да, Пит, кажется, был прав. Мне думается даже, он несколько преуменьшил твои способности, доктор...

– Извините, мистер Роберт, но мы теперь в расчете...

– Как знать...

– Ну хорошо, – Дуайт поднял руку. – Подведем некоторые итоги вашего очаровательного спектакля, мистер Солсбери. Во-первых, вы помолодели этак лет на пятнадцать-двадцать. Во-вторых, вам удалось каким-то образом восстановить в прежнем виде свое лицо: убрать шрамы, заменить без всяких следов обожженную кожу, даже завести новые зубы. В-третьих, у вас появилась вновь рука...

– В-четвертых, я могу вам продемонстрировать светогаммы своих легких и ребер, пять из которых были в свое время заменены пластмассовыми. Легкие чисты, и искусственных ребер нет: восстановлена естественная кость...

– Короче говоря, тебе удалось каким-то образом выкрасть у своей смерти добрый десяток лет. Я слышал, что такие трюки со временем выделяют космонавты в космосе, но вот чтобы у них отрастали оторванные руки... – Роберт снова потрогал свой подбородок под насмешливым взглядом Дуайта. – Вот о такой чертовщине я не слыхал.

– Нет, со временем здесь все в порядке.

Солсбери сел напротив Дуайта и Роберта, и Роберт, еще раз недоверчиво взглядевшись в его лицо, проворчал:

– Собачий бред...

– Со временем все в порядке. Я не помолодел. Мне шестьдесят лет, и ни годом меньше. Это с точки зрения естественного процесса биологического старения.

– Слушай, док, ты только не вздумай пичкать нас учеными лекциями. Ты говори просто, что и к чему. А всякую ученую начинку оставь для своих друзей-яйцеголовых. Нам нужны факты.

– Подожди, Робби, факты уже есть. Теперь нам не мешает немного теории. Так что же с вами произошло, доктор?

– Регенерация, мистер Дуайт.

– Регенерация? Это когда у ящерицы отрастает хвост?

– Совершенно верно, мистер Роберт. Вы делаете успехи. Я действительно не буду утруждать вас теорией. Тем более я, откровенно говоря, знаю немногим больше вашего. Разрешите сигарету, мистер Дуайт?

Дуайт положил пачку на стол, поднес зажигалку. Солсбери затянулся глубоко и закашлялся.

– Вот видите, мои обновленные легкие еще не привыкли к токсическому действию никотина. Они реагируют на него так же, как после первой сигареты, выкуренной в колледже.

Он прикрыл глаза рукой, помолчал минуту, провел ладонью по лицу, словно стирая что-то.

– До сих пор не верится... Ну так вот, о регенерации. Регенерация свойственна всем живым существам – от самых примитивных до самых совершенных. Мы поражаемся, когда тело гидры полностью восстанавливается из одной двухсотой части целого организма...

– И эта гидра живая?

– Разумеется, мистер Роберт. Можно даже растолочь гидру в ступке – ей это ничуть не повредит, она снова воскреснет, жива и невредима...

– Неплохо, очень неплохо.

– Неплохо? Пожалуй, да. Но регенерация – это особое свойство не только простейших, как думал когда-то Вейсман. Больше того, очень много простейших или вообще не способны к регенерации, или регенерируют в очень малой степени. С другой стороны, мы привыкли к тому, что у нас сломанный ноготь заменяется новым, отрастают подстриженные волосы, срастаются кости, заживают раны, на месте погибшей возникает новая кожа.

– Следовательно, мы тоже можем регенерировать?

– Да, мистер Дуайт, человек не составляет исключения. Если бы мы смогли управлять регенерацией клеток, это бы в корне перевернуло всю

современную медицину и биологию. Это было бы... Просто мне фантазии не хватает, чтобы представить все последствия такого открытия. Но вся беда в том, что до самого последнего времени механизм регенерации был абсолютной загадкой для ученых. И только генетика наметила какие-то пути, а изучение клетки на атомно-молекулярном уровне обнажило кое-какие обнадеживающие просветы. Практические достижения профессора Полежаева по регенерации свода черепа у человека, профессора Синицына по регенерации сердечной мышцы, наконец, теоретические работы советских ученых из Института биологии развития Академии наук СССР..

– Солсбери, мы отдаем дань вашей эрудиции, но нас интересует нечто иное. В чем суть вашего открытия?

– Собственно... – Солсбери замялся. – Собственно, открытия пока еще нет. То есть нет теоретического обоснования. Потребуются еще годы, тысячи экспериментов, чтобы дать ясную и полную картину регенерации. Причем экспериментов не только на атомном, – на уровне элементарных частиц, квантов, а возможно, даже и на уровне кварков..

– Теория нас не интересует. Она понадобится вам для второй Нобелевской премии. Расскажите лучше, как выросла ваша рука.

– Мне чертовски повезло, мистер Дуайт. Я занимался очень давно всем, так или иначе связанным с внутриклеточными процессами, а следовательно, с проблемой восстановления клеток, с регенерацией. Препарат Б-5 был только вехой на пути, а Нобелевская премия... Что ж, получить ее, не скрою, было мне приятно, но гораздо приятнее было то, что препарат мой спас десятки тысяч жизней. Но это к слову. Так вот, я нашел наконец то, что искал всю жизнь. И нашел совершенно неожиданно.

– В содержимом трала 308-Ф5-АС?

– Да, что-то около трех месяцев назад ребята из восемнадцатой лаборатории в очередной партии обычного межпланетного хлама обнаружили несколько унций совершенно необычного, неизвестного до сих пор вещества. Они сообщили мне, я сделал пробный, очень грубый анализ и...

– Что это было?

– Господи, что это было?! Вот уже несколько десятков лет мне снились невероятные, сумасбродные формулы веществ – катализаторов регенерации. После ранения они преследовали меня в ночных кошмарах. Но химики твердо отвечали: нет, такого вещества быть не может, только нечистая сила способна соединить в единый молекулярный комплекс такое фантастическое множество взаимоисключающих физических и химических свойств. И вот... Вы знаете, это был самый страшный и самый радостный день в моей жизни. У меня дрожали руки, когда я вынимал ленту из ЭВМ... И весь я дрожал, как собака, почуявшая след... Я боялся, что след ложный...

– И ты ввел это вещество себе?

– Ну нет, мистер Роберт. Я почти сошел тогда с ума, но у меня хватило хладнокровия начать все сначала. Потому что именно тогда мне меньше всего хотелось умирать. Я приготовил из СД препарат, и мы с Джой начали опыты на животных. Все шло отлично: мыши, кролики, собаки с каждым часом все больше и больше убеждали нас, что случайная находка – именно то, что нужно. Но я, пожалуй, еще долго бы не решился поставить опыт на человеке, если бы жизнь не ускорила события.

– Вот как? Что же случилось?

– Месяц назад... Джой сидела за пультом пи-установки, я возился за перегородкой с орангутаном, которому мы только что регенерировали нижние конечности. Перегородка меня и спасла. Когда раздался взрыв, я вскочил, пульт был разворочен и весь пылал, а Джой лежала прямо в пламени...

Роберт быстро взглянул на Дуайта, но тот приложил палец к губам: молчи. Солсбери сидел, обхватив голову руками, и ничего не заметил. Лампа, горящая сзади, окружала его пепельным нимбом.

– Я схватил Джой на руки, бросился к дверям, но те оказались почему-то закрыты. Наверное, испортилась защелка. Сигнализация не работала. Мы оба погибли бы, если бы...

Солсбери поднял голову, грустно улыбнулся:

– Если бы не любовь вашего отца к секретам и тайнам. Когда я принял Биоцентр, я, наверное, с полгода изучал все его ходы и выходы – просто из любопытства. Я просто хотел понять, что направляло и подогревало фантазию вашего отца, основателя фирмы и строителя Биоцентра... Так вот, в пятой лаборатории был секретный лифт, который опускался прямо в зону «Т». Этим лифтом я и воспользовался... А сейчас я хочу показать кинокадры...

Свет в кабинете погас, а на стене вспыхнул белый прямоугольник. Из прямоугольника выглянула огромная серая морда с острыми белыми клыками и красными злыми глазами.

– Это Мэри – она первой приняла СД... Здесь сняты все наши опыты, это для вас не так интересно.

Изображение задергалось, в прямоугольнике стремительно замелькали кошки, собаки, морские свинки, отрезанные лапы, хвосты, вывороченные внутренности, приборы, какие-то провода, установки и снова целый зоопарк, но уже с хвостами, лапами, с исчезнувшими бесследно страшными ранами...

– Вот...

Остановившийся кадр заставил вздрогнуть даже Дуайта.

На операционном столе лежало обугленное тело. Нельзя было даже понять, мужчина или женщина, так оно было изуродовано.

Роберт, не выдержав, опустил глаза.

– Она была... жива?

– Да, еще жива. Но жить ей оставалось около минуты. Я решился ввести ей СД. Так что первым человеком, испытавшим действие нового препарата, была Джой Митчэлл. И первым человеком, которого этот препарат спас.

Солсбери выключил проектор. И они остались в темноте.

– Ну вот и все, собственно. Джой вы уже видели, кинокадры дальше показывать бессмысленно. После Джой решился и я.

Вспыхнул свет. Солсбери стоял у стены, прямой, помолодевший, насмешливый.

– Ну а себя я латал уже с помощью ее. Все закончилось несколько дней тому назад, но пока я из зоны «Т» не выходил, чтобы не пугать преждевременно сотрудников. И вот вызвал вас, хотя для этого и потребовалась некоторая доля таинственности: опять же в стиле Смита-старшего...

Оба Смита молчали, напряженно обдумывая ситуацию.

Наконец Дуайт покачал головой:

– Да, Солсбери, я вас поздравляю. Эта штука почище Б-5. Имея такую штуку в руках, можно перевернуть весь мир и поставить все человечество на колени. Ведь это живая вода из древних сказок! Лекарство от всех ран и болезней!

– Кроме наследственных, – уточнил Солсбери.

– Неважно. В ваших руках – оружие невиданной силы.

– Боюсь, что не в ваших, мистер Дуайт. И даже не в моих. Оно пока что в руках одного человека, который даже не подозревает об этом...

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что родник этой самой, как вы выразились, живой воды известен пока только одному человеку – пилоту, который привел трал 308-Ф5-АС...

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что мы с Джой имели дело с веществом, ниспосланным нам, так сказать, Господом Богом. А вот как вещество это появилось, я не имею ни малейшего понятия. Я уже говорил вам: современная химия утверждает, что такого вещества в природе быть не может и не должно быть, потому что его существование опровергло бы самые незыблемые химические и физические законы. Никакой речи о производстве препарата здесь, на Земле, сейчас быть не может. Надо узнать, где оно родилось, в каких условиях и для чего... Необходимы годы, а может быть, десятилетия изучения таинственного «родника», прежде чем можно будет попробовать самим сделать что-то подобное. Эта живая водичка многим химикам свернет мозги набекрень.

- Вы уверены в этом?
- Абсолютно.
- Где здесь междугородный видеофон?
- Вот, пожалуйста.

Сухо протрещал наборный диск, и на засветившемся экране появился человек в форме майора класса «А».

- Джо, где пилот Эдвард Стоун?
- Заморыш? В профилактории, здесь, у меня, сэр.
- Вызови его.

– Видите ли, – Джо смущенно поскреб лысину, – вчера вечером он уехал на прогулку и до сих пор не вернулся. Такие прогулки разрешены, и я не стал возражать, когда он попросился.

- Куда он поехал?
- Я н-не знаю. Куда-то во Флориду, кажется...

– Бросьте, Джо. У меня есть дело к Тэдди. Вы сами знаете, я совсем не против, чтобы мальчики на Земле поразмялись немного. Мне просто срочно его надо найти. Где он?

– Он поехал во Флориду, сэр, к дядюшке Клаусу. Там есть такое местечко, «Кафе погибших». Все звездолетчики туда забегают, ну а Тэдди давно знает Клауса, они друзья, ну и вот...

– Джо, немедленно разыщите его, если он даже в преисподней. Поставьте на ноги всех. Он мне очень нужен. И позвоните прямо по номеру...

Дуайт взгляделся в цифру под экраном и назвал номер.

– Слушаюсь, сэр.

– Ну а теперь, господа, я вам покажу Синий Дым. Конечно, название вещества абсолютно ненаучно, но ведь само его появление и существование тоже противоречит научным догмам. Вот я и позволил себе назвать это очередное чудо природы романтично: СД – Синий Дым...

* * *

За тяжелой дверью с надписью «Осторожно, радиация» и предупредительным желто-красным кругом шла витая лесенка между двумя полупрозрачными стеклянными стенами. Слева и справа напряженной и беззвучной жизнью жили шары странного мерцающего пламени, то распадающегося на отдельные полосы и капли и тихо затухающего, то взлетающего взрывом холодного света.

– Это наш космический аквариум. Или виварий, если хотите. Здесь представлены почти все известные формы инопланетной жизни. Большинство видов предпочитает темноту – на свету они превращаются мгновенно в спороидальный мутант. Поэтому-то в свое время так долго не могли открыть жизнь на Луне или, скажем, Венере и Меркурии. А вот

этот световой концерт исполняют хрустальные пиявки. У них сейчас брачные игры... Только не смотрите на них долго: их свечение обладает тяжелым гипнотическим действием.

Лестница под ногами мягко качнулась, и немного отставший Роберт прижался к перилам. Во мраке за стеклом что-то тяжело ухнуло, и огромная глыба, шевеля серебристыми щупальцами, похожими на елочный дождь, поплыла к лестнице. Желтый глаз – или фонарь? – высветил влажную поверхность полуметрового стекла, сфокусировался на Роберте, прикрывшем глаза ладонью.

Солсбери взял Роберта за руку, увлек за собой, а луч следовал за ними все ниже и ниже и погас тогда, когда свод бетонного перекрытия отделил их от вивария.

– Здесь это не страшно, хотя и действует на нервы. Но у себя дома, на Венере, эта зверюга немало попортила нам крови. В буквальном смысле. Потому что она реагирует на человеческую кровь – вернее, не на кровь, а на железо, которое содержится в крови. Причем кровь она чувствует на расстоянии до полутораста километров.

Солсбери рассеянно потянулся к глазам, словно собираясь поправить очки, и улыбнулся виновато:

– Привычка... Так вот, магнитная черепаха, как не очень точно окрестил ее Фрэнк, – первый человек, оставшийся в живых после встречи с этим чудищем, – великолепный пример нашей человеческой близорукости. Мы прозондировали почву Венеры с помощью автоматических станций так тщательно, что, казалось, никаких органических следов в пылающей атмосфере Венеры не было обнаружено. Да и быть их не могло. Но первый же корабль с людьми на борту пропал без вести. Его останки нашли через десять лет. Он остался таким, каким был при приземлении. С учетом венерианских ураганов, конечно. Только в нем не осталось ни одной молекулы железа – ни в корпусе корабля, ни в высохших мумиях космонавтов. Тогда на это не обратили внимания...

Они шли по ярко освещенному тоннелю, на потолке которого висели тяжелые капли. Время от времени капли срывались на мокрый пол, и тогда в воздухе повисал нежный серебристый звук, словно лопнула гитарная струна. Солсбери говорил негромко, но голос его грохотал по всему тоннелю.

– Мы ничего не могли понять. Одни венерианские станции погибали в первые же часы своего существования, другие не испытывали никаких неудобств и жили преспокойно. Старый Фрэнк нашел разгадку – он заметил магнитную черепаху раньше, чем она на него напала. И употребил единственное свое оружие – магнитоскоп, и черепаха, которая даже лазерный луч принимала как легкую щекотку, сохла. И Фрэнк стал мил-

лионером, потому что ее восьмидесятитонный панцирь из химически чистого железа, которое, как известно, во много раз дороже золота, стал его трофеем...

– Фрэнк лопнул, – бесстрастно сообщил Дуайт. – Сегодня утром передавали его «гражданскую панихиду».

– И вовремя, – Солсбери стоял перед овальной дверью, которая напоминала люк старого космического корабля. – Вовремя, потому что вот эта черепаха в моем виварии, кажется, последний экземпляр венерианской фауны. Всех их перебили магнитными ружьями системы Фрэнка. Очень плохо, когда космонавт становится бизнесменом.

Дверь отворилась, и они очутились в маленькой квадратной комнатке, все четыре стены которой оказались матовыми экранами телеприемников.

Солсбери натянул на руки черные перчатки манипулятора. Роберт ожидал увидеть что-то вроде полярного сияния. Еще в детстве с отцом он летал на Северный полюс, и бесшумные волны небесного свечения с тех пор автоматически ассоциировались у него со всем необыкновенным и сказочным. Дуайт мыслил реалистичнее, но и он не удержался от легкого смеха разочарования – на дне во много раз увеличенной пробирки лежали две крохотные крупички света, две маленькие синие призмы.

– Почему же Синий Дым?

– А вот посмотрите...

Солсбери сделал незаметное движение рукой, и стрелка на шкале «Интенсивность облучения» сделала резкий рывок от нуля к ста тысячам рентген.

Острые углы призм затуманились, сделались зыбкими, задрожали и растаяли. Пробирка словно выросла на экране. В ней клубился синий туман, касающийся стеклянных стенок поразительно живыми, осмысленными движениями слепого, ищущего дорогу.

– Облучение возбуждает вещество, делает его активным. Молекулярные цепочки, организованные по белковой схеме, разрываются и... Препарат сейчас готов к действию.

– Солсбери, а это не опасно? – Роберт смотрел на синие клубы с недоверием и затаенной надеждой.

– Что именно?

– Ну, вся эта регенерация... Что ты чувствовал, когда у тебя отрастала рука, например? Это больно?

– Нет, это не больно, но ощущения, прямо скажу, не из приятных. Очень сильное возбуждение, иногда даже галлюцинации. Через неделю все неприятные ощущения проходят, и вы чувствуете себя как новорожденный. Это истинное наслаждение – ощутить свой капитально отремонтированный организм, честное слово!

– В таком случае, Солсбери, я, кажется, поступлю к тебе в ремонт. Быть хромым не очень сладко даже в наш век биоэлектроники. К тому же моя печень...

Солсбери растерялся:

– Видите ли, мистер Роберт, препарата осталось очень мало. Всего одна доза. Я отлично понимаю ваше желание, но... Может быть, лучше подождать, пока у нас будет достаточно СД?

– Чего еще ждать? – Роберт по-бычьему наклонил голову. – Завтра же по маршруту Заморыша уйдут тральщики!

– Но ведь нужно разрешение Международного Совета, а для этого потребуется подробное описание СД, демонстрация его, эксперименты...

– Не будь ребенком, Солсбери. Не для того поймали мы эту жар-птицу, чтобы выпускать ее из рук. Обойдемся и без МСК, будь он неладен. Нашим ребятам не привыкать ходить в рискованные рейсы.

Солсбери рывком выключил экран. На лице его выступили красные пятна.

– Послушайте, господа, я думал... Мне казалось это знамением: именно здесь, в этих катакомбах, созданных для того, чтобы фабриковать смерть, возник удивительный препарат, способный продлить жизнь людей, избавить их от страданий. Мне казалось это победой изначального Добра. Я мечтал о биологической революции. О новом мире, гуманном и светлом.

– Мистер Солсбери, успокойтесь, – Дуайт примирительно положил на плечо доктора сухую руку. – Мы еще подумаем. Но мы вас очень просим, пока никакой самодеятельности. Вы должны молчать. Это в наших общих интересах...

Резкий звонок прервал неприятный разговор.

– Кто-то вызывает по видеофону. Это, видимо, Джо. Я могу перевести разговор сюда.

– Давайте, Солсбери.

На соседнем экране появился лысый майор. Он переводил взгляд то на Солсбери, то на Роберта, то на Дуайта, не решаясь заговорить.

– Ну что там, Джо, говорите скорее!

– Пилот Эдвард Стоун два часа назад погиб в автомобильной катастрофе. В сорока километрах от Филадельфии его машина врезалась в бетонное ограждение автострады. На скорости двести миль в час. Машина разбита вдребезги...

– А Тэдди?

– Тэдди... Простите, сэр, но от Тэдди осталось очень мало. Его собирают по кусочкам. Это ужасно, сэр.

4. КРАСНОЕ ПЯТНО

– Остолоп!

Маленький полицейский с розовым ромбом лейтенанта на каске подчеркнуто бережно опустил полог носилок. Второй, пожилой, без ромба, похрапывая, стал по стойке «смирно».

– Куда ты все это волокешь?

– В машину, сэр.

– Сколько сейчас времени?

– Половина первого. То есть ноль часов тридцать пять минут, сэр.

– Я тебе говорил перед выходом на дежурство, что в ноль-ноль часов вступает в силу новая инструкция?

– Да, сэр.

– Ну и что?

– Простите, сэр. Я не обратил внимания на его форму.

– То-то. Не обратил внимания. Ну а теперь ты куда направился?

– Вызвать патруль МСК..

– Нет, с такими помощниками можно рехнуться. Я это сделал еще четверть часа назад. Иди-ка оформляй протокол и киноматериалы. Где свидетель?

– Этот парень уехал, сэр. Он очень спешит. Но я его снял, а показания записал на магнитофон. Номер машины и фамилия записаны, сэр.

– Ну хоть на это ума хватило. Иди.

Пожилый с тоской посмотрел на черное небо, поежился, зябко запахнул твердый, как из жести, плащ и поплелся к машине.

Моросил противный мелкий дождь. Резкий ветер налетал порывами, и тогда полог носилок оглушительно хлопал.

Было неудобно и холодно. Мощная фара полицейского вертолета выхватывала из шелестящей тьмы мокрый бетонный круг площадки, на которую перетащили с автострады обломки разбитого электромобиля.

Лейтенант пнул ногой груды металла, искореженную и смятую страшным ударом, покачал головой:

– Хорошая была машина... Зверюга...

Рядом неудержимым потоком искрилась двойная дуга автотрассы. По светящемуся покрытию разноцветными стрелами проносились мощные машины. А в хрупких скорлупках обтекаемых кабин сидели люди – сотни, тысячи неведомо куда спешащих людей. И каждого десятого, как утверждает статистика, на этом адском пути ждал такой вот финал.

Лейтенант подошел к носилкам, но снова приоткрыть полог не решился.

В небе появилась зеленая звезда, и вскоре послышался гул вертолета. Лейтенант поправил каску, бляху на груди и постарался придать лицу деловое выражение. Но пухлые губы невольно кривились обиженной гримаской – очень уж холодно, темно и неудобно было вокруг.

Вертолет сел рядом, не гася позиционных огней. Трое в одинаковых серых накидках и с буквами «МСК» на летных шлемах подошли к лейтенанту.

– Патруль МСК. Лейтенант Гордон, – один из троих протянул удостоверение.

– Дорожная полиция. Лейтенант Хьюз, – молодежато козырнул полицейский и пробежал глазами удостоверение на пластебумаге с текстом на четырех языках.

– Обычная дорожная авария, мистер Гордон. Врезался в ограждение. Форма Службы Коридора. Согласно новой инструкции расследование всех аварий со звездным персоналом на Земле и в космосе производится только комиссией МСК. Инструкция вступила в действие в ноль-ноль часов, и поэтому я вызвал вас...

– Отлично, лейтенант Хьюз, – едва заметно улыбнулся Гордон. – Если бы все так точно и оперативно выполняли свой долг, было бы гораздо меньше хлопот на старушке планете...

Хьюз по-мальчишески покраснел от удовольствия.

– Вот его машина. А тело на носилках. Вернее, то, что от него осталось.

– «Форд-СС»? – Гордон присвистнул. – Это же машина с автоводителем. И с тройным дублированием надежности. Даже грудной ребенок в такой машине будет в безопасности. Странно...

– Да, мистер Гордон. Мне это тоже показалось странным. Я отметил в протоколе...

Рядом послышался гул еще одного вертолета, идущего на посадку. Все четверо удивленно подняли головы, но позиционных огней не было видно, вертолет сел без света.

Через минуту в луч прожектора вошел человек в серой накидке и в шлеме с буквами «МСК». На секунду он замешкался, словно оценивая ситуацию, потом шагнул к Гордону:

– Патруль МСК. Я не знал, что здесь уже есть наши...

Гордон и Хьюз, переглянувшись, уставились на незнакомца. Из-под низко надвинутого шлема на них глянули бесстрастные серые глаза. На мощной шее кэтчиста пульсировали шальные жилки. Он жевал жвачку, и тяжелый подбородок с белым шрамом посередине ходил вправо и влево с ритмичностью раз и навсегда заведенного механизма.

– Вы из какого района?

Незнакомец сунул руку в карман, но Гордон, опередив его, отскочил назад, выхватив пистолет:

– Документы!

Незнакомец перестал жевать и криво улыбнулся. Глаза его были бесстрастны по-прежнему.

– Спокойно... Документы сейчас будут...

Три молнии почти одновременно сверкнули из темноты, со стороны приземлившегося вертолета. Гордон неловко переломился пополам, боком упал на бетон. И, как в замедленной киносъемке, так же медленно опустились рядом с ним тела товарищей.

Лейтенант Хьюз схватился за кобуру, но в руке незнакомца сверкнула четвертая молния, и в оглушительной тишине, сопровождающей всю эту стремительную сцену, Хьюз рухнул, перерезанный пополам лазерным лучом.

Последовал еще один бесшумный выстрел – в прожектор полицейского вертолета, и темнота скрыла все.

И только когда окончательно затих гул взлетевшего с потушенными огнями вертолета, во мраке вспыхнул фонарик.

Он скользнул по лежащим телам, на секунду задерживаясь на каждом, описал круг по площадке. Обломки машины были на месте, но носилки исчезли.

Пожилой полицейский посмотрел в черное небо и крикнул:

– Да... Ну-ну... Совсем ошалел народ. Одного покойника крадут, а четырех оставляют вместо него...

Он снова осветил на площадку, и внимание его привлек маленький белый квадратик, прилипший к мокрому жетону.

Он нагнулся, поднял его. Квадратик оказался плотной картонкой размером с визитную карточку. На нем была изображена тощая черная птица с хищно раскинутыми крыльями и острым загнутым клювом. В лапах птицы красовался человеческий череп, пробитый черной молнией. И внизу – «Коршуны космоса».

– Ишь ты, «Коршуны космоса». Новая, значит, банда...

Он тяжело вздохнул, вытер ладонью мокрое от дождя лицо.

– Одной бандой больше, одной меньше – какая разница? Только бы до пенсии дотянуть... И тогда всех этих коршунов – к чертям собачьим...

Он остановился над Хьюзом.

– Эка, лейтенант, тебя разделали. Такой молоденький... И поделом – не выслуживайся, не суй носа, куда не надо. Новая инструкция, видишь ли. Да если бы я, к примеру, все эти самые инструкции соблюдал, раньше тебя бы, милый, на том свете был. Народ-то совсем ошалел. И чего это им неймется?

Полицейский сдвинул шлем набок, почесал за ухом.

– Надо уголовную вызвать. Это их дело – когда мертвецов воруют. И убивают заодно полицейских. И всех, кто под руку попадет. Эх, народ...

Полицейский, посвечивая фонариком, пошел к своему вертолету неторопливой походкой человека, знающего что к чему. Он старательно обходил трупы и большие маслянистые лужи, на поверхности которых вскипали и лопались белые пузырьки.

* * *

Санитар, подкатив носилки к стене, кивнул:

– Сюда, мисс?

– Да, спасибо, вы свободны.

– О'кей.

Белый халат растаял в полумраке коридора. Джой нажала сигнальный выступ на фреске. Человекозмея ожила, и гулкий голос Солсбери сказал:

– Давайте прямо в операционную, Джой.

Лифт заскользил вниз и вправо, чуть вздрагивая при перемене направления. По белой простыне, прикрывающей носилки, расплывалось большое красное пятно.

Солсбери стоял у стерилизатора, по локоть засунув руки в губчатые рукава прибора, и рассеянно смотрел, как за стеклом паутина высоковольтных электрических разрядов обволакивает пальцы.

– Все в порядке, мистер Солсбери.

Солсбери обернулся через плечо на носилки, потом покосился на часы:

– Уже? Завидная оперативность.

Солсбери освободил руки, откинул простыню.

– Господи, какой ужас! Как страшно его покалечило! Буквально ни одного живого места. Вы надеетесь на успех, доктор?

– В том-то и дело, что шансов почти нет. Мы знаем, как действует СД на живое тело, на живой организм. Но как поведет он себя в этом случае, одному богу известно.

– Значит, если неудача...

– То мы останемся и без препарата, и без человека, который один из всех знал место рождения Синего Дыма.

Солсбери привычными движениями ощупал череп убитого.

– Голова, кажется, цела. Да. Джой, задачка для начинающих волшебников, прямо скажу, сложная. Готовьте вакуум-камеру, а я освобожу нашего пациента от одежды.

Джой прошла в глубину лаборатории и включила софиты. Посреди зала на небольшом возвышении покоилась светло-желтая прозрачная полусфера в рост человека. От больших и маленьких металлических ящичков, расположенных вокруг, к ней тянулись матовые шланги и пестрые провода. Джой переходила от аппарата к аппарату, и они постепенно оживали с тихим послушным ворчанием, и под ее руками, как синие цветы, загорались сигналы готовности. Солсбери работал сосредоточенно, но когда поднимал голову, поглядывая на стройную белую фигуру ассистентки, в его глазах вспыхивали веселые искры.

– А вы действительно похожи сейчас на волшебницу, Джой. Точнее, на симпатичную добрую фею...

Джой лукаво кивнула:

– Спасибо. Комплимент главного волшебника вдвойне приятен.

Мягкое жужжание стояло в зале. Джой еще раз обошла приборы и, убедившись, что все в порядке, села за стол дистанционного управления. Край прозрачной полусферы поднялся, открыв внутренность камеры.

– Камера готова, мистер Солсбери.

– Неплохо бы вспомнить какое-либо заклинание или молитву на худой конец. Вы знаете что-нибудь подобное, Джой?

– Мама говорила, что по обычаям племени семинолов надо дунуть во все четыре стороны, чтобы отогнать злых духов.

– А тем, кто не индеец, это помогает? – спросил Солсбери, осторожно вводя носилки в направляющие желоба камеры.

– Не знаю. Индейцам древнее заклятье тоже не помогло, кстати. Злые духи оказались сильнее.

– Мы еще с ними повоюем, с этими злыми духами... Ну, как говорится, с богом. Начали, Джой...

Прозрачный колпак камеры закрылся, верхний свет погас, а внутри камеры вспыхнули невидимые светильники. Искалеченное человеческое тело казалось сейчас вплавленным в огромную глыбу янтаря.

- Давайте общую антисептику. Какая у вас концентрация стерола?
- Пять-двенадцать.
- Добавьте еще три-четыре единицы. И следите за уровнем «Пэ-аш».
- Есть, пять-шестнадцать. «Пэ-аш» около двух...
- Давайте...

Тысячи сверкающих фонтанчиков забили под янтарным куполом, и через секунду лежащее тело покрылось хлопьями пены. Сначала пена была темно-красной, потом стала светлее, а через несколько минут стала снежно-белой.

– Довольно. Ну а теперь попробуем немного поштопать. Это должно ускорить дело, если оно, конечно, сдвинется с мертвой точки.

Солсбери надел перчатки биоэлектронного манипулятора и слегка пошевелил пальцами. Под куполом выросло и покорно зашевелилось множество гибких серебристых щупалец.

- Дайте рентген. Так... Чуть поярче... Начнем с грудной клетки.

Теперь уже ни Солсбери, ни Джой не смотрели на купол камеры. Серебристые щупальца обвили тело и, чуть подрагивая, погрузились в зияющие раны. Солсбери сидел, напряженный и неподвижный, не отрывая глаз от экрана. Щупальца манипулятора подчинялись не грубым движениям пальцев, а неуловимым изменениям биотоков, мысленным командам хирурга, переданным туда, под купол. Поэтому работа их была быстра и точна. Порой казалось, что в камере живет какое-то таинственное существо, а люди только неподвижно следят за его действиями. Но отрывистые слова, которые бросал Солсбери, и мгновенная реакция Джой говорили о напряжении:

– Крупнее. Еще крупнее... Уберите кровь, ничего не вижу. Левее, к сердцу... Так. Жестче излучение. Слишком жестко, мягче... Так.

Только через час Солсбери откинулся на спинку стула, хрустнул пальцами. На лбу его блестели крупные капли пота.

- Перекур! Вы устали, Джой?

– Не больше, чем вы, шеф, – Джой попробовала улыбнуться бодро, но это ей не очень удалось.

- Значит, вы очень сильный человек, Джой.

– Нет. Просто женщины выносливее мужчин, вы должны это знать как биолог.

– Это просто самообольщение слабого пола. Мужчины честнее. Я, например, дьявольски устал и не отказался бы от чашки крепкого кофе. Как, Джой?

Джой посмотрела на янтарный купол с вплавленным в него человеческим телом.

– Но он... Клетки ведь продолжают умирать. Уже прошло семь часов.

Солсбери задумчиво покусал нижнюю губу.

– Вы, как всегда, правы, Джой. Поэтому вы сейчас приготовите кофе, а с введением СД справлюсь я один.

– Но...

– Никаких «но». Это приказ. Или вы хотите оставить меня без кофе?

– Ну, хорошо, пусть вам будет хуже.

Джой сняла белую шапочку, и волосы черной волной упали ей на плечи. Она закинула их за плечи и встала.

– А вы все-таки очень красивы, Джой. Почему вы не выходите замуж, а?

– Потому что вы, мистер Солсбери, имели неосторожность родиться на тридцать лет раньше меня. Больше вопросов нет?

– Сдаюсь, сдаюсь, Джой, я в полном нокауте. Ответ так же крепок, как и ваш кофе.

– Я постараюсь, чтобы кофе был еще крепче.

– Ну и отлично.

Джой ушла, а Солсбери снова взялся за манипуляторы.

Между вакуум-камерой и столом дистанционного управления, противно скрипя в пазах, встала полуметровой толщины стеклянная стена.

Из глубины лаборатории выполз стальной куб с желто-красными предупредительными кружками радиоактивности. Лента конвейера подтянула куб вплотную к люку-клапану камеры. Легкий хлопок перепада давления – и куб оказался внутри купола. Щупальца манипулятора начали медленно свинчивать крышку куба. Через минуту крышка поднялась над контейнером. Одна из серебристых змей юркнула внутрь, секунду задержалась там и вынырнула наружу, держа в зажиме крошечную пробирку. Ненужный теперь контейнер с хлопком вылетел наружу, прямо на ленту конвейера, которая немедленно утащила его прочь.

– Мистер Солсбери, кофе готов.

– Одну минуту, Джой.

От ближайшего металлического шкафа отделилась верхняя часть и повисла на длинной штанге над самой камерой. Солсбери вывел верньер с надписью «Облучение» почти до отказа. Между повисшей пластиной и куполом возникло характерное голубоватое сияние ионизированного воздуха.

В пробирке стремительно разгоралась до нестерпимого блеска крошечная звездочка.

Тело под куполом вдруг зашевелилось, резко дернулось, словно человек хотел вскочить.

Джой за спиной доктора слабо вскрикнула, и звон упавшей чашки заставил Солсбери резко обернуться.

– Что с вами, Джой?! Вам плохо?

Джой расширенными глазами глядела на купол.

– Он... он шевелится...

– Фу, черт! – Солсбери облегченно вздохнул. – Вы меня напугали, честное слово. Это же электризация. Непроизвольное сокращение мышц под действием электричества. Сильное облучение создало электрический потенциал между телом и носилками. Произошел разряд, и мышцы резко сократились. Неужели вы забыли, как дергается лягушачья лапка от прикосновения батарейки? Не ожидал, Джой, не ожидал. Ассистентка Солсбери не помнит школьных азов! Вот это номер.

Густая краска залила лицо женщины, и, чтобы скрыть смущение, она с особым старанием стала собирать осколки чашки.

– Да нет, доктор, я просто подумала... Так неожиданно...

– Чудес ждать пока рано. Надеюсь, кофе еще остался?

– Да, шеф, я сейчас принесу.

Синий мерцающий туман выбирался из пробирки, совсем как всемогущий джинн арабских сказок. Может быть, только с той разницей, что этот джинн был очень осторожен и выбирался неохотно. Было что-то пугающе живое и осмысленное в клочковатых спиралях, в порывистых скачкообразных движениях, которыми расползались по пространству светящиеся сгустки. Вот один лохматый протуберанец дотронулся до мертвенно-белого лба пилота, отпрянул, снова дотронулся, торопливыми мелкими судорогами ощупал лицо и вдруг одним рывком окутал все тело.

Джой подкатила к пульгу маленький столик, на котором стояли две чашки и печенье в маленькой японской вазе.

– Мне все время не по себе, когда я его вижу. Мне кажется, что он живой...

– Кто – он?

– Синий Дым...

– Ну, это, пожалуй, чисто женская реакция, так сказать – художественные ассоциации. Хотя ведет он себя действительно странно. Точнее, загадочно.

Когда Солсбери допил кофе, туман уже полностью заполнил всю камеру. Он уже не мерцал, а горел ровным сильным огнем.

– Ну, пожалуй, облучения хватит. Синий Дым вошел в активную фазу. Джой, переведите все системы жизнеобеспечения на автоматику. Питательная среда обычная, порядок срабатывания – по интенсивности черных линий спектра. А вот количество кислорода и газовой смеси удвойте, это усилит окислительные процессы. Ну и разумеется, пусть самописцы непрерывно пишут. При первых же намеках на пульс или дыхание –

сигнал немедленного вызова. Хотя если это и случится, то, должно быть, не скоро...

Солсбери встал, сладко потянулся и, мельком глянув на часы, удивился:

– Джой, а ведь уже утро! Там, наверху, уже, наверное, совсем светло. Как давно я не видел восхода солнца!

Джой набрала номер метеоавтомата.

– Должна вас огорчить, шеф. Наверху снова гроза. И, судя по всему, весьма эффективная. И ветер – двадцать метров в секунду. Не иначе, боги прогневались на того, кто похитил небесный огонь. Или Синий Дым, как называете его вы. Ибо таких страшных и непрерывных гроз во Флориде еще не было.

– Небесный огонь похитил не я, а вот он, – Солсбери кивнул на камеру. – И если эта злосчастная авария – кара богов, то у них неплохие познания в современной технике. Однако если прогулка отменяется, надо спать. Спать, спать, спать. Нам еще потребуются свежие силы и ясная голова.

– Спокойной ночи, мистер Солсбери.

– Хороших снов, Джой.

Лаборатория опустела, и тишину нарушало только резкое щелканье срабатывающих автоматов, скрип самописцев и ровное гудение приборов. Матовым светом горел купол вакуум-камеры, и в плотном синем тумане невозможно было различить ничего похожего на очертания человеческого тела, бывшего когда-то пилотом Эдвардом Стоуном.

* * *

Косые струи дождя били в стекла так, словно кто-то с улицы поливал окна из мощного брандспойта. Ветер налетал судорожными порывами, и текучие полосы на стекле изгибались, меняли направление, сливались в сплошную гибкую пелену и снова распадались на отдельные полосы. Когда вспыхивала молния, полосы замирали огненными змеями, и несколько секунд после вспышки в глазах стояла причудливая черная сетка, а потом глухо бухал гром, и от тяжелых перекатов грома бокалы на стойке подпрыгивали и жалобно звенели.

В зале ресторанчика было необычно много народу, почти все столики были заняты, а под потолком плавали синие клубы дыма, с которым едва справлялись работающие на полную мощность кондиционеры. Посетителям было скучно. Яркие вспышки молний выхватывали из серого полумрака зевающие, заспанные лица. Это были водители и пассажиры пестрого стада электромобилей, покорно подставивших дождю мокрые лакированные спины там, на стоянке около отеля. В такую грозу было не то чтобы

опасно, а как-то неприятно, и потому большинство предпочитало скуку безвестного кафе сомнительному удовольствию борьбы со стихией.

На телестене крутобедрые и пышногрудые манекенщицы с печальными глазами демонстрировали последние моды. Какая-то фирма рекламировала последнюю новинку – вечерний туалет «Неолит-супер». Девушки в звериных шкурах вертелись, выжимая из своих тренированных тел целые каскады соблазнительных поз, электроорган выл, как буйвол во время гона, зрители курили, перебрасываясь равнодушными репликами.

Музыка смолкла, и диктор объявил, что сейчас зрители увидят главный секрет костюма, который «поможет нашим девушкам победить свою природную скромность при выборе партнера неожиданным и элегантным способом».

Девушки выстроились в шеренгу, а на помост вышел молодой человек. Продемонстрировав публике грудь, мышцы живота и бицепсы, супер-Геркл направился к шеренге девушек.

Когда молодой человек приблизился шага на два к манекенщице, шерсть на ее шкурах неожиданно встала дыбом. То же самое повторилось и с остальными; только у одних шерсть едва-едва шевелилась, другие становились похожи на взъерошенных ежей.

Девушек сменил какой-то перепуганный старичок, которого отрекомендовали профессором электронной эстетики. Старичок стал объяснять, что в костюмы «Неолит-супер» вмонтированы приемники биотоков, настроенных по соматическому потенциалу обладательницы (настройка производится фирмой бесплатно при покупке). Шерсть на шкуре электризуется особым микроприбором, причем степень электризации зависит от степени совпадения сексуальных типов. Таким образом, костюм «является точным прибором, с помощью которого вы безошибочно можете найти себе партнера на любом вечере и без всяких недоразумений дадите ему понять, что он вам подходит...».

Публика, которая слегка приободрилась во время демонстрации костюма, приуныла вновь – научные экскурсии были ей не по зубам, и поэтому старичка убрали, и начался традиционный утренний стриптиз...

А дождь все лил и лил, и, несмотря на то что молнии сверкали реже, конца грозы не было видно. Посетители пили и пили, потому что делать было нечего, и Клаусу за стойкой стало жарко – пришлось позвать на помощь боя из отеля. Белая куртка боя мелькнула между столиками, а Клаус, смешивая коктейли, зло поглядывал в зал и потихоньку ругался.

В самый разгар стриптиза, когда подвижная маленькая японка освободилась от своего кимоно и готовилась перейти к остаткам туалета, музыка оборвалась, на экране появился полицейский чиновник:

– Передаем срочное сообщение уголовной полиции.

Зал сразу затих, и все головы повернулись к экрану.

– Сегодня около полуночи в автомобильной катастрофе при странных обстоятельствах погиб бывший астролетчик, ныне пилот Службы Коридора Эдвард Стоун, известный старшему поколению наших зрителей под кличкой Тэдди Заморыш...

Клаус окаменел с миксером в руках. Он видел, как шевелились губы чиновника, но слов не слышал: заложило уши.

– Заморыш... Тэдди... – прошептал Клаус побелевшими губами. – Да как же ты... Ведь только что... Тэдди, мальчик...

Звук снова возник, словно поднялась заслонка гермошлема.

– В ноль часов сорок минут экипаж неизвестного вертолета напал на находившийся на месте происшествия наряд дорожной полиции и патруль МСК. В перестрелке убито трое патрульных и один полицейский. Тело Эдварда Стоуна похищено.

На экране замелькали фотографии бетонной площадки, поврежденного полицейского вертолета, трупов, снятых во всех ракурсах.

В зале возбужденно заговорили:

– Какая там перестрелка, только у одного оружие в руке.

– Остальные даже не успели...

– А этого лейтенанта – раз! – и пополам.

– Чистая работа.

– Тише, господа!

Полицейский снова появился – еще более подчеркнуто строгий.

– На месте преступления найдена вот эта визитная карточка.

Во всю телестену распластала крылья черная птица с черепом в когтях.

– «Коршуны космоса»!..

– Коршун хорош...

– Тощий что-то очень.

– Откормится.

– Тише...

– Расследование продолжается. Есть основания полагать, что появилась новая гангстерская организация. Всех лояльных граждан, которые имеют какие-либо сведения о «Коршунах космоса», о похищении трупа Эдварда Стоуна или о чем-либо другом, связанном с этим, уголовная полиция и МСК просят сообщить по адресу...

Зал снова дружно загалдел, обсуждая происшествие, хоть как-то развеявшее томительную скуку, и поэтому никто не заметил, когда и как появились четверо новых посетителей, с которых ручьями стекала вода.

Они, не снимая плащей, прошли к стойке, но Клаус не обратил на них внимания даже тогда, когда они оказались под самым его носом.

– Всем по двойному виски.

Клаус скорее автоматически, чем осознанно, плеснул в четыре рюмки золотистую жидкость.

– Я сказал – всем!

Клаус поднял голову и встретился с бесстрастным взглядом холодных серых глаз. Лицо показалось ему знакомым, но он сейчас никак не мог припомнить, где он видел этого человека. Особенно вот этот белый шрам на подбородке.

– Ты что, дядя Клаус, резал лук или у тебя трахома? Ты стал плохо видеть. Я сказал – всем, а ты налил только четыре рюмки. Ведь с тобою нас пятеро.

– Я не пью.

– Даже за упокой души Тэдди Заморыша?

– Кто вы такие? Я где-то видел тебя.

– Это тебе показалось, Герман Клаус. Мы из уголовной полиции.

Человек со шрамом небрежно протянул через стойку удостоверение. Клаус повертел его в руках и вернул.

– Что вам надо?

– Во-первых, поскольку Тэдди уже нет в живых и спасти его невозможно, мы хотим спасти хотя бы его доброе имя. Потолкуем?

– Ну, если так, то потолкуем. Садитесь здесь.

Бармен налил пятую рюмку и придвинул себе. Трое сели на высокие вращающиеся стулья, а четвертый остался стоять, повернувшись лицом к залу.

– Позавчера ночью Тэдди был у тебя. Зачем?

– Он заехал выпить и поговорить. Они всегда со Свэном приезжали ко мне после рейса.

– Он был один?

– Да.

– А у тебя кто-нибудь был?

– Нет. В тот вечер никого.

– О чем вы говорили?

– О чем говорят старые знакомые после долгой разлуки? Вспоминали друзей. Толковали о жизни.

– Он говорил, как погиб Свэн Стэрборг?

– Да. Авария. Неуправляемая ядерная реакция в баках. Свэн взорвался...

– Где?

– Тэдди... Он не говорил.

– Не юли, Клаус. Это очень важно. Для доброго имени Тэдди.

Клаус посмотрел на всех четверых изумленно и недоверчиво:

– Вы что, свихнулись?

– Для дела надо точно знать, где взорвался Свэн. Ты это хочешь скрыть. И это очень подозрительно.

– Но я, ей-богу, не помню. Мы тогда здорово выпили. Я хотел спросить утром, но он уехал, когда я спал. Даже не попрощался.

– Выпей виски – это прочистит память. Постарайся вспомнить все до последней мелочи.

Клаус отхлебнул из рюмки, сжал голову ладонями. Бой подскочил к стойке, удивленно оглядел молчаливую группу, вздохнул, увидев лужу на полу, и тронул за локоть задумавшегося бармена:

– Дядя Клаус, четыре цейлонских грога.

– Налей сам. Грог внизу слева.

Белая куртка боя упорхнула в зал.

– Пятно... Красное пятно...

– Что?

– Он здорово перебрал. Когда он говорил о Свэне, у него начиналась истерика. Он все время говорил про какое-то красное пятно.

– Что за чушь?

– Да. Он сказал именно так: «Свэн взорвался... там... красное пятно»... И ткнул пальцем в карту, но я стоял далеко и не заметил куда. Я не стал его спрашивать, потому что ему было плохо, я хотел спросить утром. Это все, что я знаю.

Сероглазый потер шрам на подбородке, и Клаусу опять показалось, что он когда-то уже видел этот жест.

– Не густо. Это действительно все?

– Да.

– Смотри, Клаус. Если что – мы тебя под землей същем.

Все трое поднялись и направились к выходу, подняв капюшоны. Сероглазый бросил на стойку пятидолларовую бумажку.

Дождь продолжался, разговоры по поводу происшествия на автотрассе уже иссякли, телестена показывала какую-то рекламную пьесу, и скука снова сводила скулы, а у этих четверых в плащах был какой-то не совсем обычный вид, и то, что они уходили в такую грозу, было тоже не совсем нормально, поэтому десятки сонных глаз провожали четверку, пока вертящаяся дверь не замерла за последним из них.

Клаус привычно смахнул пятерку со стойки в кассовый ящик, но из-под нее вылетел белый картонный квадратик.

Бармен взял его в руки, повертел в недоумении и вдруг бросился к окну.

Черная длинная, как торпеда, машина бесшумно ринулась в дождь и через мгновение исчезла за густой серой пеленой.

– Это они! Это они убили Тэдди! «Коршуны космоса»! Их надо догнать! Это гангстеры! Вот... вот...

Клаус метался между столиками, тыча посетителям белый квадратик, точь-в-точь такой же, как показывали на экране.

Но посетители отмахивались от него, как от сумасшедшего:

– Нашел дураков...

– А ты видел, как эти парни работают лучеметами?

– С этой братией лучше не связываться. Голова будет целей.

– Пусть полиция гоняется, это ее дело. А нам и здесь хорошо, нас они не трогают.

– Да что вы с ним разговариваете! Он просто пьян, я видел, как он пил за стойкой.

– Сам толковал с ними как миленький, а мы догоняй...

Кто-то хихикнул, и нервные смешки полетели по залу.

Клаус, растерянно оглядываясь и все еще протягивая белый квадратик, стоял под градом насмешек, ругани и острот. И только сидящий рядом парень в синем реглане сказал негромко:

– Позвоните в полицию, бармен. Если только хватит смелости. Видно, эти молодцы шутить не любят.

Клаус, словно очнувшись, прошел за стойку, набрал номер полиции.

– Герман Клаус... Только что здесь были «коршуны»... Вот, оставили карточку... Что? Нет, жертв нет. Да, помню всех, я говорил с ними... Да, могу опознать... В черном «форде»... Хорошо...

И пока Клаус говорил с дежурным полицейским, зал быстро пустел. Посетители бросали деньги на столики и торопились к выходу, хотя дождь еще не утих. Когда Клаус отошел от видеофона, в зале остались только бой и парень в синем реглане.

* * *

У Солсбери была странная манера читать газеты. Когда пневмопочта выбрасывала на стол очередной выпуск, доктор брал его и, не просматривая, складывал в аккуратную стопку на полку шкафа. Так было каждый день, кроме пятнадцатого числа. Пятнадцатого, ровно в десять утра, Солсбери садился за стол, вынимал заветную стопку и за чашкой кофе подробно изучал все, что случилось вне стен Биоцентра за тридцать прошедших дней. Месячный интервал придавал видимость логики ходу событий и снимал остроту каждодневных сенсаций: мыльные пузыри за это время успевали лопнуть, загадки раскрыться, догадки – подтвердиться, сплетни – заглохнуть.

Это был единственный способ знать все, что происходит, и не сделаться неврастеником. Месячное неведение придавало бедам мирским оттенок художественного вымысла, что позволяло ученому философски относиться ко всем суетным переменам, не касающимся непосредственно его работы.

Короче говоря, такой способ чтения газет уберег от разрушительного скепсиса гуманистические идеалы юности, чем Солсбери был очень доволен.

Сегодняшнее утро начинало четвертый день эксперимента, и сегодня как раз было пятнадцатое.

Солсбери достал термос с кофе, который в течение многих лет заваривала ему Джой, добавил в ароматную жидкость несколько капель гавайского рома, хранящегося специально для такого случая, обрезал сигару и сел за стол.

За шестьдесят с лишним лет жизни мир очень изменился, причем изменился к лучшему. Исчезла наконец висевшая над планетой опасность термоядерного самосожжения: атомное оружие было запрещено и уничтожены все его запасы. ООН из рекомендательного органа превратилась в реальную силу, регулирующую отношения между государствами. Это позволило провести всеобщее разоружение и практически исключить возможность военных конфликтов. Международные советы, комитеты, комиссии обладали влиянием и законодательной властью не меньшей, чем правительства государств, и многозначное слово «суверенитет» перестало быть спасительной ширмой для честолюбивых маньяков и оголтелой диктатуры.

Словом, медленно, но неуклонно юношеские мечты Солсбери о всеобщем благоразумии как будто сбывались.

И все же в мире, доступном Солсбери по газетам, было много странных, почти неразрешимых парадоксов.

Ну, хотя бы это самое всеобщее благоразумие. Всю жизнь Солсбери верил, что только успехи культуры и науки способны облагородить человечество и привести к гармонии. Он был подчеркнута далек от политики и не доверял всякого рода социальным преобразованиям, тем более что очень часто они были связаны с насилием, так претящим его душе.

Но те же газетные сообщения доказывали доктору, что его облагороженным современникам все больше и больше хочется стать на четвереньки и залаять.

И еще. Наука дала людям огромную власть над временем и пространством, над живой и неживой природой. Знаменитый «эффект Кларка» фактически уничтожил «предел досягаемости» космических кораблей, и человек получил доступ во многие галактики Вселенной.

Тем не менее мир непрерывно сужался. Газеты охотно повторяли басни о чудовищах Проксима Центавра, но почти ничего не писали о жизни социалистической Африки и Азии, коммунистической России. И если бы не сообщения в научных журналах о выдающихся открытиях и изобретениях, можно было подумать, что четыре пятых Земли каким-то образом превратились в безлюдную пустыню.

Солсбери листал газеты, попивал кофе и благодушно бормотал под нос: «Скачки на зебрах в Чили... Господи, откуда это зебры в Чили? Ах вот что... Закуплены в Африке специально для скачек... Реклама губной помады для пожилых дам, тонизирующее действие на мужчин. Очень интересно... Научное обозрение. Посмотрим... Профессор Мичиганского университета Питер Уолтер утверждает, что запуск очередного советского искусственного солнца над Арктикой может вызвать мировую катастрофу... Ну, это они писали и перед первым запуском... Частная жизнь Лысого Боба, чемпиона по вольному кэтчу... Боб в ванне... Да, типичная гипертрофия плечевых мышц... Забастовка на дне океана. Двадцать четыре часа не работали 13 подводных заводов для производства тяжелой воды... Так, и больше ни слова, что к чему, непонятно... Зато вот – раз, два, три, четыре, пять – пять страниц интервью со «звездой голубого экрана» трехлетней Эни Скотт. Очень мило...»

И вдруг глаза Солсбери удивленно округлились: «Похищение трупа... звездолетчик Эдвард Стоун... четверо убитых... «Коршуны космоса»... Какая связь между смертью Тэдди Заморыша, ночным нападением на патруль и новой бандой?..

Действительно, какая связь?

Солсбери отставил кофе, еще раз перечитал заметку, перелистал огромные фотографии.

Черный коршун... Череп в когтях... Бред! Средневековье какое-то. Лейтенант, перерезанный пополам...

Скомканная в бешенстве газета полетела в угол.

– Эйлин, здравствуйте. Кого-нибудь из боссов срочно.

На экране появились темные очки Дуайта:

– А, Солсбери! Ну, как дела? Как наш покойник? Есть что-нибудь новое?

– Есть, мистер Дуайт. Только не для вас, а для меня.

Лицо Солсбери горело. Он поднял скомканную газету, потряс ею перед Дуайтом:

– Что все это значит? Во что вы меня втравили?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду похищение трупа!

– Видите ли, вы же сами сказали, что труп Тэдди надо доставить немедленно. А обращение к МСК и связанные с этим волокита и формальности поставили бы под угрозу все дело. Ваше дело, кстати. И вообще, как бы вы объяснили МСК, зачем вам так срочно понадобилось тело Стоуна? Начались бы заседания, комиссии.

– Я не о том, мистер Дуайт. Ради науки, может быть, и следовало нарушить инструкцию, пойти на незаконное похищение. Но все остальное!..

Неужели для того, чтобы спасти одного человека, надо убить четырех? Ведь это же безумие! Самое гуманное, самое обнадеживающее открытие века начинается с преступлений!

Желваки на скулах Дуайта дрогнули, но голос был по-прежнему спокоен.

– Ах вот вы о чем! Вы просто ребенок, Солсбери. Это же обычная газетная «утка». Мы действительно похитили тело Стоуна, но все остальное вымысел.

– А фотографии? Трупы убитых?

– Солсбери, вы неподражаемы. Это же просто совпадение. На авто-страде аварии бывают чуть ли не каждые пять минут. Тэдди был похищен без всякого шума. А потом где-то рядом случилась перестрелка – из-за чего, не знаю. Может быть, просто сводили счеты. Ну, а полиция, чтобы оправдать свою оплошность, – ведь труп-то исчез! – свалила свою вину на гангстеров. Газеты подхватили, вот и результат. Надеюсь, теперь вы поняли?

Солсбери колебался. Ему очень хотелось, чтобы все было именно так, как сказал Дуайт, но...

– Вы мне не верите? Я прошу прочитать вечерний номер вон из той стопки, которую я вижу на вашем столе.

Солсбери машинально взял газету, и в глаза ему сразу бросились огромные буквы: «Коршуны» наглеют! Четыре часа назад на трассе Луна – Марс совершено нападение на грузовой лайнер фирмы «СС» «Антей». Корабль поврежден, имеются человеческие жертвы...»

Фотографии... Похожий на лезвие ножа космолет, на борту которого красуется знакомая птица с черепом, развороченная рубка управления, окровавленная голова пилота на пульте, пустота ограбленного трюма с рваными полукружьями пробоин, сквозь которые видны звезды...

И снова текст: «Фирма «СС» обратилась в МСК с требованием защитить пассажирские и грузовые трассы от действий космических пиратов... Девять крупнейших концернов страны поддержали справедливое требование фирмы «СС»... Экстренное заседание Международного Совета Космонавтики...»

– Вот видите, дорогой доктор, прежде чем устраивать истерику и обвинять нас чуть ли не в бандитизме, вам просто надо было бы дочитать газеты. Ведь не станете же вы теперь утверждать, что фирма «СС» связана с этими «коршунами»? Ведь вы же умеете мыслить логически, надеюсь.

– Извините... Извините, мистер Дуайт. Я, кажется, действительно погорячился. Но мне, откровенно говоря, не очень нравится таинственность вокруг препарата СД. Ведь это же общечеловеческое достояние.

– Разумеется, мой друг, разумеется. Но сейчас это необходимо, по-

верьте. Ради пользы дела прежде всего. Придет время, и мы подарим человечеству этот живой огонь, вырванный у космоса... Кстати, вы ничего не знаете о красном пятне?

– О каком красном пятне?

– Ну, красное пятно, которое можно встретить в космосе, или что-нибудь в этом роде.

– Понятия не имею. Ни о чем подобном не слышал.

– Красное пятно, встретив которое корабль взрывается.

Солсбери удивленно уставился на Дуайта:

– Я вас не понимаю, мистер Дуайт.

– Ну, я это к слову. Я думал, может быть, в космической биологии есть какая-нибудь такая штука. Но, видимо, к биологии это отношения не имеет... Ну а как Тэдди?

– Все по-старому, мистер Дуайт. Датчики регистрируют возрождение клеток, процесс идет бурно, организм восстанавливается, но он по-прежнему мертв.

– Есть какая-нибудь надежда, что он оживет?

– Не знаю. Мы перепробовали все: электростимуляцию, искусственное дыхание, химическую тонизацию, нейрошок – словом, все средства, которые современная медицина использует при выводе из состояния клинической смерти, но пока все тщетно.

– Да, очень и очень жаль. Кстати, я посоветовал бы вам в будущем не тратить времени на газетные сплетни. Они не для вас. Вы созданы для науки. До свидания.

Солсбери откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. Откуда появилась подозрительность? Или это старческий психоз? В конце концов, бизнесмены тоже люди. Причем разные люди. Вот Роберт Смит – это да. Недаром его за глаза зовут Хромой Кабан. А Дуайт – человек интеллигентный и мыслящий. Если даже Роберт задумает какую-нибудь пакость, Дуайт сумеет его обуздать. Действительно, его, Солсбери, дело – наука, а остальным пусть занимаются другие.

Солсбери собрал газеты, разбросанные на столе, и сунул пачку в шкаф. Читать ему больше не хотелось. Он устроился в кресле поудобнее и снова прикрыл глаза.

О чем это спрашивал Дуайт? Красное пятно, которое взрывает космические корабли... Непонятно.

По ассоциации перед глазами проплыли носилки, покрытые белой простыней, а на простыне – расплывающееся красное пятно. Кровь... Впрочем, это была не кровь, а большая красная роза, на шелковистых лепестках которой дрожала роса. И весь куст, усыпанный розами, и весь сад, и желтая лента тропинки, посыпанной песком, – все было пронизано,

просвечено, налито густым солнечным соком, и он был молод, и рядом с ним шла высокая смуглая девушка, но она улыбалась не ему, а Гарри Митчэллу, щеголяющему в новой форме пилота ВМС...

Он открыл глаза, но Лили не исчезла: она стояла перед ним такая же, как тридцать пять лет назад, в тот день, когда выходила замуж за Гарри...

– Что с вами, мистер Солсбери?

– Джой? Господи... Я, кажется, немного задремал. Извините.

Солсбери провел ладонью по лицу, собираясь с мыслями.

Джой спрятала руки за спину.

– Ну так что же вы скажете, Джой?

– А что вы хотите?

– Что хочу? Гм... Понятия не имею. У вас такой вид, словно кто-то вам сделал предложение.

– Вы уверены, что это могло бы меня осчастливить?

– Не знаю, но полагаю, что да.

– Вы плохо разбираетесь в людях, мистер Солсбери.

– Вполне возможно. Годы берут свое. Ведь это вполне закономерный биологический процесс.

Джой не выдержала и выхватила из-за спины ленту самописца.

– Пульс!

– Так что же вы тянете, злая вы женщина!

Он схватил ленту обеими руками. Ровная линия, прочерченная пером прибора, прерывалась едва уловимым зигзагом. И еще одним. И еще. И еще.

– В лабораторию! – прокричал Солсбери, размахивая лентой, как победным флагом.

* * *

– Выключайте, Джой, это бессмысленно.

Солсбери устало сел на стул, взял за руку лежащего на койке человека. Рука чуть дрогнула, но подчинилась пальцам доктора. Солсбери согнул покорную руку в локте, отпустил. Рука осталась в том же положении.

– Опустит.

Человек опустил руку. Он спокойно смотрел на Солсбери, и от его спокойствия можно было сойти с ума.

– Встань.

Человек неторопливо поднялся на койке, свесил ноги вниз. Несколько секунд сидел неподвижно, глядя на свои ноги, потом медленно встал. Руки его оставались в том же положении, в каком он только что сидел, – чуть согнутые в локтях, с пальцами, продолжавшими сжимать несуществующий край койки. Две или три секунды человек рассматривал напря-

женные руки, потом опустил их, разжал пальцы. Потом медленно поднял голову, посмотрел на Солсбери ясным взглядом, в котором не было ни торжества, ни вопроса, а только пустота, спокойствие пространства, в котором нет ничего.

– Ложись.

Человек в том же ритме повторил все движения и вытянулся на койке, продолжая смотреть на доктора.

– Спи.

Человек закрыл глаза.

– Может быть, попробуем комбинировать стимуляторы?

– Нет, Джой, это бесполезно. Ведь это не болезнь. Не кретинизм и не идиотизм. И не потеря памяти. Все электроэнцефалограммы, все нейротесты говорят о том, что его мозг абсолютно здоров и абсолютно нормален. Я зондировал логометром Берга его память – кривая беспрерывна, об амнезии не может быть и речи...

– Но что же все-таки с ним?

– Как вам сказать? Это совершенно особый случай. Он... мертв.

– Не пугайте меня, мистер Солсбери. Работая с вами, я привыкла к самым невероятным вещам, но...

– Ну, я, пожалуй, неправильно выразился. Просто этому состоянию нет еще названия в медицине. Потому что мы с вами, Джой, первые, кому после Иисуса Христа приходится воскрешать из мертвых.

Солсбери встал, закинул руки за голову, прошелся по комнате.

– Понимаете, ведь мы с вами вернули пациента не из клинической, а из самой настоящей, биологической смерти, когда все процессы уже остановились, прекратились. В том числе и процессы, происходящие в клетках мозга. Человек умер в полном смысле этого слова, стал неживой материей. С помощью СД мы восстановили его клетки, восстановили заново весь организм с точностью, которую даже представить трудно, – вплоть до последнего электрона в последнем атоме, из тех несчастных триллионов атомов, которые составляли нечто, бывшее когда-то Эдвардом Стоуном. Но этот восстановленный организм был именно «нечто» – не человеком и не трупом, а только копией человека.

– Но ведь сейчас-то он жив!

– Да, мы сумели «запустить» его сердце и легкие, нервные центры, руководящие всеми сложнейшими процессами организма, потому что мы знали, как это делать. Но его психика по-прежнему мертва, его мозг сейчас – это великолепный и вполне исправный мотор, который надо завести. А как – вот это вопрос.

– Но ведь надо же что-то делать.

– Надо, Джой, надо. Надо столкнуть его мышление с мертвой точки –

с той десятой доли секунды, в которой оно было остановлено смертью. Но что пронеслось в его мозгу в эту десятую долю секунды? Какой образ? Слово или воспоминание? Ведь мы уже все перепробовали – и имена знакомых, и те небольшие кусочки его жизни, которые нам известны. Но ведь это – песчинки огромной пустыни, и только одна-единственная из них способна превратить в Эдварда Стоуна его живую копию.

Солсбери снова наклонился над койкой:

– Открой глаза.

Человек открыл глаза. Спокойствие пустоты царило в них.

Шел уже четырнадцатый день эксперимента, и уже семь долгих мучительных дней и ночей на койке этот человек, живой и мертвый одновременно, с безропотностью лунатика выполнявший все, что ему говорили, и не способный ничего сделать сам, потому что мозг его спал, как та сказочная царевна в хрустальном гробу. Каждые четыре часа с методичностью метронома звонили Дуайт или Роберт, и эти звонки еще больше действовали на нервы.

– Нет, Джой, так не пойдет. Мы скоро сами сойдем с ума. Надо отдохнуть. Выключайте аппаратуру.

Джой действительно устала. Перед глазами мелькали черные точки – верный признак нервного переутомления.

Привычно переключая рубильники на ноль, она прикрыла веки и слегка надавила на глазное яблоко – иногда это помогало.

– Ой!

Раздался треск предохранителей, и одновременно погас свет. На силовом щите замигала красная лампа аварийного освещения.

– Простите, мистер Солсбери, это я натворила. Одну минуту...

– Стойте!

Солсбери держал за руку человека на койке. Пульс участился. Зрачки расширились и смотрели не на доктора, а на мигающую красную лампу.

– Сядь.

Человек сел на койке, но теперь его движения были суетливее. И он не отрывал глаз от красной лампы.

Джой приоткрыла рот, чтобы что-то спросить, но в тоне доктора было что-то такое, что заставило ее промолчать и подойти ближе.

– Красный свет! – негромко сказал Солсбери, наклонившись к самому уху человека и продолжая держать его за руку.

Рука дрогнула.

– Красный... свет! – повторил Солсбери отдельно.

На слове «красный» рука дрогнула чуть сильнее.

– Свет!

Рука оставалась неподвижной.

– Красная лампа.

Снова – неуловимая судорога на слове «красный».

– Красная роза. Красный кирпич. Красная кровь. Красная машина. Красный сигнал...

При словах «красный сигнал» рука задрожала мелкой дрожью. На лбу Солсбери выступил пот. Губы человека тряслись, словно он что-то хотел выговорить – впервые за все эти семь дней. И Солсбери поймал себя на том, что у него тоже трясутся губы. Джой стояла рядом, до боли сжав пальцы, и, сама не замечая, шепотом повторяла магические заклинания Солсбери.

– Красный огонь. Красный пожар. Красный факел. Господи, Джой, что еще бывает красное?

– Красный... красный бант.

– Красный бант. Красное яблоко. Красный... Тьфу, черт!

– Неужели так придется перебирать все слова? Но что еще... Скорее, господи, что там еще... Красная корова... Скорее...

И вдруг по какой-то лихорадочной, не осмысленной еще ассоциации откуда-то из подсознания, где-то услышанное и непонятное, но интуитивно чем-то связанное с жизнью этого так малознакомого человека, во весь голос почти крик:

– Красное пятно!

* * *

...Глаза слипались от выпитого виски и многочасовой гонки, фары высветили на шоссе две серебряные дорожки, и машины выскакивали из этих серебряных струй, как перепуганные темные рыбы, и это было смешно, и беспричинно весело было на душе от свистящего за стеклом ветра, и ни о чем не хотелось думать, а только жать до предела на тугую педаль акселератора и плевать на все опасности на свете, потому что...

...когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг,
не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг...

...но он, кажется, все-таки задремал, потому что яркий красный сигнал машины, тормозящей впереди, ударил в глаза внезапно, и память отбросило туда, назад, к Свэну, и хотя рука автоматически вывернула руль, бросив послушный «форд» в сторону, он уже не видел бетонных ребер ограждения, потому что перед глазами клокотало грозное и загадочное Красное Пятно...

5. ПО ТУ СТОРОНУ СВЕТА

Здесь, у восемнадцатого буя, кончалась их зона, но Тэдди не спешил давать сигнал на расхождение, потому что четверка тральщиков следующей зоны поторопилась и немного выдвинулась вперед, готовясь принять эстафету. Кажется, это были те самые суматошные итальянцы – молодые ребята, которые всегда хотели делать как лучше, но всегда попадали впро- сак. Они налетали едва по одной сотой парсека, и космос их тревожил, как незнакомая девушка.

Было бы неплохо напомнить им вчерашнее пари, но сейчас не время сводить счеты: автоматические локаторы буя засекут грязный кусок Коридора, и симпатичным итальянцам придется месяц изнывать на пере- подготовке. А после у них будут дрожать руки при выполнении маневра.

Уверенность в себе. Это жестокий закон внеземного пространства – быть чуть сильнее самого себя, иначе смерть или вечное прозябание на задворках. Но молодежь слишком волнуется, и это губит ее.

Итальянцев надо выручать. Черти полосатые...

Тэдди, не глядя, включил общий сигнал — «веду я!». Улыбнулся Свэну:

– Старик, дублируй, если что...

Теперь все четыре тральщика команды жили на кончиках его паль- цев. На поворот рулевого рычага Тэдди отзывалась счетверенная сила всех шестнадцати дюз, разбросанных по вершинам тысячекилометрового квадрата.

Тэдди покосился в боковой визир. Серебристая паутина трала при- ближалась к границе. Все три угла паутины были хорошо видны: вот там,

вверху, зелено-желтые огни Свэна, внизу – оранжевое многоточие Челлини и лиловый пунктир Крэга. А четвертый угол – это он, Тэдди, и ему придется сейчас кое-что сотворить.

– Вызываю четверку 19.

– Четверка 19. Командор Чино Джильи.

Ну конечно, это те самые итальянцы.

– Это Тэдди. Вы что, соскучились по штрафному отряду?

Голос Чино прозвучал с явным облегчением:

– Тэдди, я сам не знаю как...

– Ладно, макаронники. С каждого по бутылке виски. Быстро подними трал на свою двойку.

– Что ты хочешь?

– Помалкивай. Слушай внимательно. Я иду на вас и делаю оверкиль одновременно с аварийным подъемом своего трала. Ты в это время опустишь свой трал. Мусор пересыплется из трала в трал, понял?

– Тэдди, но это же...

– Помалкивай. Это мое дело. Ты только не проворонь момент, когда начну поднимать трал. Это главное. Сможешь?

– Смогу.

Теперь Тэдди не смотрел ни в главный визир, в котором выросло смертоносное пламя хвостовых дюз корабля Чино, ни в боковые визиры, в которых огни ведомых тральщиков неумолимо сближались с позиционными сигналами итальянцев.

Он взглянул на визиры только раз, чтобы удостовериться, что серебряная сеть итальянского трала превратилась в светящийся жгут между кораблем Джильи и его дублером.

Теперь он смотрел только на темно-зеленый экран радара, на котором сходились восемь горящих точек – четыре на четыре, секунда за секундой.

Суставы пальцев, лежащих на рычаге, побелели. Ребро ладони другой руки лежало на реостате подъема трала.

Взвыла сирена тревоги – автоматы контроля недоуменно мигали красными лампами, не понимая, почему человек идет на столкновение.

Тэдди выключил сирену коленом – руки были заняты.

И в ту сотую долю секунды, когда восемь точек на радаре превратились в четыре, и когда жаркое атомное пламя готовилось лизнуть острые носы отчаянных кораблей, и когда уже казалось, что никакие силы – ни человеческие, ни электронные – не способны предотвратить катастрофы, Тэдди рывком откинулся назад, всем телом рванув до отказа рычаг управления и реостат подъема трала.

Тело вжало в сиденье так, что захрустели суставы и звезды в визирах слились в нити, а потом потемнело в глазах от крови, ударившей в голову.

И все-таки каким-то вторым зрением Тэдди успел увидеть, как одновременно с двух сторон черноту вечной ночи закрыли две дымчатые занавески – это его трал и трал Чино коснулись друг друга и разошлись, оставив стерильно чистое пространство, к которому уже не мог придраться ни один эксперт во Вселенной.

Тэдди положил корабль в дрейф. Тишина царила в отсеке – все было в порядке.

Красный пунктир бует, прочертивший фарватер, сходилась в неизмеримой дали в одну острую, как игла, точку. Сколько раз Тэдди видел ее впереди, на главном визире, в перекрестке пеленгационных линий – зовущую звезду великого пространства, выход из тупика, дверь в неизвестность... А теперь она – сбоку, потому что молодость прошла, и в далеком прошлом – пилотская рубка «Икара», и другим дано пронзать межгалактические пустоты...

Ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг...

– Брось дурить, Свэн. У тебя все в порядке?

– Спрашиваешь! За такой спектакль я готов отдать полжизни! Давненько я не видывал такого оверкиля, честное слово. На старости лет ты вполне можешь выступать в цирке, Тэдди. Возьми меня тогда в напарники, а? Я даже буду ходить на голове, если надо.

– Ну, ходить на голове тебе не привыкать!

– Ого! Глянь-ка в визир, Тэдди!

За четырьмя кораблями итальянцев, успевшими превратиться уже в маленькие точки, распустились хвосты торжественного салюта. Это было явное нарушение правил – салют в космосе полагался только при встрече кораблей из Глубокого космоса, но звездолетчикам эта нехитрая иллюминация была дороже всех наград и почестей, ждущих их на Земле...

– Эти итальянцы – отличные парни. Чино вчера четыре раза подряд обставил меня в рулетку. А за эти вот цветочки на небе им здорово влетит.

– Чино – стоящий пилот. Он сейчас сработал как часы. У него верная рука и мгновенная реакция. Он еще будет звездолетчиком, поверь мне, Свэн. Ему только нужен опыт. И спокойствие.

– Которое приходит с годами. А годы отбирают главное – молодость. Вот и попробуй повертись в этом капкане. Со всех сторон – нуль!

Свэн исчез, его сменил Челлини. Он широко улыбался.

– Здорово, Тэдди! У меня душа в пятки ушла. А ты салют видел?

– Видел. Твоим собратьям влетит за него.

– О, итальянцы умеют благодарить, командор! Виски обеспечено!

– Иди на Базу.

– Слушаюсь.

Крэг, как всегда, был меланхолически спокоен. Он лениво жевал резинку, словно ничего не случилось.

– Все в порядке?

– О'кей, командор.

– Можно идти домой. Чиллини уже уходит.

– О'кей, командор.

Вот и еще одно дежурство окончено. Без происшествий. Будничное, как сотни других. Утомительное, как все приевшееся, впереди – четверо суток отдыха, сиреневые плафоны Лунной базы, оранжерея и... девицы, которые под мелодию «Ты только мой» выйдут навстречу... Или бар, где можно напиться, сыграть в рулетку и снова напиться. Можно, конечно, смотаться на Землю – лунные таксисты обожают звездную форму и никогда не берут денег посидеть у дядюшки Клауса, посплетничать, вспомнить старые времена. А потом снова дежурство, такое же бесцветное, как сегодня, и снова все сначала. Раз и навсегда установившийся круг, в котором ты автоматически совершаешь виток за витком, как старая цирковая лошадь, и, как у старой цирковой лошади, у тебя один-единственный способ разорвать этот круг – однажды рухнуть на колени, ткнуться мордой в теплый влажный песок манежа и проводить тускнеющими глазами веселый хоровод огней под куполом, который так же будет сиять и после тебя..

Чино еще можно на что-то надеяться – он молод, и если ему повезет, он выйдет по Коридору на свет звезды и ощутит всю великую тоску и великое счастье быть песчинкой в бездонности Глубокого космоса – то ни с чем не сравнимое чувство радости и ужаса, которое испытал он, Тэдди, увидев звезды вблизи. У него будет красивая и страшная жизнь, которая промчится, как одна секунда, и если он останется в живых, то это будет страшнее смерти, потому что его будет ждать все тот же круг..

Тэдди летел медленно, с выключенными двигателями, привычно лавируя на могучих пульсациях гравитационных потоков, и цепкое тяготение планет тянуло корабль. Спешить было некуда, а горячее всегда пригодится – и тральщик Тэдди падал на Солнце, желтой монетой повисшее над головой, потому что здесь не было ни верха, ни низа, а только звезды и вечная ночь.

И наверное, очень тяжело и горько было бы Тэдди наедине с этой равнодушной ночью, наедине с невеселыми мыслями, если бы не маячил в правом визире неизменно, как верный спутник, старенький корабль Свэна – темное тело диковинной тропической рыбы с подслеповатым носовым прожектором, с гирляндами зеленых и желтых поясных огней. Свэн Стэрборг, весельчак и задира, он лет на десять моложе Тэдди, но понимает все с полуслова.

Они отмахали уже добрых три миллиона миль, когда Свэн появился на переговорном экране. Его длинное лицо имело самое что ни на есть заговорщическое выражение.

– Слушай, старик, а что если нам прогуляться, а?

Откровенно говоря, у Тэдди не было никаких желаний. Ему не хотелось возвращаться на Базу, не хотелось и петлять по темным закоулкам Солнечной системы в постоянном страхе налететь на патруль. Если им повезет, они заарканят где-нибудь урановый астероид, пару тонн платиновой пыли или что-то в этом роде.

Однако Тэдди все-таки спросил:

– А куда?

Свэн подмигнул совсем по-мальчишески:

– К «Папаше», а? Мы его давно не навещали.

И уж меньше всего Тэдди хотелось к «Папаше». Это был не страх, нет, хотя после гибели пяти экспедиций МСК сфера Юпитера вместе с его двенадцатью загадочными спутниками была объявлена запретной зоной: ученые предпочитали изучать странное поведение планеты-гиганта с безопасного расстояния. Тэдди и Свэн не раз уже бывали там и каждый раз возвращались с богатым «уловом», вызывавшим зависть товарищей.

И все-таки именно «Папашу» Тэдди недолюбливал больше всего. Космонавты суеверны гораздо больше, чем кто-либо. Может быть, потому, что им больше других приходится сталкиваться с неизвестным и необъяснимым. Человеческая природа ищет равновесия, и потому самые нелепые поверья и приметы бытуют среди тех, для кого необычность стала нормой.

Тэдди очень смутно представлял все ученые споры, все научные проблемы и загадки, которые продолжала регулярно поставлять самая большая планета Системы человечеству.

Просто его не оставляло смутное и странное чувство в те часы, когда он входил в запретную зону: в переливчатом матовом блеске «Папаши» ему чудилась затаенная жестокость, неведомая опасность.

То ему вдруг начинало казаться, что все, что он видит, – это обман, галлюцинация, за которой скрыто что-то безбрежное и угрожающее. То вдруг кто-то невидимый смотрел ему в спину – и такое было чаще всего, – он летел, двигая рули, форсируя двигатели, манипулируя тралом, и чувствовал, как кто-то стоит за спиной и ледяными, мертвыми глазами смотрит на то, что он делает. И запоминает – каждый вдох, каждое движение. Тэдди даже ставил зеркальце, чтобы видеть, что происходит сзади, но ощущение чужого пристального взгляда не исчезало.

Словом, к «Папаше» ему не хотелось, и он неуверенно пробурчал:

– Горючего не хватит... Да и настроение паршивое, Свэн.

– Горючее найдем, у меня тут есть поблизости кое-что. А настроение...
Настроение тоже можно поправить. Или ты, может быть, рвешься на Базу,
к благам цивилизации?

И Свэн захрипел, очень точно подражая динамике Базы:

Веселый бой,
Идем со мной,
Ты только мой,
Ты только мой...

Тэдди передернуло, но для очистки совести он сделал последнюю по-
пытку охладить пыл Свэна:

– Ты же сам говорил, что у твоей колымаги надо менять систему по-
дачи. Зачем рисковать?

– Милый мой, ты отлично знаешь, что наши колымаги надо менять
сверху донизу. Мы уже наполовину ангелы, Тэдди, и это просто чудо, что
мы еще не в раю. Потому что ни один уважающий себя самоубийца не ся-
дет в такой гроб, на котором мы таскаем свои тралы. Мы – потенциальные
покойники, так неужели нам нельзя перед смертью повеселиться и пово-
дить судьбу за нос?

– Ладно, уговорил. Пошли. Только не забудь про самописцы.

– Господи, он меня еще учит!

Тэдди открыл капот и, кряхтя, полез под пульт. Минут пять он возил-
ся там, чертыхаясь, и наконец вылез, перепачканный графитом. Щелкнул
тумблером «Готовность катапульты». Лампочка не загорелась. Значит, все
в порядке, самописцы стоят, и ни один эксперт не унюхает, что корабль
куда-то уходил с маршрута. Правда, за свободу путешествий приходилось
платить невозможностью катапультировать во время аварии. Но что по-
делаешь – ведь за все приходится чем-то платить...

– Ты готов?

– Готов.

– Иди за мной.

Желто-красный пояс на тральщике Свэна погас, остался только но-
совой прожектор. Тэдди тоже выключил бортовые сигналы. Патрулей
здесь быть не должно, но все-таки.

Через полчаса они повисли у какой-то большой темной глыбы, похо-
жей на допотопный дирижабль.

– Вылезай, Тэдди. Поможешь мне.

– А что это такое?

– Избушка на курьих ножках. Только без Бабы-яги.

Пневмолук мягко вытолкнул Тэдди в пустоту, и он повис рядом с ко-
раблем, раскинув руки и ноги, как пловец на волне. Корабль Свэна был не-
подалеку, его силуэт четко вырисовывался на мишуре созвездий. Желтое

тусклое Солнце было теперь внизу, но Землю Тэдди рассмотреть не смог, как ни напрягал зрение.

– Ну что ты там застрял? Еще не надоело любоваться звездами?

Голос Свэна прозвучал над ухом, а сам он был уже у черной стены: по обуглившемуся металлу плясал светящийся круг от его головного фонаря. Тэдди поймал цилиндр управления, висевший на запястье, и включил двигатель. За спиной запульсировал ацетиленовый язычок пламени, и Тэдди поплыл к Свэну.

Глыба оказалась старым, изрядно помятым метеоритом плашкоутом, неведомо какими течениями занесенным сюда, далеко от грузовых и пассажирских трасс.

– Осторожно, Тэдди, здесь немного пыльно.

Пыли было действительно более чем достаточно: когда Свэн задел случайно стену локтем, из-под руки метнулся целый фонтан текучего, как вода, серого порошка. Судя по слою пыли, плашкоут бродил в пространстве не один десяток лет, и Тэдди вдруг стало его жаль – вот он бродит бесцельно, переходя с орбиты на орбиту, от планеты к планете, всеми забытый, никому не нужный старый работяга, и будет бродить до тех пор, пока сам не превратится в пыль.

– Вот я и подумал: что ему болтаться без дела, горемычному, – Свэн словно угадал мысли Тэдди, – ну и решил: пусть еще послужит, устал без дела, наверное.

Фонарики космонавтов нащупали угол, где должна была находиться кабина сопровождающего: стальные фермы переборок со следами съеденного временем покрытия свидетельствовали об этом. Свэн нырнул под откос десятиметровой рей, и оттуда донеслось сдавленное:

– Тащи!

На Тэдди вылетел цилиндр, который на Земле весил бы тонн двадцать, но здесь, в космосе, пилот остановил его легким движением руки.

– Это еще что за фокусы?

– Горючка, – коротко отрезал Свэн, появляясь из-под рей со вторым цилиндром. – Мы здесь с Тэккером устроили маленький банк на предьявителя.

– Где ты откопал этот плашкоут?

– Он сам откопался. Попал в трал Тэккера, и этот чурбан хотел его выбросить. Но я, естественно, воспротивился. Зачем пропадать добру? Тем более что эта развалина – мой ровесник.

Свэн высветил на стене цифры – дату изготовления плашкоута. Цифры едва проступали под слоем пыли, а заводской марки не было видно вовсе, но год действительно совпадал.

– Ты представляешь, Тэдди, как приятно в этой чертовой дыре, между этими миллиарднолетними светильниками встретить своего сверстника, хоть и железного, но такого же нелепого и беспутного, как ты сам? Сказка! И мог ли я...

Страшный громовой удар, автоматически ослабленный внешними звуковыми рецепторами и все-таки на мгновение заложивший уши, потряс пустую сферу, и она еще долго-долго гудела тяжким колокольным звоном. Фонарь Свэна мгновенно погас, и Тэдди только через несколько секунд понял, что виной всему пыль, поднятая ударом. Его фонарь горел, но свет его не пробивался дальше протянутой руки в этом черном густом тумане.

– Свэн, где ты?

Никакого ответа. В лорингафонах – душераздирающий треск: пыль, видимо, сильно ионизирована и пропускает радиолуч так же плохо, как и свет. Но индикатор в норме, значит, прямой опасности нет. Это уже не плохо.

Говорят, что годы, проведенные в космосе, притупляют чувство постоянной опасности, чувство страха перед роковой случайностью. Как бы не так! Как раз у астронавтов нервы всегда на пределе, у них острее всего инстинктивная боязнь следующего шага, следующей минуты. Именно постоянный страх выручает пилота в трудной ситуации. Он оберегает от преждевременного действия.

Вот и Тэдди висел сейчас в непроницаемом пылевом облаке, потеряв всякую ориентацию – в невесомости даже птицы теряют свои прославленные летные качества, – и изо всех сил старался не изменить каким-либо неосторожным движением положение своего тела в пространстве.

Итак, удар или взрыв. Скорее всего, удар. Причем удар по бронированному панцирю плашкоута, потому что пыль поднялась со стен и одновременно со всех сторон. Очень сильный удар – пылевая стена возникла почти мгновенно. И скорее всего, снаружи – что могло изнутри нанести удар такой силы? Только взрыв, но индикаторы радиации и инфразлучения спокойны, следовательно, внутри взрыва не было.

– Свэн, где ты?

Он повторил призыв, настороженно вслушиваясь в трескотню по-мех и по-прежнему не двигаясь. Надо было срочно выбираться, но как? В этой пыли локаторы беспомощны, так же как и глаза. Искать выход наугад бессмысленно: радиус сферы – тысячи полторы метров, и она пуста, как выведенное яйцо. Без ориентиров, в невесомом мире, где нет ни верха, ни низа, а следовательно, нет и той неосознанной памяти направления, которую почему-то принято называть интуитивной, – в этой сфере можно летать от стенки к стенке бесконечно. Ползти по стенке – то же самое. Один шанс из миллиона.

– Свэн, где ты?

Пыль осядет недели через две минимум. Идиотское положение. Эх, если бы знать все наперед – закрепить бы леером у входа! Проще простого. Даже обидно. По ниточке – наружу..

Конечно, можно воспользоваться аннигилятором. Он как раз для таких вот пылевых фокусов. Все это облако можно сжечь за час. Но если Свэн поблизости? На расстоянии трехсот метров под антилучом его скафандр лопнет, как банановая кожура. Ничего не получится с аннигилятором..

Стоп, может быть, просто прорезать стенку? Вряд ли хватит мощности лучемета – стенки здесь, по-видимому, добротные. Вот если бы в упор – тут еще можно попытаться. Но ведь тогда, чего доброго, сам сгорешь от искр..

Под локоть что-то толкнуло мягко, по-телячьи. Индикатор внешней радиации лениво подмигнул и, поколебавшись, снова погас.

ТЬфу ты черт! Он совсем забыл про бак с горючим. Надо же – как живой. Стоит рядом, не отходит. И под руку толкает, чтобы о нем не забыли.

Бак.. А что, если попробовать? Прикрыться баком, как щитом, и с близкого расстояния – в стенку? Тоже опасно, но если умеючи.. Ведь на баке, кроме обычной брони, должно быть реле силовой защиты.

Тэдди ощупал бак. Обычная стандартная форма. А вот и рукоять реле. Отлично.

Вот теперь можно действовать. Быстро и точно.

Тэдди перевел бак вперед. Он принял положение пловца, на секунду включил и выключил двигатель. Толчок бросил его, потом показавшийся бесконечно долгим перелет вне времени и пространства, в крошечном серо-желтом от света фонаря тумане – и снова толчок: бак коснулся стенки.

Теперь надо быть осторожным. Тэдди на всякий случай зацепился леером за какую-то скобу, торчавшую из стены, потом взялся за рукоятку цилиндра. Конечно, щит – довольно неуклюжий и, если учесть взрывчатую мощь горючего, которое в нем находится, крайне неподходящий для защиты от атомного пламени, но что делать.

Пилот перевел реле влево – с левой стороны бака вспухла зеркальная подушка силовой защиты. Опустив светофильтры гермошлема, он включил аннигилятор. Острый зеленый луч зажег на оплавленном металле лохматую белую звезду. Тэдди повернул луч чуть-чуть под углом, и белые струи брызнули навстречу, но, отраженные силовым щитом бака, снова впились в металл. Это был великолепный фейерверк – целый каскад пламени бушевал вокруг Тэдди, дымными шлейфами затухая во всепоглощающей пыльной черноте, и казалось порой, что пламя вот-вот захлестнет маленькую фигурку в скафандре, но легкое движение руки с аннигилятором уводило в сторону под-

ползающий протуберанец, и новые струи били в дрожащее силовое зеркало цилиндра.

Он работал уже минут пятнадцать без перерыва, и щелчки индикатора внешней радиации уже начинали сливаться в непрерывную дробь, и это было опасно, потому что совместное нарастание радиации и температуры могло вызвать необратимый процесс в баке с горючим, и тогда...

Тогда даже лунные инспектора, не говоря о патрулях, увидят весьма внушительную вспышку, но и для Тэдди, и для Свэна это будет уже абсолютно безразлично.

Но прерываться нельзя: ледяной холод космоса мгновенно уничтожит все сделанное.

А стрелка на аннигиляторе тоже ползет к критической черте: перегрев, за красной чертой – взрыв. Конечно, это не бак с горючим, но может плохо кончиться, если он не успеет отбросить подальше опасную игрушку после автоматического выключения.

Все случилось почти одновременно: медленно выгнулось пузырьком белое пятно на стене и лопнуло, став черным кругом с белым обводом, и тотчас же в эту дыру полетел выключившийся аннигилятор, карнавальная шутихой треснувший за бортом плашкоута.

Пот щипал глаза, и очень хотелось вытереть лоб. Багровые края круга быстро тускнели, и в проеме показалась арабская вязь созвездий.

Тэдди вытолкнул сначала цилиндр, потом вылез сам. Перевел дыхание, и мягкие пучки хлореллы коснулись щек.

Призрачный матовый свет заливал поверхность плашкоута, и длинная узкая тень астронавта, нигде не прерываясь, ныряла в черную тьму на противоположном конце. Она, как стрелка компаса, указывала на яркое желтое пятнышко в неизмеримой дали – Солнце. Но здесь Солнце бессильно. Здесь, за границей Пояса Астероидов, правил один монарх – Юпитер, и даже тени принадлежали ему. И неяркими пятнами вокруг его огромного эллипса белели верные вассалы, такие же загадочные гиганты – Сатурн, Уран, Нептун, Плутон и совсем уж отбившийся от Системы путаник Трансплутон. Они светились величественно и торжественно, и эта мертвенная пышность, так отличная от деловой скромности обжитого Нижнего планетного кольца, как-то давила и настораживала.

Что-то потустороннее, обманчивое таилось в этом великолепии. Было светло, но свет возникал и гас без всякой видимой логики. Масса планет была огромна, а плотность вещества – до смешного мала. По вспученным полям сверхтяготений от планеты к планете бродили таинственные тела. Казалось, здесь царят свои особые законы. Да так оно, видимо, и было. Недаром один известный астроном сказал, что каждое открытие в планетарной сфере Юпитера несет с собой десять новых загадок для каждой из наук.

Две почти одновременные вспышки и легкая дрожь металла под ногами прервали размышления Тэдди. Метеориты, вот оно что... Видимо, всю эту катавасию заварил один из них. Разумеется, более внушительных размеров. Надо вытаскивать Свэна. В корабле спокойнее.

Тэдди закрепил бак понадежнее, включил на всякий случай общую силовую защиту. Затем попробовал леер – трос крепко держался за скобу. Ну, теперь-то пыль не страшна: спасительная веревочка в руках, она выведет из любого пылевого лабиринта.

Уже наполовину погрузившись в проем, Тэдди случайно глянул влево, туда, где только что лежала его тень. Там...

Там, в четырех-пяти шагах от проема, вырезанного в титановой броне с таким трудом и риском, чернели ступеньки трапа. Там был выходной люк!..

Никогда еще пилот не ругался так истово, как в этот раз. А нарутавшись, мысленно плюнул в сторону коварного люка и нырнул в пылевую пучину.

Помочь могла только случайность, и Тэдди, включив на полную мощность по-прежнему беспомощные локаторы, носился от стены к стене с упорством и бессистемностью ослепшей летучей мыши.

Несколько раз ему показалось, что леер заедает или за что-то цепляется. Проверил катушку – все в порядке. Оттолкнулся от стены – в который раз? Сбилса со счета! – и снова полетел в пустоту, крича как можно громче:

– Свэн, где ты?

– Да здесь я, черт бы тебя побрал!

И кто-то схватил его за ноги.

Радость встречи чуть омрачил непонятно рассерженный тон Свэна, но нелепое происшествие, несмотря на весьма реальные опасности, можно было считать исчерпанным.

– Держись за меня, у меня леер. Пошли к выходу.

– Ну, это, дорогой мой Эдвард, я знаю уже минут двадцать, – ответил Свэн все тем же непонятным тоном. – Пошли.

Тэдди еще больше удивился и слегка рассердился. То же мне! В конце концов, именно он, Тэдди, нашел выход из положения: продырявил чертов плашкоут, выбрался сам и вытащил Свэна! А этот зубоскал еще дуетса на что-то. И Тэдди обиженно замолчал.

Но когда он вслед за Свэном вылез в проем, первое, что он увидел, был второй цилиндр – цилиндр Свэна! Рядом с его баком.

Свэн посмотрел на Тэдди, у которого никак не мог закрыться рот, и вдруг захохотал:

– Ой, умора! Ну и отмочили же мы номер, господи... Умереть можно! Ой, не могу..

И только когда чуть-чуть отдышался, смог выговорить:

– Я же на обводном трапе стоял, как метеорит... В двух метрах от тебя. Орал, пока не охрип.

До Тэдди наконец-то дошел смысл случившегося, и он тоже расхохотался:

– Так, значит, мы – нос к носу... Стоило протянуть обоим руки... А мы орали, идиоты...

– Я, понимаешь, когда грохнуло и поднялась пыль, здорово перепугался, ведь ударило сразу, как только я бак тебе бросил. Первое, что пришло в голову, – взрыв. Потом сообразил – ведь меня бы тогда тоже того, в пыльцу! Нет, что-то не так. Стал тебя звать – молчок. Локаторы – молчок. Поставил я тогда свой бачок, зацепился леером за поручень и – ну шастать от стенки к стенке. Мне-то ничего – я по трапу вылезу. А ты где? Ты же висел – значит, у тебя сейчас полная прострация и самому тебе не выбраться. Умора да и только! Летал по этой душегубке, орал, пока чертики не стали мерещиться...

– Но как ты меня потом нашел?

– Очень просто. Когда у меня голова совсем уже кругом пошла от шараханья, я решил вытащить свой цилиндр. Вылез – и глазам не верю: твой бак. А рядом – норка. Я тебя за леер стал дергать, а ты – ноль внимания. Вот я и полез за тобой по твоему лееру. Злой как черт...

Похохатывая и возбужденно перебивая друг друга, они плыли к кораблям, тускло поблескивающим в неверном свете Юпитера, и веселились с каким-то исступлением, за которым угадывалось пережитое напряжение.

– Умрут ребята, если на Базе рассказать...

– Брось ты. Надо помалкивать. Это же анекдот на всю Систему. Засмеют...

– Засмеют – это точно.

И когда они были у своих кораблей и послушные автоматы готовились принять на борт запасные баки с горючим и их самих, в гермошлеме прозвучал неожиданно серьезный и почему-то грустный голос Свэна:

– Послушай, Тэдди, а сколько длилась вся эта петрушка?

– Что-то около двух часов, Свэн.

* * *

Это был странный мир.

Издалека Юпитер был похож на сплюснутый эллиптический щит – именно щит, а не яйцо, сплюснутое на полюсах. В отличие от всех планет, которые когда-либо видел Тэдди, Юпитер почему-то казался плоским, как солнце на декорациях мюзик-холла.

Ученым проще. Когда их спрашиваешь: «Почему?», они отвечают твердо и кратко: «Это одна из особенностей гигантских планет». И все. Как будто этими словами можно объять всю тоску по привычным, выстрадаанным в течение тысяч лет и закрепленным в генах законами геометрии представлениям, тоску по реальности, представление о которой теряешь, попадая в гравитационное поле «Папаша».

«Папаша»... Вот висит гигантский щит, преграждая дорогу, и на щите этом, как на щите Медузы, начертаны неведомые письмена, видеть которые не дано человеку. Он многоцветен, этот щит, – голубоватый фон планеты перечеркивают резкие, в зазубринах, коричневые полосы, параллельные экватору. Эти голубые и коричневые зоны на эллипсе планеты меняются, но очень медленно – десятки земных лет проходят, прежде чем удастся заметить смещение.

Сейчас Юпитер выглядел, как три года назад, когда они были здесь со Свэн. Все та же голубая полоса на экваторе, а вокруг нее симметрично расположены две широкие тропические полосы. Дальше – менее яркие полосы и зоны умеренного пояса, а полярные области, однородные и неяркие, уже нависли над кораблями.

Да, нависли, Свэн с его любовью ко всякого рода жаргонным словечкам называет это «заглатыванием».

Дело в том, что на определенном расстоянии щит Юпитера начинает вести себя несколько необычно – его края вытягиваются и начинают постепенно обволакивать корабли. Сначала «Папаша» превращается в полусферу, вогнутой частью обращенную к кораблям. Это в общем-то довольно обычно: любая планета на близком расстоянии кажется не шаром, а вогнутой чашей.

Но «Папаша» этим не ограничивается. Края горизонта ползут все выше и выше, и в конце концов вы оказываетесь внутри сферы – Юпитер окружает вас со всех сторон своей поверхностью, и лишь маленькое черное пятно вверху остается от того необъятного, что называется космосом.

Юпитер заглатывает корабль, как росянка – мошку, и странный глобус, вывернутый наизнанку, начинает оживать.

Первыми оживают округлые светлые облака: их движение уже доступно взгляду, как перемещение минутной стрелки. Потом начинают двигаться резко ограниченные, удлинённые коричневые пятна. Их движение напоминает скачки дафний под микроскопом – минута покоя, неуловимый рывок, и снова покой, и только края коричневой массы чуть дрожат. Светлые зоны резкими прямыми штрихами пересекают вдруг непонятные перемычки, идущие от расположенных на разных широтах темных полос.

И вся эта бесшумная свистопляска торжествует вверху, внизу, с обоих боков, и потому звездолетчиков никак не может оставить противное ощущение, словно ты – муха, попавшая в бутылку или, точнее, в какой-то светящийся пузырь, из которого никак не найти выхода.

Говорят, здесь повинно мощное поле тяготения Юпитера – оно искажает путь световых лучей, и человек, попавший в это поле, видит не то, что на самом деле. Очень может быть. Только от этого не легче.

– Туда?

– Ну конечно, Тэдди. Метеорологи обещали хороший метеоритный дождь. А все это идет туда, как в трубу.

Свэн помолчал, а потом проговорил раздумчиво:

– Черт подери, хотел бы я знать, что там есть на самом деле. Почему туда прут метеориты, причем почти всегда радиоактивные. Какой дьявол их туда тащит?

Он снова помолчал. Потом улыбнулся невесело:

– Ты знаешь, Тэдди, я, наверное, плохой астронавт. Я не люблю всей этой звездной гонки. Не потому, что там, в звездах, страшно. Нет. Просто мне кажется, что мы обгоняем самих себя. Мы еще не до конца разобрались на Земле, а нас потянуло в космос. Мы еще не разобрались в своей родной Солнечной системе, а нас уже бросило к другим галактикам. Немудрено, что мы там ничего не находим – мы просто еще не знаем, что искать...

И вдруг без всякой связи:

– Ты не сердись, что я опять потащил тебя к Красному Пятну?

– Нет, Свэн. Хотя, откровенно говоря, я не люблю того, что не входит в мой мозг. А Пятно не входит – убей меня. Как и весь этот Юпитер...

Оно висело сейчас как раз над ними – кроваво-красная, почти овальная клякса на голубоватой сфере, где-то на широте двадцати градусов, таинственное атмосферное возмущение, периодически засасывающее все радиоактивное. Пятно багровело над головой, но чтобы добраться до него, надо было лететь в обратную сторону – вниз, и в этом была еще одна нелепость странного мира, который настойчиво предлагал смятенному уму все, кроме разгадок.

Мезонные двигатели несли машины, и Красное Пятно расплывалось над головами тысячекилометровой клокочущей раной, а на экранах локаторов все чаще мелькали зеленые черточки метеоров.

– Давай трал, Тэдди. Кажется, нам повезло.

Тэдди и сам заметил характерное волнообразное мерцание в правом нижнем углу главного визира. Перекинув ключ на инфравидение и добавив увеличение, он тихо охнул. Чуть в стороне и впереди шли целых три гловэллы. Редко кто из звездолетчиков мог похвастать тем, что видел гловэллу, распустившуюся в естественных

условиях. И только Ежи Стравинский рассказывал о том, что видел легендарный «танец тройной спирали». Он даже пытался снять этот танец в инфралучах, но дело было в Поясе Астероидов, а там, как известно, не киноателье: автоматы бросали его разведчик из стороны в сторону, уклоняясь от каменных ядер, а пушка ультразащиты работала почти без перерыва, расстреливая камешки помельче. Так что фильма не получилось: гловэллы были едва видны сквозь вспышки, а зигзаги, которые выписывал космолет, окончательно все испортили. Пленка Стравинского надолго перессорила астроботаников мира, и они до сих пор не пришли к единому мнению – что же такое, в конце концов, гловэлла – живой организм или причуда кристаллографии. Адепты кристаллоорганики объявили гловэллу бродячим растением, перерабатывающим космическую пыль под влиянием жесткого рентгеноизлучения, а пленку Стравинского – доказательством жизнедеятельности этой редкой и капризной незнакомки. Их противники видели в «танце» случайную игру полей тяготений астероидов и даже обыкновенную фальсификацию. Стравинского чуть было не привлекли к суду, но все так запуталось, что докопаться до истины было невозможно, а темпераментные клятвы измученного поляка только усугубляли недоверие.

– Ну, что ты там, уснул?

– Подожди, Свэн. На какой частоте твой визир?

– На обычной. А что?

– Переключи на инфра. И добавь увеличение порядков на пять.

Свэн довольно-таки раздраженно перекинул ключ, вывернул тумблер, не глядя, на пять делений.

– Ну и?..

И вдруг наклонился к самому экрану.

– Ого! Тэдди, так это же «танец тройной спирали»! Ну и ну...

Гловэллы впереди шли равносторонним треугольником, широко распластав десятки тончайших многогранных лепестков. Лепестки светились несильным гипнотическим светом догорающих углей, и по их поверхности разбегались мгновенные узоры синих искр – это вспыхивали и сгорали невидимые частицы рассеянной вокруг космической пыли.

Все три цветка медленно вращались вокруг центра треугольника, описывая идеально правильную тройную спираль, – все точно так, как рассказывал Ежи Стравинский, но они со Свэном видели сейчас «танец» не в опасной астероидной толчее, а при отличной видимости, и картина была действительно великолепна.

– Свэн, это надо снять. Такого еще никто не видел.

Свэн заколебался, ожесточенно потирая подбородок.

– С ума сошел. Элементарный топологический анализ точно укажет, где мы снимали. Ученые, конечно, за такую пленку глотку друг другу перегрызут. А для нас – адье, работа. И вообще космос. Ты забыл, что бывает за самовольные «прогулки»?

– Не забыл. Но это же уникальные кадры, Свэн. Ведь мы, по сути, первые, кто видит все по-настоящему. А пленку можно спрятать до лучших времен.

– Да как же ты ее через стерилизатор протащишь? Проглотишь, что ли? Ее ведь и в желудке найдут, если надо... Это тебе не бак с горючкой. Лучше этих красавиц в трал – и все шито-крыто. Без документов, так сказать.

– Жалко проморгать такое, Свэн. Красавицы от нас не уйдут, а вот «танец» уйдет. В трале не разстануешься.

– Вот навязался на мою голову! Ладно, попробуем. Только снимать буду я. Попробую пленку протащить через посты. У тебя не получится. У тебя слишком подозрительная физиономия.

Свэн с деланным вздохом принялся за съемочную аппаратуру, но видно было, что ему самому очень хочется не упустить редчайший случай, хотя это на самом деле могло иметь довольно-таки грустные последствия для обоих. Неписанный закон фирмы гласил: делай что хочешь, но не попадайся. Попался – пеняй на себя.

– Давай поближе к ним. Так будет интереснее. И раскрой трал на всякий случай. А то вдруг они удирать задумают. Останемся и без портретов, и без самих красавиц.

Свернутый трал, повисший между кораблями серебряной цепочкой, вспух и развернулся в огромное облако. С раскрытым тралом идти было труднее и еще труднее – маневрировать, потому что трал, как парус, уже принимал отголоски могучих вздохов юпитерианской атмосферы, но гловэллы двигались медленно, и догнать их не стоило больших усилий.

Собственно, движением их медлительные перемещения можно было назвать лишь с некоторой натяжкой. Они, пожалуй, не двигались, а «росли» в пространстве в определенном направлении, и рост их напоминал рождение морозного узора на стекле.

До сих пор Тэдди попадались только споры гловэллы – правильные многогранники двух-трех метров в диаметре, представляющие собой кристаллические агрегаты настолько сложного состава и строения, что одно только их описание занимало тома монографий и казалось специалисту чистой абракадаброй.

Из этих спор в космических лабораториях удавалось выращивать невероятные «цветы» – полукилометровые веретена из паутинообразных лепестков, которые оказались бесценным кладом и для науки, и для промышленности. Именно гловэлла открыла науке секреты гравитации и позволи-

ла промышленности построить первую антигравитационную систему.

Появились целые «плантации» гловэллы, космические «огороды», где из найденных спор выращивали чудесные соцветья. Через год веретено переставало расти, а еще через несколько дней рассыпалось на тысячи стабильных кристаллических образований. Вот эти-то образования и были драгоценным «урожаем» для самых разных технических отраслей: остатки «живого метеора» шли в антигравитаторы ракет, в моторы гравилетов, в «мозги» кибернетических устройств, на нужды электроники и биотехники.

Звездная гостья оказалась замечательным подарком Большого Космоса, легко и просто решив технические проблемы, казавшиеся до сих пор неразрешимыми.

Но беда в том, что аппетиты техники росли, а гловэлла в искусственных условиях расти не хотела. Вернее, не хотела размножаться. И совсем не было ясно, может ли она вообще размножаться. Потому что никто и никогда этого не видел.

А споры попадались все реже. Распустившиеся гловэллы – и подавно. И немудрено, что рассказ Ежи Стравинского о трех гловэллах и об их фантастическом «танце» вызвал столько шума и столько недоверия.

А поляк ничего не выдумывал. Просто в этом астероидном аду невозможно было подойти ближе. Тэдди со Свэном повезло несравненно больше.

Эти три веретена были гигантами по сравнению с «огородными образцами» – не меньше трех километров в длину – и, главное, передвигались. Правда, весьма своеобразно.

Поначалу казалось, что веретена, медленно вращаясь вокруг оси, каким-то образом ввинчиваются в пространство, как гигантские шурупы. Но скоро Тэдди понял, что это не так.

На острие веретена шевелилось что-то вроде усов. Точнее, не шевелилось, а росло. В пространство по спирали выпячивалась нить стремительно растущих кристаллов. Ее догоняла вторая нить, третья, и вот уже возникал, словно нарисованный, на темно-сером светящийся каркас будущего лепестка. Каркас заполнялся матовой паутиной, и стометровый тонкий лист начинал работать – на его поверхности сказочными узорами загорались и гасли искры космической пыли.

Лист набухал, утолщался ближе к оси и там затвердевал в плотное тело ствола, из которого выползали новые усы, и все начиналось сначала.

Тем не менее длина веретена оставалась все время постоянной, и это немало удивляло пилота. Задние лепестки оплывали и таяли, точно стеариновые, хотя температура здесь, судя по яркости инфракрасного изображения, была самой низкой. А острие сверкало раскаленной иглой.

– Да убери же ты наконец этот чертов трал! Я с ним как собака на цепи.

Свэн явно увлекся съемкой – в нем заговорил не охотник за гловэллами, а бывший астроразведчик. Тэдди добродушно усмехнулся и спросил нарочито небрежно:

– Совсем убрать?

Тэдди видел сейчас только затылок Свэна, прильнувшего к визирам.

– Я спрашиваю: совсем убрать?

Свэн, не оборачиваясь, дернул плечом:

– Разумеется, совсем! Я у тебя как на поводке. Не развернуться.

– А как мы их потом ловить будем?

– Кого?

– А наших красавиц!

– Я тебе половлю! Ты смотри, что они делают!

Тэдди посмотрел в визир и не заметил ничего особенного. Три веретена не изменили ни своего положения – по-прежнему четкий треугольник, – ни своего вращения: два веретена «ввинчивались» по часовой стрелке, одно – против, а вся троица вращалась еще вокруг центра треугольника.

А вот в центре, кажется, появилось какое-то темное пятнышко...

– Ты по инфра смотришь? Посмотри на нормальной частоте! Сказка! «Тысяча и одна ночь»!

Тэдди перекинул ключ и невольно прищурился.

Теперь они летели над бескрайним кипящим океаном крови, густые тяжкие валы которого вздымались снизу, сталкивались в яростной схватке, медленно опадали, снова вставали беспорядочными и бессчетными толпами. А сверху бледнело небо, и по нему широкими правильными дугами бежали смрадные тучи с фиолетовыми подпалинами, торопливо огибая бархатно-черный шар, висящий в зените.

Снова Юпитер шутит. Весь этот апокалипсический пейзаж – очередной оптический фокус гиганта. Черная сфера космоса свернулась в шар, шар планеты, наоборот, превратился в небесную сферу, а Красное Пятно прикинулось океаном. А на самом деле корабли еще не коснулись самых верхних слоев атмосферы. Шутки...

Но троица гловэлл, летящая перед ними, выглядела действительно как из «Тысячи и одной ночи». Потому что только фантазия Востока могла создать такую пылающую красочную вязь, такую буйную пестроту цветов и оттенков, которую являли сейчас эти переливающиеся трехкилометровые спирали.

И только сейчас Тэдди понял, почему длина веретен неизменна, несмотря на непрерывный рост. Мясистые, тусклые по сравнению с осталь-

ными нижние лепестки и впрямь плавилась, превращаясь в нити густо-синего дыма. Вращение треугольника медленно скручивало синие нити в плотный конус, на острие которого что-то поблескивало.

Тэдди прибавил увеличение. На острие конуса отливало металлом что-то вроде ощутимо растущей кипарисовой шишки.

Пилот торопливо сфокусировал на шишке сразу радиометр и спектроскоп. Стрелки радиометра качнулись довольно-таки лениво: шкала излучений мало отличается от общего фона. А вот спектр... Фу ты, какая неразбериха... Линия кремния какая-то бешеная... А структура! Ну-ну..

Тэдди на всякий случай нажал клавишу запоминающего устройства. Пусть хоть это останется.

Он поднял глаза. С экрана за ним следил через плечо Свэн. Он уже не снимал.

– Дураки мы с тобой, Тэд. Старые идиоты. Кому все это надо, а? Просто самим себе кровь погреть... Мы – мусорщики, низшая каста. Наше дело – подметать Коридор. И не совать нос, куда нас не просят. Так?

– Так, Свэн.

Тэдди вздохнул и убрал приборы.

– Ты прав, Свэн. Может быть, это действительно никому не надо. Но без этого можно совсем оскотиниться. Если делать только то, что приказано, и думать только о своем брюхе. И о своем кармане.

– Что в конечном счете одно и то же...

– Вот именно. А у русских, говорят...

– Брехня это, Тэдди. Пропаганда, по-моему. А если даже и не брехня, то нам с тобой, старик, поздно поворачивать оглобли. Мы по уши в грязи увязли. Не хуже других от патрулей драпаем и виски не меньше других хлещем. Поздно...

– Смотри-ка, Свэн! Наши красавицы что-то задумали!

Треугольник явно ускорил вращение и, кажется, изменил направление движения. Да, теперь он двигался не к Юпитеру, а от него, выходя из своего затяжного пике. Основательно подросшая шишка теперь болталась на одной голубой ниточке, которая становилась все тоньше и наконец лопнула с характерной вспышкой сильного электрического разряда.

– Трал! – во все горло заорал Свэн и рывком врубил на полную мощность все четыре двигателя.

Тральщик, повисший было на антигравитаторах, встал на дыбы, выбросив из дюз четыре огненных столба, чуть ли не на месте перевернулся и коршуном упал вниз, туда, где, медленно крутясь, падала в багровую пучину причудливая шишка, отсвечивая металлом.

– Наши жар-птички снесли яичко! Не простое, а золотое! Отличное дело! Молодцы, гловэллы!

Тэдди скорее автоматически, чем обдуманно, выстрелил трал, который распустился сзади огромным веером, и бросил машину вниз, за Свэном.

Он давно привык и к жаргону, и к его мальчишечьим выходкам. В конце концов, «яичко» пригодится, хотя и не совсем понятно, что это такое. По крайней мере подобной находкой пока еще никто, кроме них, похвастаться не может.

– Наши птички-невелички. Наши птички... А, черт!

Дюзы Свэна, четыремя лепестками горевшие впереди, неожиданно погасли.

– Ты что, раздумал?

Свэн молчал, и Тэдди снова видел только его затылок.

– В чем дело, Свэн?

Молчание.

Тэдди вывел свой тральщик вправо, пристопорил, выбросил стьюкующий рукав трала.

Свэн не принял трала. Он остервенело делал что-то на пульте.

Загадочная шишка, наращивая скорость, исчезла в протуберанце Красного Пятна.

Свэн молчал. Руки его неподвижно лежали на пульте.

– Ты что там, лешего увидел?

Свэн медленно повернул голову. В лице не было ни кровинки, и, наверное, от этого проступили крапинки веснушек, которых Тэдди никогда у Свэна не замечал.

– Уходи, Тэдди. Побыстрее. И подальше. Я сейчас взорвусь.

– Что ты мелешь?

– Уходи, говорю тебе. Я дал слишком сильного пинка этой кляче. Все-таки полетела система подачи.

– Перекрой главный шланг! Что ты застыл как пень?!

– Поздно, Тэдди. В смесителе неуправляемая реакция. У меня два запасных бака.

И вдруг, сорвавшись на крик:

– Ну что ты повис? Уходи немедленно, говорю тебе! Я ухну так, что чертям жарко станет. Слышишь – два запасных бака! Ну!

– Никуда я не уйду. Катапультируй!

– Ты забыл – самописцы?

– У, дьявол... Напяливай скафандр и лезь через люк! Я тебя поймаю тралом!

– Не успею. Говорю тебе – уходи, пока не поздно! Слышишь? – И всем тихо: – Ты был хорошим другом. Спасибо тебе за все.

– Надо же что-то делать, Свэн. Попробуй...

– А! От тебя не отвяжешься...

Тральщик Свэна снова взвился на дыбы и ринулся отвесно вниз, в красные чужие тучи, грозно и тяжело вздымающиеся навстречу, и Тэдди тоже направил машину вниз, провожая друга в последний бешеный полет, понимая бессмысленность своей жертвы и не имея сил выжать ручку от себя, – Свэн уходил навсегда, и это никак нельзя было принять и понять. Свэн уходил все быстрее и быстрее, потому что адское пламя, бушующее в чреве погибающего тральщика, уже сожгло все предохранители, а тральщик Тэдди тормозил трал, о котором он совершенно забыл. Красное Пятно превратилось в развернутую воронку, а они продолжали лететь вместе, и уже погас экран переговорного видефона, а Тэдди продолжал кричать, не слыша себя:

– Свэн, катапультируй! Катапультируй, Свэн!

А дальше все было как в бреду, потому что Свэна не было на экране и тральщика его не было – его проглотила красная волна, – а только жил еще голос Свэна, и в этом голосе не было страха, а только грусть:

– Возвращайся на Землю, старик. Начни все сначала. По-новому. Это трудно. Но попробуй за меня. Будь счастлив.

И потом хрипловато запел:

Пока есть ход,
Держись, пилот.
А если ад вокруг,
Ищи в аду
Свою звезду...

И вдруг удивление:

– Ого! Тэдди, а здесь полно...

Что-то хрустнуло и засвистело в динамиках, и Тэдди решился глянуть вниз. Там, внизу, в огненно-красной пучине, что-то полыхнуло, и через минуту индикаторы внешней радиации дико заплясали. Тэдди знал, что это последний вздох Свэна, и только потом он увидел быстро растущее синее пятно. Он решил сначала, что потемнело в глазах от вспышки, но все-таки бросил тральщик в сторону, и мимо ударил, постепенно иссякая, фонтан синего дыма. Тэдди пришлось снова увертываться от опадающих вниз клубов, но кое-что попало в трал до того, как Тэдди свернул и убрал его...

Нервы сдали. Призрачный щит Юпитера ровно горел за спиной, а Тэдди, бросив ручки управления, кусал пальцы. Желтое солнце впереди расплывалось радужными пятнами, и он закрыл глаза, потому что было больно смотреть вперед...

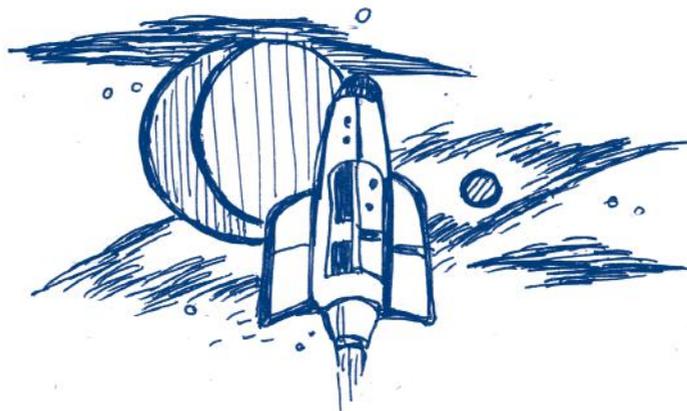
* * *

Он лежал с закрытыми глазами в непривычной тишине, и мужской голос сказал шепотом:

– Очень сильная реакция. Он вспомнил все, и воспоминания для него сейчас острее впечатлений действительности. Может быть, шок. Дайте ему снотворное, Джой.

– Хорошо, – так же тихо ответил женский голос.

«Джой, – пронеслось в опустошенном мозгу. – Хорошее имя – Джой. Оно значит «счастье».

6. ЛЕЗВИЕ НОЖА

— Так вы говорите, что Синий Дым появился сразу после взрыва корабля и точно в том же самом месте?

— Да, доктор. Я видел вспышку, и именно из этой точки через несколько секунд ударил фонтан.

— Синий Дым активизируется после сильного облучения. А до этого он находился в кристаллическом состоянии... Все, видимо, правильно... Эдвард, а сколько времени прошло между вхождением корабля в красные облака и взрывом?

— Я боюсь говорить точно, доктор. Я был в таком состоянии... Мне казалось, что прошли столетия... Может быть, секунд двадцать. А может, и меньше.

— И он шел с включенными двигателями?

— Да, на полную мощность.

— Какое расстояние пролетел корабль Свэна до взрыва, как вы думаете?

— Он шел приблизительно миль полтора-два в секунду, значит, взорвался где-то на глубине около четырех тысяч миль...

Солсбери встал из-за столика, прошелся по холлу, потирая лоб. Роберт и Дуайт сидели поодаль, не вмешиваясь в разговор, и бесцеремонно разглядывали пилота.

Тэдди чувствовал себя скованно под этими оценивающими взглядами. Он понимал всю важность дела, все значение случайного движения трала, которое привело к открытию волшебного препарата. В конце кон-

цов, именно СД превратил Солсбери из калеки в полноценного человека, спас Джой, вернул жизнь ему самому.

Но кто вернет в этот мир Свэна? Если бы фирма не сэкономила на ремонте, если бы... Свэн погиб, потому что изнасилась какая-то пустяковая деталь в системе подачи. Его убили из-за грошей, может быть, из-за нескольких долларов, сэкономленных на этой детали...

Смит-старший делал и продавал невидимую смерть.

Его сыновьям теперь нужен СД – Синий Дым жизни. Зачем? Ведь они – убийцы. Зачем убийцам препарат жизни?

Солсбери говорит – таковы времена. Новые времена заставят волков быть ягнятами. Ой ли? Доктор, доктор, ты умный старый человек, но иногда ты говоришь как ребенок. Хирургический скальпель в руках подонка может превратиться в лезвие ножа...

– Итак, что мы имеем на сегодня...

Солсбери остановился между Тэдди и Смитами и стал загибать пальцы.

– Во-первых, место рождения СД – Красное Пятно на Юпитере. Можно ли добыть СД со всей поверхности Пятна или только из одной точки, координаты которой знает Тэдди, нам пока неизвестно. Во-вторых, СД рождается при мощном ядерном взрыве на глубине около четырех тысяч миль. Возможно ли рождение СД на других глубинах, нам пока тоже неизвестно. В-третьих, рассказ Тэдди не дает нам пока никаких намеков на то, почему и как этот самый СД рождается. Единственное, что можно предположить сейчас, – то, что где-то там есть залежи или сгустки СД в кристаллическом состоянии. Возможно также другое: что СД образуется именно в результате взрыва при сочетании каких-то компонентов и определенных параметров давления, освещения и так далее...

– Постойте, Солсбери, не так темпераментно, – проговорил Дуайт. – Значит, для того, чтобы получить СД, необходимо произвести ядерный взрыв на глубине четырех тысяч миль, в точке, которую укажет Тэдди, а потом просто-напросто собрать содержимое фонтана тралом, не так ли?

– Видимо, да. Надо только наиболее точно воспроизвести ситуацию, при которой впервые появился СД. Потому что на его появление могут действовать и другие, неизвестные пока причины...

– Это что же, доктор Солсбери, – угрюмо прервал Тэдди, – по-вашему, надо имитировать аварию и отправить туда еще один корабль?

– Ну что вы, Эдвард, вы меня не так поняли. Для взрыва можно использовать мощную бомбу замедленного действия. Я говорю...

– Нейтринной боеголовки среднего калибра достаточно? – снова перебил Дуайт.

Роберт быстро взглянул на него и поджал толстые губы. Солсбери удивленно поднял брови:

– Нейтринная боеголовка? Но...

– Достаточно или нет?

– Нейтринная среднего калибра разнесет половину Юпитера или, чего доброго, сделает из него сверхновую. Но, к счастью, таких игрушек сейчас около ста штук, и все они в Особом фонде ООН. Использовать их может только ООН, их не выдают даже правительствам отдельных государств, не говоря уж о частных фирмах, – еще более утрумо подал голос Тэдди и впервые за весь разговор внимательно посмотрел на своих боссов.

Дуайт недовольно поморщился:

– Я вижу, вы, Тэдди, весьма осведомлены в вопросах международного права...

– Приходится. Ведь вы наверняка не будете защищать меня на суде...

– Вы догадливы. Но я обращаюсь к вам как к знатоку: что вы можете посоветовать?

– Для взрыва, равного взрыву баков тральщика, подошла бы малая военная ракета класса «Земля – Луна». Но ведь все эти ракеты уничтожены после Пакта, а их укрытие и хранение рассматривается как преступление против человечества, мистер Дуайт.

– Нет, право, у вас большие юридические способности, мистер Стоун. После того как вас лишат пилотских прав, вы с успехом можете идти в адвокаты...

– В прокуратуры мне как-то больше по душе.

– Но это очень опасно в наш век, мистер Стоун.

– Звездолетчикам к опасности не привыкать, мистер Дуайт.

Дуайт достал сигарету, но зажигалка почему-то долго не зажигалась, прыгая в руке.

– Ну, ладно, довольно шуток. Давайте говорить о деле. Мистер Стоун, вы сможете повторить ваш рейс? Мы вам подберем хорошего напарника. Вы должны хотя бы из уважения к доктору Солсбери, вашему спасителю... Итак?

Тэдди молчал, безучастно разглядывая свою ладонь.

– Да, Стоун, я совсем забыл. В качестве премии за мужество, проявленное при доставке трала, а также за особые заслуги перед фирмой на ваш счет переведено двадцать тысяч долларов премиальных. Ваша новая экспедиция будет оплачена, разумеется, гораздо щедрее.

Тэдди поднял глаза и в упор посмотрел в очки Дуайта. Ладонь на столе непроизвольно сжалась в кулак.

– Сейчас Эдвард слишком возбужден и взволнован, он еще не вполне оправился после операции, – пришел на помощь Солсбери. – Я думаю, через неделю он будет вполне в форме.

– Ну и отлично. Только одна просьба. Ни в коем случае не покидать Биоцентр. Иначе мы вынуждены будем принять другие меры. Сейчас вы свободны. Мы немного отдохнем.

Когда Тэдди и Солсбери вышли, Роберт с неожиданным проворством подбежал к двери, прислушался и зло зашипел на Дуайта:

– Ты что, с ума сошел – про боеголовки? Нашел с кем советоваться. Заморыш сразу раскусил, в чем дело.

– Ну и что?

– Что-что!.. Этот омоложенный старец, конечно, так ничего и не понял, а у Заморыша глаза заблестели. Он сразу сообразил, что у нас есть кое-какие запасы, до которых не докопались ищейки ООН. А знаешь, чем это пахнет?

– Чем?

– Тем, что мы у него на крючке. Он знает, что он нам нужен и мы его убраться не можем – раз. Он знает, что у нас есть укрытое от ООН ядерное оружие – два. Представляешь, какую цену он заломит за свое молчание и за свой полет?

– А мы на эту цену радостно согласимся. И еще погладим его по головке и скажем, что он великий пилот. И что его незаслуженно забыли. И дадим честное слово передать все сведения о СД в МСК сразу же после возвращения. И сохранить ему пилотские права. И еще многое-многое другое.

– Ты это серьезно?

– Вполне. Он нас ненавидит и не доверяет нам, так?

– Допустим.

– А раз не доверяет, значит, его никакими обещаниями в это дело не заманишь, так?

– Допустим, так.

– И вдруг он «случайно» узнает, что у нас есть нейтринные боеголовки, за хранение которых положен международный трибунал. Что решит Тэдди?

– Он решит, что мы у него в руках. И будет прав.

– О господи, до чего же ты непонятлив, братец! Теперь у него есть гарантия! Он не верит нашим обещаниям – пусть. Зато теперь он уверен, что при случае может заставить нас выполнить обещания – угрозой разоблачения. И он согласится лететь, посмотришь!

– А если он все-таки сообщит куда надо до полета?

– До полета ему нет никакого смысла делать это. Во-первых, он уверен в своей безопасности. Следовательно, торопиться некуда. А во-вторых, ему все-таки хочется добыть Синий Дым. И даже не из-за обещанной награды. Он из того же теста, что и Солсбери. Ему хочется облагодетельствовать человечество. И, кроме всего прочего, отплатить добром за добро тому же Солсбери, который вернул его из небытия. И поскольку Заморыш человек умный, два против ста, если он не отложит свои разоблачения на потом, после полета.

Роберт помолчал с минуту, что-то обдумывая.

– Все это хорошо, Айк. Но за ним надо следить. Не спускать глаз. И если что...

– Не только за ним. За двумя. Солсбери ненадежен. Пока его спасает полная неспособность разбираться в реальной жизни. Но чем черт не шутит.

– Пожалуй, не за двумя, а за тремя. Не забывай ассистентку. Как-то странно она улыбается...

* * *

Джой стояла над самым ручьем на огромном, облепленном почерневшими мхами стволе упавшей пальмы, и глаза ее смеялись.

– Ну что же вы, Эдвард?

А Тэдди не мог двинуться с места и смотрел на нее, словно вырезанную лучом на сумраке лесной чащи: белые брюки, широкий серый пояс, белая кофта, подчеркивающая смуглую кожу обнаженных рук и лица. Она чуть запыхалась и дышала часто, на длинной шее пульсировала жилка, полуоткрытые губы дрожали.

– Ну что же вы стоите?

– Мне показалось, что за нами кто-то идет..

Джой засмеялась, закинув голову, и длинные волосы метнулись за спиной, как черное крыло.

– Так, значит, надо бежать, а не стоять на месте!

Тэдди медленно пошел к ней, раздвигая сплетения лиан и длинные пахучие бороды лишайников. Ноги по щиколотку уходили в пружинящий травяной настил, и после каждого шага в траве оставалась овальная ямка, которая быстро заполнялась зеленой водой.

Тэдди подошел к ней и взял за руку. А вокруг шептался, шуршал и вздыхал темный косматый лес, полный каких-то добрых и ни на что не похожих существ, которые переминались с ноги на ногу вокруг и дружелюбно подмигивали тысячами прозрачных глаз, и кроны двадцатиметровых гигантов укрывали их от света, оставив лишь узкий солнечный луч, который обтекал их и падал в пляшущее зеркало ручья, и от этого в густом влажном воздухе плясали радужные ломкие блики.

– Джой, вам говорили, что вы самая красивая женщина на свете?

– Да.

– Кто?

– Доктор Солсбери.

Она снова засмеялась и потянула его за руку, и они побежали сквозь эту влажную, плотную, зеленую темноту, большие тяжелые листья шлепали их по лицу и по плечам, лианы ловили в прочные сети, они барахта-

лись, пытаясь освободиться, пружинистые корни хватали за ноги, и они падали друг на друга, хохоча до слез, а иногда руки напарывались на колючки, которые царапали, но было не больно, а только весело, потому что лес не хотел им зла – он просто играл с ними, как сильный зверь со своими детьми.

Впереди сверкнуло синее пламя, и лес замер за их спиной. На их разгоряченные, мокрые, исцарапанные лица дохнула соленая прохлада океана.

Узкое лезвие горизонта разделяло два мира: мир синего неба и мир синей воды. Сначала ослепленному взгляду они казались двумя одинаковыми полусферами, лежащими одна на другой. Но постепенно глаза привыкали к сиянию, и, как на пленке, проявлялись детали: зеленовато-желтое в мареве пятно островка с частоколом склоненных к воде пальм – отсюда пальмы казались стилизованными буквами «Т», с забавной аккуратностью расставленными у белой ниточки наката; косые крылья трех яхт, подставленные едва ощутимому бризу; прогулочный катер, похожий на бабочку, которая время от времени пытается взлететь; белая полоса пены, начинающаяся откуда-то слева и, постепенно истончаясь, пересекающая все видимое пространство воды, – это из устья невидимой отсюда реки стартовал реактивный аквалет, давно уже скрывшийся за горизонтом.

Было время отлива, и с обеих сторон обнажился голубовато-черный топкий ил, от которого остро пахло серой. А в обе стороны тянулись бесконечные мангровые леса, раз и навсегда в данном порядке выползающие на сушу.

У самой воды толпились, утонув в иле искривленными ходулями голых корней, исчерна-зеленые ризофоры. За ними неровным поясом расположились серо-зеленые авицении и матово-серые зоннерации. Пепельная полоса брутиеры обозначала извилистую линию суши. А дальше, в глубину знаменитых флоридских болот, уходили лохматые шапки болотного финика и перистые кустарники пальмы нипа.

И только раскаленное тропическое небо сверкало над всем этим пестрым великолепием безжизненной чистотой вымытого до блеска бемского стекла.

Джой погрустнела. Тэдди почувствовал это по безвольно ослабшим пальцам ее руки и перевел глаза на женщину.

И расхохотался.

Джой была похожа на лесную колдунью: в растрепанных волосах запутались травы, колючки и листья, подбородок был синим от сока каких-то ягод, а на лбу алела царапина. Снежно-белый костюм превратился в нечто невообразимое: его варварской раскраске мог бы позавидовать любой художник-абстракционист.

Женщина нахмурилась:

– Я очень вымазалась?

Тэдди пожал плечами, продолжая улыбаться.

Джой провела рукой по щеке, но от этого стало только одной полосой больше.

– Ну и пусть.

И она снова застыла, думая о чем-то своем.

Над океаном резко кричали чайки, описывая плавные круги на узких неподвижных крыльях, и вдруг камнем падали к самой воде и снова взмывали ввысь, блеснув на солнце матовой белизной перьев.

Внизу из-под самой скалы нешироким длинным полумесяцем вклинивалась в синюю даль серая от соли песчаная коса. Около косы по колену в воде бродили чернокожие ребяташки с кошелками на шее – ловили устриц, время от времени отправляя очередной трофей не в кошелку, а в рот.

– Тэдди, вы любите простор?

Что-то мягко толкнуло в сердце и блаженно заныло: Джой впервые назвала его Тэдди, а не Эдвард, как обычно. Губы пересохли, и Стоун ответил с трудом:

– Простор? Конечно! Кто же не любит простор?

Джой подняла голову. Серые глаза ее потемнели.

– Кто? Я, например. И все женщины, наверное. Подсознательно, по крайней мере. Потому что нам нужен уют и тепло. А на просторе – ветер. И простор... Простор забирает у нас любимых. Поэтому женщины ненавидят простор. Они просто ревнуют. Ваша жена любила космос?

– Не знаю. Ведь она...

– Она была с вами, я знаю. Я много читала о полете «Икара». Мне кажется, она ушла в космос ради вас. Она хотела быть первой, а не второй вашей любовью. Вы очень ее любили?

– Да, Джой. Очень.

– Вы счастливый. А мне вот как-то не пришлось. Я пробовала любить... Но как-то не получилось.

Они сидели у самого края скалы, свесив ноги в пропасть, и Тэдди задумчиво бросал плоские камешки вниз, на косу. Камешек, вращаясь, как пропеллер, взлетал сначала вверх, а потом, описав «мертвую петлю», резко шел вниз и несколько секунд падал в тени скалы гаснущей белой звездой.

– Я люблю лес, – продолжала Джой. – Нигде я так хорошо не чувствую себя, как в лесу. Это, наверное, зов предков, как говорят. Я родилась здесь, во Флориде. И во мне течет индейская кровь. Моя мать была из племени семинолов. Семинолы – аборигены флоридских лесов.

– А ваш отец?

– Отца я не помню, я родилась уже после его гибели. А мать умерла через три года после моего рождения. Она не могла жить без отца. Она умерла от тоски. Ее звали Лили, но у нее было индейское имя Чакайя, что значит «сердце, рожденное любить»...

– Кем был ваш отец?

– Астронавтом, Эдвард.

Тэдди от неожиданности выронил камешек.

– Астронавтом?

– Да. Почему это вас удивляет?

– Нет. Просто... коллега.

– Да, мой отец был астронавтом. И не менее известным в свое время, чем вы. Мой отец – Гарольд Митчэлл...

Тэдди тряхнуло, словно под ним сработала катапульта.

– Что с вами, Эдвард? Вы мне не верите? Но у меня же фамилия отца – Джой Митчэлл. Мой отец погиб на Марсе, на Малом Сырте. Я выросла у доктора Солсбери. Он был большим другом моего отца и матери. Он так и остался на всю жизнь холостяком. Я подозреваю, что он любил мою маму.

Джой исподлобья озорно взглянула на растерянного пилота.

– Но мама предпочла астронавта. Ведь у вас романтическая профессия, и это безотказно покоряет слабые женские сердца...

Но Тэдди почти не слышал ее. Как это сказал тогда Клаус? «И есть еще одна причина, сынок. Но о ней знают только два человека. И больше никто никогда не узнает...»

– Постойте, Джой, постойте... А вы знаете человека... словом, вы знаете Германа Клауса?

Джой удивленно пожала плечами:

– Дядюшку Клауса? Конечно! Это же родственник отца. Солсбери разыскал его где-то за тридевять земель, когда мне было уже около двадцати. Дядя Клаус плакал, когда мы встретились... Он очень хороший, дядя Клаус. Он меня очень любит. И для меня он как отец. Он и Солсбери... Два отца...

Горизонт двинулся на Тэдди. Лезвие сверкало теперь угрожающе остро. И зловещий отсвет приобрели теперь океанская даль и полосы мангровых зарослей, и даже в движениях мальчишек, наклоняющихся за устрицами, была какая-то тоскливая предопределенность.

Это Солсбери спас Гарри Митчэлла. Спас своего удачливого соперника, потому что был его другом. А ведь возрожденный в облике бармена Германа Клауса астронавт Гарри Митчэлл совершил не менее героическое – он отказался от самого дорогого, что у него было на Земле, – от дочери. Потому что Джой уже похоронила отца, и Солсбери стал ей отцом. Вот она, причина – Гарри Митчэлл остался Германом Клаусом, чтобы не

лишать Солсбери последней радости. Потому что для доктора Джой была не только приемной дочерью, но и дважды потерянной Лили.

Да, Клаус поступил как настоящий мужчина. Он понял, что поздно что-либо менять. Слишком поздно.

– Слишком поздно...

Он лежал на спине, сплетя под голову руки, и смотрел в пустое небо. Он пытался вспомнить Нэнси такой, какой она была перед отлетом «Икара». И не мог.

На щеку упали мягкие волосы, и серые глаза, в которых уже наливалась горячая влага, заслонили небо.

– Простите меня, Эдвард. Я виновата. Я не должна была...

Пилот закрыл глаза, и все исчезло. Тугой комок больно и сладко подкатывал к горлу, хотелось чего-то неведомого и не хотелось дышать.

– Назови меня еще раз Тэдди. Если можешь.

– Тэдди...

И уже не было ничего вокруг, и он летел в серебряной пустоте, слыша свой собственный внезапно охрипший голос:

– Джой... Счастье... Я люблю тебя. Я целую вечность не говорил никому этих слов. Я убрал их на самое дно души, потому что думал, что они мне никогда больше не понадобятся. Но ты... Я люблю тебя, Джой.

Волосы перестали щекотать щеку, и Тэдди, не открывая глаз, заговорил лихорадочно и сбивчиво:

– Но жизнь уже прожита, Джой. Нелепо, но я даже не знаю, сколько мне лет. По вычислениям электронных машин – сорок один. Но ведь машина могла ошибиться. Может быть, мне давно уже триста, четыреста, пятьсот. В Глубоком космосе время идет иначе. Люди вывели формулы, по которым можно все высчитать. Данные маршрутной карты, график скоростей, коэффициенты сверхсветовых переходов, выходы в надпространство и еще сотни и тысячи цифр, схем, графиков – и через полчаса машина выплевывает ответ: «Пилот Эдвард Стоун – 41 год...» А кто подсчитает все пережитое? У меня такое чувство, что я живу уже много веков. Я растерял близких, растерял друзей. Я так много терял, что уже не могу поверить в то, что можно что-то найти. Где-то что-то когда-то во мне сломалось, и я полетел вниз. Я перестал сопротивляться. Я попал в капкан и делал все, что от меня требовали: возил контрабанду, грабил звездные заповедники...

Тэдди открыл глаза, и над ним снова было только небо.

– Если бы можно было начать все сначала... Но как? С чего?

Небо было бесстрастно, и ничего не дрогнуло в нем.

– Простите меня, Джой. Это не вам, а мне надо было молчать. Через несколько дней я улечу. Я всегда улечу с радостью. Мне было неуютно на

Земле. Первый раз в жизни я не хочу улетать. Спасибо вам, Джой. Вы разбудили меня. Жаль, что это не случилось раньше. Невыносимо жаль.

Три чайки пролетели низко-низко, взмыли вверх, сделали плавный широкий круг, и птичий крик повис в воздухе.

– Джой!

Молчание.

– Джой, вы сердитесь на меня?

Тишина была ему ответом.

Тэдди приподнялся на локте. Джой лежала рядом, вытянувшись, закинув голову, и беззвучно плакала. Она изо всех сил старалась сдержать рыдания, тело ее вздрагивало, а ладони вытянутых вдоль тела рук судорожно сжимались в кулачки.

– Джой, милая, ну что ты так?

И все отодвинулось, подернулось дымкой, перестало существовать – и небо, и океан, и чайки, и палящее тропическое солнце – и медленно, бесконечно медленно (так, что за это время успели родиться, распуститься в спирали и умереть тысячи галактик) и нежно он взял в ладони это мокрое, перепачканное зеленью и ягодным соком лицо и стал целовать светлые дорожки, оставленные слезами, пока не нашел припухшие горькие губы.

Две руки поднялись снизу и сомкнулись на спине, прижимая и робко и властно, и он зарылся лицом в густые волосы.

Губы Джой дышали у самого уха часто и прерывисто, и в этом дыхании еще жили отзвуки плача, но теперь уже что-то новое, могучее и неведомое заставляло его прерываться, и Тэдди забыл обо всем, когда шепот обжег ему щеку:

– Тэдди, милый... Это судьба... Мне суждено было стать женой звездочка. Как и матери. Это судьба.

* * *

– Меня совсем укачало. Возьми в этом притоне бутылку шерри.

– Слушаюсь, мистер Роберт... Одну бутылку шерри?

В голосе шофера мелькнуло удивление и растерянность, и Роберт мысленно выругался. Идиотское положение: он, Роберт Смит, должен изображать черт знает что...

Машина свернула с автострады к невзрачному дорожному кафе, из которого тоскливо свистел бинг-джаз. Было довольно прохладно, и столики под тентом пустовали, лишь похрапывал в углу пьяница да двое хорошо одетых мужчин пили кока-колу.

На стоянке стояли три машины – два одинаковых коричневых «роллс-ройса» и черный «форд» с основательно помятым крылом.

Шофер вошел в кафе, мужчины о чем-то поговорили, поглядывая на машину Смита, и один из них, бросив на руку плащ, направился к машине.

Смит приоткрыл дверь, но ровно настолько, чтобы никто снаружи не смог его заметить.

– Сэр, я очень извиняюсь, но не смогли бы вы подбросить меня до Стрэнг-Роуз? У меня деловое свидание, а машину мою, сами видите... – незнакомец кивнул на помятый «форд». – Если вас не затруднит...

– Кончайте ломать комедию. Лезьте, – прошипел Роберт, отодвигаясь. Незнакомец скользнул в машину и захлопнул дверцу.

– А шофер?

– Вы что, ослепли?

Незнакомец постучал по блестящей темной перегородке, отделяющей заднее сиденье от мест шофера и телохранителя, и хмыкнул:

– Да... А в смысле звука?

– В смысле звука – то же самое.

– Хорошая машина... Надеюсь, вы без телохранителя?

– Да, черт подери, без. Можно подумать, наша встреча рискованна только для вас. Я рискую в два раза больше.

– Ну хорошо, хорошо. После того как я с вашей помощью встал на путь греха, у меня стала побаливать шея.

– Это просто радикулит. Сейчас не вешают.

– Как ни странно, но шея моя болит даже при воспоминании об электрическом стуле. Видимо, просто ассоциативная цепь. А как было хорошо еще месяц назад!.. Даже Интерпол стал забывать меня...

– Вы сожалеете о том, что начали?

– Ни в коем случае. Я просто, откровенно говоря, набиваю себе цену. Итак, что вы хотите мне предложить?

Динамик щелкнул:

– Мистер Роберт, я принес шерри.

– Давай в клапан. И поезжай. В Стрэнг-Роуз.

Звякнуло стекло. Роберт приподнял заслонку – в маленькой нише, выдавленной в перегородке, стояла бутылка. Роберт сунул бутылку в карман дверцы и закрыл заслонку.

Машина тронулась.

– Отлично придумано. Вы не считаете, что фюреру тоже неплохо бы иметь такую машину?

– Вы же не любите Землю?

– Ошибаетесь. Как раз наоборот. Я очень люблю Землю. Всю, целиком. Как яблоко, которое можно съесть. Я работаю в космосе, чтобы вернуться на Землю. Без грима. Тогда не получилось, потому что... Черт подери, что это такое?

Машина резко затормозила. Снаружи послышалась какая-то перебранка.

– В чем дело? – рявкнул Роберт в микрофон.

– Простите, сэр, какой-то алкоголик. Убери свой драндулет, идиот!

– Иди... Иди-от? Я тебе по-покажу! Я хоз... хозяину...

Кто-то рванул дверцу. Незнакомец выхватил пистолет.

В дверях повис парень в синем реглане, то ли пьяный, то ли наглотавшийся наркотиков, – во всяком случае, взгляд его вытаращенных глаз был совершенно бессмысленным. Он тупо уставился на пистолет и икнул:

– П-поли... П-полиция?

И вдруг заорал во все горло:

– Бей полицию!

– Трогай! – крикнул Роберт, побагровев.

Машина рванулась с места, пьяный упал, едва не угодив под колесо, бамперы во что-то ударили и со скрежетом отбросили. За боковым стеклом мелькнул одноместный «ягуар», варварски разрисованный звериными мордами.

– За что же вы его так, мистер Роберт? Хороший парень! Таких надо беречь. Это наша опора. Слышали, как он про полицию?

– Пьяный сопляк, – проворчал Роберт. – Щенок! Не хватало, если бы он затеял еще драку!

– Пустяки. Впрочем, мы отвлеклись. Итак, я слушаю.

Парень тем временем бодро вскочил на ноги, покачался несколько секунд из стороны в сторону, а потом с воплем «Ах так!» бросился к своей перевернутой машине.

Человек, оставшийся за столиком, отодвинул стакан и вразвалку направился к парню.

Парень неожиданно быстро поставил «ягуар» в нормальное положение.

– Ну чего разорался? Это не полиция. Пойдем выпьем!

Подошедшему удалось увернуться от первого удара в голову, но второй удар в живот бросил его на землю.

Парень прыгнул за руль, и разрисованный «ягуар», бешено завизжав на повороте всеми четырьмя шинами, вылетел на автостраду в ту сторону, куда минуту назад ушла машина Смита.

* * *

– Ну, задача мне в основном ясна.

– Только учтите – надо знать, как это делается. Возможно, наш общий знакомый не все сказал нам. Важно не только добыть СД, но и знать, как его можно добыть в следующий раз. Понятно?

– Вполне. Давайте теперь о деталях. Я предлагаю обычный туристский рейс на тот же Марс. Послезавтра на Марс идет клипер «Нерон» с очень солидной публикой. Он стоит у нас в плане. Так что тут и организовывать нечего.

– Да, но регистрация!

– Я же сказал – там едет солидная публика, которая может позволить себе роскошь развлекаться инкогнито. Это единственный рейс, где туристов не регистрируют. Когда нас встретят «птички», мы с вашим другом покинем «Нерон». Все остальное я беру на себя.

– Я согласен. Где вы нам передадите СД?

– Когда все будет сделано, я дам знать через Блейка. И организуем встречу. Идет?

– Хорошо. Вот еще что...

Щелкнул динамик, и раздался голос шофера:

– Мистер Роберт, за нами все время идет машина.

– Притормози. Посмотрим.

Шофер послушно сбавил скорость, и идущая сзади машина стала заходить сбоку, обгонять их. Это был тот самый разрисованный «ягуар». Парень за рулем что-то крикнул, и вдруг две синие молнии полоснули по бронестеклу так, что Роберт невольно отпрянул.

– Ах, негодяй! Он еще стреляет... Вперед!

Моторы взвыли, и машина Смита легко вылетела вперед, оставив позади «ягуар». Еще одна молния полоснула по заднему стеклу.

– Хорошее стекло, – ухмыльнулся незнакомец. – Крепкое... Да оставьте вы его в покое! Минут через пять он врежется во что-нибудь. Он пьян, как последняя свинья.

– Ничего подобного. Я вызову полицию.

– Да бросьте вы...

Но Роберт уже набрал номер:

– Пост? Вы там спите, да? Около Стрэнг-Роуз носится какой-то пьяный маньяк в «ягуаре» и обстреливает проходящие машины. Да, меня обстрелял. Какое ваше дело, какой у меня номер? Его приметы? Водитель в синем реглане, «ягуар» разрисован. Что нарисовано? Звери!

Роберт зло щелкнул клавишей.

– Подлецы, – ворчал он. – Растяпы! Понаплодили всяких бандитов, проехать нельзя. Блюстители порядка... Свиньи... А вы что скалите зубы?..

– Изучаю психологию миллиардеров.

– Бросьте вы свои шуточки, Ральф!

Незнакомец сжался в пружину:

– Советовал бы вам держать язык за зубами. Я не вижу здесь никакого Ральфа.

– Ну ладно, извините... Что я вам хотел еще сказать? Да! Будьте поосторожнее с этим Заморышем. Он ничего не должен заподозрить раньше времени. И ради бога, не читайте ему свои проповеди.

– Я не читаю проповедей будущим мертвецам, мистер Смит.

– Ну и отлично.

Сзади появились еще три фары: два ярких прожектора по бокам и сияющая мигалка над ними. Зарыдала скрипучая сирена.

– Не хватает, чтобы они нас зацапали. Говорил вам, мистер Роберт, не надо полиции. Не люблю ее.

– Быстрее! – крикнул Роберт в микрофон.

Моторы завывали на предельной ноте, и машина теперь словно неслась по воздуху. «Ягуар» и полицейский броневик отставали быстро, но Роберт и незнакомец еще смогли увидеть, как фары полицейской машины метнулись влево, преграждая дорогу «ягуару», и тот резко затормозил.

* * *

Они медленно шли по парку, по прямой кипарисовой аллее, и Тэдди никак не решался заговорить. Перед ними вставал узкий и неправдоподобно длинный молодой месяц, повисший почти параллельно к горизонту, как бывает в тропиках, – словно ладья красного дерева торжественно и неспешно выплывала из чернильно-синей тьмы. Стрельчатые верхушки деревьев, очерченные розовым кантом, упирались в небо, расписанное крупными созвездиями, и ни единого движения, а только возвышенная отрешенность, как в темном зале готического собора, и едва слышные звуки органа – то ли реальная мелодия, то ли галлюцинация, порожденная неподвижностью ночи.

– Я уже целых два дня твоя жена, Тэдди. Никогда не думала, что это так хорошо – быть женой. Такое чувство, словно тебя несут на руках среди тысяч звезд.

Джой шла чуть впереди, склонив голову набок. Красноватый полусвет лежал на ее лице, и смуглая кожа казалась коричневой. Но Тэдди видел только дрожь полуопущенных ресниц и шевелящиеся губы. И орган играл все громче, словно грустная и торжественная месса вершилась в высоком соборе неба и звезд, над этими двумя маленькими фигурками, затерянными в бесконечности.

– Ты слышишь, Тэдди? Слышишь? Говорят, раньше был обряд, который называли «свадьба». Это когда два человека, решившись жить вместе, давали друг другу клятву никогда не разлучаться. И тогда играл орган.

Горло у Тэдди перехватило, и он торопливо проговорил, чтобы отсрочить хоть немного те, главные сегодня слова:

– Это запись или...

– Это Солсбери. Теперь он играет редко. Особенно в последние годы. А вот когда приехал дядя Клаус, Солсбери играл каждый день. Выйдешь, а за тобой несутся плачущие голоса, требуют чего-то, грозят и прощают. Сегодня дядя Чарльз почему-то снова заиграл.

«Чудачка, – подумал Тэдди. – Неужели ты не понимаешь, что Солсбери прощается с тобой? Он умоляет и грозит, он плачет и радуется, он понимает все, и душа его не может, не хочет примириться с этим. Впрочем, он прощается не только с тобой, он прощается с юностью, которую ты ему напоминала, с озорницей Лили, черты которой он находил в тебе и которая уходит от него в третий раз, потому что любовь, ушедшая однажды, будет уходить от тебя всю жизнь, надрывая сердце, и ничто не в силах притупить этой боли, этой сто тысяч раз повторяющейся безвозвратной разлуки».

Тэдди видел серебристую паутинку, очертившую ухо женщины, и волну волос, серых в лунном свете, и бледную тень на щеке, и бронзовое литье губ...

И вдруг легли на это лицо кадры виденной недавно пленки: обугленный черный шар вместо головы; вместо глаз, носа, ушей – спекшиеся бесформенные угли...

Тэдди зажмурился. Страшное видение растаяло. Синий Дым... Благодаря ему они снова живут на Земле, они идут по кипарисовой аллее, они слышат орган, они любят друг друга. Прав Солсбери: СД – это чудо, которого так давно ждут люди. И он... Разве он может отказаться, уйти в сторону, струсить? Нет, не может. Именем своей поздней любви.

– Джой, милая... Я завтра лечу.

И сразу стало легче, потому что главные слова были уже сказаны. Он почувствовал, как дрогнуло плечо женщины под его рукой.

– Я знала, что ты полетишь, Тэдди. Ты сильный. Тебе нельзя не лететь, я знаю. У вас, у мужчин, – птичье сердце. Вам нужен полет, и ничто вас не остановит. Я люблю тебя. Целых два дня я была самой счастливой женщиной на свете. Это очень много. Но мне хочется еще побыть счастливой... Когда тебе вылетать на ракетодром?

– Сегодня.

Джой медленно повернулась. Глаза ее были сухи. Только стали огромными и совсем черными.

– Скоро, да?

– Скоро, Джой. Сейчас.

– Ты вернешься?

– Обязательно.

– Ты даешь слово вернуться?

– Да, я даю слово.

– Что бы ни случилось?

– Что бы ни случилось.

– Будь осторожен, родной. Не знаю, но мне кажется, что они задумали что-то нехорошее, Смиты. Это страшные люди. Подлые. Гадкие.

– Я знаю, Джой. Не беспокойся. Я вернусь и отдам СД, и мы уйдем от них. Мы найдем место, где можно быть счастливыми, правда?

– Конечно, Тэдди. Мы найдем свою звезду. Обязательно!

И она отстранилась от Тэдди, какая-то отчаянно повеселевшая, и закинула голову к небу, и волосы ее покорно метнулись за спину:

Когда, пилот,
не повезет
тебе в полете вдруг,
не верь тому,
что бак в дыму
и что последний круг...

– Ты знаешь нашу песню, Джой?

Джой повернулась к пилоту, руки ее обвили его шею, губы были у самых губ.

– Конечно, знаю. Ее пела мать. Эта песня была моей колыбельной. Ведь я – дочь астронавта и жена звездолетчика. Как же я могу не знать этой песни:

Пока есть ход,
держись, пилот.
А если ад вокруг,
ищи в аду
свою звезду,
еще не поздно, друг!

И повторила шепотом, закрыв глаза:

– Еще не поздно, друг...

– Пилота на взлетную площадку! Пилота просят на взлетную площадку, – издали, из другого мира, прокричал динамик.

– Ну, иди, Тэдди. Иди. И помни – я хочу еще долго-долго быть счастливой. Нигде и никогда не забывай это, ладно?

Она взъерошила его волосы, быстро поцеловала в щеку и слегка толкнула в плечо:

– Иди. И обязательно возвращайся. Ты не имеешь права не вернуться. Потому что теперь есть я.

– Я вернусь, Джой. Обязательно вернусь.

– А я буду тебя ждать. Я еще не умею. Но хорошая жена должна научиться ждать своего мужа. Особенно если муж – звездолетчик. Ведь правда, Тэдди, из меня получится хорошая жена?

Они улыбались друг другу в лунном свете и говорили, говорили, почти не вникая в смысл слов.

– А это ты должен мне вернуть, Тэдди. И он должен везде быть с тобой.

Джой положила в ладонь пилота забавного лопоухого и толстопузого человечка, который угрожающе пялил глаза и скалил зубы. Фигурке было, видимо, уже много-много лет, потому что дерево стало почти черным от времени и было отполировано до глянца тысячами ладоней.

– Это Шивонари, Великая Нога, покровитель семинолов. Амулет брали с собой охотники, отправляясь в путь, и Шивонари охранял их от беды.

– Его дала тебе мать?

– Нет. Его привез мне дядя Клаус. Он сказал мне, что отец должен был взять Шивонари на Марс, в тот самый полет, но что-то случилось, я не поняла, дядя Клаус сказал «было слишком поздно», и Шивонари остался на Земле, а отца не стало... Так пусть он будет с тобой, и ты должен сам вернуть его мне, помни...

Снова прокричали динамики.

– Они не называют твоего имени, слышишь? Но все равно все будет хорошо, да?

– Все будет хорошо, Джой.

– Иди. Я не буду тебя провожать. Иди.

Он был уже почти у главного корпуса, когда Джой догнала его:

– Тэдди, я совсем забыла... Дядя Чарльз просил взять у тебя спектрографию яйца гловэллы. Ты говорил, что успел тогда сделать спектрографию...

– Гловэллы? Ничего не понимаю...

– Ну, тот самый «танец тройной спирали», помнишь? Над Красным Пятном, помнишь?

– Ах вот что... Кажется, доктор начинает разбрасываться: то СД, то гловэллы. Посмотри в моем столе, Джой. Наверное, это там.

– И еще... Поцелуй меня, Тэдди.

* * *

Полковник Арнольд Тесман пытался говорить сурово:

– Когда вы повзрослеете, Дик? Опять вы устроили самодеятельность, опять превысили полномочия да вдобавок насмерть перепугали дорожного полицейского.

Парень в синем реглане переступил с ноги на ногу.

– Тут я не виноват, шеф. Я только показал ему удостоверение МСК, а он вдруг выпалил в меня газовой ампулой...

– Этот симпатичный дед уже побывал в переделке с «коршунами», переодетыми в форму патруля МСК. Ваше счастье, что он выстрелил сно-

творным, а не чем-либо покрепче. Ну а все театрализованное представление, погоня, стрельба – как это понимать?

– Но вы же сами говорили...

– Я дал вам задание проследить связи «Коршунов космоса» с Землей. Но мы не полиция, лейтенант. Мы – особая служба МСК, прошу не забывать. А то, что вы натворили, грубо даже для полицейского агента. Тоньше надо работать, тоньше и точнее. И ни в коем случае не привлекать внимания.

Лейтенант сокрушенно молчал, и Тесман не выдержал – улыбнулся. Улыбался он странно, не дрогнув ни единым мускулом худого жесткого лица – только глаза наливались вдруг неудержимым добрым смехом.

– Короче говоря, вас следовало бы хорошенько наказать, но я надеюсь, что устного замечания достаточно. Поймите, Дик, мне становится все труднее и труднее выручать вас. Я дал слово начальству, что вы сами исправите свою ошибку.

– Ошибку?

– Да, Дик, ошибку. И непростительную для поклонника детективной литературы. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, поближе. Вы знаете пару, которую так остроумно сняли в их собственной машине?

Тесман протянул юноше фотографию. Из глубины кабины на аппарат смотрели два человека, застывшие в нелепых позах: растопыренные пальцы, раскрытые рты, рука толстяка тянется к лицу, словно пытаясь закрыться от света.

– Конечно, знаю. Этот – Роберт Смит, совладелец фирмы «СС». А этот мрачный тип без определенных занятий, который, судя по всему, имеет какое-то отношение к «коршунам»...

– Вот видите, Дик. «Имеет отношение...» А по нашим данным, это и есть главарь шайки. Больше того. Он – мой старый знакомый. Благодаря ему мне так легко оставаться невозмутимым... С некоторым приближением это можно назвать пластической операцией. Точнее, резекция лицевых нервов. Впрочем, это уже детали. Второй на этом снимке – Белый Ральф.

Юноша вскочил:

– Белый Ральф?

– Да, лейтенант. Для вас это уже история, архаизм. Белый Ральф, гласный и негласный руководитель восемнадцати неонацистских путчей в разных странах, крупнейший военный преступник, которого уже двадцать лет безуспешно разыскивает Интерпол. Он был в ваших руках, Дик. А вы...

– Но я не знал его в лицо!

– Может быть, это даже к лучшему. Вам повезло, Дик. Так везет только в юности... Да. Сейчас для МСК важнее не само «воскресение» Белого

Ральфа, а запись его разговора с Робертом Смитом, которую вы сделали направленным микрофоном в пылу своей азартной погони.

– Я старался...

– Я знаю, мой мальчик. Именно поэтому вы сейчас в моем кабинете, а не на гауптвахте.

Дик смущенно потер подбородок, но через секунду вскинул голову, и в его карих глазах не было ни тени раскаяния.

– Простите, шеф, что я доставляю вам неприятности, но... Вот вы говорите: не привлекать внимания. А по-моему, наоборот. Мой синий реглан примелькался в значных местах, меня знает в лицо чуть ли не каждый бармен в Штатах – знает и поэтому не принимает в расчет. Кто такой Дик Стрикленд? Пьяница и задира, скандалист и прожигатель жизни. Кому он помешает? Зато Дик Стрикленд, которого все знают, пробьется туда, куда не проникнет ни один из ваших «незаметных» агентов, пробьется и узнает все, потому что никому не придет в голову всерьез таиться от этого горластого шалопаю...

– Стоп, Дик, у вас целая система, о ней мы поговорим в другой раз. А сейчас... Сейчас мы хотим использовать вас именно в той роли, которую вы сами себе выбрали, – удачно или неудачно, не в этом суть... Завтра вы полетите на Марс.

– Клипер «Нерон»?

– Да. Ваше появление среди тамошней публики действительно не привлечет внимания. Но предупреждаю: никакой самодеятельности на этот раз. Вы – глаза и уши. И ничего более. Ясно?

– Так точно.

Тесман повертел фотографию, положил на стол, прихлопнул сверху ладонью. Рука была сильная и цепкая, с витыми синими венами под задуবেвшей кожей – рука рыбака или моряка.

– Они заодно, Смиты и «коршуны». Но как и насколько, мы пока не знаем. В записи речь идет о каком-то препарате СД, который надо добыть где-то в космосе. Операция чрезвычайно важная, если Роберт Смит рискнул самолично встретиться с Белым Ральфом. В операции должен участвовать кто-то третий. Кто?

– По-моему, это не сообщник. Смит говорит о нем весьма раздраженно.

– Я тоже так думаю. И это еще более запутывает дело.

– Они упоминали Биоцентр и доктора Солсбери.

– Биоцентром мы займемся. И всем остальным. А ваша задача – «сесть на хвост» Ральфу и его неизвестному напарнику и постараться проникнуть в Гнездо. Штука рискованная, но ведь вы сами только что говорили о своих неограниченных возможностях.

– Вы думаете, Гнездо на Марсе?

– Не исключено. Пока освоена лишь ничтожная часть поверхности Марса, в его бескрайних пустынях под прикрытием постоянных миражей можно спрятать целые города, и никакая аэроразведка не сможет их обнаружить. Во всяком случае, Ральф говорит, что их «встретят птички»... Как будто все сходится.

Лейтенант хотел что-то сказать, но, передумав, встал.

– Все ясно, шеф. Разрешите идти?

– Идите, Дик. Исправляйтесь. Но повторяю – никакой самодеятельности... Постойте! Что это такое?

В руках полковника сверкнул небольшой перочинный нож. Дик хитро сощурился:

– Простите, полковник, сразу видно, что вы не служили в уголовной полиции. Эту штучку мы отобрали у второго «коршуна», который был с Ральфом вчера. Он арестован «по подозрению в грабеже» и отсиживается, по-моему, с превеликой радостью: видно, быть «коршуном» несладко.

– Но зачем «коршуну» перочинный нож?

Вместо ответа Дик взял ножичек и подошел к стенду, стоящему у стены. Там, исполосованная лучеметами всех систем, усеянная оспяными вмятинами от пуль разных калибров, стояла броневая плита толщиной в ладонь.

Лейтенант щелкнул ножичком. Из него выскочило маленькое, длинной в мизинец, лезвие. Дик прикоснулся концом лезвия к плите и провел по металлу витиеватую линию. В его ладони остался внушительный кусок брони, отрезанный по этой линии.

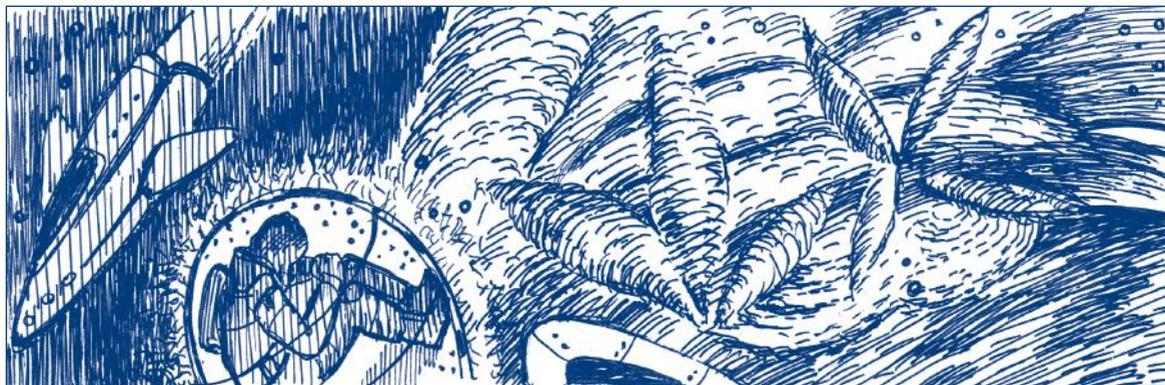
– Обычная уголовная игрушка. Воровской вариант ультразвукового резака. Предназначен для краж со взломом. Режет сталь до двадцати сантиметров, бетон – до полутора метров. Изъят в качестве вещественного доказательства.

Дик хотел было положить нож на стол, но полковник отвел его руку:

– Избавьте, избавьте. Здесь не полиция. Меня подобного рода вещественные доказательства не интересуют. Можете взять это себе. В качестве сувенира. Или военного трофея.

– Зачем он мне, шеф? Я пока не собираюсь грабить банки.

– Кто знает, лейтенант. Если вы и дальше будете вживаться в роль прожигателя жизни, боюсь, что для сохранения репутации вам придется заняться и этим. Ну, желаю удачи, Дик.

7. ПОЕДИНОК

До Луны пришлось добираться на маршрутной «Селене»: было время за-тишья и таксисты отказывались гонять машину туда и обратно из-за од-ного пассажира. Даже обещание двойной платы не вызвало у них энтузиазма.

Восьмидесятиместный салон «Селены» был почти пуст. Высокая жен-щина лет сорока с двумя ребятишками, трое хмурых парней в одинаковых серо-синих тужурках, видимо рабочие с лунных шахт, два поджарых чи-новника, подчеркнута неподкупные лица которых сразу выдавали их инспекторские полномочия, компания веселых негров, с неутихающим темпераментом что-то обсуждавших, меланхоличный индус в европей-ском костюме и нейлоновой чалме, сонный полицейский с серебряными нашивками лунной охраны – обычные пассажиры обычного маршрутно-го рейса.

– Девятый пояс. Стоянка три минуты, – объявил хриловатый го-лос. – Просим пройти к выходу.

Никто не поднялся. Женщина дремала, откинувшись в кресле. Ребят-ишки прилипли к иллюминаторам. Наверное, это был их первый косми-ческий рейс. Рабочие в серо-синих тужурках лениво играли в мики-мики. Инспектора, как по команде, с брезгливым осуждением поглядывали на негров, которые затянули какую-то причудливую, тоскливую мелодию без слов. Индус читал газету, а полицейский жевал пирожок.

Двигатели смолкли. Соленоиды втянули корабль в тоннель, и через несколько секунд открылись двери пневмокамеры. «Селена» выстояла по-ложенные три минуты, но и на этой остановке никто не вошел.

До конечной было еще около часа, и Тэдди закрыл глаза. Его всегда клонило в сон при нудных маршрутных перелетах. На такси он давно был бы на Луне. А тут еще целый час. Да еще не меньше часа от вокзала до турбазы. Он даже не успеет как следует познакомиться со своим напарником. Впрочем, они успеют еще поговорить на клипере.

Что сейчас делает Джой? Она, конечно, тоже не ложилась. Колдует, наверное, с доктором Солсбери над своими диковинными аппаратами, а мысли ее далеко-далеко... Кстати, зачем Солсбери понадобилась спектрография яйца гловэллы? Какое отношение это имеет к СД? Или доктор просто решил отвлечься?

СД... Темная история. Господи, как не нужны ему эти детективные махинации сейчас, когда появилась Джой! Она – последний круг, последний шанс, последняя попытка снова стать человеком. И он все-таки должен идти на сделку с совестью, быть соучастником в темном деле, чтобы зло обернулось добром. Парадокс. Но это – в последний раз. Больше он не будет послушной игрушкой в руках Смитов. Хватит...

У самых ног плескался океан. Присутствие Джой как-то неумовимо меняло все вокруг: привычные вещи становились загадочными, мертвое – живым, будничное – сказочным.

Вот и сейчас они бежали по косе, хохочущие, мокрые с ног до головы, а океан играл с ними, как веселый домашний пес. Вот он с тихим ворчанием отполз назад, обнажив песок, на котором стекающие струйки мгновенно прорезали глубокие канавки. Но едва они с Джой остановились на широкой полосе песчаного наката, как океан ощетинился белыми клочьями пены и, победно рыча, длинным прыжком бросился на них. Джой попыталась отскочить, но океан был проворней, и волна, как большая белая лапа, мягким толчком повалила ее на песок. Тэдди бросился на помощь, но океан вторым толчком свалил и его, обдал тысячью брызг и, довольный, отскочил назад, а они лежали на песке, обессилившие от смеха, отплевываясь от горько-соленой воды, попавшей в рот...

Тэдди очнулся, почувствовав чей-то внимательный взгляд.

Перед ним стоял контролер. Тэдди полез в карман и тут только понял, что совершил оплошность. Он не взял билет чисто автоматически – забыл. Потому что звездный персонал имел право бесплатного полета на любую планету. В маршрутных рейсах, разумеется. Но его пилотская книжка сгорела во время аварии на автостраде, а теперь...

Густо покраснев, Тэдди достал бумажник:

– Простите, я спешил. Я забыл взять билет. Я заплачу штраф.

Контролер еще раз внимательно взглянул на пилота и спокойно ответил:

– Ну что вы, бог с вами. Никакого штрафа. Я вас знаю. Вы, видимо, просто не взяли с собой удостоверение, да? Ведь вы Эдвард Стоун, пилот Службы Звездного Коридора, не так ли?

– Да, я Эдвард Стоун. То есть...

Вторая оплошность. Черт подери, ведь в газетах было сообщение о его гибели. А выходцы с того света не в почете даже у контролеров. Тем более у полиции. Господи, так глупо влипнуть!

Но контролер не проявил никакого беспокойства. То ли он не читал газет, то ли считал воскрешение из мертвых вполне нормальным явлением. Так сказать, особым хобби звездолетчиков. По крайней мере, он отошел к дверям и невозмутимо уставился в иллюминатор.

Когда контролер вышел, Тэдди перевел дух: кажется, пронесло. Впрочем, успокаиваться было рано. Оставалось еще две остановки до Главного вокзала, и надо было решать. Если контролер вызвал полицию, то она встретит пилота на вокзале. Можно сойти на Грузовой базе и попытаться поймать какой-нибудь попутный глиссер.

Тэдди взглянул на часы. Не выйдет. Времени в обрез. Трудно сказать, как скоро удастся поймать попутную машину. Но если даже и удастся поймать сразу, по лунной поверхности до турбазы обычному глиссеру часа три ходу.

Придется рискнуть. Авось пронесет.

– Конечная, – объявил робот. – Большое кольцо – по эскалатору вниз. С благополучным прибытием на Луну. До свидания.

Под огромным зеленовато-матовым куполом Главного вокзала знакомо всхлипывали регенераторы. По залу бродили какие-то лохматые юнцы, явно не зная, чем бы им заняться. С рекламных щитов, выпятив квадратные челюсти, смотрели розовощекие сверхчеловеки. Они обещали юнцам пробудить скрытые возможности их природы.

Толстый полисмен профессиональным взглядом ощупал выходящих и тяжело, с христом зевнул.

Тэдди спустился по эскалатору вниз, в облицованный красным базальтом шарообразный зал Центральной станции Большого кольца. Когда-то это действительно было подземное кольцо, соединяющее немногие лунные базы. Но когда стало ясно, что жить внутри Луны в десятки раз проще и безопаснее, а обилие внутренних пустот в недрах спутника сводит до минимума затраты на подземное строительство, лунное метро перестало быть кольцом. Теперь Луна изъедена тоннелями, как головка сыра, а на поверхности остались только оплавленные пяточки ракетодронов.

Пилоту повезло: в пусковом желобе стоял как раз его поезд, и Тэдди успел заскочить в вагон.

На этот раз он был совершенно один в вагоне.

Нарастающее ускорение слегка прижало пилота к спинке кресла. Поезд развивал скорость. Турбаза находилась на противоположной стороне Луны, и этот маршрут пронизывал планету по хорде. Могучие соленоидные магниты разгоняли длинную иглу состава до огромной скорости в середине пути, а потом переключались и плавно тормозили состав, который, достигнув конечной станции, минуту стоял, а затем снова падал в лунные недра. Это было самое экономичное и самое быстрое метро в мире, потому что поезд не останавливался на промежуточных станциях: вращающиеся тормозные площадки в шарообразных залах делали ненужными остановки. Просто открывались двери, и люди заходили в летящий вагон со стремительной лентой кинетропа так же легко, как в неподвижный дом с неподвижной почвой.

На этот раз кинетропы были пусты, и двери открывались напрасно: в вагон никто не входил.

И только сейчас, падая в лунную бездну со скоростью тысяча миль в час, Тэдди по-настоящему успокоился.

Все обошлось. Контролер не сообщил полиции.

* * *

Селектор на столе Арнольда Тесмана сегодня словно взбесился: пока полковник говорил с одним, на пульте нетерпеливо мигали два-три огонька одновременных вызовов. Тесман уже пожалел, что велел докладывать обо всем подозрительном, что случится сегодня, немедленно и лично ему. Оказалось, что в обычный летний день, теплый и пронизанный добрым солнцем, подозрительного случается гораздо больше, чем в состоянии вместить человеческая голова.

В основном это был поток пестрых мелочей, вряд ли имеющих отношение к делу, которое занимало сейчас полковника. Управление уголовной полиции сообщало с Марса, что какие-то молодчики угнали три тяжелых пескохода. Погоня преследовала их до Желтой пустыни, но пылевая буря заставила полицейские машины повернуть обратно. Кто угнал, выяснить не удалось. Возможно, очередная компания «кладоискателей», мечтающих разбогатеть, роясь в брошенных платиновых шахтах.

Патрульная служба сообщила о дополнительном наряде из трех быстроходных эсминцев, вышедших на трассу Марс – Луна. Молодцы. Действуют быстро. Если Гнездо на Марсе, «коршунам» не уйти.

Дуайт Смит вылетел в Биоцентр. Надо сообщить группе «Б» – пусть не спускает с него глаз.

Первый «коршун» исчез. Но куда он исчез, известно.

Тесман вызвал Дика.

– Первый гость в пути. Принимай.

– Жду.

Убийство в Монреале. Карточка «коршунов». Это потом... Шлихтер вылетел в Аргентину в качестве туриста. Старая песня... Какой-то маньяк задержан при попытке нарисовать свастику на здании ООН... В Техасе обнаружен секретный склад оружия. Какое оружие? Станковые лучеметы? Ну, это еще цветочки!.. Наблюдатель с Фобоса сообщает о старте неизвестного космолета из района Желтой пустыни. Странно. Если это «коршуны», то почему они вылетели так рано, не дождавшись главаря? Очень подозрительно. Надо держать связь с Диком, остальным пусть занимаются отделы.

Полковник дал общий отбой, но одна лампочка продолжала мигать, несмотря на команду. Тесман включил нарушителя дисциплины.

Им оказался старый служака, начальник лунной полиции Кодзиморо Катаяси.

– Прошу прощения, мистер Тесман, но я осмелился нарушить вашу команду, сэр. Извините, но у меня очень важное, даже необычное, мистер Тесман, сообщение.

– В чем дело, Кодзиморо?

– Прошу прощения, но агент 321 только что сообщил мне о том, что на рейсовой «Селене» прибыл пилот Эдвард Стоун, который...

– Кто-кто?

– Эдвард Стоун, пилот Службы Коридора, который погиб в автомобильной катастрофе в сорока милях от Филадельфии и труп которого...

– Я помню, Кодзиморо. Но вы уверены, что это он?

– Вот фотография, которую успел сделать агент.

Полковник придирчиво взгляделся в снимок. Дьявольски похож! Только...

– Кодзиморо, вам не кажется, что Стоун выглядел старше?

– Да, сэр, кажется. Но этот человек откликнулся на имя Эдвард Стоун, хотя после этого явно стал нервничать.

– Ерики-нолики... Оставьте пока фотографию на экране.

Он включил второй экран.

– Дайте картотеку. Пароль «Птичка».

– Слушаю вас.

– Мне нужно дело о гибели пилота Эдварда Стоуна. Только снимки.

– Одну минуту.

Интересно, что все это значит? Стоун... Труп похищен «коршунами»... Биоцентр... Живой и здоровый Стоун прибывает на Луну инкогнито... К кому? Не к Ральфу ли?

Полковник рассматривал фотографии и так и сяк, меняя увеличение, яркость, угол падения света. Нет. Сомнений быть не могло. Эдвард Стоун

действительно погиб. На всех посмертных фотографиях хорошо видно его лицо. Это, пожалуй, единственная неповрежденная часть тела. Нет, Стоун мертв. Но кто же тогда его живой двойник?

Тесман сравнивал фотографии. Действительно, двойник. Поразительное, небывалое сходство. С одной только разницей – у двойника меньше морщин. Он явно моложе.

– Кодзиморо, и куда же этот человек направился?

– Он спустился вниз, на Большое кольцо, и сел в «Вечный маятник».

– Может он добраться этим маршрутом до Шестой турбазы?

– Это конечная остановка «Вечного маятника», сэр.

– Ясно. Спасибо, Кодзиморо. Вы нам очень помогли.

– Продолжать наблюдение, сэр?

– Нет, не надо. Я знаю, куда он направился.

Тесман снова вызвал Стрикленда.

– Дик, жди второго гостя. Только ничему не удивляйся. Ты знал пилота Эдварда Стоуна?

– Тэдди Заморыша? Заочно – да.

– Так вот он сейчас к тебе явится.

– То есть как?

– Стоун действительно погиб. Но зачем явился его двойник, это непонятно. И кто он, тоже неизвестно. Никаких контактов. Никаких действий. Только наблюдение. Ясно?

– Ясно, полковник.

* * *

За двадцать с лишним лет звездной службы Тэдди ни разу не приходилось быть туристом. Поэтому пестрая публика, с минуты на минуту готовая провалиться в комфортабельное чрево «Нерона», чтобы испытать жуткую прелесть инопланетной жизни, заинтересовала его.

Тэдди помнил слова об «избранном обществе» и немного робел сначала, ожидая увидеть нечто необычное. Но в роскошно отделанном под хрустальную пещеру зале ожидания царил знакомый душок дешевого кабака: те же хриплые песенки, те же размалеванные лица, те же пьяные выкрики и ругань.

На пилота уже несколько раз оглядывались удивленно, и Стоун понял, что сделал сегодня еще одну ошибку, надев строгий штатский костюм. «Избранная публика» была одета так, словно собралась на маскарад. Престарелые леди в ярких шортах и отчаянно декольтированных пылающих кофтах тащили за собой розовощеких, тупоглазых мальчиков с мокрыми пухлыми губами. Седые кавалеры в джинсах вели юных дам, в своих драгоценностях похожих на новогодние елки. На боку у каждого,

считающего себя мужчиной, громоздились огромные колыты, словно вся эта шумная компания собиралась уничтожить по крайней мере половину животного мира Системы.

От гама и смрада Тэдди захотелось выпить, но столики были далеко, и он стоял, прислонившись спиной к переливающейся кварцевой призме стены.

– Что же вы не пьете, Тэдди? Перед дальней дорогой неплохо пропустить стаканчик! Тем более что вся эта роскошь входит в стоимость билета.

Пилот не заметил, как к нему подошел высокий человек в просторном сером свитере и каскетке с помпоном.

– Стивен Роуз, ваш напарник. А то, что вы Тэдди Стоун, я уже знаю. Я вас сразу узнал.

Человек говорил вполголоса, и Эдвард, привыкший оценивать ситуацию сразу, остался доволен первым впечатлением: парень, кажется, не робкого десятка. Из-под козырька каскетки на Стоуна бесстрастно смотрели серые, с синеватым отливом глаза. Небольшая голова плотно сидела на треугольной жилистой шее кэтчиста. Человек жевал жвачку, и тяжелый подбородок с белым шрамом посередине ходил вправо и влево с ритмичностью раз и навсегда заведенного механизма.

– Стивен Роуз... Вот вы какой...

– Нравлюсь?

– Пока да.

– Ну и отлично. Надеюсь не испортить впечатления и в дальнейшем.

– Вы давно летаете?

– Давно. Еще вопросы есть?

– Да.

– Если они касаются моей биографии, то они бессмысленны, а если нашего с вами дела, то ответ один: сейчас посадка, во время полета будем действовать по моей команде. Пока все. В салоне «Нерона» никаких разговоров о деле прошу не заводить. Еще вопросы?

– Пожалуй, пока достаточно.

Тэдди слегка покоробил командный тон Стивена, но он промолчал: в конце концов, вокруг глаза и уши любопытных, а внимание привлекать не следует.

– В космосе наговоримся, – усмехнулся Стивен.

Тэдди приглядывался к напарнику.

– Послушайте, Роуз, я где-то вас видел. Мне знакомо ваше лицо.

– Возможно. Но в таком случае у вас колоссальная зрительная память. Потому что мы виделись с вами один раз, когда я был курсантом летной школы, а вы знаменитым звездолетчиком. И если вы запомнили мою фи-

зиономию среди четырех тысяч пятисот двадцати двух остальных, стоявших в почетном каре в вашу честь, то я вас искренне поздравляю. Такое случается редко. Особенно если в уравнение ввести возрастной коэффициент...

– Нет, я на такое не способен. Однако... Впрочем, я, видимо, ошибаюсь.

– Видимо, да.

Разговор не клеился, и они оба стояли у стены молча, выискивая наиболее колоритные фигуры среди этого карнавального великолепия и следя рассеянно за их сложными орбитами.

– Роскошная публика, – процедил сквозь зубы Стивен. – Сливки современного общества на лоне природы. Масса интеллекта и возвышенных чувств.

Он подозвал автостолик, и они выпили по двойному виски.

– Может, еще?

– Нет, не хочется.

Объявили посадку, и толпа с радостным ревом ринулась к выходу на причал.

– Какое чувство собственного достоинства! – цедил Роуз, пропуская толпу вперед. – Какая утонченная галантность! Какая светскость! Посмотрите вон на того молодого джентльмена! Разве вы не чувствуете мощные токи голубой крови?

Роуз снова посмотрел назад и повел бровью.

– Простите, Тэдди, но, вероятно, мания узнавания заразительна. Этот молодой джентльмен, так уверенно движущийся к своей цели, тоже кажется мне знакомым. Я уже где-то видел его.

Парню в синем реглане было, по всей вероятности, плохо. Он направился к белоснежным столбикам высокочастотных освежителей, призывно поблескивающих аквамариновыми глазками. Но поскольку путь по прямой в данном состоянии был для него невозможен даже теоретически, то, описав сложную виртуозную кривую, он уперся именно в тот единственный освежитель, на котором горела табличка: «Просим извинить, автомат на ремонте».

Как известно, сомнение – сестра мудрости, и поэтому пареньь все-таки нажал пусковую кнопку, и поскольку ничего не произошло, он тупо уставился в параболическое зеркало отражателя.

– Чудеса, – пробормотал пареньь своему чудовищно искаженному отражению. – Похож как две капли воды. Даже манера держаться, жесты. Ну, ладно, я пошел. Гости в сборе, свадьба начинается.

– Они о чем-то говорили? – тихо спросило зеркало.

– О свадьбе – ни слова. Пустая болтовня. Я пошел к гостям.

- Ни пуха ни пера, Дик, – сказала зеркало.
- К черту, – сказал парень своему отражению и, стараясь ступать прямо, направился к выходу на причал.
- Пропустите джентльмена, Тэдди, – сказал Стивен.
- Б-благодарю, го... гос... господа.
- Я его вспомнил. Отличный юноша. Позавчера на автостраде он чуть не пристрелил меня, приняв за полицейского.
- Распахнутое чрево «Нерона» заглатывало туристов.

- Теперь вы понимаете, мистер Дуайт, что необходимы самые срочные меры?
 - Позвольте, доктор Солсбери, но...
 - Никаких «но», мистер Дуайт. Иначе мы не поймем друг друга. Можете считать это ультиматумом.
 - Вот как?
 - Да. Речь идет о будущем человечества, и здесь я непреклонен. Проблема оказалась гораздо шире, чем я мог предполагать.
 - Вам не кажется, что вы берете на себя слишком много?
 - Нет, не кажется. Я согласен продолжать работу над СД, но при двух условиях.
 - Первое...
 - Немедленное прекращение полета Эдварда Стоуна и его напарника. Бомбить Красное Пятно нельзя. Это может обернуться непоправимой трагедией.
 - Для кого?
 - Для человечества. Для науки.
 - Так, – Дуайт легонько стукнул по столу ребром ладони. – Хорошо. Второе условие.
 - Немедленное уведомление обо всем Международного Совета Космонавтики.
 - Немедленное?
 - Да, немедленное. Я подготовил материалы. Они у меня в сейфе.
 - В таком случае дайте их мне. Я передам.
 - С вашего разрешения этим может заняться Джой Митчэлл. Вы согласны, Джой?
 - Да, мистер Солсбери. Разумеется.
 - Так...
- Дуайт тяжело поднялся. Губы его, и без того тонкие, сейчас сжались в узкую прямую нить. Он медленно оправил свитер, снял очки и, подслеповато щурясь от света лампы, несколько раз подбросил их на ладони. Потом огляделся.

Кабинет Солсбери мало изменился за прошедший месяц.

Все так же упирались в сводчатый потолок стеллажи, между которыми поблескивали лабораторные витрины.

Все так же светилось над письменным столом мозаичное панно, выложенное люминесцентной плиткой, на котором вот уже много лет нарисованный Мефистофель искушает нарисованного Фауста.

Здесь они с Робертом впервые увидели физически изменившегося Солсбери, узнали о таинственном препарате СД, сулящем огромную власть и огромные деньги.

А теперь здесь пахнет бунтом. Солсбери изменился физически – это его дело. Но позволить ему измениться морально – как бы не так. Вот он сидит и ждет. Уверен в себе. В своей незаменимости.

– Значит, ультиматум... Ну, что же, мистер Солсбери, давайте-ка говорить откровенно. Без дипломатии.

Он перевел дыхание.

– Первое условие мы выполнить не можем. Эдвард Стоун с его напарником уже в космосе. Их не вернуть.

– Но можно дать срочно радиogramму на «Нерон». Ведь сейчас они еще на «Нероне»!

– Ах вот как, мисс Джой. Вы, оказывается, знаете даже про «Нерон». Я догадываюсь, от кого у вас такая подробная информация. Мне очень жаль, что у пилота Эдварда Стоуна оказался такой длинный язык. Подобная осведомленность может кончиться плохо и для него, и для вас. Да, о чем я? Ага, о первом условии. Так вот, если моя формулировка не устраивает мисс Джой, предлагаю уточненный вариант: фирма «СС» не собирается возвращать Стоуна и его напарника из космоса. Нам нужен Синий Дым, и он у нас будет. Много Синего Дыма. А если эти ваши твари после бомбардировки передохнут, тем лучше. Фирма «СС» будет монополистом в производстве СД. Потому что все наличные запасы Синего Дыма будут храниться в наших контейнерах.

– Чудовищно, – тихо сказал Солсбери. – Я не верю своим ушам. Образованный человек говорит на языке людоедов. Просто чудовищно... Вы слышите, Джой, что он говорит?

– Он говорит то, что думает, – так же тихо ответила Джой. – Это уже хорошо.

– Вы снова правы, мисс Митчэлл. Фирме «СС» необходимо монопольное право на СД, и она сметет, растолчет в пыль все препятствия на пути. Даже если этим препятствием окажетесь вы, доктор Солсбери.

Дуайт выдержал паузу и продолжил:

– Вот вам, собственно, ответ на второе ваше условие. МСК получит информацию из наших рук, а не из ваших. Тогда, когда это будет нужно

нам, а не вам, и такую, какую хотим мы, а не вы. Если согласны на наши условия – именно на наши! – милости просим, мы дадим вам возможность продолжать работу. Нет – пеняйте на себя. Это, если хотите, тоже ультиматум. Причем ультиматум последний. И обсуждению не подлежащий. Только «да» или «нет». И без всяких хитростей: Смиты не любят шуток дурного тона.

Даже желтый свет лампы не мог скрыть внезапной бледности Джой. Она вцепилась в край стола так, что суставы пальцев побелели. Солсбери мягко накрыл ладонью напряженные руки женщины.

– Скажите, мистер Дуайт, что вы сделаете, если мы ответим «нет»?

Узкая ниточка рта Дуайта расплзлась, приоткрыв мелкие острые зубы. Он протер очки платком и водрузил их на свой крючковатый нос, приобретая жутковатое сходство с грифом-могильщиком.

– Вы всю жизнь были ребенком, Чарльз Солсбери, и ваша житейская неопытность спасала вас от беды. Не советую вам терять наивность и пытаться решать взрослые вопросы: столкновение с действительностью может оказаться для вас роковым. Я думаю, что вы меня поняли достаточно хорошо.

– Кажется, достаточно. Жаль, что слишком поздно.

– Вот именно – слишком поздно. Сейчас и вы, и мисс Джой уже не люди. Вы марионетки, которых мы можем ликвидировать одним движением пальца. И чтобы на этот счет у вас не оставалось никаких сомнений, прошу вас изучить фотокопии двух документов.

Дуайт вынул из нагрудного кармана две небольшие фотографии и бросил их на стол.

– Подлинники этих двух документов, которые найдут при вас, если с вами что-нибудь случится, докажут полную непричастность фирмы к вашей смерти, потому что вас ликвидируют ваши же сообщники.

Дуайт направился к лифту, но остановился на полпути.

– Словом, я советую вам крепко подумать. Я не спрашиваю у вас ответа сейчас. Мы даем вам время все оценить и взвесить. Однако и не затягивайте ответ: это срок прибытия СД. Этот час будет часом вашего освобождения или... Словом, подумайте. Незаменимых людей нет.

Он сам вызвал лифт и уже из дверей его добавил:

– Я советую вам не терять времени зря и не пытаться искать выхода из зоны «Т». Я последовал вашему примеру, мистер Солсбери, и подробнейшим образом изучил все планы подземных лабораторий Биоцентра. Можете поверить мне на слово: все входы и выходы из зоны «Т» блокированы. Видеофон и прочие средства связи – то же самое. Единственное, что свяжет вас с внешним миром, вот этот зуммер-передатчик. Он настроен на волну Рэчела. Свое «да» вы сможете передать через него. Ваше

молчание будет расценено как «нет» вплоть до «часа СД», который решит вопрос вашего пребывания в этом грешном мире. Ну а пока – до свидания. Надеюсь, все-таки – до свидания.

Двери лифта захлопнулись, и красная стрелка указателя побежала по маршрутному плану.

Джой пыталась рассмотреть фотокопию, но буквы прыгали вкривь и вкось, и она видела только когтистую черную птицу и рядом чью-то фотографию, и только когда она сообразила, что это ее собственная фотография, буквы постепенно перестали прыгать, и Джой, спотыкаясь, смогла прочесть: «Я, Джой Лилиан Митчэлл, вступая в ряды свободной организации «Коршуны космоса»... соглашаюсь с уставом... принимая право сильного над слабым... клянусь быть ножом, разящим в спину, змеей, жалящей в пятку... да оправдает меня над законом и моралью... право убивать и грабить во имя нового света...»

– Господи, что это за чушь, дядя Чарли?

Солсбери, подняв брови, уткнулся во второй снимок:

– «Я, Чарльз Джонатан Солсбери... «Коршуны»... право сильного»... Ага, вот: «И пусть тогда настигнет меня смерть, невидимая и мгновенная, необъяснимая и мучительная, и смрадный труп мой не примет земля, а душу не примет небо... и да исполнится грозная воля Первого Коршуна...»

– Что значит вся эта безграмотная заумь, дядя Чарли?

– Ничего особенного, Джой. Просто если нас убьют, то все свалят на бандитов, которые нам якобы отомстили за какую-то провинность. Потому что в глазах людей мы будем сообщниками бандитов. А Смиты выйдут сухими из воды.

Солсбери смотрел невидящими глазами прямо перед собой, куда-то на дверь лифта, на маршрутный план, на котором давно уже погас красный указатель.

– И самое главное, что люди будут очень недалеко от истины. Я действительно, сам того не подозревая, много лет не кто иной, как сообщник бандитов. Я воображал, что стою над свалкой, а оказался в самой гуще свалки. Жаль, что я понял это слишком поздно. Погиб сам и погубил тебя, моя девочка.

– Ну что вы все твердите о смерти! Неужели нет никакого выхода?

– Выхода? Не знаю, Джой. Честное слово, не знаю. Все это так неожиданно... А насчет выхода... Если Дуайт сказал правду, то здесь, в зоне «Т»... Словом, мы попали в самую совершенную в мире ловушку, Джой.

* * *

Оказалось, что быть туристом – занятие до предела скучное и нудное. Стивен сразу же завалился на тахту и закрыл глаза, давая понять, что любые разговоры сейчас неуместны.

Тэдди принял все восемь типов душей, имевшихся в ванной, выпил сухого токайского и без всякого удовольствия проглотил омлет из голубиных яиц, позевал над осточертевшими звездными пейзажами, послушал бархатный голос дикторши, которая вкрадчиво и доступно комментировала межпланетные красоты, не забывая, однако, весьма удачно продемонстрировать пепельно-голубую спираль прически «Галактика», подивился новинке – секс-джазу, где музыку полностью заменил булькающий ритм ударника и надрывно-страстные мужские и женские вздохи и придыхания, перерыл кучу рекламных проспектов – единственную «библиотеку» каюты – и, вконец ошалев от безделья, тоже улегся на тахту.

Часа через два Стивен встал и уселся перед экраном, методически обшаривая взглядом звездный планктон. Он выключил и секс-джаз, и голос дикторши, а когда она появлялась на экране, каждый раз в новом ракурсе, и беззвучно открывала и закрывала свой капризный ротик в золотой помаде, – раздраженно кривился и шепотом отпускал в ее адрес не совсем лестные замечания.

Тэдди следил за ним исподлобья и еще и еще раз ловил себя на мысли, что ему знаком этот тупоносый, со скошенным лбом профиль. Но как он ни старался, ничего путного на ум не приходило.

Стивен начал нервничать, поглядывать на часы, быстрее менять стороны обзора. Но везде была только звездная пыль, на которой выступал светло-зеленый диск заметно уменьшившейся Земли с крошечным лунным серпиком и рыжевато-красный пятак Марса с Фобосом и Деймосом, торчащими в разные стороны, как кончики длинных черных ушей.

У Тэдди как-то странно защемило сердце. Это не было ощущение приближающейся тяжелой работы или страх перед неизвестным. Тогда щемило по-другому... Что-то сейчас делает Джой?

Впрочем, может быть, это просто действие токайского. Тэдди предпочитал что-нибудь покрепче: виски, например, бодрило, а вот вина, даже сухие, делали тело тяжелым и сонным.

Может быть, выпить виски?

Стивен щелкнул выключателем. Экран погас.

– Собирайтесь, Тэдди. Скоро нам предстоит сделать маленький маршбросок в пространство, так сказать, пешим порядком.

Тэдди уже успел понять, что спрашивать Роуза о чем-либо бессмысленно, и молча ждал.

Но Роуз не торопился с объяснениями.

– А сейчас я предлагаю пропустить по стаканчику виски для бодрости духа, а также поднять второй за успех нашего предприятия.

Они выпили сначала для бодрости, потом за успех, а потом Роуз, что-то невнятно пробормотав, осушил две стопки подряд самостоятельно.

Глаза его заблестели и стали наливаясь кровью. Он выпил еще стопку и повернулся к Тэдди, который наблюдал за напарником без особого энтузиазма. Стивен прищурился, и в его затуманенном взгляде мелькнуло что-то похожее на злую радость.

– Бойтесь со мной лететь, Эдвард Стоун?

– Нет, отчего же? – ответил Тэдди почти искренне.

Роуз разочарованно сплюнул. Радость в глазах погасла.

– Я не люблю, когда меня не боятся. Меня это обижает. Вы должны меня бояться, потому что страх – это основа подчинения.

«Виски он хлещет, как бог, – подумал Тэдди. – Только вот мания величия – это уже ни к чему. Особенно в космосе».

Но когда Стивен потянулся за седьмой, Тэдди взял его за руку.

– Хватит, Роуз. Я не намерен тащить вас в трале. Не говоря уже о предложенной вами пешей прогулке через пространство.

Стивен был действительно пьян. Глаза остекленели, скулы заострились, на губах показалась пена. Он что-то невнятно бормотал и отбросил руку пилота. Потом с явным отвращением опрокинул стопку в рот.

Тэдди растерялся. Этого еще не хватало. Стивен трусит? Какого же черта тогда...

Стивен снова повернулся к Тэдди. Он был трезв, только глаза лихорадочно блестели.

«Эге, братец, – подумал Тэдди, – а ты ведь долго не протянешь. Если ты даже еще не алкоголик, то где-то очень близок к тому. Потому что это мгновенное опьянение после первой и неожиданная трезвость после седьмой стопки – типичный алкогольный синдром. Проще говоря, психоз. Ну да ладно, протрезвел, и то хорошо».

Двигатели «Нерона» внезапно смолкли, и Тэдди потянулся к экрану, чтобы включить обзор, но Роуз остановил его руку:

– Не надо. Я знаю, что происходит. Все идет как положено.

Он чуть приоткрыл дверь в коридор и стоял прислушиваясь. К обычному полупьяному гулу из кают примешались новые звуки: резкая ругань или команда, шум свалки, явственный окрик «Стой!», выстрел. По коридору кто-то бежал неровно, припадая к стенам, и вдруг рухнул, не добежав до двери. Где-то в глубине коридора громко постучали, а через секунду раздался истошный женский визг.

– Что случилось?

– Помалкивайте. Идемте за мной.

Снова один за другим два хлопка выстрелов, снова требовательный стук и женский вопль через секунду – теперь уже немного ближе.

– Все идет даже лучше, чем положено. Пошли.

В коридоре никого не было. Шагах в двух, загородив проход, лежал лицом вниз человек в парадной форме экипажа клипера. От него неровной дорожкой по полу тянулась красная полоска вглубь, к двери с надписью: «Только для звездного персонала». Стивен перешагнул через лежащего и, обернувшись, прикрикнул на Тэдди:

– Ну что вы устались на этот мешок? Покойников не видели? Скорей!

Они бегом миновали коридор. Дверь оказалась незапертой, и Стивен, пропустив Тэдди в рубку, плотно прикрыл ее за собой. Вся дежурная смена в одинаковых белых кителях с золотыми эмблемами «Нерона» стояла у стены с поднятыми руками.

«Пятеро, – мелькнуло у Тэдди. – Шестой в коридоре...»

У стены напротив стоял, ощерясь, приземистый тип с тяжелым лучеметом системы «колыг» на груди. Ажурный конус излучателя смотрел в грудь крайнему из экипажа.

При виде Роуза он сделал нечто вроде стойки «смирно» и вопросительно посмотрел на него запавшими бесцветными глазками.

– Оставь нас, двадцатый, – коротко бросил Стивен, разглядывая астронавтов.

Бандит нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Иди-иди. Там, в каютах, есть хорошенькие девочки. Как раз в твоём вкусе.

Когда бандит вышел, Роуз захлопнул за ним дверь и защелкнул задвижкой для верности.

– Опустите руки. Я хочу вам помочь. Только никаких вопросов. Кто радист?

– Радист – там, – кивнул один из астронавтов в сторону двери.

– Кто может передать сообщение?

– Я, пожалуй, но смотря что...

– Передавайте: «SOS. Всем, всем, всем. Туристский клипер «Нерон». На меня совершенно нападение. «Коршуны космоса». Мои координаты...»

Астронавт – судя по нашивкам, штурман – уже сидел на месте радиста и, включив общую передачу, повторял за Стивеном слова сообщения.

– Передали? И еще: «Корабль «коршунов» ушел в сторону Марса. Прошу организовать погоню».

– Разве они ушли?

– Еще нет. Но скоро уйдут. Для этого нам нужны скафандры – мне и ему.

– Скафандры здесь, – штурман кивнул на узкий люк с надписью «Только при аварии». – Мы можем вам чем-либо помочь?

– Пока только тем, что не будете поднимать шума, – ответил Стивен, с трудом пролезая в люк.

Скафандры нашлись быстро и по росту. Правда, для путешествий в пространстве они не предназначались – это были легкие, элементарные ремонтные комбинезоны с кислородными баллонами вместо регенераторов, а в гермошлемах не было ничего, кроме переговорного устройства. Но на худой конец и это могло пригодиться. Хуже было то, что вместо обычных двигателей на скафандрах болтались плазменные импульс-пистолеты.

– Так вот, – проворчал Стивен, – туалеты отделаны слоновой костью, а у экипажа скафандры середины двадцатого века. Блеск и нищета. Закон бизнеса. Grimасы жизни.

– Далеко нам? – спросил Тэдди, завинчивая гермошлем.

– Не знаю. Будем искать по пеленгу.

– Нас ждут?

– Если речь идет о тральщиках, то да. Лезьте в вакуум-камеру, я сейчас.

Он толкнул люк и хотел снова вернуться в рубку, но застрял из-за толстого скафандра и только просунул туда верхнюю часть туловища.

– Ну, как там? – спросил штурман.

– Отлично, – ответил Стивен и, неудобно ворочаясь, просунул в рубку раструб импульс-пистолета.

Белый язык пламени прошелся наискось по фигурам пяти застывших в разных позах астронавтов, по панели рации, перечеркнул пулыг управления и расслоил надвое ЭВМ координации автоматов. Оставшиеся автоматы работали теперь каждый кто во что горазд, и комфортабельный клипер закувыркался, как большое животное, лишенное вестибулярного аппарата.

Когда он влез в вакуум-камеру и включил реле выхода, Тэдди спросил:

– Что они там делают? Танцуют «глэни» на пулыге, что ли?

– Они скучают, – загадочно ответил Стивен и, как лихой «морж» в прорубь, нырнул, вытянув руки вперед, за борт. Тэдди последовал за ним.

Дик вынул из уха ракушку наушника, но на всякий случай оставил аппарат включенным на запись. В соседней каюте царит мертвое молчание, хотя, судя по всякого рода посторонним звукам, оба «клиента» в полном здравии и активно предаются нехитрым туристским утехам. Вот шумит душ. Вот звенят бутылки в баре. Вот застонал секс-джаз. Вот залопотала дикторша. А это, кажется, «Безумная ночь Нерона». Снова звякнули бутылки...

И все в загадочном молчании. Что за этим молчанием? Полное единство или полное недоверие? И кто он, этот молчаливый двойник Стоуна? Куда они летят, чего ждут? Кто их встретит и где?

Вопросов больше, чем надо. И ни одного ответа.

Стоун-2 называет Ральфа Стивенном. Что же, будем и мы называть его так. Потому что Ральф – это, в конце концов, тоже не настоящее имя.

Кличка. Сейчас их высочество имеют желание именовать себя Стивеном. Хорошо. Учтем.

Часы шли, а каюта молчала.

У Дика уже слипались глаза, когда раздался голос Стивена: «Собирайтесь, Тэдди...» Сон слетел мгновенно. Значит, все-таки Тэдди? Эдвард Стоун? И речь там, в машине, шла о нем? Тогда кто же погиб на автотрассе?

Дик прижал наушник плотнее: «Марш-бросок в пространство... Пешим порядком...» Что это значит?

Он вслушивался в короткие фразы до звона в ушах, пытаясь поймать ниточку, уловить ход чужой мысли. И потому не заметил, когда замолчали двигатели «Нерона», не слышал шума свалки и даже первого выстрела. Только истерический женский вопль отвлек его от аппарата.

Ему показалось, что по коридору прошуршали шаги, но в этом пока не было ничего тревожного. Кричать можно и с перепоя, а по коридору мог бродить кто угодно.

Два последующих выстрела заставили торопливо сложить аппарат, а новый женский вопль, теперь уже близкий, – вынуть браунинг. Теперь тишина таила угрозу.

Дик осторожно толкнул дверь в коридор, но она не поддавалась: что-то тяжелое снаружи мешало ей открыться. Стрикленд переждал очередной взрыв воплей – теперь уже где-то рядом – и с силой налег на дверь. Когда щель стала достаточно широкой, он боком выскользнул в коридор.

Под его дверью лежал человек в форме астронавта. Дик перевернул его на спину, пощупал пульс. Человек был мертв, и убит он был пулей.

– Эй ты, сопляк! Марш в каюту! И не вздумай закрываться.

На юношу смотрел ажурный конус лучевого колыга. Приземистый тип у дверей рубки управления недобро скалил крупные зубы.

– Оглох, что ли? Ну-ка, быстро к своей девочке! Сейчас мы повеселимся вместе...

Дик вернулся в каюту, оставив дверь приоткрытой, и прижался к стене. Сердце билось толчками, и шаги приближались нестерпимо медленно.

Бандит остановился у двери, и Стрикленд напрягся для броска. Но в коридоре, судя по топоту, появилось еще несколько человек. Это осложняло дело.

– Какого дьявола ты тут торчишь? Тебя куда поставили? А?

– Заткни фонтан, Сим. Меня отпустил Первый.

– Что ты мелешь, свиная башка? Откуда он здесь?

– Что ты орешь? Я знаю? Первый – везде, он все видит и слышит. Так что советовал бы тебе держать язык за зубами.

– Олух царя небесного... Где же он, Первый?

– В рубке, с каким-то фраером. Он сказал мне: «Иди, двадцатый, развлекись немного...» И я пошел.

– Ну смотри, двадцатый. Если ты развел мне турусы, дух из тебя вышибу.

– Полегче, Сим. Тебе вредно волноваться...

Кто-то взялся за дверь снаружи.

– Куда? Это моя каюта. Здесь меня ждет один симпатичный мальчик с девочкой. А вы дуйте в следующие.

– У этого поросенка одно на уме... Пошли, ребята.

Стукнула дверь соседней каюты, и очередная порция визгов возвестила, что бандиты приступили к работе.

– Ну где вы тут, сосуночки мои?

Бандит шагнул в каюту, прикрыв за собой дверь, и остановился, недоуменно оглядываясь. Все остальное произошло в какую-то долю секунды: Дик оттолкнулся от стены и, вложив в удар всю тяжесть падающего тела, ткнул бандита костяшками пальцев в спину под ребра. Тот переломился назад, и в это мгновение ладонь Дика молниеносно рубанула по багровой шее. Под ладонью что-то хрустнуло, и безвольная туша осела на пол.

Дик наклонился над телом и поморщился: кажется, опять погорячился. Похоже, что перебиты шейные позвонки. Сколько раз он давал себе зарок не употреблять этот прием. Но все получается как-то само собой, автоматически... Нет, кажется, дышит. Порядок.

Стрикленд связал бандита нейлоновым шнуром от сонетки и оттащил в угол. Теперь надо решать, что делать дальше.

Значит, Стивен задумал сделать «пересадку» не на Марсе, как предполагал Тесман, а в космосе. Что же, вполне логично: так, пожалуй, безопаснее и проще. Хотя, с другой стороны, сложнее удирать от неминуемой после налета погони. Что-то здесь не так.

Еще странность: почему бандиты не знали о том, что Стивен на «Нероне»? С другой стороны, сам Стивен знал о нападении – там, в машине, он сказал, что «Нерон» у бандитов «в плане». Причуды фюрера или что-то еще?

Пол под ногами качнуло назад, вперед, повело вбок.

В коридоре начался переполох. Бандиты попытались взломать бронированную дверь рубки, но безуспешно.

– Все к главному люку! – перекрывая гам, раздался знакомый голос, который говорил с двадцатым. – Эти свиньи заперлись в рубке и пытаются нас стряхнуть. Где этот гад, Паркер? Я всажу ему пулю между глаз за брехню. Он сбежал с поста, а мне залил ахинею про Первого! Где этот гнилой хряк?

– Брось ты его, Сим! Рви когти, пока цел. Сейчас сорвет переходной рукав!

Тяжелые шаги протопали мимо двери, и все стихло. Через минуту клипер резко качнуло и повело в сторону: это, очевидно, пиратский корабль оторвался от «Нерона».

«А ведь они могут дать на прощание залп», – пронеслось в голове у Стрикленда.

Экран обзора не работал. Главный свет мигал беспрестанно, потом погас совсем. В каюте и в коридоре тлели только желтые лампы аварийного освещения. Корабль теперь не трясло, но по неуловимым смещениям тяжести клипер болтало в пространстве без управления. Двигатели не работали.

Это было уже ни на что не похоже. Стивен и Тэдди заперлись в рубке с экипажем, и «пересадка» не состоялась. «Коршуны» удрали без них. Что же помешало Стивену? Может быть, экипажу удалось схватить их и обезоружить? Но почему тогда экипаж не подает признаков жизни?

Ждать больше бессмысленно. Придется снова нарушить инструкцию. Стрикленд снял паркеровский кольт и направился к рубке.

Дверь рубки была закрыта изнутри. Дик постучал, но никто не отозвался. Он отошел на несколько шагов и полоснул по двери из лучемета. Никакого эффекта. На броне остались только неглубокие бороздки.

Отличная броня, ничего не скажешь. Как в банковском сейфе.

Сейф! А если... Дик полез в карман: есть, нож на месте.

Дик прикоснулся лезвием к двери и нажал пальцем секретную кнопку. Лезвие вошло в сталь, как в хлебную корку. Все-таки изобретательный народ, эти бандиты. Живут в ногу со временем.

Тяжелая стальная пластина вывалилась из дверного проема с тяжелым колокольным звоном, и Дик, пригнувшись, пролез в рубку.

Невольный холодок пробежал по спине при виде искромсанных тел и развороченных приборов. Нет, это только экипаж. Тэдди нет среди них. Стивена тоже. Куда же они подевались? Не провалились же сквозь...

И вдруг Стрикленд изо всех сил стукнул себя кулаком по лбу. Черт подери! Дурак несчастный! Разиня...

Лейтенант рванул кольцо люка с надписью «Только при аварии» и кубарем ввалился в гермоотсек. Так оно и есть!

В стойках стояло четыре скафандра вместо шести.

* * *

– Очнитесь же, дядя Чарли, очнитесь! Перестаньте спать, слышите?

Солсбери открыл глаза и удивленно посмотрел на женщину.

– Что с вами, Джой? Я не сплю. Я просто думаю.

Джой смутилась. Судорожно сжатые у груди руки опустились.

– Извините, дядя Чарли, я подумала... Мне почему-то стало страшно.

– Ты решила, что старая развалина Солсбери, мягко говоря, дал дуба?

– Нет, но... Вы были очень бледны.

– Ну, ладно, ладно. Садись. Расскажи мне что-нибудь.

Джой села на свое любимое место – в большое надувное кресло недалеко от стола доктора. Она забралась в него с ногами, в уютное, мягкое, от которого пахло детством. Сколько раз она сидела здесь, в полумраке готического кабинета, и смотрела на суматошную фигуру в белом халате. Она знала уже тогда: чтобы достать интересную книжку с картинками с самой верхней полки стеллажа, достаточно нажать на белую полосу, ползущую снизу вверх по ребру стойки, стеллаж уйдет вниз, остановившись именно там, где нужно.

Но когда Солсбери работал, его почему-то не устраивала автоматика. В кабинете появилась нелепая и неустойчивая стремянка. Солсбери колдовал за своим столом, а Джой ждала. Это был настоящий праздник, когда дядя Чарли, ошалело выскочив из-за стола, с невероятной ловкостью забирался на самый верх своей стремянки. Он взлетал, как большая взъерошенная летучая мышь, которых она любила ловить вместе со своими товарищами вечерами в пещерах над океаном. Только у дяди Чарли были белые крылья – полы халата.

Когда Джой была уже взрослой, она спросила у доктора Солсбери, почему он пользуется своим опасным приспособлением, вместо того чтобы использовать нехитрую механизацию стеллажа. Она была тогда студенткой университета, без пяти минут биолог, исправно посещала все заседания клуба «Новое в новом» и была яростной противницей всего устарелого. И она так и не поняла, что хотел сказать смутившийся доктор:

– Ты знаешь, Джой, эта машина работает слишком медленно... Не хватает терпения...

Она поняла это только тогда, когда писала первую самостоятельную работу: что-то не клеилось, она злилась, ей немедленно, позарез нужен был справочник по радиоактивным мутациям, все внутри кипело, а эти треклятые полки ползли вниз с тупым равнодушием, и Джой сама не заметила, как взлетела по шаткой стремянке на опасную высоту, чтобы опередить этот невыносимый скрип...

– Что же ты молчишь, Джой?

Джой откинулась затылком на спинку, и кресло приняло ее голову, как большая мягкая ладонь.

– Не знаю... Звонил Рэчел и сказал, что нам осталось четыре часа на раздумья.

– Четыре часа?

– Да. Почему именно четыре, не знаю. Рэчел сказал, что это слова мистера Дуайта. И улыбнулся так, словно его щекочут под мышками.

– Непонятно... Неужели Тэдди вернулся? Ведь идут всего третьи сутки. По моим расчетам, они сейчас только подлетают к Юпитеру...

– Нет, дядя Чарли. Тэдди еще не вернулся... У них нет СД, я уверена. Но что-то случилось. Потому что Рэчел говорил о каких-то непредвиденных обстоятельствах.

– Какие могут быть еще обстоятельства?

– Рэчел сказал буквально так: «Мистер Дуайт глубоко сожалеет, но непредвиденные обстоятельства вынуждают его потребовать вашего окончательного решения немедленно. Срок – четыре часа. Я жду звонка».

– Остановись, мгновенье!..

– Что вы сказали?

– Ничего, Джой, это я так.

Солсбери уперся в лежащий на столе фолиант ладонями и пытливо взгляделся в лицо женщины:

– Ну и что ты собираешься ответить Дуайту, Джой?

– Я? Сто тысяч раз «нет». Люди живут не затем, чтобы сдаваться.

– Не затем, чтобы сдаваться... Ты права, девочка. Вся беда только в том, что тебя никто ни о чем не спросит.

– Почему?

– Я, кажется, знаю, почему именно четыре часа дал нам Дуайт. Вернее, я вижу... Необузданные фантазии параноиков удивительно однообразны и примитивны.

– Я не понимаю, дядя Чарли... Ой!

В кабинете погас свет. Все реальные предметы мгновенно канули в темноту, и среди растерянности и испуга возникло то острое чувство, которое бывает у человека, сидящего в чернильной тропической ночи у кромки океанского прибоя, а красное лезвие месяца угрожающе медленно выдвигается из пучины...

Джой поняла причину нарастающего тревожного свечения: в темном кабинете разгоралось оживленное неведомой силой люминесцентное панно.

Словно в бредовом сне, сдвинулись раскаленные цветные плитки мозаики, и мгновенно изменилась ее суть. Фауст на мозаике поник и сжался, засветился бледно-серым. Как трагедийная маска античного театра, страхом и мольбой исказилось его лицо. Фигура Мефистофеля наливалась багровыми, рубиновыми, алыми, малиновыми тонами – вплоть до засасывающей, топкой глубины краплака, – и оттенки красного побеждали другие цвета.

Было страшно, когда стилизованное, поделенное на плоскости лицо Мефистофеля дернулось, как деталь механизма, давно не бывшего в употреблении, и со стеклянным звоном заострилось в издевательской улыбке.

Он поднял руку и указал негнуцимся пальцем на цифру 4, проступившую в осязаемой объемности фаустовой кельи.

Мозаика замерла, и вспыхнул свет.

– Представление окончено, – скорбно усмехнувшись, констатировал Солсбери. Он потер уставшие от напряжения глаза.

Джой перевела дух.

– Дядя Чарли... Что это такое?

– Видишь, девочка, это почти сказка, которая, как все сказки, начинается со слов «Жил да был...». Так вот, жил да был злой человек, одуревший от своих миллиардов, плохо ему было – не спал он и не ел, все думал, куда свои миллиарды деть. Все ему наскучило, даже игра в крестики-нолики, потому что она напоминала ему скучную игру «президент – преступник». И вот однажды, на беду всем, он прочитал «Тысячу и одну ночь». Завидно ему стало. Задумал он сказочных султанов и злодеев переплюнуть. Взял и построил Биоцентр, который должен был затмить все чудеса Шехеразеды... И, по-моему, затмил.

– Вы говорите о Смите-старшем?

– О ком же еще, Джой? – устало выговорил Солсбери. – Мистер Дуайт только повторяет своего не в меру одаренного папашу. «Придет час, если кто-то захочет остановить часы, движущие мир моей волей, и мертвый камень снова превратится в мертвый, и мертвый Фауст снова будет мертвым, а Мефистофель улыбнется – и это будет час смерти для тех, кто виновен...»

– Ничего не понимаю...

– Я тоже ничего не понимал, потому что за этой фразой стояло: «См. сноску...» А дальше номер тома и страница из архивов научных трудов дипломированных «мессий», которые работали на этой бактериологической фабрике. Я человек дотошный и нашел эту сноску. Там было описание весьма оригинальной культуры бактерии, которая после активизации убивает все в течение девятнадцати секунд, а через три минуты после этого превращается в безобидную бациллу коклюша. В результате автономной мутации. Время активизации культуры – четыре часа...

– И вы знали...

– Нет, дорогая. Я ничего не знал. Я не придавал этому значения, потому что никогда не думал, что могу стать кому-то поперек дороги. Просто пару минут назад я смотрел на мозаику, и совершенно неожиданно мне пришла в голову мысль... Что абракадабра Смита-старшего не только бред литературный... Бывает такое. Озарение.

– Значит, вся эта мульткомедия...

– Если разобраться, все довольно просто. Элементарная система ликвидации. Кто-то нажимает кнопку, культура бактерий впрыскивает-

ся в зону «Т», убивает все живое, и никаких следов. Потому что бактерии коклюша... Кто на них обратит внимание? Все шито-крыто, как говорят.

– Вы думаете, что система ликвидации запущена?

– Да, кто-то нажал кнопку. Может быть, тот же Рэчел. Ну а теперь...

Солсбери встал из-за стола упруго и молодо, и у Джой мелькнула мысль, что с доктором что-то вроде нервного стресса. Очень уж не ко времени была эта озорная улыбка. Дни последних потрясений состарили его, и Джой привыкла видеть доктора задумчивым и сонным. А сейчас он был таким, как после приема препарата СД, – собранным и заразительно энергичным.

– А теперь, Джой, я открою последнюю нашу карту. Что греха таить, я до последней минуты надеялся, что угроза Дуайта – просто попытка запугать, сбить с толку. Но система ликвидации включена, и моя последняя иллюзия бита. Покорно ждать смерти – не в моем вкусе. Ты хорошо сказала, Джой: «Человек живет не затем, чтобы сдаваться...» Есть еще один выход, Джой. Выход из зоны «Т», о котором не знал мистер Смит-старший, так как при нем выхода не было, и тем более не знает мистер Смит-младший.

– Это... правда? Дядя Чарли, милый!..

– Правда, девочка. Только...

Улыбка сошла с лица доктора, он смотрел теперь на Джой с грустной нежностью.

– Только не слишком радуйся, девочка. У нас с тобой один шанс из миллиона. Поэтому я молчал все время, прости. Я ждал, когда у подлеца проснется совесть. Я не верил, что люди могут быть такими. Может быть, потому, что слишком часто имел дело с животными. Впрочем, это к слову... Мужайся, девочка. Не стану обманывать – это дорога через смерть. Для того чтобы добраться до выхода, надо пройти через наш космический виарий...

Холодок пробежал по коже. Перед глазами Джой замелькали омерзительные извивы хрустальных пиявок, многометровые липкие спирали десятиголовых червей, чмокающая слякоть живой протоплазмы Венеры. И уже нестерпимо живо представлялась жуткая темнота, легкий шелест, громовой взрыв, и невидимая восьмидесятитонная глыба магнитной черепахи в смертельном броске, и прожекторный удар вспыхнувшего желтого глаза, серебристые щупальца на безвольно обвисшем человеческом теле...

– Биоскафандры, к сожалению, плохая защита. Придется пробиваться боем. Один шанс из миллиона. Но иного выхода нет. Как, Джой?

– Я жена астронавта, дядя Чарли.

Солсбери опустил глаза и подозрительно долго возился с бумагами. Он пробормотал хриловато:

– Значит, решено... Я сейчас... Мало ли что... Я напишу несколько строк. О нас с вами, об СД, о Тэдди. И о Смитах. Еще четыре часа. Мы должны успеть...

* * *

Это был самый дерзкий и странный налет из всех, который знал когда-то уголовный мир. Пятеро неизвестных сумели прорваться сквозь железное кольцо самой надежной охраны и проникнуть в Биоцентр. Их не интересовали деньги, судя по всему, потому что они не тронули никаких ценностей, хотя имели возможность. Они пробирались в святая святых Биоцентра, в его подземные лабиринты, и сумели найти сверхсекретное в секретном – блок лабораторий под кодовым названием «зона «Т». Они пробили десятидюймовую броню входных дверей и, рискуя жизнью, по лифтовым стволам добрались до кабинета Солсбери. Они не искали документов, потому что все сейфы оказались нетронутыми. Тем не менее они обшарили каждое помещение блока – а в блоке было, включая подсобные, двадцать пять секторов. Ничего не взяв, они вернулись в кабинет.

– Посмотрите, здесь какие-то записки, – сказал один из них главному – высокому светловолосому парню в синем реглане. – Вернее, целое послание...

Днем позже сотрудник особой службы МСК лейтенант Дик Стрикленд получил строгий выговор за превышение полномочий.

Международный орден «Лавровая ветвь» он получил гораздо позднее.

* * *

Тэдди чувствовал себя скверно.

Одной из причин его плохого настроения был напарник. Всего три дня провели они вместе – если этим словом можно определить единство двух космолетов, идущих на расстоянии в полтысячи миль друг от друга, и если единственным средством общения между пилотами, затерянными в звездной пустыне, служит экран видеофона.

Но эти три дня оказались тяжелым испытанием. Стивен внешне оставался спокойным. Но мелкие детали: неожиданно выключенный видеофон, многозначительное молчание в ответ на элементарный вопрос, а следом неумная и неуместная болтовня по поводу и без повода, инстинктивно дернувшаяся к лазерному блоку рука, когда на локаторах появилось белое пятнышко (какой-то запутавшийся астероид, как потом оказалось), – все это настораживало и отнюдь не располагало к доверию.

Впрочем, с этим еще можно было мириться. Психологическая несовместимость, о которой говорили с иронической улыбкой лет сто назад и возвели в ранг абсолютного принципа через полвека, теперь стала ре-

альной, но отнюдь не всесильной деталью повседневности. С нею можно было бороться, ее можно было не замечать. По крайней мере, стараться не замечать.

Но Стоуна с настойчивостью маниакальной идеи преследовал еще один вопрос, который никак не удавалось пока выразить словами. Какая-то неясная тревога возникала неотступно, когда он смотрел на растущий впереди щит Юпитера, но стоило только попробовать понять причину тревоги, как пугливая мысль с легким всплеском уходила.

Какой-то странной связью эта мысль была соединена с самыми разными отсеками памяти: фонтан Синего Дыма, лицо Солсбери, тральщик Свэна, прощальные губы Джой – «Поцелуй меня!», треугольник вращающихся гловэлл, на хвостах которых росла металлоподобная шишка, шрам на подбородке Стивена, красные огоньки звездных могил на карте дядюшки Клауса, своя собственная рука, без участия сознания выравнивающая планетолет, черная жуть пылевой завесы внутри «дикого» плашкоута и черное солнце свернутого притяжением Юпитера пространства, которое бы могло в одно мгновение соединить всю эту канитель в четкую прямую. Что-то вылетевшее из памяти, но которое вот здесь, рядом, стоит протянуть руку, и долгожданное ЭТО будет на расстоянии микрона от пальцев...

Но кроме тревожных предчувствий у него была теперь щемящая радость, словно большой оранжевый апельсин, нагретый ладонями. Он смотрел искоса на апельсин, когда говорил со Стивеном, он любовался плотными покатыми боками, когда оставался наедине с собой, он ощущал терпкий аромат кожуры, когда ночи и дни, сны и бодрствование сливались в одно бесконечное ожерелье из черных камней, усыпанных блестками...

Он тосковал о Земле, и это было радостью, неведомой до сих пор.

Стивен не любил смотреть в глаза и говорил, повернувшись или в профиль, или в три четверти. Он поворачивался анфас только тогда, когда слушал, и тогда в его глазах угадывались какие-то бесформенные скользкие тени: почему-то казалось, что на тебя смотрит человек, глубоко растерянный и очень боящийся, что кто-то все поймет.

Они уже вошли в ту зону, где начинаются «Папашины шутки», и Юпитер начал выворачиваться наизнанку, обволакивал их со всех сторон мерцающей слизью атмосферного «одеяла», размалеванного бурями полосами, и на этом беловатом фоне все шире и шире расплывался кровоподтек Красного Пятна, когда Стивен впервые за весь полет – а потому неожиданно – спросил:

– Вы освоились с машиной?

– Кажется, да. Вам не кажется, что вопрос... м-м-м... несколько запоздал?

– Ведь это не тральщик.

– Я об этом и говорю. Мне кажется, об этом надо было сказать сначала. Ну а сейчас... сейчас я уже освоился. Совершенно самостоятельно. Надеюсь, у вас нет претензий к тому, как я вел космолет в течение трех суток?

– Это не тральщик, – невозмутимо продолжал Стивен в своей обычной манере, не отвечая собеседнику. – Это военный корабль.

– То есть бывший военный корабль? Я понял. Я тренировался на таких в юности.

– Это военный корабль. И хорошо, что вы знаете его марку. Мне не придется в таком случае объяснять назначение вон той полосатой – белое с синим! Да, вот эта! – полосатой рукояти, за которую вы сейчас взялись.

– Когда-то этой рукояткой можно было запустить боевую торпеду.

– Советую не экспериментировать. У вас две торпеды. Две – на всякий случай, если первая не даст эффекта.

– В каком смысле?

Стивен вдруг вспыхнул:

– Вы что дурачка разыгрываете? Я вам говорю: вы будете бомбардировать Красное Пятно. Вы повторите маневр Свэна и пустите торпеду. Какого лешего вы придуриваетесь?

Маневр Свэна... Ловко сказано: маневр. Это когда Свэн, спасая его, Тэдди, от возможного совместного взрыва, бросил тральщик вниз, в красные тучи, ради того, чтобы остался жить товарищ... Маневр... Вот как.

Их корабли висели над знакомым кровавым океаном, и так же, как тогда, в непримиримой схватке сталкивались багровые валы внизу, и бледнело небо, и отливали охрой дрожащие полосы облаков, и черный шар пространства – мертвое солнце мертвого мира – парил над ними.

Тэдди покосился на сферическую схему координат, по которой ползли две белые мухи – их корабли. Он угадал точно: какая-то пространственная сверхпамять сразу привела его именно туда, куда надо. Это то самое место, где они со Свэном увидели небывалое – «яичко», родившееся из «танца» трех гловэлл.

Оно опускалось, поблескивая гранями, медленно, как первая снежинка в осенний день, все ниже и ниже, и Свэн тогда, не выдержав, бросил свой дряхлый тральщик вниз...

– Это здесь, – сипло сказал Тэдди. – Вот здесь...

И замолчал на полуслове. Среди кипящих огненных столбов, среди этой непрерывной, длящейся вечно катастрофы, невероятный и нереальный, как серебряная паутина в аду термоядерного взрыва, выползал, дрожа и колеблясь, тонкий искрящийся росток.

Наверное, нужно было увидеть эту хрупкую беззащитность и робкое упорство в мире колоссальных форм и чудовищных масс, это мимолет-

ное знамение жизни там, где по всем законам не может и не должно существовать что-то живое, но неясная тревога, мучающая пилота, стала вдруг мыслью, и прозвучал из красной паутины голос Свэна – последние слова, оборванные взрывом:

– Ого! Тэдди, а здесь полно...

И со скоростью лавины, внезапно сорвавшейся с кручи, понеслись, цепляясь одна за одну, догадки, намеки, предположения, оброненные случайно слова, прочитанные строчки, и случайное становилось закономерным, разрозненное превращалось в общее, и нарастающий грохот разгадки заглушил все остальное.

Солсбери попросил спектрограмму яйца... Синий Дым... Фонтан из красного океана... «Танец тройной спирали»... Яйцо, падающее в океан... И этот ползущий из красных туч росток...

А ведь за теми тремя гловэллами, плывущими над океаном, тянулись хвосты Синего Дыма – да, Синего Дыма! – и эти хвосты, сплетаясь, затвердевали в яйцо. И яйцо падало в красные волны. А теперь из этих волн ползет росток. Инкубатор, заповедник, аквариум, виварий – все, что угодно, но там зреют яйца гловэлл! И пускать торпеду – все равно что бросить бомбу в пруд, полный мальков. Или взорвать инкубатор, чтобы приготовить яичницу. Синий Дым надо добывать по-другому. Его дают гловэллы... Как пчелы мед. Надо только научиться...

– Стивен, я не буду бомбить Красное Пятно.

– То есть?

– Мы ошиблись. Все ошиблись. Даже доктор Солсбери. Красное Пятно бомбить нельзя. Я вам сейчас все объясню.

Тэдди объяснял долго и тщательно, пугаясь, снова возвращаясь к сказанному, – ему надо было доказать этому непонятному человеку невозможность бомбежки, чтобы не было обидно за прошедший впустую нелегкий рейс, и Тэдди старался изо всех сил убедить, заставить Стивена возвратиться.

Стивен слушал с холодным любопытством, не перебивая.

– Довольно. Я вас понял. Не считайте меня идиотом. Я окончил в свое время Чикагский университет и разбираюсь немного в научных проблемах. Я все понял: Красное Пятно – это заповедник яиц...

– Или семян гловэллы. А заповедники трогать нельзя.

Стивен был невозмутим. Его рука лежала на контроллере лазерной пушки.

– Пускайте торпеду. Или я отправлю вас к праотцам раньше времени. Стивен не шутил, и Тэдди понял это без дополнительных пояснений.

– Нет, Роуз. Я не буду стрелять.

– Во-первых, я не Роуз. У вас очень плохая зрительная память, мистер Стоун. Перед вами, как перед потенциальным покойником, мне скры-

ваться нечего. Я напомним вам, где вы могли меня видеть. Вернее, не меня, а мою фотографию. Вспомните газеты. Раздел – «Интерпол разыскивает». Телевидение – с тем же текстом. Афиши на домах – фас и профиль. Вспомнили? Нет? Напрасно. Я не люблю, когда меня забывают. Короче говоря, я – Питер Нидерхольм, или Белый Ральф, как зовут меня в народе.

– Белый Ральф... Хорошие друзья у Смитов, однако.

– Кончайте трепаться. Пускайте торпеду. Это облегчит вашу судьбу.

– Вы хотите сказать, что оставите меня в живых?

– Подумаю. Вполне возможно. Мне нужны пилоты. Я хорошо плачу.

Корабль Тэдди висел сбоку и чуть ниже корабля Ральфа. Надо было развернуть космолет носом к противнику и поймать его в перекрестие прицела. Но сделать это так, чтобы Ральф ничего не заметил раньше времени. Его лазерная пушка смотрит прямо в главный визир.

Тэдди подался к экрану, подперев подбородок рукой, поправив верхнее крепежное кольцо скафандра – блестящий титановый ошейник, – и приготовился к долгому разговору.

– Слушайте, Стивен... то есть Ральф, вы отлично водите космолет. Это что у вас, хобби?

– Не совсем, дорогой Стоун. Я в молодости был военным летчиком.

– А как же Чикагский университет?

– Одно другому не мешает. Но не заговаривайте мне зубы. Пускайте торпеду! Я приготовил аппарат, чтобы запечатлеть ваш номер.

– Можете не беспокоиться. Спектакль отменяется. Герои устали. Торпеды не будет.

– А вы представляете себе финал?

– У меня есть подозрение, что финал будет одинаковым во всех случаях. Если Смитам было угодно послать меня в паре с Ральфом, то не надо быть провидцем, чтобы разгадать их намерения.

Это было очень трудно – разворачивать корабль, не глядя на приборы, и пальцы пилота, небрежно брошенные на пульт, онемели от напряжения. Он поворачивал огромную машину, способную сожрать сто тысяч миль в минуту, медленно, предельно медленно, интуитивно чувствуя каждый отвоеванный у пространства сантиметр.

– Вы догадливы, Тэдди. И храбры. Я тоже не люблю сантиментов. А потому иногда со спокойной совестью нарушаю обязательства. Вы мне нравитесь. Поэтому у вас есть шанс.

– Сомневаюсь. Если он даже и есть, то совсем не тот, о котором вы думаете...

Его выдал неосторожный взгляд – глаза непроизвольно скользнули на панель прицела. Белое пятно было точно в скрещении черных паутинок, и в следующую долю мгновения они уже смотрели в глаза друг другу –

два вооруженных врага, готовых к поединку, но Ральф среагировал быстрее, и, пока рука Тэдди прошла длинный путь от ручки управления к полосатой – синее с белым! – рукоятке, по глазам ударил пылающий жгут, и сначала стало черно, а потом нестерпимо больно, и Тэдди рванул рукоятку, крича от боли, и ушедшая торпеда толкнула космолет набок.

Он ничего не видел, а только почувствовал пляску красных огней на приборной доске и догадался, что лазер Ральфа пробил бак, что до взрыва корабля остались считанные секунды, и, закусив губу, ни на что не надеясь, нащупал у сиденья рычажок катапульти.

Последнее, что мелькнуло перед его глазами, – большая пестрая бабочка на влажном цветке белой магнолии и тонкие смуглые пальцы, коснувшиеся сомкнутых крыльев. Бабочка дрогнула, встрепенулась, крылья слились в радужную вспышку, и среди ночи наступила ночь.

Он не очнулся даже тогда, когда прозрачную капсулу, в которой лежал он, как в сгустке янтаря, через восемнадцать часов бережно приняли трапы спецпатруля МСК.

* * *

– Как он погиб?

– Не знаю, дядя Клаус... прости, отец, но я... Я никак не привыкну...

– Не смущайся, дочка. Я понимаю. Мне тоже нелегко было называть тебя мисс Джой.

Было раннее светлое утро, розовое, как на рекламных открытках. Оконные стекла в баре, матовые от росы, вобрали в себя зарю и медленными широкими мазками раскрашивали стены в цвет огня. Клаус смотрел на кружку, и в синевато-розовой пене ему мерещились облака.

– Я не знаю, отец. Все произошло так стремительно... Дядя Чарли поднял ружье, но не выстрелил...

– Почему? Почему он не выстрелил?

– Разве он ответит теперь? Я могу только догадываться. Солсбери без конца твердил, что магнитная черепаха в его виварии – последний экземпляр венерианской фауны.

– Ты думаешь, что из-за этой гадины...

– Не знаю. Я очнулась уже в бункере.

– А Синий Дым?

Джой катала из хлебных крошек шарики – один, три, пять, десять – и складывала их вокруг кружки дядюшки Клауса.

– Синий Дым восстанавливает тело по чертежам, заложенным в организме. Но ему нужен строительный материал. После магнитной черепахи в том, что было доктором Солсбери, не осталось ни одной молекулы железа...

За розовыми стеклами громко загудело. Клаус отставил кружку, сломав ограждение Джой.

– Это Дик. Он сдержал слово... Не волнуй Тэдди. Ему и так досталось. Ты его любишь, дочка?

– Да, папа.

– Хорошо. Врачи говорят, что ему осталось лежать не больше месяца, а потом... Ты правда любишь его, Джой?

– Да, папа.

– Ты отвечаешь, как Лили... Впрочем, долой старое, пусть будет новое... Однако Дик ждет тебя.

Они вышли в это розовое утро, в это теплое молоко тумана, когда земля, еще не привыкшая к металлу и пластику, дарит людям свою свежесть, – и даже разрисованный «ягуар» Дика, омытый росой, выглядел сейчас почти прилично, и Дик сказал:

– Прошу, мисс Джой. Эдвард Стоун очень хочет вас видеть.

Дядюшка Клаус остался один. Он что-то бормотал, возвратясь за стойку, и плечи его колыхались, как крылья подбитой птицы.

Потом он подошел к диораме.

Он долго возился с проводами, а когда кончил, на зеленом шарике Земли загорелся красный огонек.

– Это по тебе, Чарли. Ты тоже был астронавтом.

1970

Содержание

Бремя равных	13
1. Берег	14
2. Разведчик.	22
3. Запретные сны.	32
4. Зеркала	40
5. Бог Семен.	51
6. Прерванная прелюдия	66
7. Мальчишки	77
8. Пента-сеанс	87
9. Храм поющих звезд	99
10. Зеленая дверь.	111
11. Перекресток	119
12. Вечный совет.	129
13. Двое сквозь все	140
Силайское яблоко	149
1. Вступление	150
2. Загадка Свиры	155
3. Дрейф у Стального Кокона.	162
4. Дрома.	177
5. Легенда о тайне	192
6. Суд.	209
7. Эпилог.	232
Синий Дым	235
1. Кафе погибших	236
2. «Коршуны космоса»	248
3. Удар с правой.	263
4. Красное Пятно.	285
5. По ту сторону света	307
6. Лезвие ножа	329
7. Поединок.	349

В. А. Назаров

Время равных. Силайское яблоко. Синий Дым
Научно-фантастические повести

Художник Евгения Аблязова
Корректор Елена Уварова
Верстка: Сергей Лебедев

Подписано в печать 28.07.2016 г.
Формат 74x100/12. Объем 43,38 усл. п. л.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1150 экз. Заказ № 258.

Изготовлено в ООО ИД «Класс Плюс»:
г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 65, строение 23;
info@kass24.ru